Герман
Казак

XX
век
The BEST

Город за рекой

[роман]

Город за рекой
Герман Казак

Аннотация
Герман Казак. Город за рекой
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
XX

Аннотация

«Город за рекой» – книга, которая наравне с произведениями колоссов немецкой литературы Кафки и Юнгера встала в один ряд с классической антиутопией «1984» Оруэлла.

Загадочный и мрачный город без названия. В нем тоталитаризм доведен до абсолюта, контролю подвержены не только поступки и слова, но и мысли жителей.

Однажды сюда попадает ученый-лингвист Роберт Линдхоф, которому в качестве городского архивариуса предстоит заниматься вопросами бессмертия произведений литературы. Здесь он встречает и старых знакомых, и свою прежнюю любовь и лишь тогда начинает понимать, что попал в город мертвых. И нет выхода из этой безнадежности…

Герман Казак
Город за рекой

Hermann Kasack
DIE STADT HINTER DEM STROM
© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1996
© Перевод. Н. Федорова, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023
Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина

* * *

I

Когда поезд сбавил скорость и медленно выехал на большой мост через реку, расположенный прямо перед конечной станцией, Роберт подошел к окну купе и еще раз бросил взгляд на оставленный позади берег. Наконец-то он у цели! Облегченно вздохнув, он глянул в глубину, на русло реки, которая была пограничьем. По обе стороны у воды тянулись широкие полосы пересохшей заиленной гальки — ведь лето наступило раньше срока. Надо всем этим витал зыбкий сумеречный свет раннего утра.

Ночь Роберт провел на грани сна и яви, отчего дорога показалась ему еще более долгой. Меж тем как поезд подъезжал к перрону сравнительно небольшого вокзала, он в который раз за время поездки удостоверился, на месте ли письмо от городской управы, пригласившей его сюда. Чтобы письмо было под рукой, он сунул его в карман с бумажником, потом взял чемодан и вышел из вагона. Вместе с многочисленными попутчиками он по туннелю добрался до таможенного барьера, где приземистый чиновник с хмурым безразли-

чием проверял документы. Содержимому багажа, состоявшему из предметов, необходимых для ночлега и короткого пребывания, он уделял лишь беглое внимание. Но затем насторожился. Роберт предъявил письмо из Префектуры. Воскликнув: «Проходите!», — дежурный широким жестом пропустил Роберта.

Роберт был здесь чужаком, и никто его не встречал. Он заранее выяснил, что вокзал расположен на изрядном расстоянии от центра города, и, выйдя из туннеля, с радостью увидал на площади трамвай, на который в этот ранний час вовсе не рассчитывал. На вопрос, идет ли трамвай в город — ведь ему надо в Префектуру, пояснил он, — кондуктор сказал: «Заходите». Насколько позволял разглядеть неверный свет, в вагоне сидели скромно одетые люди. Женщины в светлых платках, завязанных под подбородком. На коленях и они, и мужчины держали плетеные корзинки с дорожной снедью, прикрытые полотняной салфеткой. Роберт купил билет и устроился на свободном месте в середине вагона.

Словно только его и ждал, трамвай после короткого звонка тронулся. Скоро они обогнали пассажиров, что приехали тем же поездом и теперь, разбившись на группки, пешком шагали по

мостовой в сторону города. Поскольку оконные стекла в вагоне были закрашены голубовато-зеленой краской, четкостью картина похвастать не могла. И в окрестностях, где как будто бы уже появились отдельные дома, угадывались всего-навсего их смутные очертания.

Монотонное урчание электромотора укачивало пассажиров, которые и без того провели утомительную ночь в дороге. Головы опускались на грудь, тела покачивались, а на остановках рывком выпрямлялись. Роберт тоже слегка задремал. Только когда большинство попутчиков, знавших, куда им надо, уже успели сойти на своих остановках и из вагона выходили самые последние, его охватило легкое беспокойство. Тщетно он смотрел в окна, погружавшие все и вся в зачарованную синеву. Ни улиц, ни регулярных комплексов построек — ничто вообще не говорило о близости города. Он поискал взглядом кондуктора, но не обнаружил и его. Не знал, что кондуктор и вагоновожатый — одно и то же лицо, и вообразил, что отдан на произвол слепой механики непрестанной езды, которой, казалось, не будет конца. Хотя всего через несколько минут трамвай снова остановился, он утратил чувство времени. И только услышав, как от передней

площадки удаляются грузные шаги, встал и тоже вышел.

Судя по всему, здесь трамвайный маршрут заканчивался, рельсы, правда, тянулись немного дальше. Роберт находился на окраине довольно большого города, и ему хотелось узнать, где можно найти пристанище или хотя бы оставить вещи. Однако вагоновожатый, которого он надеялся спросить об этом, исчез, точно сквозь землю провалился. Тусклый свет раннего утра по-прежнему окутывал пыльной серостью дома, заборы, уличные мостовые. В этот час народ еще из дому не выходил, так что вскоре Роберт в нерешительности остановился на овальной площади, от которой ответвлялось несколько улиц. Посередине стоял фонтан, вода которого играла тусклыми бликами. Лепная фигура направляла струю из узкогорлого сосуда в боковую часть бассейна. «Питьевая вода» — гласила маленькая деревянная табличка.

Роберт прислонился спиной к широкому краю каменной чаши и достал письмо городской Префектуры, предлагавшей ему занять особую должность в администрации. Перечитывая скупые строчки, он при всей любезности, в какой было выдержано письмо, вновь отметил и ре-

шительность тона, в котором сквозило что-то едва ли не приказное. Какого рода задача ему предстоит, сказано не было. Ну что ж, в первые утренние часы он явится в Префектуру и выяснит подробности.

Чтобы немного освоиться, Роберт глянул по сторонам и обнаружил кое-что весьма странное. От домов на окрестных улицах уцелели только фасады, так что сквозь ряды пустых окон виднелось небо. С удивлением он шагнул ближе и сообразил, что почти всюду за голыми наружными стенами зияет пустота. Однако испуг от увиденного потихоньку отступил; немногочисленные постройки с неповрежденной кровлей выглядели уже просто чужеродными, не имеющими отношения к руинному облику городского пейзажа.

Тут к фонтану торопливо подошли несколько молодых женщин и девушек и по очереди принялись наполнять свои кувшины, ставя их на железную решетку под струю воды. Глаза их при этом смотрели куда-то вдаль, словно за пределы города, а лица румянились от все более яркого света утренней зари. Платья на них были разных фасонов, однотонные, насыщенных цветов. Роберта не оставляло ощущение, будто он уже встречал кое-кого из них, хотя в точности вспом-

нить не мог. Поэтому он ничуть не удивился, когда одна отставила полные кувшины, чтобы они не мешали другим девушкам, и подошла к нему. Казалось, ее заинтересовал чемодан, стоявший у его ног, ведь она указала на него, а потом вытянутой рукой махнула на дверь дома напротив. Роберт медлил, и тогда она раз-другой быстро хлопнула в ладоши, подхватила кувшины и кивком велела ему идти за нею, словно надо было торопиться.

Этот жест напомнил ему молодую женщину, которая некогда роковым образом вмешалась в его жизнь. Девушка уже отвернулась, и он лишь вопросительно посмотрел на остальных, а те, продолжая набирать воду, вскользь ему кивнули. Роберт подхватил чемодан и поспешил за девушкой. Походка ее тоже казалась чем-то знакомой: она шла впереди, как бы слегка подчеркивая широкий шаг, и вес кувшинов словно ничуть ее не тяготил. Подойдя к мертвому фасаду, она вошла не в дверь, а в небольшой соседний проем, который он заметил только сейчас. Аккуратно проделанный, проем вел к каменной лестнице, выходящей внизу в подземный коридор.

По обе стороны тянулись низкие подвальные помещения, куда сверху, через шахту, порой

проникал свет. Поскольку двери стояли настежь, а зачастую вообще отсутствовали, Роберт мог мимоходом заглянуть внутрь. По всей видимости, там обитало множество людей. В конце концов провожатая подвела его к довольно глубокой нише, где громоздились ящики, мешки и чемоданы. Знаком она велела ему оставить здесь багаж, а самому пройти в помещение напротив. Лишь когда она хотела продолжить свой путь через подземные коридоры, он крикнул ей вслед:

— И где же я снова найду тебя?

Она остановилась, поставила один из кувшинов на пол. Оглянулась, приложив палец к губам, и многозначительно повторила этот жест еще раз. Свет, однако, был слишком тусклый, чтобы убедиться, Анна это или незнакомка, лишь похожая на нее. Он был один.

Помещение, где очутился Роберт, напоминало старинную монастырскую трапезную. Беленые стены, с потолочного свода свисают на железных цепях допотопные лампы, распространяющие неестественно желтый свет. За длинными деревянными столами сидели группы пожилых мужчин и женщин. Жестяными ложками они черпали из простых металлических мисок горячую жидкость и весьма поспешно несли ко рту. В

воздухе висел густой пар — мало что разглядишь, слышался только прерывистый дребезжащий звук, возникавший оттого, что ложки задевали за края мисок или скребли по дну. Содержимое мисок, казалось, не убывало, равно как и голод едоков. Так или иначе, лица их непрерывно двигались, жуя и смакуя. Судя по одежде, здесь были представлены разные слои населения, хотя большинство явно постаралось принарядиться. Невыразительностью манер они походили на манекены, вырезанные из каталога фирмы готового платья, разве что в натуральную величину. Большинство было прямо-таки обвешано украшениями — ожерельями, брошами и галстучными булавками, перстнями и браслетами. От постоянных покачиваний едоков золото и серебро взблескивали, искрились брильянты и драгоценные камни, будь то подлинные или фальшивые. Многие сидели в шляпах и пальто, как бы готовые в любую минуту отправиться в дорогу. Роберт пробирался среди скамей, высматривая свободное место, — ведь его, наверно, послали сюда перекусить, — как вдруг его окликнули по имени и схватили сзади за плечо.

— Роберт? Как ты сюда попал? — В голосе окликнувшего звучали радость и удивление.

Обернувшись, Роберт увидел своего отца и аж побледнел, но старик не дал ему рта раскрыть, продолжал говорить со словоохотливостью человека, который давно не имел случая высказаться перед слушателями.

— Как замечательно повидать тебя, — тараторил он. — Ты что-то бледный, Роберт, по-прежнему дымишь как паровоз? А я здесь совсем бросил. Как до́ма? Жена и дети здоровы? Ты доволен, сынок, ну, то есть душевно тоже удовлетворен? Я всегда делаю для тебя все, что могу, ты же знаешь. Жаль, ты не стал юристом, а то бы давно мог возглавить мою адвокатскую практику, дело-то превосходное. Однако тебя тянуло к древностям. Вот мне и пришлось тогда взять Фельбера, знаю-знаю, ты его ни в грош не ставишь, но согласись, у Фельбера есть свои плюсы. Как я уже сказал, мы ведь поладили, верно? Работе конца-краю нет, вздохнуть некогда. Кстати, не хочешь с нами позавтракать? Пойдем сядем, места здесь на всех хватит.

Роберт уже не раз тер пальцами глаза под очками. Без сомнения, он слышал голос отца, а вот лицо лишь медленно, исподволь приходило в соответствие с давним представлением. Мотнув головой, он еще больше подался вперед, будто

таким манером мог избавиться от наваждения — ведь необъяснимое происшествие казалось ему именно наваждением. В уши опять отчетливо ударило чавканье без устали жующих едоков. Обеими руками Роберт уперся в деревянный стол и сверлил взглядом призрак, притворявшийся его отцом. Разве за свою жизнь он мало наслушался одних и тех же тирад, разве отец порой не казался ему призраком? И вот теперь умершее божество детства вновь во плоти сидит перед ним?

— Ты ешь, ешь, — подбодрил отец, — горячее всегда на пользу.

— А я-то все время думал, что ты умер, — прошептал Роберт.

— Тсс, — шикнул старик, пытаясь растянуть рот в кривой улыбке, — нехорошо этак говорить.

— Странно… — начал Роберт.

— Что странно? — настороженно спросил отец.

— Встретить здесь тебя, — отвечал Роберт. — Конечно, меня не было дома, когда… — он замялся, подыскивая подходящее выражение, — … когда это случилось.

— Совершенно верно, дома тебя тогда не было, — спокойно ответил старик, — вот почему ты не можешь этого знать.

— Мама мне написала, что ты вдруг… — От

волнения Роберт осекся.

— Ты же знаешь мать, — сказал отец, высокомерно усмехнувшись, — ей все всегда виделось в самом черном свете. Когда со мной случился удар — ты, вероятно, заметил легкую кривизну в моем лице, — она в душе, натурально, уже со мной распрощалась. А я скрылся от шумихи и, словечком не обмолвившись, обосновался тут, на отдых. И, как видишь, отнюдь не без пользы.

— Но почему ты никогда не писал, — спросил Роберт, — никогда не давал о себе знать?

— Слухи сами собой дойдут, и вообще, жизнь состоит из заблуждений. Ты уж извини. — Отец снова сосредоточился на завтраке.

Роберт смотрел поверх сборища едоков, по-прежнему не в силах примириться с реальностью. Разве не казалось тогда, что отец вправду умер? Несколько месяцев назад, когда Роберт ненадолго заезжал к матери, она была в черном. Впрочем, у пожилых женщин это обычное дело. Об отце они говорили мало и не без смущения, как говорят об отлучившемся. Но в его давнем кабинете ничего не изменилось, будто он в любую минуту мог вернуться. На двери адвокатской конторы, которую теперь возглавлял Фельбер, висела все та же давняя табличка. Вспоминая эти подробно-

сти, Роберт вдруг сообразил, что мать ни разу не ходила с ним на кладбище.

— Выходит, ты вовсе не умер? — спросил Роберт, возвращаясь к реальности.

— Да ты посмотри на меня, Фома неверующий! — воскликнул отец, положил ложку на стол и прищурился на сына. — Я ведь выгляжу лучше и в целом моложе, чем раньше, а?

Словно затем, чтобы побороть последние сомнения, Роберт обеими руками схватил отца за плечи и энергично встряхнул:

— И правда ты.

— После трех с лишним десятков лет в браке охотно учинишь окружающим подвох, чтобы вновь остаться наедине с собой.

Роберт услыхал довольный смех отца, который помнил с детства.

— Ты все такой же, — с улыбкой подхватил он.

Лампы раз-другой мигнули.

— Словом, — чавкая, продолжил отец, — я не жалею, что поехал тогда сюда. Жизнь, так сказать, инкогнито весьма притягательна. Поскольку же мне без работы невмоготу, я от нечего делать готовлю документ для бракоразводного процесса «Мертенс против Мертенс». А это дело требует осторожности. Хорошо, что ты тут, ведь нам

совершенно необходимо спокойно и откровенно обсудить сей предмет. Не здесь, разумеется, здешняя обстановка не подходит для столь щекотливых материй.

Он слегка презрительно обвел взглядом помещение с кучками мужчин и женщин. Роберт отметил, что отец, совсем как раньше, шумно хлебает суп. Однако ближайшие соседи были так поглощены едой, что не слышали ни разговора, ни вообще происходящего вокруг.

— Разве это дело не закрыто? — спросил Роберт. — Мне казалось, суд еще тогда вынес решение о разводе?

— Возможно, — сказал отец. — Но суд второй инстанции состоится здесь. Для меня это стало лишним поводом переехать сюда. Кстати, ты ведь тоже был замешан в этой истории, а я ловко сумел вывести из разбирательства и тебя, и твои свидетельские показания. Ты же бывал у Мертенсов, верно? И с учетом некоторых высказываний госпожи Мертенс у меня сложилось впечатление, что кой-какие вещи лучше не выставлять на публичное обозрение. Документы у меня не с собой, но, как я уже говорил, при случае мы обсудим все это с глазу на глаз.

— Не исключено, — задумчиво обронил Ро-

берт, — что я совсем недавно видел Анну.

— Здесь? — вскричал адвокат. — Госпожа Мертенс здесь? Это бы весьма продвинуло мою работу с делом.

— Я не вполне уверен, — сказал Роберт. — Мне просто показалось, что сюда меня привела Анна.

— Тут непременно надо разобраться, Роберт. Может, тебя вызвала повесткой противная сторона и ты вообще потому и приехал?

— Да нет, едва ли, — отвечал Роберт, которому разговор начал мало-помалу действовать на нервы. — Я получил вот это письмо, из Префектуры. Пожалуйста! — Он достал из нагрудного кармана бумагу, протянул отцу, и тот внимательно ее прочитал.

— Ценный документ, — с уважением признал он, — составлен непосредственно нашей Префектурой… Такого приглашения мало кто удостоивается. Кроме того, отсюда следует, — добавил он не без гордости за сына, возвращая ему бумагу, — что тебе гарантировано здесь длительное пребывание. А это для нашего брата — главная забота. Ты избежишь многих неприятностей и тревог, тебе ведь не придется постоянно подыскивать резоны, чтобы здесь задержаться. Так что в этом смысле можешь быть совершенно

спокоен.

Впрочем, куда больше Роберта успокоило то, что, по мнению отца, письмо вряд ли связано с возможным допросом по поводу Аннина процесса, поскольку Префектура — учреждение сугубо административное и на судопроизводство, работающее самостоятельно, влияет лишь косвенно. Отец считал письмо скорее чем-то наподобие дипломатического паспорта, который обеспечит Роберту доступ в важные инстанции.

Роберт сказал, что вскоре, мол, на месте узнает, чего ради он здесь. Непонятно только, с какой стати отец находится в здешних затхлых подвалах среди этого странного общества.

— Что это за люди? — громко спросил он. — Та малая часть города, какую я видел, своими руинами напоминает место, пережившее землетрясение или войну. Что тут происходит?

— Ты давно здесь? — поинтересовался отец.

— Только что приехал и как раз думал поискать жилье, а угодил сюда.

— Раз ты только что приехал, — с некоторым превосходством сказал отец и на миг выпятил нижнюю губу, — то покуда не знаешь, что жизнь, так сказать, проистекает под землей. Это вопрос привычки.

Подробного разъяснения Роберт не получил, так как раздался пронзительный звон будильника. По этому сигналу едоки вскочили и всем скопом ринулись к выходу, где возник затор, поскольку проем был слишком узкий. Роберта оттерли от отца, они даже не успели договориться о новой встрече. Затем его подхватил людской поток, который, словно вязкое тесто, медленно протискивался по коридору.

Лишь немного погодя, когда они миновали несколько ответвлений коридора, ему удалось выбраться из толпы. Таблички с непонятными буквами и цифрами указывали в разных направлениях. Он пошел наугад, в надежде, что выбранный путь выведет его из лабиринта наружу. Но всякий раз, когда он пытался обратиться с вопросом к кому-нибудь из спешащих прохожих, тот отрицательно мотал головой, словно занятый куда более важными вещами.

II

Неожиданно Роберт очутился на свободном пространстве, окруженном невысокими домами. Хотя с виду они не отличались от домов возле фонтана, от них все-таки веяло духом многолетней обжитости, создающимся в ходе поколений. Во многие уцелевшие фасады тут и там были вмурованы каменные блоки и остатки колонн давних построек. Сама площадка вымощена обветшалыми каменными плитами, кое-где еще угадывался геометрический орнамент мозаики. В стыках плит разросся мох, а кое-где из трещин торчали пучки сожженной солнцем травы. Несколько плит, вероятно, не так давно убрали и на их месте разбили узкие искусственные цветники. Истоптанные ступени вели к свободно стоящей полукруглой арке, которая некогда, вероятно, была частью портала старинного дворца.

В обширном пространстве этого давнего дворца вдоль и поперек возвели ряды домов, расположение и конструкция которых определялись планировкой залов и мощными дворцовыми сводами. Высокие оконные проемы были почти

целиком заложены, превращены в узкие щели, крошечные балконы висели в воздухе, точно открытые птичьи клетки. Полы и лестницы из благородного камня составляли странный контраст с убожеством более поздних построек. Ничто не мешало пройти низкими галереями меж домов, чтобы уже вскоре оказаться в новом дворе. В резком сиянии небес светлые поверхности набирали яркости, а тени — мрачности.

Сам старинный дворец, вероятно, имел форму прямоугольника, подобно всякой укрепленной твердыне. По линии последних домов можно было прикинуть размеры давнего сооружения. С трех сторон оно примыкало к остальной городской территории, а с четвертой, северной, граничило с бездорожной пустошью, круто уходящей вниз, к галечному руслу большой реки — той же, какую Роберт пересек по железнодорожному мосту. И там, где изгиб ее русла подходил к городу ближе всего, располагался дворец, а ныне причудливый комплекс, воздвигнутый на его месте: городская Префектура.

Во всех этих соединенных между собой постройках, в аккуратно разгороженных, похожих на соты комнатушках нижних этажей сидело за мраморными столами множество мужчин и

женщин. Одни сортировали бумаги, помечая их определенными значками или снабжая штемпелем. Другие, приложив палец к носу, готовили документы, листали толстенные папки, которые доставали из стальных шкафов. Нередко папки со списками и формулярами передавали от стола к столу, и каждый извлекал или, наоборот, подшивал какую-то бумагу. Происходило все по давным-давно отлаженной схеме, ни особого рвения, ни заметной увлеченности не наблюдалось. Когда эти мужчины и женщины поднимали глаза от бумаг, в их чертах обнаруживалась только пустая серьезность. Внушительную отрешенность гладких лиц подчеркивали похожие на тюрбан зеленые головные уборы. Поверх одежды все носили форменные халаты в серо-желтую полоску, маскировавшие разницу полов. Правый рукав каждого из чиновников украшала нашивка, сообщавшая о значимости и ранге его должности. Между отделами непрерывно сновали курьеры, чья деловитость придавала безмолвной суете что-то бестактно-болтливое.

Немного погодя Роберт остановил одного из курьеров, предъявил письмо Префектуры. Курьер бросил взгляд на шифр вверху бумаги, скрестил руки на груди и сказал Роберту следовать за ним.

Через проем в стене они вышли на безлюдную площадь, на длинный голый двор, в конце которого находилась довольно большая постройка. Там провожатый усадил Роберта в вестибюле и попросил подождать. Затем другой курьер провел его в приемную Верховного Комиссариата городской администрации. И пол, и кресла, и столы были здесь из пестро инкрустированного мрамора.

Холодная торжественность комнаты, где Роберта без объяснений оставили одного, конечно же, возымела свое воздействие. Нервное напряжение ввиду предстоящей в скором времени встречи с Префектом или с кем-то из его штаба, от которой зависело его личное будущее, нарастало с каждой минутой ожидания. Он нетерпеливо барабанил пальцами по краю стола. Ничего не происходило; время замерло. Оно опять сдвинулось с места, только когда Роберту велели через узкую боковую дверцу войти в кабинет Комиссара.

Высокий чиновник прошел навстречу Роберту почти до порога. Он тоже был в полосатом халате, и глаза Роберта, покуда толком не освоившиеся со знаками на нашивках, не углядели отличий от всех прочих чиновников, вплоть до мелкой сошки, то бишь курьеров. Ну разве что он, согнув

руку в локте, держал свой зеленый тюрбан под мышкой, демонстрируя голый череп, тщательно выбритый на манер азиатских сановников. Чиновник почтительно поздоровался, усадил Роберта в мраморное кресло — тот с удовольствием отметил, что оно устлано подушками, — после чего направился к большому письменному столу и занял место напротив Роберта, укрывшись за стопками бумаг и всевозможных канцелярских принадлежностей. Роберт обратил внимание на микрофон и динамик.

— Господин Префект, — начал Верховный Комиссар звучным монотонным голосом, в котором сквозила усталость, — господин Префект просил меня принять вас, милостивый государь. Спасибо, что вы последовали нашему приглашению. Обратились мы к вам по двум причинам. Во-первых, в административном порядке у нас появилась вакансия, которую, как мы полагаем, должен занять наилучший кандидат. Во-вторых, по нашему впечатлению, вы, господин доктор Линдхоф, по сей день не имели возможности надлежащим образом раскрыть свои природные способности. Или я ошибаюсь?

— Можно и так сказать, — ответил Роберт. — Почти пять лет я проработал вспомогательным

научным сотрудником в Институте исследования клинописи. Но с тех пор как в связи с повсеместным сворачиванием культурной деятельности институт был вынужден закрыться, я работал только для себя, только вот на отклик рассчитывать не приходится. Не говоря уже об экономических трудностях — как свести концы с концами.

Комиссар кивнул:

— Ваши обстоятельства нам, разумеется, известны. Однако интересующая нас область исследований относится не к узкому аспекту прошлого, как ваши аккадские штудии касательно «Эпоса о Гильгамеше», а к широкой, я бы сказал, покуда вполне конкретной эпохе минувшего. Речь о той зоне, где жизнь стоит на пороге прошлого. И ваша задача, господин доктор Линдхоф, — запротоколировать определенные процессы и явления, прежде чем они канут в забвение.

Благоговейно слушая, Роберт слегка наклонился вперед.

— Стало быть, — сказал он, — меня ожидает здесь пост хранителя.

— Нет большей ценности, — продолжал Комиссар ровным сухим тоном, словно читая доклад, — нежели человеческая память. Жизнь

индивида коротка и зачастую предоставляет недостаточно пространства развитию его судьбы. Многое у людей остается непрожитым, не находит выражения. Потому-то существование их несовершенно. — Он кашлянул. — Истекающее в эту минуту уходит вместе с нею в небытие. Искусство же, как мы его называем, есть живое предание, живая традиция духа. Храмы и статуи, картины и песнопения — они остаются в веках, переживают человека и народы, а наиболее верно духу служит написанное слово. Не будь записаны «Эпос о Гильгамеше», песни Упанишад или поэмы Гомера, «Дао-Дэ цзин» или «Божественная комедия» — назову лишь некоторые из старинных шедевров, — мир человека по сей день не отличался бы от мира муравьев.

Верховный Комиссар умолк, испытующе посмотрел на Роберта. Тот выслушал его слова скорее как лавину мыслей, не вникая в подробности. Бесстрастный тон, будто речь шла о самых естественных на свете вещах, привел его в огромное волнение. Мало-помалу он оторвал взгляд от Комиссара, вгляделся в задний план, где за широким дверным проемом находился балкон. Его обрамляла невысокая каменная балюстрада, открывающая вид на раздольные дали. Про-

сторной дугою раскинулся горизонт, а в глубине островами поднимались из серебристой дымки голые горные кряжи. В одном месте взблескивали огненные крапинки, вероятно оконные стекла какой-то постройки — на них падало солнце, и они отражали его слепящий свет. Голова и плечи Комиссара вписывались в проем, так что он казался этакой восседающей на престоле фигурой святого с огромной средневековой картины. Отбрось он тень, и она объяла бы небо и землю.

— У меня такое чувство, — сказал Роберт, — будто высказаны мои собственные мысли. Они прекрасно мне знакомы, только вот я никогда не умел с такой легкостью облечь их в слова.

— Надо понимать это как согласие? — спросил Комиссар. — Вы готовы к работе, какую мы намерены вам поручить?

В некотором замешательстве Роберт сказал, что пока толком не представляет себе эту работу, и в ответ услышал, что городская администрация надеется заполучить его на пост Архивариуса и Хрониста.

— Ваша задача, — пояснил чиновник, — не только записывать обычаи и особенности нашего города, но и прослеживать судьбу его жителей, чтобы в словесных образах запечатлеть все, что

на пользу общему опыту.

Пост независимый, добавил он, доктор Линдхоф волен по своему усмотрению решать, что именно достойно изучения и сохранения. Можно разве что порекомендовать ему ознакомиться с коммунальной литературой последнего столетия. Свои служебные помещения он найдет в здании Старых Ворот.

Роберт выразил удивление, что на этот пост не предпочли человека, который живет тут с давних пор и знает здешние края, но Верховный Комиссар на это лишь вскользь обронил, что глаз приезжего свободнее от предрассудков и объективнее. К тому же неэтично допускать различные группы местного населения в Архив, где наряду со значимыми документами давних времен хранятся секретные бумаги из наследия отдельных граждан. Знакомство с означенными досье, безусловно, позволит Роберту разобраться во многих важных вещах. Главное — установить, в какой мере обстановка в городе отражает дух порядка, то бишь, как полагают высокие чиновники Префектуры, дух законности.

— Законности? — удивленно переспросил Роберт. Он вспомнил о странном устройстве подвалов, о словах отца, что жизнь здесь про-

истекает в подземельях, о городских районах, являющих собой сплошные развалины. Однако решил, что сейчас не время задавать любознательные вопросы, вдобавок обещанная работа даст возможность исподволь составить себе представление о жизненных обстоятельствах, которые пока что кажутся необычными.

По мнению Комиссара, во всем Ставшем сокровенно присутствует как Бывшее, так и Сущее-теперь. В итоге он заговорил о стараниях Префектуры избавить жизнь вверенного ей населения от всего случайного, дабы привести отдельные человеческие жребии в соответствие с линиями общей судьбы.

Мысленно Роберт уже видел, как сидит в окружении старинных фолиантов, задумчиво подперев голову руками, углубившись в былые судьбы.

А собственная его судьба?

Трезвучное арпеджио, с короткими перерывами повторявшееся все громче, вернуло его к реальности. Сигнал доносился из динамика. В ответ на удивленный взгляд Роберта Комиссар пояснил:

— Господин Префект намерен лично сказать вам несколько слов.

Роберт встал, думая, что вот сию минуту Префект войдет в кабинет. Но Комиссар уточнил, что Префект остается незрим и общается с городским миром только через микрофон. Резиденция его расположена в предгорьях, в том далеком здании, чьи фронтонные окна порой ярко вспыхивают бликами света. Большая честь, ведь Префект редко когда лично приветствует прибывшего.

Фуговая тема постепенно затихала, а Комиссар между тем придвинул настольный микрофон поближе к Роберту, чтобы тот мог воспользоваться им для ответов.

И вот раздался голос Префекта. Гулкое эхо неторопливо произносимых слов наполнило комнату. Комиссар тоже встал. Голос был низкий, густой, однако оказывал примерно такое же воздействие, как холодный текучий свет. Фразы повисали в бесконечном пространстве и, подобно рентгеновским лучам, пронизывали насквозь.

— Прибывший сюда, — звучало из динамика, — поступит правильно, если отбросит знания разума как балласт. Логика и разум, коими так гордится человек Запада, замутняют образ природы. Ибо… что есть природа?

Неожиданный вопрос испугал Роберта. То обстоятельство, что говорящий оставался незрим,

а потому безлик, возносило его в таинственные неземные сферы. Роберт быстро покосился на Комиссара, однако лицо чиновника было непроницаемо. Голос в динамике по-прежнему молчал.

— Природа, — наконец промямлил Роберт, нарушая паузу, — есть господство стихий.

— А стихии? — допытывался незримый голос.

— Стихии — это Вселенная. Природа, — по внезапному наитию добавил Роберт, — есть язык богов.

— Самый простой ответ на этот вопрос, — произнес голос, — таков: природа есть дух.

Роберту казалось, будто ему устроили экзамен, от исхода которого зависит, сочтут ли его достойным должности. Одновременно он уже чувствовал, сколь велико в нем желание проникнуть в тайны этого города. Подняв глаза, он опять увидал вдали взблески окон, за которыми, словно в твердыне из света, ожидал ответа Префект. Но Роберт молчал. Его лихорадило. А неторопливый низкий голос раздался снова:

— Тот, кто полагается на видимый мир, принимает бренность оного за действительность. Дух невидим. Коль скоро в крохотном зернышке заложены рост и облик будущего растения, коль

скоро в нем незримо существуют цветок и плод, неисповедимые даже для самого умного человеческого мозга, — что это означает?

— Это означает, — быстро сказал Роберт, — что жизнью властвует закон более высокий, нежели просто закон причины и следствия.

— Самый простой ответ, — произнес голос, — таков: дух есть природа.

Роберт почувствовал себя дураком.

— Но как же закон, — вскричал он, — главный закон, которому подчиняется каждый человек, и сейчас, и сто, и тысячу лет назад, и перед которым все жизни равны, во все времена!

— Добро пожаловать к нам, доктор Линдхоф! — произнес голос Префекта.

Из динамика вновь послышалось арпеджио и вновь постепенно умолкло. Роберт, как завороженный, смотрел на аппарат, будто голос вот-вот опять зазвучит.

— Аудиенция окончена, — сказал Комиссар. — Давайте сядем!

— А у меня столько всего было на душе, — оживленно сказал Роберт.

— Лично Префекту вопросов не задают, — отвечал Верховный Комиссар. — Он снабдил вас двойным напутствием. Поздравляю, вы назначе-

ны на должность.

— Я тем более сомневаюсь, — признался Роберт, — по плечу ли мне эта задача.

— Помните об одном, господин доктор. Вы покуда не разделяете нашу участь, но приняты в наше сообщество как гость. Испокон веков нашу хронику вел гость. Позднее, когда получше ознакомитесь с Архивом, вы поймете причину. А коль скоро на первых порах вам для устройства личной жизни надобен провожатый, всегда найдется кто-нибудь, вполне способный помочь.

— Я уже встретил своего отца и… — Роберт осекся. Обо всем ли осведомлена здешняя высокая инстанция?

— Вам совершенно нечего опасаться, — учтиво сказал Комиссар, вставая, и легонько поклонился.

Роберт вышел. Его не оставляло ощущение, будто на высокого чиновника навалилась усталость, от которой его улыбка сделалась как восковая. В соседнем помещении Роберта встретил Секретарь Верховного Комиссара. Полное лицо, веселые голубые глаза за сильными линзами очков.

— Речь идет о сущих формальностях. — Он положил на стол письмо, в свое время полученное Робертом из Префектуры, и выписал ему удо-

стоверение, открывающее доступ куда угодно, в казармы, в фамильные дома, в районы катакомб.

— Подземные территории, — добавил Секретарь, потирая ладонью розовые щеки, — простираются в северо-западном направлении далеко за рамки обозримой картины нашего города, очень далеко.

Как бы невзначай он упомянул, что они теряются в бесконечности. Поскольку же суровая негостеприимность местности возрастает, и чем дальше от центра, тем больше, желанию побродить там в скором времени ставятся естественные пределы.

— Будьте добры, подпишите, господин доктор. Вообще-то мы не выдаем особых удостоверений, однако в вашем случае это представляется вполне уместным, во избежание всякого рода сложностей для вас.

Роберт вынул авторучку и подписал. Чиновник поставил на бумагу печать и выдал талоны на жилье, питание и покупки, которые позволяли Роберту покрывать все свои личные потребности за счет города.

— Жалованье, — коротко пояснил Секретарь, — выплачивается продуктами питания или услугами, тарифицированными по значимости

отдельных позиций. Соответственно должностному рангу вам как городскому Архивариусу подобает четвертая сверху ступень обслуживания из восемнадцати. А поскольку деньги вам здесь не понадобятся, в том числе и на приглашения родни, друзей или подруг, — глаза его под очками опять весело блеснули, — можно, если вы пожелаете, регулярно переводить оставшейся на родине семье определенную часть вашего жалованья в форме платежных средств, имеющих там хождение.

Роберт кивнул. Сообщив свой секретный номер телефона — пользоваться этим средством связи опять-таки дозволялось лишь чиновникам высоких рангов, — Секретарь описал ему местоположение Старых Ворот, где находятся его служебные помещения, и дорогу к подходящей для него гостинице, а затем, пожелав ему успехов в работе, попросил разрешения вернуться к своим обычным делам.

Роберт, слегка разочарованный деловитой спешкой, вежливо поблагодарил, взял удостоверение и талоны и покинул Префектуру.

III

В городском квартале, где Роберту по описанию Секретаря предстояло отыскать гостиницу, царила прямо-таки тишина выходного дня, составлявшая резкий контраст с оживленной суетой подземных коридоров и подвалов. Роберт замедлил шаги. После холода помещений Префектуры уличная теплынь поначалу действовала благотворно, но солнце поднималось все выше и скоро стало изрядно припекать. Он снял пиджак, перекинул его через плечо. И заодно глянул на свои часы: без пяти одиннадцать.

Кривые улочки и переулки, насколько можно было видеть, ответвлялись от широкой магистрали, что, извиваясь улиткой, вела к пятиугольной площади. Глаз уже привык к зрелищу голых изломанных очертаний домов, которые здесь поднимались большей частью до одного-двух этажей, а затем, будто мощным ударом смерча снесло крышу вместе с верхними этажами, обрывались острозубым зигзагом. Лишь сиротливыми башенками тянулись вверх кирпичные четырехгранники дымовых труб. В наружных

стенах зачастую зияли трещины, во многих местах большие пласты штукатурки осы́пались. Внутри изъеденных ветрами помещений тут и там на стене меж грязных дверных проемов белела жирная клякса печного кафеля. Расколотые трубы, ржавые стальные балки торчали повсюду, словно кости скелета.

Во избежание обвалов чуть не на каждом шагу были установлены подпорные балки и стальные скрепы. Одни постройки изнутри полностью уничтожил пожар, в других, с каменными полами и лестничными шахтами, нутро, хоть и в пятнах от огня, уцелело. Роберт вдруг понял всю целесообразность мраморных столов и кресел Префектуры, которые поначалу вызывали у него раздражение.

По бугристой уличной мостовой время от времени громыхали двухколесные тележки. Объезжая дом за домом, мужчины забирали мусор, выставленный в подворотнях, и пересыпа́ли из худых ведер в большой бак. Перед тем как продолжить путь, один из мужчин хватался рукой за колесные спицы, чтобы привести тележку в движение. На другой тележке лежала на боку бочка с водой. С помощью примитивного насоса из нее поливали улицу. Поливальщики были в

кожаных фартуках и картузах.

Вообще Роберту бросилась в глаза прозаичная чистота улиц и мертвых домов. Нигде не видно ни обугленной домашней утвари, ни куч обломков, даже там, где дом оказался разрушен до основания, была чистенькая площадка, в углу которой с педантичной аккуратностью сложили маломальски пригодные кирпичи и черепичины. Многое позволяло сделать вывод, что катастрофа, постигшая город, случилась довольно давно. Живет ли кто в этих развалинах? Помещения нижнего этажа допускали такую возможность. А иной раз кое-что говорило, что комнаты второго этажа если и не жилые, но все-таки тоже используются. Особенно там, где оконные проемы были заколочены гладко оструганными досками. Казалось, их прибили совсем недавно, и Роберта поневоле опять одолевали сомнения в датировке всеобщего разрушения. Может, оно произошло не разом, а как бы поэтапно? Может, оттого здесь и не занимаются основательным восстановлением, а просто кое-как латают, и всё.

Роберт медленно пошел дальше и увидел, что к фасаду одного из этих домов до высоты второго этажа прислонена лестница, на верхних ступеньках которой стояла женщина в бурой спе-

цовке. Временами окуная щетку в ведро с водой, она энергично драила доски на заколоченных окнах. А потом машинально, будто стекла, досуха протирала их кожаным лоскутом, пока они не взблескивали желтоватой белизной. Роберт покачал головой. Не только по поводу занятия женщины, вопиюще противоречащего здравому смыслу, но и оттого, что одновременно чуял здесь некий символ, который не мог уразуметь, поскольку не имел пока ключа к судьбе города и его обитателей.

По трезвом размышлении все, что он пережил тут за считаные часы после приезда, составляло странный контраст с нормальной жизнью. Уже беседа с Верховным Комиссаром протекала отнюдь не так, как принято в подобных случаях. Будто между ними и реальностью возвышалась стена. Правда, в Префектуре атмосфера минуты настолько заворожила Роберта, что необычность ситуации прошла мимо его сознания. Равно и то обстоятельство, что Префект говорил с ним по радио, казалось вполне уместным, поскольку в известном смысле как бы шло в ногу со временем. Однако ж, вместо того чтобы, как он ожидал, конкретным или любезным словом ознакомить с новой должностью, от него с ходу

потребовали ответа на принципиальные вопросы человеческого бытия, которые теперь, задним числом, представлялись ему не чем иным, как философскими софизмами. Он ведь не хлопотал о должности, а был приглашен городскими властями, так что лучше бы им подробно разъяснить ему новые задачи, снабдить его четким планом работы и указать служебные часы. Что скрывалось за старомодными званиями Архивариуса и Хрониста? Уж не предстоит ли ему роль средневекового городского летописца? Кстати, у него даже письменного договора нет. Улыбчивый Секретарь выписал ему кучу бумаг, но в остальном лишь пустословил о четвертом уровне оклада и высоком чиновничестве. Он что же, получил постоянное место — или Префектура молчаливо подразумевала испытательный срок?

Роберт с удовольствием съел бы мороженого, но тщетно озирался по сторонам в поисках ларька или кафе. Повсюду только безжизненные дома-призраки, похожие на макеты. Можно подумать, это все декорации, как в кино.

Когда в нескольких шагах впереди рухнул наземь кусок потрескавшегося фронтона, он невольно отпрянул к стене. Она не поддалась, была не из парусины, настоящая, каменная. Жен-

щина, шедшая по другой стороне улицы, лишь мельком глянула на поднявшееся облако пыли.

На соседней улице, неподалеку от пятиугольной площади, которую ему описали, Роберт увидал вывеску гостиницы, которая, как он отметил, принадлежала к числу тех считаных построек, что были почти не тронуты разрушением. Посмотрел на часы — без пяти одиннадцать. Раздосадованный, что запамятовал вовремя их завести, Роберт с силой стукнул по двери металлическим молотком. Никто не открывал, и он нетерпеливо постучал еще раз. А немного погодя попробовал нажать на дверную ручку, которая без сопротивления поддалась. Он вошел и очутился в сумрачном вестибюле.

Высокое зеркало в узорной золотой раме, наклонясь вперед, стояло на низкой консоли; рядом на точеной деревянной жардиньерке красовался букет искусственных цветов. По другую сторону, возле круглого стола с треснувшей мраморной столешницей, группировались несколько кресел с золотыми подлокотниками и гнутыми ножками, напоминая потертой обивкой о поддельной роскоши старинной дворцовой мебели.

Раз-другой Роберт нарочито кашлянул, однако ни хозяева, ни работники так и не появились.

В конце вестибюля темнел коридор с уходящей наверх каменной винтовой лестницей.

— Алло! — окликнул он, сперва вполголоса, потом громче и настойчивее.

Немного погодя этажом выше послышались шаркающие шаги и откликнулся женский голос. Наконец эта особа степенно спустилась по ступенькам, чтобы, едва завидев гостя, встретить его шквалом неразборчивых слов. Это оказалась пожилая женщина с волосами, сколотыми на макушке в пучок, и водянисто-серыми глазами, в руках она держала фонарь «летучая мышь». А когда говорила, было видно, что многих зубов недостает. Поставив фонарь у подножия лестницы, она обеими руками разгладила съехавший набок фартук.

Роберт заговорил с ней насчет жилья, однако ж быстро выяснилось, что его язык ей непонятен. Она растерянно смотрела на него и твердила одну-единственную фразу, в которой Роберт угадывал сочувственно-извиняющийся тон, но смысла не улавливал. Он пожал плечами. Как назло, чемодан, по которому в нем бы тотчас узнали приезжего, по-прежнему находился в багажной нише подземелья. Неужто в доме нет никого, с кем можно объясниться? Он с досадой

огляделся по сторонам. Старуха вскинула руки и снова их уронила, так что ладони хлопнули по бедрам. Потом шагнула к Роберту, просветлев лицом, указала вытянутым пальцем на него, сплела ладони, приложила к щеке и принялась легонько покачиваться. После этого жеста, изображающего сон, она сделала ему знак подняться по лестнице. Сама же поспешила вперед, отыскала в большой связке ключ и отперла высокую двустворчатую дверь. Роберт, забавляясь, последовал за ней. А старуха уже прошагала к окну и распахнула ставни. Похожее на зал помещение было сплошь заставлено мебелью и всевозможной домашней утварью. Нашлось и несколько железных кроватей с голыми матрасами — он быстро насчитал семь штук. Шкафы и комоды громоздились со всех сторон, образуя узкие проходы, а в одном углу у стены среди всякого хлама высились штабеля тарелок, чашек и подносов.

Старуха с надеждой смотрела на Роберта, словно спрашивая: нравится? Она опять широко раскинула руки, будто приглашала его воспользоваться всей этой роскошью. Потом поспешила к остальным окнам, чтобы впустить побольше света, и знаком предложила ему полюбоваться видом.

— Ай! Ай! — ободряюще твердила она. Но опять огорчилась, поскольку не сумела вызвать у него восторженного отклика.

Перед Робертом широко раскинулась панорама, похожая на ту, что он видел с балкона Префектуры. Вдали изгибалась дугой серебристо-серая полоса, в которой он распознал реку.

Старуха меж тем показывала то на одну, то на другую кровать, будто ждала, что он выберет и сообщит ей, какую надо застелить. Роберт покачал головой. Старуха сразу помрачнела. Потом вдруг опять вскрикнула по-птичьи, просеменила к двери, загремела ключами и замахала руками: идемте, мол, со мной. Роберт вышел в коридор. Она мигом отперла еще несколько комнат, открыла ставни и, явно похваляясь, старалась обратить его внимание то на мягкое кресло, то на ковер, секретер, писанную маслом картину, торшер.

Угловая комната оказалась размером поменьше. Одно из окон выходило на речную долину, другое — на городские руины. Старухе этот вид был вроде как не по нраву. Роберт же, коль скоро вообще здесь останется, считал его просто необходимым. Если убрать лишнее барахло и принести из других комнат полезные вещи, жилье, пожалуй, вполне сносное. Можно, например,

придвинуть стол к окну, чтобы за работой всегда видеть небесный простор. Все в целом не лишено романтики.

Роберт не заметил, что прислуга удалилась. И когда вышел в коридор, чтобы перенести к себе из других комнат те или иные подходящие предметы, услыхал на лестнице приглушенный разговор. В оживленную болтовню старухи регулярно вклинивался коротким вопросом скрипучий мужской голос. Звучал он властно. Потом послышались семенящие шаги старухи, ковыляющей вверх по лестнице. Роберт в ожидании стоял на пороге комнаты, пока прислуга не сделала ему знак следовать за ней. Она снова привела его в вестибюль, залитый теперь ярким искусственным светом. В одном из кресел расположился осанистый корпулентный мужчина с черными нафабренными усами, подкрученные кончики которых торчали вверх. Он встал, с достоинством поздоровался и опять сел, предложив Роберту последовать его примеру. Осторожностью движений он напоминал костюмированную куклу.

— Вы хозяин? — спросил Роберт.

— Нет, не хозяин, только управляющий, — ответил усач и уныло добавил: — На время… не так ли?

Роберт не понял, относится ли эта реплика к управляющему или к его собственному пребыванию здесь, но протянул ему удостоверение и выданный Префектурой талон на проживание.

— Отлично, — сказал гостиничный Патрон, — отлично. Секретарь — мой друг. Вы довольны комнатой? — Говорил он несколько натужно, а в скрипучем голосе словно бы таился иноземный акцент.

Радуясь, что можно объясниться на родном языке, Роберт изложил ему свои пожелания касательно убранства комнаты, ведь он намерен не просто пользоваться ею, но чувствовать себя как дома.

Патрон задумчиво наморщил лоб.

— Вы меня понимаете? — спросил Роберт.

— Более или менее. Посмотрим, что можно сделать. Гостинице принадлежит лишь часть вещей, многое здесь просто сложено на хранение. Но мы посмотрим. Поэтому…

Он умолк, сделав многозначительный жест, которым, вероятно, намекал на состояние гостиничных номеров, служивших скорее складом, но не жильем. А заодно, пожалуй, просил извинить его за неловкую речь. Затем он дал указания старой служанке, которая, испуганно прислу-

шиваясь, ждала чуть поодаль распоряжений; та кивнула и удалилась.

— Что это за язык? — поинтересовался Роберт.

— О, всего лишь старинный диалект, — ответил Патрон, — на нем объясняются с простонародьем. Ведь персонал и поставщики то и дело меняются. Мильта, так зовут служанку, здесь совсем недавно. На время… не так ли? — опять добавил он.

Из скудных намеков, с трудом вытянутых из Патрона, Роберт узнал следующее: сейчас он единственный постоялец, что обеспечивает ему приятную возможность передвигаться без помех. Питаться лучше всего здесь же, поскольку точки общественного питания вообще-то предназначены исключительно для местных. Жена Патрона прекрасно готовит и аккурат сейчас уже стряпает обед, ведь после долгого путешествия он наверняка проголодался. За багажом можно послать уличного курьера, который наверняка все разыщет в подвалах на Фонтанной площади, ведь на чемодане есть бирка с именем.

Патрон встал, чтобы проводить Роберта в столовую. Передвигался толстяк мелкими резкими шажками, чем снова напомнил Роберту куклу-марионетку.

Среди искусственных комнатных пальм в про-

сторном столовом зале стояли два-три десятка пустых столиков со стульями. Патрон решительно прошагал к месту у боковой стены и сказал:

— Ваш столик, господин доктор!

Затем он достал из секретера, оставив его открытым, переплетенную в кожу затрепанную книгу и положил ее перед Робертом.

— Книга регистрации и отзывов! — провозгласил он с победоносной улыбкой, от которой усы гордо взлетели вверх. Казалось, Патрон угадал тайные Робертовы сомнения насчет того, вправду ли он попал в гостиницу. — У нас оставляют записи только именитые гости, — небрежно произнес он и попросил Роберта оказать книге честь, а его отпустить до обеда, коий предстоит уже в самом скором времени.

— Который час? — крикнул Роберт ему вслед. — Мои часы остановились.

Патрон удивленно обернулся и, помедлив, ответил:

— Полдень.

— Точно? — спросил Роберт. — Мне надо поставить часы.

Патрон пожал плечами, невозмутимо прошел меж рядами столиков к двери и затворил ее за собой.

Чтобы развеять скуку, Роберт полистал книгу и обнаружил, что последний постоялец уехал еще несколько недель назад. Может, попробовать с помощью Секретаря перебраться из этих заброшенных номеров в менее старомодную гостиницу? Почему его направили именно сюда? Только потому, что управляющий якобы в друзьях с Секретарем? Без особого интереса Роберт читал незнакомые имена, которые порой оставляли обычные стихотворные строчки, что-то хвалили, что-то порицали, кстати, гости были из разных стран и писали на разных языках. Если сопоставить число записей с временны́м периодом, уходящим вспять в минувшее столетие, то навещали гостиницу всегда лишь единицы.

Старая служанка, явно радуясь, что в доме есть постоялец, несколько раз заходила в столовую, постелила на стол клетчатую серую скатерть, разложила столовый прибор и салфетку, принесла графин и стакан. Чем дольше Роберт ждал обеда, тем сиротливее чувствовал себя в безлюдном зале. Надо надеяться, здесь не всегда так одиноко. Во всяком случае, ему хотелось на днях уговориться с отцом пообедать вместе или поужинать.

Но вот наконец раздался удар гонга. Дверь открылась, так что последние отзвуки хлыну-

ли в зал. Затем с подносом в руках появилась Мильта, а за ней — женщина, по виду южанка, с подкрашенными щеками и губами, в чепчике, — наверно, жена Патрона; за нею, не выпуская из рук колотушку гонга, шагал сам Патрон. С торжественным выражением лица, держа дистанцию, шествие гуськом медленно направилось меж рядами пустых столиков к Роберту. Патрон колотушкой отбивал ритм шагов, а жена его в такт покачивала бедрами. Дешевый шелк платья шуршал. Группа полукругом стала возле столика, Роберт не без смущения наблюдал за ними. По знаку Патрона его жена взяла у Мильты с подноса супницу, поставила на стол и, бегло поклонившись Роберту, серебряным половником наполнила его тарелку.

Патрон тем временем, словно эти манипуляции ничуть его не касались, глядел в потолок столовой. Старая служанка сделала книксен, жена Патрона накрыла супницу крышкой и легонько шевельнула рукой, Патрон, чьи усы пуще прежнего блестели чернотой, бросил пристальный взгляд на столик и на гостя и с намеком поправил скатерть. Затем он пожелал Роберту приятного аппетита, коротко ударил колотушкой по столику, после чего обе женщины поверну-

лись и шествие в обратном порядке, во главе с Патроном, но с теми же забавными ужимками, как и при появлении, протопало к выходу. Роберт провожал взглядом церемонию, пока все трое не исчезли, и только потом взял ложку и рискнул приступить к еде.

Вскоре он опустошил тарелку, сам налил добавки и с удовольствием все съел. Последние ложки он растянул, а затем снова стал ждать. Минута шла за минутой. Безмолвный зал начал его угнетать. Голод он пока не утолил, но, может быть, в этих краях принято в обед обходиться одним супом и трапеза уже окончена. Смотреть было не на что. Ничегонеделанье казалось даже тягостнее ожидания в Префектуре. Разве его не ждут задачи особого рода? Надо ознакомиться со служебными помещениями Архива в Старых Воротах, вникнуть в незнакомые материи. Коль скоро служба позволит, он должен выяснить, где находится женщина, которую он встретил по приезде. Если это была Анна, в чем он теперь сомневался все меньше, значит, у них обоих есть возможность встретиться, поехать вместе куда-нибудь в незнакомое место, чтобы вне обстоятельств и препон того часа изведать свою живую судьбу.

— Это наверняка Анна! — вполголоса сказал

себе Роберт, бросил салфетку на столик и отодвинул стул, собираясь встать.

Дверь столовой отворилась, и вновь тем же манером, что и раньше, вошла давешняя троица, медленно направляясь к нему. Преувеличенная помпезность начала действовать Роберту на нервы. Но, похоже, для здешнего мира она в порядке вещей, и Роберт смирился. Снова придвинул стул к столу, покорно расстелил на коленях салфетку. Только когда процессия остановилась возле стола, он поднял взгляд.

Со скорбной, напряженно-торжественной миной Мильта держала на вытянутых руках поднос, уставленный всевозможными тарелками, открытыми горшочками и закрытыми мисочками. Жена Патрона принесла в плоской корзинке откупоренную бутылку, из которой Патрон теперь собственноручно наполнил вином графин.

— Маловато постояльцев, — от смущения вырвалось у Роберта.

— Увы, — отвечал Патрон, — такие времена!

Он озабоченно наблюдал, как сменили тарелки, раздраженно прищелкнул языком, когда одну из мисочек поставили на стол не в ее черед. Наконец все стояло на столе, женщины чуть отступили назад, Патрон же произвел над посу-

динами несколько заклинающих пассов, словно хотел придать блюдам особый вкус. Затем сделал знак жене, та наполнила из графина бокал гостя, а сам он аккуратно чуть передвинул несколько мисочек, для порядка.

— Стоит ли так затрудняться, — сказал Роберт, которого раздражали подчеркнутые старания о его физическом благополучии.

— Пусть про нас не говорят, — отвечал Патрон, — что мы позабыли добрые обычаи гостеприимства.

Он гулко стукнул колотушкой по столу, так что женщины вздрогнули, занял свое место во главе кортежа и с серьезным достоинством гордо удалился вместе с ними. Роберт неотрывно смотрел вслед маленькой процессии и облегченно вздохнул, только когда двери столовой закрылись. Тогда он взялся за вино, светло-розовое и слегка шипучее. Бокал он осушил одним глотком.

К еде, состоявшей из множества салатов и овощей, частью незнакомых, он отнесся без особого интереса. Все казалось ему на один вкус. Но поесть он поел.

Закончив трапезу, он был сыт, но не удовлетворен. В качестве подготовки к работе над Хроникой, ведéние которой полагал одной из за-

дач, поставленных Префектурой, решил коротко записать свои впечатления от города, а также точно рассказать об обеденной церемонии.

IV

Старые Ворота располагались на полпути между гостиницей и Фонтанной площадью.

Во второй половине дня, прежде чем отправиться на службу, Роберт поинтересовался, нет ли в гостинице плана города или проспекта о достопримечательностях. Однако Патрон покачал головой и только показал ему вход в подвал, куда в конце вестибюля продолжением винтовой лестницы вели не ступеньки, а круто уходящий вниз коридор. Эти пустующие подземелья соединялись с шахтами катакомб, тянувшихся всюду под городскими домами.

По словам Патрона, вообще-то нужна известная тренировка, чтобы ориентироваться в путаной, как лабиринт, однако вполне упорядоченной системе, тем более что на туннельных дорогах предусмотрено не слишком много общедоступных входов и выходов. Например, один коридор ведет непосредственно от гостиницы к Префектуре, а также к Старым Воротам, вернее внутрь Старых Ворот, и пользоваться им, а не улицами верхнего города по ряду причин гораздо выгод-

нее. Поскольку же населению в целом запрещено без особого распоряжения перемещаться из одной зоны в другую, никто толком не знает, что находится за пределами его собственного района. Справку могут дать только городские охранники, они носят на груди блестящую бляху и дежурят у подземных границ отдельных районов.

Роберт, который уже почти привык к своеобычному облику города и не пугался его странностей, решил больше не задавать прямых вопросов на сей счет. Намереваясь принимать странности как нечто вполне естественное, он отправился к Старым Воротам, сиречь к месту службы, подземным путем.

Впечатление, сложившееся у него ранним утром, когда он спешил по катакомбам возле Фонтанной площади, подтвердилось. Перекрещивающиеся каменные коридоры, где теснились комнаты за комнатами, склады за складами, бурлили жизнью куда сильнее, чем улицы верхнего мира и их развалины. Стоило привыкнуть к сумраку, как пропадал и ореол нереальности, витавший, точно патина, над людьми и предметами. Помещения, куда Роберт мог заглянуть в открытые двери или через раздвинутые шторы, говорили не только о нищете, но и о затхлой

ее скаредности. Среди скудных пожитков обитателей редко встречались неповрежденные вещи. Отсутствующую ножку стола или стула частенько заменял поставленный на попа ящик, а на дощатых, кое-как сколоченных полках красовались в хвастливом порядке никчемные предметы: помятые жестянки, ржавые гвозди, детали инструментов, картонные коробки, большие и маленькие пустые пузырьки от лекарств, котильонные ордена, разбитые вазы. Весь этот хлам из чулана многих времен видом своим как бы претендовал на музейное собрание. Мужчины и женщины словно наглядеться не могли на эти бездушные вещи, глаза их горели алчным огнем.

В иных помещениях жильцы на корточках сидели на каменном полу, будто берегли стулья и скамейки, чтобы подольше обладать своим имуществом. Наморщив лоб, они порой задумчиво поднимали руку с вытянутым вверх указательным пальцем, точно видели наяву ожившие в памяти события. А не то люди, увлеченные игрой, сидели друг против друга, бросали кости и согласно выпавшим очкам переставляли на доске цветные камешки. Роберт пока что не понял почему, но эти жилые каморки наводили на мысль о камерах гигантской тюрьмы. Временами

издалека доносился сигнал — вроде звонка на перемену по окончании школьного урока. Следом по коридорам пробегал шумок беспокойства, этакое глухое ворчание, а вдобавок долетал топот множества ног. И опять все затихало, терялось.

Сосредоточенно шагая подземными дорогами, Роберт не мог избавиться от ощущения, что вызывает у обитателей подвалов растущий интерес. Поначалу его провожали взглядом лишь единицы, однако уже вскоре тут и там прямо-таки поджидали целые группы, перешептывались, жестикулировали, причем с плохо скрытой завистью. Кажется, и кулаки сжимали?

— Это он! — слышалось Роберту. — Летописец! Городской Архивариус! Новенький!

И они тыкали пальцами в воздух. Предупреждали, что его надо остерегаться?

Опустив глаза, Роберт прибавил шагу. И только когда заметил, что никто за ним не идет, сердце успокоилось. Может статься, от незнания задач новой своей должности он поддался соблазну и наблюдал слишком уж демонстративно. Хотя причиной тому не столько преждевременное желание вникнуть в привычки подземной жизни, сколько вполне понятное стремление познакомиться с этим миром, где ему предстояло решать

свои задачи. Впрочем, он, вероятно, переоценивал свой пост, на который пока даже не заступил. Он был на пути к месту службы и только там, в помещениях Старых Ворот, узна́ет круг своих задач и обязанностей. В ближайшее время он, верно, будет одолевать этот путь от гостиницы до Старых Ворот каждый день, а потому окрестности утратят для него всякую новизну, да и местные вскоре потеряют к нему интерес. Вероятно, тут, где словно бы все друг друга знали, он, проявляя слишком заметный энтузиазм, дал повод счесть себя незваным пришельцем, даже соглядатаем, чьих доносов надо опасаться, ведь они чреваты неприятностями для их привычной будничной жизни. Однако в таком случае они превратно истолковали его намерения. У него и в мыслях нет докладывать властям хоть что-нибудь, что могло бы вызвать перемены в городском устройстве. Да, многое здесь казалось ему странным, и в городской системе он покуда разумел крайне мало, но полученные впечатления уже позволяли сделать вывод, что он имеет дело с весьма сложной целостной структурой, выстроенной по определенному плану, вплоть до мельчайших деталей. Поэтому он решил отбросить всякий личный критерий, всякое сравнение с традиция-

ми других мест и эпох и полностью положиться на данность. Ведь за недолгое время, проведенное в городе, уже успел понять, что смысл раскрывается лишь при полном доверии к ситуации. Лишь это необходимо и оправданно.

Стало быть, эпитеты «новенький, летописец, хронист» могли ему попросту почудиться, мало ли о чем шептался народ. Ведь что уж в нем такого особенного, чтобы привлечь всеобщее внимание?

Приноравливаясь к остальным, Роберт шел неторопливым прогулочным шагом и про себя отметил, что люди, которые вновь сидели и стояли повсюду, внимания на него особо не обращали. Интересно, откуда у них столько свободного времени? Завести с кем-нибудь разговор он не смел, чтобы сызнова не попасть впросак, к тому же большинство, вероятно, говорит на местном диалекте, как и Мильта.

Вот и пойми, правильно ли он истолковал жест молодого человека, который вроде как позвал его в ближнюю боковую комнату. Может, тот просто сделал знак своим спутникам, которые вместе с ним рассматривали освещенную фонарями фреску на стене. Роберт счел за благо пройти мимо. И опять не мог избавиться от ощущения, что здесь

разыгрывается театральная пьеса, где каждый играет свою роль и только ему одному неизвестно, кто он — зритель или действующее лицо.

Кажется, он заплутал? Неужто прозевал выход к Старым Воротам? Ход расширился, образуя продолговатую площадь. Кучка мужчин толпилась в ожидании возле отгороженного помещения, где множество людей в пыльных халатах брили клиентов, стригли им волосы или ногти. Двигались брадобреи и парикмахеры деловито, проворно, ни на миг не прерывая работу, но очереди конца-краю не было. Впору подумать, что те, кто вот только что навел красоту, снова становились в очередь, прогулявшись разок-другой по площади и хмуро ощупав ладонью щеки и подбородок, будто там успела отрасти новая щетина.

Многие достали из карманов газеты, развернули и принялись нетерпеливо просматривать грязные, надорванные страницы. Жирный шрифт заголовков сообщил Роберту, что газеты эти из самых разных стран мира — польские, русские, немецкие, итальянские, французские, английские. А поскольку в нем тоже проснулось желание узнать последние новости, он краем глаза заглядывал то в одну газету, то в другую. Однако при ближайшем рассмотрении оказа-

лось, что все это сплошь выпуски недельной и многомесячной давности, а иные даже более чем годичной. Но интерес читателей от этого ни в коей мере не убывал, они увлеченно читали свои пожелтевшие газеты и берегли их как редкостное сокровище. За чтением кое-кто из мужчин подчеркнуто шевелил левым мизинцем, ведь его украшал длиннущий, тщательно отполированный ноготь, а они чрезвычайно гордились этим ногтем, точнее когтем (ему не помешал бы защитный футляр!), так как он наглядно доказывал, что им нет нужды заниматься обычным физическим трудом.

Роберт, который от усталости машинально примкнул к ожидающим, вздрогнул, услыхав:

— Попрошу ваше удостоверение!

По блестящей нагрудной бляхе он распознал в вопросчике городского охранника. Серое лицо, возраст определить невозможно. Роберт предъявил выданный Префектурой пропуск. Охранник козырнул.

— Не рекомендую это заведение, — сказал он. — В вашем случае лучше бы вызвать парикмахера на дом.

Роберт, остановившийся тут вовсе не ради стрижки, с улыбкой кивнул:

— Разумеется! — А затем, пользуясь случаем, спросил у охранника про выход к Старым Воротам. Тот ответил, что выход совсем недалеко, и сей же час предложил проводить его.

Но Роберт вдруг вспомнил об Анне и от про́водов отказался. В этот миг ему показалось, что убедиться, вправду ли Анна здесь, в городе, куда важнее знакомства со служебными помещениями. Мысль об Анне придала ему новый импульс.

— Как мне пройти в район Фонтанной площади? — взволнованно спросил он.

— Район начинается вон там, — ответил охранник через несколько шагов, указывая на широкий каменный проем. — На развилках держите все время вправо. Тут близко, стадиев шесть.

Роберт, будто наконец осознав подлинный смысл и цель своего пребывания в катакомбном городе, твердым шагом пошел прочь, только бросил беглый взгляд через плечо и кивком поблагодарил охранника за информацию. Лишь задним числом до него дошло, что, говоря о расстоянии, охранник выбрал древнегреческую меру длины, которая давным-давно вышла из употребления. Занятно, подумал он. Но уже улыбался в ожидании Анны.

В лицо повеяло свежим ветерком. Задувало

из маленькой боковой шахты, выходившей в пустые подземелья какого-то квартала. Роберт пошел туда и очутился посреди подвалов, чьи голые каменные стены без потолка торчали из развалин прямо в воздух. Из глубины синева неба казалась еще ярче, чем с улиц верхнего города. И вроде как слегка чувствовался ледяной холод космического пространства над землей.

Чисто выметенные помещения, соединенные друг с другом широкими проемами, напомнили ему систему сот, такую же, какую образовывали рабочие места чиновников во дворах Префектуры. Только здешние выглядели необитаемыми. На соседней стене еще проступали весьма хорошо сохранившиеся остатки росписи, фризом тянувшейся по периметру.

Роберт хотел было присмотреться к этой стене, но вдруг услышал оживленные голоса и приближающиеся шаги. В вошедших он узнал группу молодых мужчин, которая недавно разглядывала фреску. Они и здесь немедля устремились к росписям, причем тот, кто давеча подал Роберту знак, отделился от своих спутников и направился к нему. Он слегка приволакивал левую ногу, и Роберт узнал в нем друга своей студенческой юности.

— Привет, Линдхоф!

— Привет, Катель!

Они обменялись рукопожатием. Катель, как и прежде, то и дело резко мотал головой, отбрасывая назад гриву темных волос.

— Ты тоже здесь? — Катель сочувственно улыбнулся. — Что ж, Линдхоф, старина, так уж оно происходит! Я рад, что мы снова встретились. Мне еще раньше показалось, что это ты, но ты не обратил внимания.

— Знай я, что это ты…

— Да ладно, пустяки, — перебил Катель, — здесь встречи не редкость.

— В последние годы мы потеряли друг друга из виду, — сказал Роберт, окидывая взглядом друга юности, — но ты почти не изменился.

В самом деле, лицо у Кателя до сих пор было узкое и нежное, а серые глаза в этот миг сияли из затаенной глубины с той же доверчивостью и готовностью к восторгу, что помнились Роберту по тем временам, когда он целый год жил бок о бок с другом. Только вокруг рта пролегла горькая складка, раньше ему несвойственная. Одевался Катель, как заметил Роберт, все с той же небрежной светской элегантностью, хотя вечно сидел без денег. Когда Роберт, бывало, корил его

за шикарные костюмы, он неизменно отвечал, что людям незачем знать о его отчаянном финансовом положении, лучше уж влезть в долги или голодать. Нередко он со снисходительным видом этакого испанского гранда оставлял царские чаевые, выкладывая последние деньги, даже до дому доехать было не на что. Потом он неделями питался в мастерской жиденьким супом да черствым хлебом. Возможно, этот внешний аристократизм скрывал от посторонних внутренние неурядицы и подчеркивал в ребячливом лице несбывшиеся надежды.

— Как твоя рука? — спросил Роберт.

— Совсем ослабела, — ответил Катель, — в конце концов и кисть держать не могла. Но я уже привык работать левой рукой. Ведь, по сути, картину пишет не рука, а голова.

Это замечание художника Роберт оставил без внимания.

— В последнее время, — сказал он, — я почти не интересовался выставками. С головой ушел в уединенный мир своих исследований, и, наверно, зря.

— Да ладно, — художник равнодушно отмахнулся, — извиняться незачем. Мои прежние работы так и так остались в прошлом.

Роберт напомнил о картинах, что создавались у него на глазах.

— Надо же, не забыл. — Художник отбросил волосы назад и задумчиво потер пальцами лоб. — Нет-нет, это были незрелые пробы, только теперь я нащупываю суть, теперь, когда уже слишком поздно.

— Слишком поздно? — повторил Роберт. — Можно ли этак говорить? Тебе же и тридцати пяти нет!

— Ну, ты ведь знаешь… — как бы невзначай обронил Катель. В его глазах сквозили печаль и вроде бы внезапный испуг; как припомнил Роберт, он и раньше примечал у друга такое выражение.

— Чем ты сейчас занимаешься? — спросил Роберт, меняя тему.

— Надеялся дописать еще одну картину, но здесь мне поручено реставрировать фрески. Действовать необходимо крайне осторожно, чтобы не напортить. Помнишь, раньше я использовал золотой грунт, и вот теперь обнаружил, что старые мастера использовали сходный метод. Здешние росписи частью относятся к глубокой древности. Но… — Катель взял Роберта за плечо, немного прошелся с ним туда-сюда. — Но тебя-то

как сюда занесло?

— Занесло? — Роберт фыркнул. — Я последовал приглашению вашей Префектуры, которая, как я с удивлением узнал, назначила меня городским Архивариусом.

— Ого! — Художник замер, невольно отдернул руку и сделал шаг назад. — Вот оно что. Ты приехал к нам как Хронист! Ну-ну. — Катель умолк.

— Что тебя удивляет? — спросил Роберт, от которого не укрылась перемена в поведении друга.

— Вот оно что, — повторил Катель, испытующе глядя на Роберта.

— Тут есть что-то особенное? — спросил Роберт.

— Ну, по крайней мере, отнюдь не заурядное и… миссия ответственная, — добавил Катель, который успел взять себя в руки. — Раз ты теперь новый Хронист и городской Архивариус, то, стало быть, и мой начальник, ведь я и моя работа в твоем подчинении.

Роберт, усмотрев в этом повороте объяснение внезапному испугу Кателя, сердечно хлопнул его по плечу:

— Насчет этого можешь не беспокоиться. Я пока не в курсе своих должностных задач и охотно приму твою помощь. К тому же неизвестно,

выдержу ли я испытательный срок и не отошлют ли меня в скором времени восвояси.

— Н-да, — задумчиво обронил художник, — могут, конечно, и отослать, в твоем случае такое не исключено. Кое-кто, верно, даже обрадуется, только не я.

Хотя Роберт искренне старался вернуть разговору легкость первых минут встречи с другом, ничего не получалось. Катель не выказывал недоверия, в нем чувствовалась некоторая почтительная холодность, преградой воздвигшаяся меж ними.

Катель представил нового Архивариуса своим спутникам, и те — среди них были и иностранцы — сдержанно приняли его в свой круг. Разговор пошел о деталях фресковой росписи этого помещения, реставрация которой была одной из ближайших задач Кателя.

— Мы сообща обсуждаем предстоящую работу, — пояснил художник Роберту, — ведь она потребует долгого времени, а меня самого власти могут досрочно отозвать. На сей случай коллектив должен вполне владеть моей методикой, чтобы каждый мог продолжить работу без ущерба для искусства.

Когда группа разошлась по подвалу, намерева-

ясь перенести на картон те или иные размеры, Роберт отвел друга в сторонку.

— Ты лучше меня знаешь этот город, — сказал он. — Дело в том, что я ищу одного человека, судя по всему находящегося тут, это женщина, жена хирурга, некоего доктора Мертенса. Здесь ли ее муж, я не знаю, думаю, вряд ли, поскольку они разводятся. Мой отец, которого я встретил сегодня утром, — по-моему, Катель, ты с ним знаком не был, но, наверно, помнишь, что он адвокат, — представляет госпожу Мертенс на бракоразводном процессе. Потому-то мне очень важно ее повидать. Может, ты знаком с ней и знаешь, где она живет или где ее можно найти.

— Я не знаю госпожу Мертенс, — сказал художник.

— Что ж, нет так нет. Хотя вполне мог бы знать, ведь она всегда интересовалась искусством и, вероятно, знает твое имя.

— Я ее не знаю, — повторил Катель, — во всяком случае, по имени. Может быть, с виду… но тебе это не поможет.

— Извини, что отнял у тебя время, — сказал Роберт. — Надо было сразу позвонить в адресный стол Префектуры и там навести справки. У меня, — добавил он в ответ на удивленный взгляд

друга, — есть право пользоваться телефоном.

— Да, конечно, право у тебя есть, — подтвердил художник, и в его тоне Роберту опять почудилась отстраненность. — Но поскольку тебе неизвестен ее номер, ты вряд ли сумеешь выяснить что-либо о госпоже Мертенс таким способом.

— Разумеется, у меня есть телефон Префектуры! — с досадой воскликнул Роберт. — Хоть он и засекречен. Секретарь мне его записал.

— Не сомневаюсь, — спокойно отозвался художник. — Но я имею в виду личный номер госпожи Мертенс. Власти регистрируют людей не по именам и фамилиям, а по номерам прибытия. И потому, располагая только именем, ничего не добьешься. Вот смотри, — с этими словами Катель левой рукой расстегнул рубашку и вытащил металлический жетон, висевший на шнурке у него на шее, — вот, к примеру, мой, под которым в муниципальной документации зарегистрированы мои личные данные, предыстория, деятельность, местожительство и все прочее.

Художник аккуратно спрятал жетон и застегнул рубашку; Роберт не сказал ни слова.

— А почему мне не выдали личный жетон? — наконец медленно проговорил он, обращаясь, в сущности, не к Кателю, а к самому себе.

— Еще успеют, попозже, — помолчав, сказал художник, — как только ты достаточно тут освоишься и власти перестанут считать твое пребывание временным визитом. Впрочем, возможно, это всего лишь недосмотр Префектуры.

Роберт прикусил нижнюю губу.

— Короче говоря, мне остается только уповать на новую случайную встречу с госпожой Мертенс.

— Она знает, что ты здесь? — спросил художник.

Роберт уклончиво подтвердил, не вдаваясь в подробности утренней встречи.

— Если она знает, что ты здесь, — продолжал Катель, — тебе незачем полагаться на случай. Можешь твердо рассчитывать, что она устроит новую встречу.

— А вдруг у нее есть причины избегать меня? — возразил Роберт.

— Не важно, — сказал художник, — ей и тогда не избежать встречи с тобой.

Роберт недоверчиво взглянул на него.

— Разве мы не встретились второй раз, хотя при первой встрече ты не пожелал меня узнать?

«Да нет же…» — хотел возразить Роберт, но подумал об Анне и о том, что утром не узнал ее

или сам не пожелал быть узнанным, а потому промолчал.

Разговор принял такой оборот, что он странным образом как бы пасовал перед другом. При воспоминании о временах давней дружбы ему казалось, будто за все минувшие годы он сам ничуть не продвинулся вперед, тогда как друг обрел зрелость и уверенность, какими он пока похвастаться не мог. А ведь они почти ровесники. И дело не только в знаниях, но и в манере по-хозяйски обращаться со знаниями, которые все упрощали. То же самое Роберт чувствовал по ходу бесед в Префектуре и, до некоторой степени, в поведении гостиничного Патрона. Тут есть какая-то общность атмосферы, ощущавшейся и в учреждениях и событиях этого города, в котором он был чужим, но который все больше его завораживал.

— Барахтаюсь как рыба в сетях, — сказал он Кателю.

— А чем плохо? — заметил художник, и голос его звучал в этот миг вполне сердечно. — Такое состояние не просто изображает свободу, но еще и допускает возможность выскользнуть из него через ячейку — в подлинную свободу. Пошли, Линдхоф. Ты же собирался на Фонтанную пло-

щадь? Пройдем через открытые подвалы, это не крюк.

Художник деликатно позволил Роберту идти справа. Оба молча шли через помещения, которые полями разбитых стен лежали глубоко в земле под открытым небом, как вдруг Роберт остановился, изумленный представшим глазу зрелищем.

Посреди четырехугольника, образованного голыми стенами, перемежающимися только широкими дверными проемами, колыхалась людская масса: множество женщин боязливо сновали туда-сюда, порой ненадолго замирая, погруженные в какое-то безмолвное, сосредоточенное действо. Эти несчетные женщины, толпившиеся здесь и в соседнем помещении, были, пожалуй, разного происхождения и разного возраста. Куда ни глянь — всюду они доставали из шкафов и комодов хорошо знакомые вещи, должно быть шали и белье, разглаживали их руками, а затем снова укладывали в сундуки и комоды, причем заботливость, с какой они это делали, совершенно не вязалась с незначительностью самого занятия. Ведь, меж тем как они, размеренно кивая головой, принимались пересчитывать свое добро, в руках у них ничего

не было — они лишь притворялись, что наводят порядок. И мебель тоже существовала только в их воображении. Однако воспоминания о привычном, но утраченном жизненном укладе были настолько ярки, что им вправду казалось, будто они выдвигают ящики, открывают и закрывают шкафы, состоящие из воздуха, из пустоты.

На лицах у них читалась до предела напряженная, нерушимая сосредоточенность. Временами они озабоченно качали головой, словно что-то не так или недостает какой-то вещицы, а потом, видимо сообразив, куда ее переложили, с победоносной улыбкой извлекали пропажу из укромного тайника. Вот так они, то и дело удостоверяясь в сохранности, своего мнимого добра, большого ли, малого ли, удовлетворенно оберегали воображаемые пожитки, и скаредность стояла на страже их богатства.

Порой они протягивали друг другу ту или иную вещицу, ощупывали ее, определяя добротность или изношенность, и откладывали в новые кучки. Кое-кто сидел на полу, вроде бы вдевал нитку в иголку и стежок за стежком шил белье, которого нет. Но они проверяли подгибку и шов, периодически со вздохом немного отдыхали, разгибая скрюченные пальцы, и снова с

удвоенной энергией продолжали свое занятие, поскольку запасам и работе не было конца-краю. При этом в движениях у всех — и у тех, кто перебирал и рассматривал вещи, и у тех, кто шил и чинил, — сквозило что-то танцевальное, все словно бы знали, что разыгрывают пантомиму. Ведь они безмолвно общались друг с дружкой — взглядами, которые выдавали некий лукавый сговор, точно воры, норовящие спихнуть с рук чужое добро. Однако ж добро, несомненно, принадлежало им, они владели этой собственностью с тех пор, как она перешла к ним из сундуков и кладовок родителей и дедов и бабок или ею обзавелись они сами да еще и приумножили, чтобы позднее передать наследникам. Вот почему в их деловитости, сколь она ни противоречила любой практической цели, чувствовался этакий неизбывный императив. Размеренная деловитость, с какой повторялись все движения, поочередность вековечных действий, хотя уже только мнимых, соединяли тягостность и тщетность будней в абсолютную картину.

У Роберта, который был не в силах даже на секунду оторвать взгляд от этих женщин, вновь возникло ощущение, что если они вообще отдают себе отчет в его присутствии, то смотрят на него

сверху вниз, с превосходством. Только когда он наконец оглянулся на Кателя — стоя в углу, тот быстрыми штрихами набрасывал эту картину в своем альбоме, — ему подумалось: может быть, и Анна находится в одной из этих групп?

Но в этот миг, как утром в большой столовой, поблизости грянул сигнал будильника, который вывел женщин из их деятельного транса. Они проворно привели в порядок свое воображаемое добро, еще раз окинули его пристальным взглядом и удалились, спокойно, без всякой толкотни.

Едва заметная, висела над пустым четырехугольником дымка сумерек. Небо пока что не потемнело, только синева чуть потеряла в насыщенности, зато набрала блеска, будто солнечный свет пропитывал ее тем больше, чем ниже солнце клонилось к горизонту.

Катель захлопнул альбом.

— Урок окончен, — сказал он, будто Роберт прекрасно понимал, о чем речь.

— Может, среди них была и Анна? — спросил Роберт и даже не заметил, что, назвав госпожу Мертенс по имени, выдал другу, в каких они отношениях.

Но художник отвечать не стал, через последние открытые подвалы вывел Роберта к каменно-

му коридору и сказал, что ему надо следовать указателю «К-1», тогда он непременно выйдет на Фонтанную площадь. На прощание Катель обещал вскоре заглянуть к Роберту на службу, в Старые Ворота. Заходить в гостиницу он отказался.

V

Сидя в кресле у себя в номере, Роберт заложил руки за голову, откинулся назад и смотрел, как две восковые свечи на столе спокойно струят свой свет.

Когда распрощался с Кателем и быстро добрался до знакомых помещений подземного города, он таки побывал на Фонтанной площади. В Трапезную заходить не стал. Пресный запах еды, проникший в коридоры, наводил на мысль, что старики опять теснятся подле своих дымящихся мисок. Нишу с чемоданами он тоже нашел. Немного постоял на том месте, где последний раз видел Анну, в надежде, что волшебством своего желания сумеет призвать ее сюда. Но Анны нигде не было видно, ни здесь, ни на свободной площадке у фонтана, который, как и рано утром, окружало хрустальное облако сумерек.

Как и утром, он прислонился к краю каменной чаши, слушая ровный плеск струящейся воды и скользя взглядом по площади, быстро тонущей в вечерних тенях. Окрестности хотя и казались менее странными, нежели на рассвете, но, чтобы

встретить Анну, надо будет завтра прийти сюда в тот же ранний час, что и сегодня.

Вряд ли его ждут на службе в это время, так что приступить к работе он не опоздает. Пророчество Кателя, что Анне не избежать новой встречи с ним, похоже, оказалось ложью. Хотя, может статься, он не имел в виду непосредственно этот день, непосредственно ближайшие часы, как в своем беспокойстве вообразил Роберт.

В горле пересохло, и, чтобы набрать воды и напиться, он подставил под фонтанную струю сложенные ковшиком ладони. Глоток не освежил, поэтому он наклонился и поймал струю ртом. Фыркая, отпрянул, утер носовым платком брызги с лица и очков и в конце концов, руководствуясь больше чутьем, нежели знанием, зашагал по безлюдным улицам в направлении гостиницы. Единоборствуя с быстро густеющей тьмой, дневной свет перед глазами мерцал и искрился. И Роберт мог различить лишь неясные контуры низкого здания, примыкающего к пилону мощной арки ворот. Толстые ставни закрывали окна, расположенные довольно высоко над землей. Широкий арочный проем перегораживала двойная решетка, так что улица изгибалась и вела мимо пристройки. Без сомнения, перед ним

были Старые Ворота. Он медленно прошелся вокруг, тщетно высматривая вход в этот флигель. Поскольку же для визита все равно было слишком поздно, он продолжил путь. Искусственное освещение на улицах, похоже, отсутствовало, а если и существовало, им не пользовались. Только над дверью гостиницы горела свеча в синем подвесном стакане.

У себя в номере он нашел короткую вежливую записку от Патрона, что его-де тщетно дожидались к ужину, но оправдали предполагаемой занятостью по службе, а кроме того, ему приготовили весьма щедрую трапезу. Хлеб и фрукты в охлажденных контейнерах и графинчик с вином. Печатная табличка предупреждала постояльца, что электрическое освещение номеров всегда отключают через час после захода солнца, однако в распоряжении гостя имеются свечи. Роберт охотно попросил бы Мильту, старую служанку, разбудить его на рассвете. Но гостиница точно вымерла, нигде ни лучика света. Видимо, все уже отправились на боковую.

И вот теперь Роберт сидел, глядя на живые огоньки свечей, они, потрескивая, тянулись вверх. Потом достал из уже доставленного чемодана необходимые для ночлега вещи и, едва

положил голову на подушку, мгновенно уснул.

Проснулся он, когда в комнате было по-утреннему светло. Торопливо оделся, с досадой спросил у Патрона — тот собрался куда-то идти, и они столкнулись в вестибюле, — который час.

— Середина утра, — ответил Патрон.

— А женщины уже ходили к фонтану за водой? — поинтересовался Роберт.

Патрон сообщил, что это время, пожалуй, аккурат миновало. Кстати, высокие гости обычно завтракают у себя в конторе или в кафе по дороге. Он слегка приподнял шляпу и покинул гостиницу, оставив входную дверь открытой.

Время, когда была надежда встретить Анну, Роберт упустил, а потому решил наведаться в Старые Ворота и выбрал путь через нижний город. На сей раз он не обращал особого внимания на жизнь и занятия людей, неотличимые от вчерашних, и неподалеку от подземной площади Брадобреев обнаружил проход к лестнице, чьи ступени полого уходили вверх. Освещенная фонарем, она заканчивалась у пилона под широкой аркой ворот, решетки которых сейчас стояли настежь. Напротив лестницы была узкая дубовая дверца в богатой резной раме. Роберт постучал в нее латунным молотком, что висел

рядом. Немного погодя ему открыл пожилой чиновник в скромном, без украшений, форменном халате с широкими рукавами, напоминающем монашескую рясу. Он с серьезным достоинством приветствовал Архивариуса и по короткой лесенке провел его в каменную переднюю. Оттуда они прошли в длинную комнату, устланную разноцветными циновками. Сложенные из массивных тесаных плит сте́ны с расширяющимися вовнутрь оконными проемами обеспечивали приятную прохладу и мягкий рассеянный свет.

Чиновник, несомненно уведомленный Префектурой, подвел Роберта к большому письменному столу, стоящему торцом к окну, а сам удалился, чтобы дать Архивариусу время освоиться. Во многих местах от каменного пола до потолка в стены были встроены высокие шкафы, где стояли вручную переплетенные в свиную кожу или пергамент фолианты, в том числе каталоги, помеченные буквами и цифрами. Два письменных стола средних размеров, заваленные бумагами, конторка, тележка для книг, низкие стулья и подушки для сидения заполняли помещение, оставлявшее впечатление покоя и уединения.

Чиновник тем временем принес поднос с завтраком и пригласил Архивариуса к столу. Со-

стоял завтрак из простой пшенной каши, какой питался и вспомогательный персонал Архива. Пока пожилой чиновник — он представился как Перкинг — в осторожных формулировках, свидетельствующих об опыте и сдержанности, рассказывал про устройство Архива и про его сотрудников, Роберт разглядывал его умное лицо с мелкими морщинками вокруг глаз и тонкими бровями.

— Здесь постоянно трудятся двенадцать ассистентов, — разъяснял Перкинг, — которым до́лжно обеспечивать деятельность Архива. Исполняя свои обязанности, мы сменяем друг друга так, что работа не прерывается ни на минуту, ни днем ни ночью. Ведь, если вдруг поступит запрос из Префектуры, Архив должен быть всегда готов безотлагательно дать соответствующую справку. Кроме того, ежедневно поступают новые бумаги, тексты и документы, каковые надлежит не только зарегистрировать, но и тотчас же классифицировать согласно их содержанию или заменить ими уже имеющиеся. Упущенный день, да что там — упущенный миг наверстать невозможно.

— Понимаю, — кивнул Роберт, но думал он об Анне и о своих отношениях с нею.

Хотя эта деятельность — примерно так выразился ассистент Перкинг — предполагает и использует духовные способности, в истории человечества она, конечно, участвует лишь в скромном масштабе и не может считаться сколько-нибудь значительной в сравнении с мудростью, с какой законодательное руководство Префектуры управляет всем комплексом города-государства. Ассистенты Архива, несмотря на то что положением отличаются от обычного населения, тем не менее всего лишь ассистенты, выполняющие указания более высокой власти.

— А моя задача? — в конце концов спросил Роберт.

— Как начальник Архива, — любезно ответил чиновник, — вы можете быть благонадежны, что каждый из нас сознает ответственность, какую возлагает на него дух Архива. Смею даже сказать, что мы — сотрудники верные и испытанные. Можете на выборку убедиться, что за текущими делами мы не упускаем нашей главной работы.

— Господин Перкинг, — сказал Роберт, — буду весьма вам благодарен, коли вы поможете мне вникнуть в означенные материи.

Бегло улыбнувшись, ассистент указал Роберту на обширную картотеку, размещенную на

письменном столе, в стойке с выдвижными ящиками.

— Вот это — фундаментальное Наставление по использованию Архива, — сказал он, — плод многолетних трудов нашего Мастера Готфрида, вашего предшественника. Сей титул Архивариусы обычно получают после определенного испытательного срока… и вас, господин доктор, в свое время пожалуют званием Мастера Роберта. Ну а в Наставлении найдется соответствующее разъяснение по любому вопросу, а также отсылы к шифрам справочных томов и к местоположению обработанной или еще обрабатываемой литературы, в том числе материалов на пластинках. Если нам, ассистентам, картотека почти не требуется, ведь мы на практике до тонкости изучили структуру и состояние Архива, то новичку она облегчает жизнь, ибо таким образом он может освоиться у нас без посторонней помощи.

От Роберта не укрылся намек, что ему до́лжно полагаться лишь на себя, и теперь он слушал ассистента, не задавая вопросов. А Перкинг продолжал:

— Если учесть, что здесь хранится духовное наследие пусть и не всей планеты, но, во всяком случае, евразиатской ее части, причем собранное

за сотни и даже за тысячи лет… по сути, начиная с тех пор, как смертные придумали письменность… и оно не иссякает, а только множится, можно прямо-таки подумать, будто его не вместит ни хранилище Старых Ворот — а в этом хранилище, кстати, немало глубоких подвальных ярусов, — ни вообще какой-либо архив на свете. Да-да, как я вижу по вашим удивленным глазам, сей факт можно бы счесть утверждением безумца или одержимого манией величия, особенно если я добавлю, что подавляющее большинство наших рукописей представляет собой литературу малоизвестную и слывущую утраченной. Но мы не фантасты, хотя поневоле занимаемся и фантастикой, как и всякой мудростью, присущей человекам. Не в пример библиотекам и научным институтам всего мира, где хранят все случайно собранное независимо от того, используется оно или нет, в нашем Архиве все новые поступления автоматически подвергаются классификации и просеиванию на предмет содержательности идей. Творческих идей не настолько много, чтобы они не бросались в глаза как небесные созвездия. Масштабы и объем духовной субстанции исчислены природой точно так же, как песчинки на земле. И запас песчинок, и запас идей нельзя

ни увеличить, ни уменьшить. Различны лишь формы, в каких они являются, колеблется лишь интенсивность, с какой происходит возобновление той или иной идеи.

— Если я правильно понимаю, — сказал Роберт, — здесь собрано все существенное из когда-либо задуманного людьми и записанного на их языках, то есть совокупность всех истинных преданий. Кладезь духа и западня!

Перкинг приподнял левую руку, так что стала видна красная шелковая подкладка широкого рукава. Указательный палец ассистента смотрел вверх, он словно хотел изобразить в воздухе какой-то знак, но только повторил:

— Кладезь духа и западня! Как метко сказано! Достойно самого Курцико. — Он медленно опустил руку и продолжил: — Отношение человека к обыденности, любви, смерти, к начальству, истине и божественному закону, как вам известно, подчинено устойчивым ритуалам, в том числе и в смысле выражения. Точно волны, они ритмически повторяются во временно́й целостности. Они всегда — Сейчас, то бишь настоящее. Тот, кто однажды обрел перспективу, видит соответствия отдельных периодов и вклада народов. И тогда выясняется, что любая запись, будь то песня, идея,

изображение или описание, имеет свое отражение и образец в духовном пространстве. Новое не всегда превосходит старое силой и глубиной. Это облегчает нашу задачу. Однако я утомляю вас сведениями, которые для вас, ученого, комментариев не требуют.

— С чем бы и с кем бы я здесь ни сталкивался, — сказал Роберт, — я всякий раз извлекаю урок. Так было со мной уже в Префектуре, когда я слушал Верховного Комиссара.

— Верховный Комиссар, — тут ассистент Перкинг почтительно склонил голову, — один из великих на этой земле. Что́ мы, ассистенты, рядом с ним?

— Будьте добры, — сказал Роберт, — расскажите мне побольше об Архиве.

— Его суть можно обрисовать лишь в общих чертах, — снова заговорил Перкинг. — Конечно, в трудах философов, поэтов, ученых наблюдателей он содержит совокупность прошлого, но к этим фундаментальным идеям творческого процесса на земле в неменьшей степени примыкают и все письменные свидетельства, запечатленные кем угодно в письмах, дневниках, посмертных рукописях и записках, коль скоро в них, — эти слова старый ассистент особенно подчеркнул,

произнеся их с расстановкой, — коль скоро в них человеческая судьба представлена как пример судьбы космоса.

Роберт довольно долго молчал, однако же неотрывно смотрел старому ассистенту в глаза.

— Только вот, размышляя обо всем об этом, — наконец проговорил Роберт, — я задаю себе вопрос, какая инстанция вправе и в состоянии судить, имеет ли некое свидетельство ценность или нет. Если не ошибаюсь, речь здесь идет о бессмертии, о нетленности. — Не обращая внимания на почтительные кивки ассистента, он с живостью продолжил: — Каждый, кто относился к своей работе серьезно, отдавал ей все силы, всю жизнь. Одно производит воздействие сию минуту, но в ходе времен утрачивает яркость. Другое же, для современников незначительное или туманное, потомки гордо превозносят.

— Все написанное, — учтиво вставил ассистент, — претендует на долговечность. Фиксирует данный момент. Однако можно полагать общеизвестным, что зачастую пишущим движут воля, честолюбие, желание показать себя, а порой — безотчетное стремление приобщиться к восторгу жизни, жажда высказаться, аффект или накопление знаний. Личное, субъективное

бессмертным не бывает, а если бывает, то лишь кратковременно. Только когда устами человека глаголют властные силы, слова его раскрывают свой творческий потенциал. Лишь анонимное обладает неким бессмертием. Но есть ли человек орудие добрых или злых сил, сосуд божественного или демонического, познанию смертного недоступно. Современники, господин доктор, охотно предаются на сей счет иллюзиям, да и умозаключения потомков не всегда справедливы. И все же… есть инстанция, решающая, что́ необходимо сохранить и на какой срок. Одна-единственная ответственная инстанция, где вы сейчас и находитесь: Архив.

— Абсолютная инстанция, — сказал Роберт с оттенком сомнения, — справедливо решающая о бессмертии любого творческого результата?

— Она действует органично, — поправил старый ассистент. — Точно так же, как Префектура властвует эффективностью и продолжительностью человеческой судьбы.

— Ах! — коротко вырвалось у Роберта, он взволнованно прошелся по комнате, остановился и сказал: — Что́ в этом мне, приглашенному Архивариусу! Я никогда не рискну вынести перед историей подобный приговор.

— Это не пристало ни вам, ни нам, ассистентам, — тихо ответил Перкинг. — Приговор выносит себя сам. Он изначально заключен во всяком деле — как судьба в человеке. Подобно тому, как суд вершит не Префект, но Префектура, так и в нашей сфере решает не Архивариус, но Архив.

— Однако что значит — Архив! — вскричал Роберт. — Неужели существует одна только механика безличного?

Сжав в карманах кулаки, он вызывающе стоял перед Перкингом. Тот провел ладонью по своей хламиде, словно хотел непременно смахнуть какую-то пылинку, и сказал:

— Каковы планы Префектуры касательно вашего назначения начальником Архива, никому из нас, ассистентов, знать не дано.

Роберт попросил прощения за свою резкость. Перкинг, оставив его извинения без ответа, заговорил о том, как сложно объяснить суть инстанции, которая стороннему человеку на первый взгляд явно кажется непостижимой. Но, как он только что упомянул, приговор выносится сам собой, благодаря особому характеру каждого документа.

— Мы, ассистенты, — продолжал Перкинг, — лишь обеспечиваем его исполнение. Опусы,

недостаточно проникнутые живым духом, бракуются, то есть рассыпаются в прах, причем без нашего участия. Правда, иной раз мы можем ускорить этот процесс, как обычно и поступаем с демагогическими трактатами и литературной продукцией, преследующей дешевые сиюминутные цели. Тем быстрее безрассудно растраченные помыслы и чувства могут вернуться в состояние исходного материала, вновь освободиться, но не раньше, чем пройдут сквозь чистилище. Ведь им тоже необходимо очищение. С другой стороны, мы сохраняем и некоторые устрашающие образчики духовного заблуждения и человеческой самонадеянности. И поступаем мы так затем, чтобы пригвоздить к позорному столбу глупость и беспардонную закоснелость, эти два бича человечества. Ведь… — старый ассистент наклонился к Роберту поближе, — ведь исконный враг правды не ложь, а глупость.

Перкинг подошел к одному из письменных столов, заваленному множеством рукописей.

— Как раз тут, среди поступивших вчера бумаг, мне попалась фраза, иллюстрирующая эту точку зрения. Я нашел ее в дневнике мужчины, который никогда в жизни ни строчки не публиковал; он служил в конторе какого-то предприятия, жил

скромно и втихомолку размышлял. Вот послушайте.

Роберт вместе с ним смотрел на страницу, и ассистент прочитал вслух:

— «Я не верю в бессмертие души, зато верю в бессмертие глупости. Когда-нибудь от нашей Земли ничего не останется, а на ее месте в космическом пространстве еще долго будет кружить туманное пятно: испарения всей человеческой глупости, начиная от Адама».

— Неплохо сказано, — похвалил Роберт, — хотя без последних трех слов обобщение было бы еще шире. В целом типичный сарказм поздней эпохи.

— А вы разбираетесь, — уважительно заметил ассистент.

Он предложил Роберту осмотреть Архив и заодно познакомиться с остальными сотрудниками. Как и сам Перкинг, ассистенты в большинстве были мужчины в годах, с седыми волосами, с умным, сведущим взглядом, который быстро скользил по фигуре Роберта и тотчас уходил в безмерную даль, где они витали, читая и делая записи. Одни за работой сидели на корточках, другие опирались на конторку. Их позы и движения отличались спокойной гармоничностью и

говорили не об усталости, а скорее о благодетельной терпеливости.

Помещения Архива располагались большой частью в подземных этажах, куда вела винтовая лестница. Перкинг приглушенным голосом давал Роберту пояснения касательно работы ассистентов, заключавшейся в классификации, сохранении и ликвидации.

— Нашего Мастера Мага, — сказал он, — хранителя печати секретных документов, который обитает в самом глубоком подземелье Архива, вам лучше навестить в другой раз.

В залах всех семи ярусов, широкими пещерными ходами пробитых в земной тверди, высились стройные ряды фолиантов, папок, книг и свитков — свидетельства минувшего, предания, заповеданные настоящему. Молодые служители в форме посыльных стояли в ярко освещенных помещениях на страже мировых духовных запасов, по которым Роберт скользил благоговейным взглядом. В иных залах он невольно отметил поистине несметное количество китайских и тибетских манускриптов, эллинистические и римские памятники и те значительно уступали им числом. Например, здесь было невесть сколько трактатов о жизненной силе дао. Однако

вдаваться в подробности сейчас нет времени. Ведь это всего лишь короткая экскурсия, чтобы новый Архивариус более-менее составил себе впечатление.

— Какие сокровища! — сказал он, вновь поднимаясь с Перкингом по стоптанным ступеням винтовой лестницы. — Какая жизнь после смерти!

— Коли вы, господин доктор, пожелаете полностью переселиться к нам, — рассудительно заметил ассистент, — то, помимо кабинета, в вашем постоянном распоряжении будет также личная гостиная-спальня.

Роберт заинтересовался.

— Она находится, — добавил Перкинг, — напротив, в круглом пилоне, где, как вы, наверно, уже заметили, нет примыкающего флигеля. Изначально он, вероятно, был предусмотрен для симметричности комплекса, но строительство так и не завершили. Поэтому наши Старые Ворота, имея пристройку-флигель лишь по одну сторону, выглядят непропорционально, что, впрочем, не слишком бросается в глаза, поскольку городские дома на свободной стороне постепенно подступили к Воротам весьма близко. Оставшийся обособленным вместительный

пилон, где находится приготовленное для вас жилье, соединен с помещениями Архива крытой галереей, проложенной на высоте арки.

Ассистент уже поднялся по изгибам крутой лестницы. Галерея, проходившая меж пилонами по верху арки, оказалась до того низкой, что позволяла идти, только пригнувшись. И света через круглые окошки проникало слишком мало. В другом пилоне такая же крутая лестница вела на площадку этажом ниже, где и располагалась особая полукруглая комната.

Войдя, Перкинг первым делом обратил внимание Роберта, что здесь вдобавок есть тайный вход, напрямую ведущий к одной из катакомбных дорог.

— Вон там, в нише, люк с опускной дверцей, — сообщил ассистент. — Стало быть, можно попасть в комнату или уйти, не прибегая к обходному пути через галерею и архивный флигель.

Роберт не мог не оценить это преимущество, к тому же его привлекала диковинность жилья.

Той же дорогой они вернулись обратно и снова очутились на широкой каменной площадке по другую сторону ворот. Когда они направились в уже знакомый Роберту длинный кабинет Архивариуса, Перкинг упомянул, что, пока место

начальника было вакантно, кабинетом пользовался он сам, но теперь, когда назначен новый Архивариус, конечно же, очистит помещение. Тем более что он как-никак старший ассистент и его присутствие требуется во многих отделах Архива.

С этими словами он вручил Роберту ключи — как от главного входа и решеток, так и от тайного коридора с опускной дверцей. Гостиничный номер Роберт решил пока оставить за собой, но в особых случаях, если, скажем, допоздна засидится на работе, можно будет заночевать и в Архиве. Напоследок Перкинг положил на письменный стол объемистую тетрадь с чистыми страницами, предназначенную, как он пояснил, для записи текущих событий, и вышел в соседнюю комнату, где заговорил с другим ассистентом на каком-то чужом языке. Дверь он не закрыл. Что же Роберт должен записывать? В нерешительности он открутил колпачок авторучки, открыл тетрадь и написал на первой странице: «С сегодняшнего дня д-р Роберт Линдхоф вступает в новую должность». Немного погодя он опять задумчиво закрутил колпачок.

Кому же служит Архив, который, как он внятно чуял, в корне отличен от обычных библиотек?

Во время экскурсии Перкинг обронил, что Архив должен обеспечивать ясность знаний. Но кто им пользуется, кому от него прок? Какую цель преследует запись текущих событий?

Он уже подумывал позвать Перкинга для нового разговора, как вдруг с улицы донеслись тихие взволнованные голоса. Ассистенты в соседней комнате, погруженные в свою работу, оставили их без внимания. А вот Роберту, который начал читать дневник некоего коммерческого служащего, беспокойные голоса, звучавшие все громче, не давали сосредоточиться, в конце концов он встал и подошел к оконной нише.

Насколько хватает глаз, по всей улице стояли в дверях кучки людей, почти сплошь женщины, и поголовно все неотрывно смотрели в одну сторону. Из оконцев и окон тоже в волнении высовывался народ, а из соседних переулков к ожидающим поспешали новые и новые любопытные. Внезапно толпа всколыхнулась, женщины подталкивали одна другую, незнакомые оживленно кивали друг другу, словно радовались предстоящему событию. «Идут! Идут!» — закричали на дальнем углу. Весть разлеталась по округе, подгоняя последних задержавшихся горожан. Голые каменные фасады сияли желто-алым

блеском.

Общее напряжение захватило и Роберта, он перегнулся через широкий подоконник. Среди зрителей ему вскоре бросился в глаза сухопарый господин в сером цилиндре, с неподвижным лицом: он вроде как праздно расхаживал туда-сюда, будто здешняя ажитация не имела к нему касательства, однако сверлящий, пристальный взгляд явно не упускал ни малейшей детали происходящего. На миг и Роберт ощутил его на себе, но осознал это лишь задним числом, когда господин в сером цилиндре уже безучастно повернулся к нему спиной и исчез в толпе.

Толпа плотной шпалерой окаймляла мостовую, по которой теперь медленно, ритмичным шагом приближались дети, длинная вереница мальчиков и девочек. Маленькие фигурки пружинили, будто перед ними не дорога, а подвесной мост и ступают они по нему с большой опаской. Большей частью в каждой шеренге шли четверо, одни судорожно держались за руки, словно для уверенности, другие шагали поодиночке.

На головах у всех цветочные венки, у иных букетик приколот на груди или зажат в кулачке. Впереди — младшие, едва научившиеся ходить, за ними — остальные, построенные четко по

росту, самым старшим на вид лет двенадцать-тринадцать. Девочки в светлых, главным образом белых платьицах, мальчики в синих прогулочных комбинезонах или в матросках. Некоторые даже надели школьные ранцы, а некоторые крепко прижимали к себе игрушку — куклу, обруч или кораблик.

Судя по этим вещицам, тут вовсе не торжественная религиозная процессия, как могло бы показаться на первый взгляд. Вереница детей скорее наводила на мысль о какой-то пешей экскурсии. Или же о пленниках, об изгнанниках, которые поневоле уходят в чужие края. Глаза у них блестели, и солнечные лучи им, похоже, не мешали, ведь все как один, не мигая, неотрывно смотрели вверх. А открытые рты создавали впечатление, будто они поют, хотя ухо не улавливало ни звука. Впрочем, временами зрелище больше напоминало безмолвный крик. Глядя вверх, многие приподняли брови, и на лбу у них возникли морщины, лишавшие лицо беззаботности и придававшие ему что-то задумчивое, удивленное. Иные, правда, улыбались, но подлинной радости в улыбке не было, она казалась слащавой, и только. Над головами детей висела дрожащая пелена, в которой Роберт, присмотревшись, распознал

рой блестящих сине-зеленых мух; они без устали кружили над маленькими фигурками, назойливо садились то на руки, то на лицо, ползали, потом снова взлетали, хотя никто их не отгонял. Воздух полнился противным жужжанием. Добродушный мужчина в первом ряду зрителей поймал ладонью одну из мух, осторожно ухватил за крылья, с наслаждением оторвал все ножки, а затем раздавил.

Мало-помалу добравшись до Старых Ворот, детская гурьба в сторону не свернула, прошла напрямик под аркой, ведь решетки, как Роберт заметил еще утром, стояли настежь. На взрослых, которые буравили их взглядами, дети не обращали ни малейшего внимания. Молча и решительно шли своей дорогой, ни один не оборачивался, хотя нередко их ласково окликали по имени. Порой кто-нибудь из женщин задерживал взгляд на том или ином ребенке, словно он пробуждал в памяти что-то близкое и родное, счастливую гармонию жизни. Вот и Роберт тоже невольно подумал о своих двоих детях и принялся высматривать в стайках, проходивших совсем рядом, Эриха и Беттину. Но их не было, хотя ему чудилось, что он примечает их то тут, то там, а в конце концов прямо-таки повсюду — до такой

степени сходство еще не оформившихся черт затмевало отдельные различия.

Он вдруг сообразил, почему в хождениях по городу его все время преследовало пугающее ощущение заброшенности: нигде, ни на улицах и площадях, ни в катакомбах, он не встречал ни одного ребенка, нигде не слыхал ни шума их невинных игр, ни звонкой свободы их голосов. Здесь не было детей, вот в чем дело, примерно как на курортах, где, оберегая ищущих исцеления больных, детей в парки и санаторные кварталы не допускали. Раньше, до приезда сюда, Роберт не раз говорил, что к детскому гаму способен привыкнуть лишь тот, кто сопричастен к его возникновению, ведь ему самому внезапный ребячий галдеж на улицах, назойливая крикливость голосов и необузданный рев частенько действовали на нервы, поскольку для работы требовалась тишина. Но эти ребятишки безмолвствовали, даже не плакали, просто тихо-мирно и решительно шли своей дорогой. Они словно наполняли улицу волшебством, и Роберт, кажется, все бы отдал, лишь бы у них поубавилось покорности и всюду, в том числе и в Архиве, зазвучала их веселая болтовня. Впрочем, уже одно их присутствие на время совершенно из-

менило бездетный город. Теперь он понимал и почему народ с таким энтузиазмом устремился им навстречу и так благоговейно провожал их взглядом. Ведь эта детвора не иначе как явилась сюда из других краев и в городе не задержится, пойдет дальше.

Никто из горожан последовать за ними не дерзнул. За уходящими следовали только городские служители с открытыми паланкинами. В них лежали крошечные младенцы, в пеленках, с пустышкой во рту. Если б они не вытягивали крохотные ручки и, барахтаясь, не оголяли ножки, можно было бы принять их за восковые куклы. Городские служители, с безучастным видом несшие свой легкий груз, были одеты в кожаные фартуки и картузы, какие Роберт уже видел на людях, что чистили улицы и забирали от дверей мусор. Он поежился. Зрители разразились восторженными криками:

— Какой милый вон тот, с голубой ленточкой! Какой чистенький! Вы только посмотрите! А какая прелесть вон тот, с розовым бантом в волосах!

И женщины, старые и молодые, вытянув вперед раскрытые ладони, принялись покачиваться из стороны в сторону. И продолжали мягко по-

качиваться, пока паланкины один за другим не исчезли из виду. Мушиный рой тоже рассеялся.

Когда последний городской служитель невозмутимо запер за собой решетку, ассистент, который недавно рассуждал о том, что чувствам дóлжно поскорее разрушиться, дабы выпустить на волю составляющий их материал, а именно старый Перкинг, подошел к Роберту, все еще стоявшему у окна.

— Примерно раз в два дня, — неторопливо проговорил он, — здешние обитатели таким вот образом провожают по городу группу детей. И сколько этот спектакль ни повторяется, для зрителей он не теряет привлекательности. Иными словами, хотя участие населения в маленьком параде сугубо добровольно, оно, конечно же, засчитывается как урок. Многих это зрелище трогает и ободряет.

— Можно спросить, — вставил Роберт, — куда они идут?

— Они приходят и уходят, — отвечал ассистент. — К северо-западу от города простираются обширные территории.

— Об этом мне уже говорили в Префектуре.

— Вполне естественно, — заметил Перкинг, — что дети проходят через город без задержки. Их

жизнь еще не напечатлена собственной судьбой.

Роберт кивнул.

— Впору подумать о рае, — сказал он, — о невинности знания. Однако, — продолжил он после короткой паузы, — рой мух, этих мерзких паразитов!

— Наверху мухи, внизу крысы! — сказал Перкинг. — Остатки животной жизни, для них и река не преграда.

И, словно высказал или предположил слишком много, старый ассистент оборвал разговор и вышел из кабинета.

Вскоре и улица снова выглядела как обычно. Большинство зрителей разошлись, лишь немногие пока стояли в нерешительности, но вот и они зашагали прочь. Роберт хотел было вернуться к бумагам на письменном столе, но вдруг кое-что вспомнил. Замер на секунду, потом резко повернулся и, на бегу коротко попрощавшись с ассистентами, устремился вон. Впрочем, ассистенты так углубились в работу, что не обратили внимания на его поспешность.

В вестибюле Роберт мимоходом схватил шляпу и перчатки и, пока дверь за ним медленно закрывалась, был уже на улице возле Ворот. Навстречу ему тихонько шла Анна.

VI

Анна была в том же дорожном костюме, что и накануне утром. Добавила только широкополую шляпу из светлой соломки, с яркой лентой, кончики которой весело трепетали на ветру. При виде Роберта Анна остановилась. В ее лице сквозила едва заметная ласковая насмешка, под которой явно таилось смущение.

— Ты! — воскликнул он, сжимая ее руку.

— Ну конечно, я, — сказала она, — и ты теперь тоже здесь, Роб!

Она высвободила руку и одернула рукав жакета.

— Ты, верно, сердишься, — для очистки совести сказал Роберт, — что вчера утром я тебя не узнал.

— Вчера утром? — переспросила Анна, опуская глаза.

— Ты же помнишь, — сказал он. — Когда я вышел из вокзала и стоял на большой площади, где ты с другими женщинами набирала воду из фонтана.

— Верно, — сказала она, — мы всегда ходим

за водой спозаранку. Значит, это было вчера? Я помню только, что ты меня не узнал.

Она опять улыбнулась, посмотрела ему в лицо.

— Что с тобой? — всполошился он. — Я тебя обидел?

— Нет-нет, — запротестовала она.

— Пойми, — продолжал Роберт, — все казалось мне новым и странным, поездка сюда, совершенно нежданная, утомительность путешествия, долгий путь от вокзала до города, вдобавок я был готов к чему угодно, только не к встрече с тобой.

— Я понимаю, — кивнула она.

— Кстати, у меня вскоре возникло ощущение, что в подземелья провела меня именно ты. Потому я и окликнул тебя, когда ты уходила, но в сумерках не сумел удостовериться в правильности догадки.

— Ты нашел жилье? — спросила она.

— Да, спасибо. Если б ты, Анна, сразу заговорила вот так, как сейчас, я бы мигом тебя узнал. Но ты приложила палец к губам.

— Ты тоже мог быть фантомом.

— Не надо шутить, Анна, — попросил он.

— А что было после?

— После… долго рассказывать. В сущности, я весь день искал тебя.

— Правда, Роб? Как замечательно!

— Но Анна! Ты же знаешь, ка́к я тебя ждал. Всегда ждал.

— Разве это сравнится со здешним ожиданием! — воскликнула она. — Но теперь я рада. Ведь ты приехал. В самом деле последовал за мной.

Роберт медлил, словно что-то обдумывая. Потом взял ее за локоть и только сказал:

— Идем. Прогуляемся немного.

Они шли по зачарованным переулкам, будто одни в целом свете. Сворачивали то направо, то налево, не замечая, что делают круг и выходят все время на то же место. Шли медленно, Анна старалась идти с ним в ногу, и юбка нет-нет натягивалась у нее на колене. Слово за слово торопливый, сбивчивый разговор первых минут успокоился.

Само собой, она тоже подумала, что он находится среди зрителей, которые пришли смотреть на детей. Кому охота пропустить такое зрелище? И как раз теперь она не могла отделаться от впечатления, будто мимо во плоти проходили и нерожденные… Нет, она не плачет. Только ведь она не могла знать, где он стоит, вот и шла по улице до самых Старых Ворот, а надежда таяла с каждой минутой. Она вообще предпочитает

избегать это место… Какое место? Ну, то, где с незапамятных времен сидят летописцы, эти духовные пастыри, от которых ничего не скроешь… Да нет, у нее по-прежнему есть секреты. В том числе и от него. На то она и женщина!

Ее смех звучал в его ушах смутным соблазном. Он крепче стиснул ее локоть. По правде, она могла бы и не упоминать о Старых Воротах, Роберт все равно умолчал бы о своей причастности к Архиву. Слишком отчетливо он помнил, как странно сообщение об этом подействовало на Кателя. Но разве Анна не видела, что он вышел к ней из Ворот, а могла бы заметить его еще раньше, в окне?

— Я как раз оттуда, — сказал он.

— А не снизу? — спросила она без всякого подвоха, потому что знала про выход из катакомб, который выводил на улицу как раз под аркой Ворот.

— Увы, нет, — ответил он. — Я наблюдал за шествием детей из Архива, куда меня пригласили заранее.

— Ах да, — вздохнула она, — практические занятия не прекращаются никогда. Надо все время что-то делать, что-то устраивать, что-то заканчивать. — Она теребила пуговицы своего

жакета. — У тебя небось все рукописи и бумаги отобрали, они каждое написанное слово тащат к себе, оценивают — дескать, на благо человечеству! Смешно, но мне совестно от одной мысли, что там и мои мечты могли разобрать по косточкам.

— Что ты так горячишься, любимая! — Роберт остановился. А немного погодя спросил, была ли она среди женщин, что разыгрывали балетный спектакль в открытых подвалах.

— Меня часто занимают в этих пантомимах, — мягко отвечала Анна, хотя вопрос вызвал у нее досаду, — они входят в число регулярных уроков. Кому это интересно.

— Я здесь новичок, — уклончиво отозвался он.

— Пошли дальше! — сказала она, чуть ли не по-матерински ласково.

Они снова бок о бок шли по извилистым, полным теней переулкам, не обращая внимания на убожество окрестностей. Порой задевали друг друга бедром. И молчали.

Обоими завладело чувство единения, которое никогда еще не наполняло их таким восторгом. Избавленные от чужих глаз, они могли, не таясь, быть вместе. Раньше им удавалось встречаться лишь украдкой, чтобы погулять вдвоем где-ни-

будь далеко, на отдаленных полевых стежках, постоянно опасаясь вдруг столкнуться со знакомыми, которые могут донести об этом мужу Анны или жене Роберта.

— Кстати, я встретил здесь друга юности, — сказал Роберт, — о котором несколько лет ничего не слышал, Кателя. Я знаю, ты лично с ним не знакома, все это было намного раньше. Но я наверняка говорил тебе о нем. И в нашей старой квартире ты определенно видела его акварели, одна висела в комнате Элизабет.

— Ах да, Элизабет, — задумчиво обронила Анна. — Как давно все это было.

— В ту пору, — продолжал он, — ты, совсем еще девочка, училась в университете. Я прямо воочию вижу, как ты впервые пришла ко мне в институт, на семинар по восточным языкам, и я рассказывал тебе про ассирийскую цилиндрическую печать, на которой был изображен скачущий единорог.

— Ты и это помнишь! — сказала она, глядя в пространство перед собой.

— Как давно мы с тобой знакомы, Анна!

— Очень давно, Роб!

— С перерывами, — заметил он, — со странными разрывами. Когда ты вдруг вышла замуж…

нет, не стоит углубляться в прошлое.

— Не стоит? — спросила она.

Они шли меж холодных развалин, по безлюдным, вымершим улицам.

— Ты опять со мной, — сказал Роберт. — Последний разрыв был хуже всего: когда ты уехала куда-то в горы и никто о тебе больше не слышал. Я не верил, что мы когда-нибудь вновь будем вместе, вот как сейчас. Катель, кстати, это предвидел, сказал, что все уладится, как только ты узнаешь, что я здесь.

— Роб, здесь уже нельзя завязать новые отношения, можно лишь допрясть нити до конца. Мы были предназначены друг другу, верно? И наша жизнь еще не исполнена.

Роберта настолько растрогало чистосердечное признание Анны, что, не в силах произнести ни слова, он лишь нежно погладил ее по руке. До чего же иным, до чего же естественным все вдруг стало меж ними. А ведь прежде в решающие мгновения она всегда втайне сопротивлялась и не позволяла их жизни исполниться, как говорила теперь!

— Теперь я по-настоящему свободна, — оживленно продолжила она, — и ты тоже.

Роберт решил, что ощущение Анны вызвано

окончательным разводом с мужем, а потому сказал:

— Стало быть, этот процесс закончен?

— Глупыш, — вскользь обронила она, — ты же прекрасно знаешь, что закончен. Зачем притворяешься?

— Позволь, — сказал он, — отец сообщил мне, что ваш развод рассматривается здесь в новой инстанции.

— Твой отец? Как же так?

— Вчера, когда ты ушла, я повстречал его. Внизу, в Трапезной.

— Значит, он до сих пор здесь? Хотя почему бы и нет. Ах, вот ты о чем, Роб! — Голос ее звучал неуверенно. — Я об этом мало что знаю. Забудь.

Стоя посреди улицы, они скользили взглядом по ее унылым развалинам, вверх по пустым фасадам, за которыми дотла сгорела гостеприимная жизнь, мысленно видели комнату и сад, а далеко за их пределами недостижимые поля и земли, потому что все мосты уничтожены. Но боль, пронзившая обоих как порез на кончике пальца, у каждого была своя.

— Какая у тебя прохладная кожа, — сказал он. Поднес ее руку к губам и нежно поцеловал ладонь.

— Не здесь! — сердито бросила она, поспешно отдергивая руку.

— Чего ты боишься? — воскликнул Роберт. — Поблизости никого нет, да никто нас тут и не знает, верно?

— По-моему, кто-то все время наблюдает. — Анна опять нервно одернула рукав жакета, натянула его на запястье. — Я замерзла, Роб. Ты ведь останешься у меня?

— Весьма опрометчиво так долго стоять в тени стен. Пойдем на солнышко.

— Мне страшно! — прошептала Анна. Но тотчас взяла себя в руки. — Извини, Роб! Просто я подумала о плохом. Тебе это пока незнакомо. Здесь люди придают большое значение приметам.

Широкими шагами Анна решительно направилась к площади, залитой ярким солнцем, а дойдя до середины, попыталась на ходу украдкой оглянуться.

— Смотри! — взволнованно сказала она и задержалась неподалеку от фонтана, так что немного обогнавший ее Роберт обернулся. — Смотри, наши тени сливаются! — Голос ее звучал освобожденно, уже не так сдавленно.

— И здесь мы встретились в первый раз, — сказал он, совершенно счастливый.

Она вытянула губы трубочкой и приложила к ним палец. А Роберт, наклонясь вбок и тем укоротив свою тень, ловкими движениями плеч и рук заставил ее плясать на земле. Анна не шевелилась, но зрелище, похоже, доставляло ей удовольствие.

— Твоя тень, — присмотревшись, сказал он, — вроде бы светлее моей. Странно! Никогда такого не видел!

— Ты ошибаешься! — воскликнула она.

— Чуть-чуть светлее, — упрямо повторил он, — ошибиться невозможно. Если я, к примеру, буду держать руки вот так, чтобы их тень упала на твою, это место сразу становится заметно темнее. Неужели не видишь? Сейчас примерно там, где твое сердце, а теперь…

Он осторожно опустил ладони наискось вниз, так что их более густая темнота отчетливо скользнула по лону ее тени.

— Что ты делаешь… — только и успела сказать Анна.

Ноги у нее подкосились, лицо и даже губы побелели, Роберт едва успел подхватить бесчувственную. Отнес к фонтану, благо было недалеко, не замечая, что ее ноги волочатся по земле. Осторожно усадил, прислонил спиной к стенке чаши.

Потом, не выпуская Анну из объятий, достал носовой платок, окунул в воду и смачивал ей лоб, виски и сухие губы, пока они не затрепетали.

— Анна! — воскликнул он, наклонясь к ней, потом еще раз и еще: — Анна!

Она открыла глаза, распахнула их широко-широко, взгляд метнулся направо, налево, сквозь него, как бы не узнавая. И веки снова упали. Он испуганно схватил ее бессильно повисшую руку, хотел пощупать пульс. И замер — на запястье оказалась толстая повязка, эластичный бандаж, не позволяющий найти артерию. В смятении он выпустил ее руку. Когда Анна вновь открыла глаза, взгляд уже не метался, сосредоточился на его лице.

— Ах! — воскликнула она с неподдельным удивлением. — Ты еще здесь? Я-то думала, все кончилось. — Голос у нее звучал невнятно.

— Ничего не говори, любимая, — попросил Роберт. — Разве я мог тебя оставить!

— Не знаю, — тихо сказала она. — Ты по-прежнему Роберт?

— Да, Роберт, — успокоил он, — правда-правда Роберт. Сиди спокойно, Анна, тебе надо отдохнуть.

— Но мне хочется танцевать, — сказала она,

меж тем губы ее легонько порозовели, — танцевать с тобой. В самом деле хочется. — Она кивала головой, непрерывно, все сильнее и сильнее, и вдруг выкрикнула: — Оставь меня! — А когда он попытался удержать ее, одним сердитым движением вырвалась из его объятий.

Шляпа упала наземь. Анна выпрямилась и неуверенно, из стороны в сторону мотая головой, проделала несколько неловких танцевальных движений. Потом обеими руками схватилась за чашу фонтана.

— Я устала больше, чем думала, — сказала она, тяжело дыша. — Ничего, сейчас пройдет.

Ей удалось самостоятельно сесть на край фонтана, хотя Роберт готов был пособить.

— Пожалуйста, Роб, — без улыбки сказала она, — помоги мне снять чулки и туфли. Знаешь, если я опущу ноги в прохладную воду, сразу станет хорошо.

Не развязывая шнурков, Роберт снял с Анны туфли, изо всех сил дернул подвязки, после чего она сама молча их отстегнула, и нагнулся пониже, чтобы стянуть тонкие чулки.

— Я впервые так делаю, — сказал он, выпрямляясь. Кровь ударила ему в голову.

— Правда? — обронила она. — Значит, обычно

мне только грезилось. А может, и сейчас тоже.

Он рассмеялся. Анна пальцами взъерошила ему волосы. Он хотел обнять ее, прижать к себе. А она уже сидела верхом на краю фонтана, перекинула через него другую ногу, подобрала юбку, опустила ноги в чашу и по-детски зашлепала по воде. Роберт оказался у нее за спиной и обнял, обхватив ладонями груди. Небо безоблачно синело над головой, и эта неизменная синева, висящая над городом, тяжким грузом навалилась на обоих.

— Но ты более не греза, — сказал он.

— Мы опоздали! — воскликнула она, испуганно глянув на солнце. Быстро вытащила ноги из воды и босиком соскользнула на землю. Снова надела свою широкополую шляпу и попросила Роберта подождать. Все, мол, займет считаные минуты, она быстро получит у начальника письменное разрешение. В смысле на вторую половину дня. А ему лучше пока осмотреть собор — это недалеко — и заодно отбыть одну из общепринятых здешних повинностей. С этими словами она кивнула на дальний узкий конец овальной площади. Потом они встретятся на трамвайной остановке.

— Присмотри за моими вещами, ладно? — уже уходя, крикнула она.

Роберт был покуда не в состоянии осмыслить

торопливые реплики Анны и только смотрел, как она большими шагами спешит ко входу в подземелья. Казалось, ей было совершенно безразлично, что она босиком. Когда Анна исчезла из виду, он глянул в указанном ею направлении: в дрожащем от зноя воздухе виднелся устремленный ввысь сужающийся фасад — явно культовая постройка. Подхватив чулки и туфли Анны, он задумчиво пошел через площадь.

Что она имела в виду, когда вдруг побежала за «письменным разрешением»? И с какой стати напомнила ему об исполнении какой-то ежедневной повинности? Ведь в силу своей должности он волен ходить повсюду и сам решает, что делать, а чего не делать. Впрочем, Анна могла и не знать о его широчайших полномочиях. Но пока была при нем, она находилась под его защитой. Ему вообще нет дела до какого-то там местного «начальника», у которого она сейчас испрашивает разрешение, у него в кармане особый документ, а в случае чего достаточно лишь позвонить в Префектуру, чтобы избавить Анну от любой нагрузки! В нем закипела досада. Кстати, давным-давно пора подумать об обеде! А обедать с любимой женщиной до́лжно в уютном ресторане, его гостиница никак не годится. Но раз уж так вышло, перво-наперво

надо осмотреть собор. Народ давно уже ходил в церковь не по причине набожности, а ради архитектуры постройки, ради произведений искусства. Хотя, рассматривая их, можно было, конечно, приблизиться и к тайнам бытия, как некогда происходило с верующими. Роберт поднял взгляд.

Прямо перед ним на краю площади возвышался фасад старинного собора. Монументальная, во всю его ширину, каменная лестница уводила вниз, к порталу. Вниз, потому что величественная постройка была расположена на несколько метров ниже своего окружения. Казалось, она мало-помалу утонула в земле, однако на самом деле в ходе времен просто возвысились окрестности. Роберт занимался археологией и потому знал, что руины городов, храмов и дворцов древности почти всегда приходится выкапывать из-под земли, поскольку наносы песка, каменной пыли, строительного мусора постепенно поднимают уровень почвы. В иных местах обнаруживали даже по нескольку культурных слоев, зачастую прекрасно сохранившихся. Сходным образом он объяснил себе и заглубленность собора, для которого изначально наверняка выбрали самое выигрышное место. Теперь впечатление мощи,

какое он некогда производил, изрядно ослабело.

Фасадная стена, сложенная из продолговатых, тщательно подогнанных одна к другой серых глыб, во многих местах была почти чернильного цвета. Над богато изукрашенным символами порталом тянулся фриз — гирлянды крупнолистных растений, а там, где гирлянды соединялись, из гущи листьев выглядывали изъеденные ветрами резные головы, человечьи и звериные. Ажурная розетка над фризом изнутри была замурована. Потомки удалили или прикрыли и многие другие архитектурные детали фасада, так что в целом он как бы ослеп. Ниши по сторонам портала пустовали, мраморных статуй в них не было. Над входом, в арочном своде, расположенном примерно на уровне Фонтанной площади, сверкал высеченный из зеленого камня глаз огромного лика. Может быть, взглядом Горгоны стремился изгнать злого пришельца или со сведущей строгостью небесного отца призвать желанного гостя? Волосы каменной головы, казалось, то извиваются змеями, то сворачиваются в локоны, из которых, будто из лепестков лотоса, во множестве поднимаются мелкие фигурки. Блаженные праведники, в безмолвии застывшие на корточках, точно ученики Будды, парящие на крыльях,

точно эльфы, в бесстрастном ангельском просветлении. Но никакая благодать не смягчала жестокости распахнутого каменного ока.

Спускаясь вниз, Роберт задерживался на каждой ступени, чтобы в полной мере прочувствовать, как от перемены позиции у созерцателя меняется впечатление. И шаг за шагом ему открылось, что этот рельеф наверняка нечто большее, нежели просто искусное украшение портала.

По причине исполинских размеров лика целиком был виден всегда только один глаз. Этот глаз выпирал из стены, отчего, естественно, казался несколько выпученным — наверно, с самого начала. Незрячий, он не смотрел ни вовне, ни внутрь. На следующей ступени щелки век как бы сужались по краям, словно вид окрестного разрушения оставил там свой след. Тень печали была заметна и с более глубокой ступени, но глаз оставался слишком голым, слишком бесслезным, чтобы о чем-то поведать. Доверия он не внушал, но любого всезнайку обезоруживал. И оставался тусклым, пустым. Глядя вверх, Роберт тихонько спустился еще глубже. Теперь в безжизненном гигантском оке, перед которым все мельчало и только набирало равнодушия, сквозила даже доброта, и шла эта доброта от смирения — око

мирилось с тем, что на него смотрят. В нем не было ни тени боли, ни тени му́ки, старость и былое страдание скорее ужесточили форму. На предпоследней ступени в разрезе ока утратилась женственность, что возникла мимолетно и напомнила об искуплении, знакомом по ликам Будды и Христа. Раз-другой Роберт приметил и легкие следы раскраски. Какой век, какой одинокий дух изваял вот это? Ведь в жизни такое знание о мировом страхе, побеждающем самого себя, каралось смертью? Роберт не мог припомнить ни единого изображения, мало-мальски сравнимого с этим. Все известное ему по чужим городам и странам неизменно обнаруживало сдвиг в человеческое. Здесь же — Роберт стоял теперь на самой нижней ступеньке — здесь было совершенно отчетливо видно: с ока творения сорвали маску божественного, но и маску демонического тоже. Оно взирало на людей и человеческие судьбы не просто безучастно, оно вообще не замечало их суетливо копошащейся ничтожности. Оставаясь отверстым, око, казалось, было объято великим сном, потухшее, но посюстороннее. Что скрывалось за ним — святое святых или лабиринт?

Сохраняя благоразумие, но в душе все же под

впечатлением, Роберт вошел в притворенную высокую дверь. Однако очутился не в утробе мира. Похожее на зал длинное помещение, очертания которого терялись в синих тенях, встретило его тусклым гнетущим светом. Тихие шорохи звучали в тишине словно сыплющийся песок. Хруст под ногами уже через несколько шагов заставил Роберта остановиться. Нагнувшись, он увидел, что пол залит толстым слоем стекла. Вероятно, чтобы уберечь от повреждений разноцветную старинную мозаику, выложенную на красном камне. Узор ее был неясен, поскольку на полу трепетали блики света. Сам свет широким потоком изливался сверху, рассеиваясь в обширном пространстве. Крыша, некогда венчавшая культовую постройку, отсутствовала. Теперь ею служила извечная небесная синева. По всей длине конькового бруса, взблескивая на солнце зеленью, свисали громадные медные пластины, сплавленные в потрескавшуюся массу с острыми зазубренными краями. Медный шлем купола как бы лопнул и вывернулся внутрь. Словом, и здесь разрушение и упадок тоже оставили свои знаки. Поначалу помещение казалось открытой сверху базиликой, однако мало-помалу из мглистых теней проступили два узких боковых

нефа, отмежеванные от центрального могучими колоннами, которые, словно окаменелые древесные стволы, уходили в вышину. Бросалось в глаза, что прямоугольник колонн расположен не посредине помещения, как будто собор наспех возвели вокруг много более древнего храма.

Роберт медленно направился по безлюдному центральному нефу к апсиде и ненароком очутился в том месте, где его пересекал широкий трансепт. Стены цвета слоновой кости поднимались на меньшую высоту, а в густом сумраке по обеим сторонам угадывались приделы часовен. Свернув налево, он почувствовал, что пол, на котором уже не было стеклянного покрытия, все больше понижается. Каменная кладка вырастала из природной скальной породы. В зыбком освещении он разглядел в нишах невысокие постаменты с изваяниями святых. Одни стояли в своих монашеских рясах, словно пророчествуя, другие сидели погруженные в медитацию, были и целые скульптурные группы в натуральную величину, изображавшие сцены из житий святых. При всей неприступности и холодности, какими неизменно веет от раскрашенных деревянных фигур, их застывшие в движенье тела производили необычайно глубокое впечатле-

ние. Выявилось сокровенное. Недвижные лица напоминали маски, но не оттого, что им было что прятать или утаивать, а оттого, что навеки застывшее запечатлевало волнующее мгновение жизни.

Вот здесь, изваянные из дерева и камня, стоят на страже рыцари и князья в роскошном вооружении и богатых одеждах, широко расставив ноги, обхватив ладонью рукоять меча, а вон там, у входа в грот, замерла в патрицианском достоинстве чета основателей. Помимо мирского великолепия и блеска, Роберт, как ему казалось, распознал в иных скульптурах образы французского христианства, а в иных — легендарных личностей буддийской истории. Не Ананда ли вон там, любимый ученик Будды, в отрешенном от мира созерцании, вскинув руку, словно чтобы поддержать воздух над землею, а тут не Иоанн ли, любимый ученик Господа, склонивший голову к плечу, в смирении внемлющий верным голосам? А вот это кто — дервиш или сам Шива, застывший в танце, не йог ли сидит в пещере, не буддийский ли монах подставляет свою чашку?

Если уже на собрание персонажей различных мировых религий в трансепте культового здания Роберт смотрел с растущим удивлением,

то, повернувшись в противоположную сторону, изумился до глубины души. Кроме множества изображений богини Каннон, на низких постаментах выстроились в ряд статуи Марии и Мадонны то в крестьянском, то в каком-то опоэтизированном платье. Лица их нежно розовели, будто еще сохраняли жизнь изначальных моделей. Руки у всех праздно лежали на коленях, ни одна не держала на руках младенца Иисуса. Но по текучим складкам одежды чувствовалось, что каждая еще видела перед собою ангела Благовещения. Стена у них за спиной местами обрушилась, но сами фигуры не пострадали. Сколько же художников ваяли их в ходе времен? Обратив взгляд в глубь бокового придела, где пространство словно порождало все новые образы, он увидел коленопреклоненных, с молитвенно сплетенными ладонями, склонивших или запрокинувших голову. Быть может, это другие Марии, изображения Марии Магдалины, что босиком преклоняли колена на голом полу. Часто их обнаженный торс прикрывала только шаль, юбки из драгоценных тканей были изношены до дыр. Казалось, они в париках, сколь ни естественно выглядели волосы, ниспадавшие локонами или длинными толстыми косами. Пока он шел сквозь

их ряды, они будто провожали его взглядами, вздыхали ему вослед? Некоторые стояли словно в мастерской, и их создатель не иначе как думал о Семирамиде, о Нинон или Лаис, обо всех безымянных дочерях Лилит, Матери-Земли, о возлюбленных, великих в своей любви. Диотима и Мона Лиза, Кундри и Лукреция, жрица и гетера — вечное возвращение в саду познания.

Замкнутое помещение незаметно сменилось свободным пространством, стены придела лишь невысокими, в половину человеческого роста, участками кладки выступали над землей средь буйных зарослей травы и дикого фенхеля. Роберт в замешательстве поспешил обратно. Не Анна ли это, десятикратно, стократно приумноженная? Или она среди Мадонн? Внезапно он вспомнил про чулки и туфли, которые по-прежнему держал в руках, и шагнул к ближайшей статуе босоногой коленопреклоненной, неподвижно смотревшей на него, когда он положил перед нею дар. Потом смущенно глянул по сторонам — не видел ли кто. И едва успел немного отойти в глубь помещения, как по трансепту разнесся и затих громкий звон будильника. По этому знаку всюду, куда ни глянь, фигуры начали мало-помалу стряхивать оцепенение, воздетые руки опускались, сидящие

медленно вставали, расправляли усталые члены и осторожно, будто опасаясь что-нибудь разбить, сходили с постаментов. Иные потягивались, многие снимали маски, скрывавшие лицо. На некоторых после долгого напряжения нападала зевота. Церковные служки тем временем с грохотом катили по проходам простенькие тележки, складывая в них маски и костюмы, рясы и доспехи, стихари и прочие одеяния, торопливо сброшенные персонажами. Теперь, уже в своей будничной одежде, они устремились к выходу. Магдалины, точно балетные танцовщицы, одна за другой упархивали за занавеску, где быстро переодевались.

На сей раз уже Роберт недвижно, как изваяние, замер средь суеты всеобщего ухода. Служка, который счел его за участника спектакля, пальцем постучал ему в грудь и сказал:

— Урок окончен.

Просторное помещение опустело, служки увезли последние тележки. На одном из каменных постаментов Роберт, собираясь уходить, заметил чулки и пару туфель.

Он шел к выходу, и при каждом шаге защитное стекло над цветной мозаикой похрустывало. Узорные мозаичные квадраты составляли сим-

метричную звезду. Узоры были разные — знаки зодиака, перевитые линии, змеистые орнаменты, хризантемы, рыбы, похожие на лучи, полугрифоны-полудемоны, древние символы Вселенной и ее земного соответствия. Все они этакой сетью окружали расположенные в центре главные знаки — инь и ян.

Без задержки поднявшись по широкой лестнице, Роберт увидел статистов живого паноптикума, спешивших прочь. Какое наваждение! Он снова обернулся к фасаду собора. Теперь перед каменным оком над порталом качалась на веревке деревянная табличка с крупной надписью на нескольких языках:

ВРЕМЕННО ЗАКРЫТО

VII

Оглушенный увиденным в соборе, Роберт шел к трамвайной остановке и, заслоняясь рукой от яркого света, тщетно озирался по сторонам. Анны нигде не было. Вокруг иссушающий зной. Несколько раз он прошелся вдоль рельсов туда и обратно, потом заметил на улице возле проволочной ограды скамейку. А когда подошел ближе, то от внезапной усталости и голода даже не сразу увидал на сиденье записку, придавленную двумя булыжниками. Рукой Анны там было написано: «Возникли препятствия. Завтра в тот же час». Ниже — начальная буква ее имени, обведенная сердечком.

Роберт рассердился. Не хотел признаться себе, что отсрочка свидания ему даже кстати, ведь от избытка впечатлений дух и нервы уже были на пределе. Волнительный визит в Архив, где трудились Перкинг и прочие ассистенты, странное шествие детей, которые прошли по городу, как бы следуя за незримым крысоловом, встреча с Анной и прогулка с любимой, каменное око на фасаде собора и живой паноптикум с фигурами святых

— неужели вправду столько всего случилось в измеримый промежуток времени за считаные часы, утром и днем? Теперь, когда напряжение, вызванное новизной обстановки, шло на спад, он чувствовал огромную усталость. Обрывки образов, вопросы, слова метались в мозгу, назойливо жужжали. Глаза слипались, он видел, как на противоположной стороне остановился трамвай, но пошевелиться не мог. Вагоны и люди съежились, выпали из поля зрения, как игрушка из усталой детской руки. Роберт уснул на скамейке.

Проснулся он через несколько часов и не сразу сообразил, что находится уже не в пригрезившемся ландшафте и не дома, а в чужом городе. В городе, который избрал его своим Хронистом. Он испуганно вскочил на ноги. Солнце клонилось к закату. Мимо шли сгорбленные пожилые женщины, опустив голову, с лейками в руках. Когда он закурил сигарету, они воззрились на него с удивлением. Его взгляд упал на записку Анны, и он тотчас вспомнил, что случилось. Подложив под записку бумажник, написал на обороте: «Жди. Я приду». Внизу он изобразил заглавное «Р» и тоже обвел сердечком.

Роберт торопливо направился в гостиницу, голод подстегивал шаги. Патрон встретил его с

укоризной, ведь он пропустил церемонию обеда. Роберт согласился наверстать все за ужином, хотя предпочел бы спокойно закусить у себя в номере. Когда он вошел в столовую, где и на сей раз не было ни единого постояльца, старуха Мильта как раз накрывала его столик. Она разразилась шквалом неразборчивых слов, вероятно радуясь его появлению. Затем костлявая старушенция стала перед ним, указала на куверт и вопросительным жестом поднесла к лицу сперва один палец, потом два. Роберт сделал знак, что одного куверта достаточно, и служанка разочарованно покачала головой.

Пропал вечер — Роберт тоже так думал. Ведь здесь могла быть Анна! И было бы просто чудесно! Они чуть ли не ожидали, что он придет не один. А ему даже адрес ее неизвестен. Когда подавали на стол, он поинтересовался у Патрона, не спрашивал ли его кто, и получил отрицательный ответ. Заказал еще одну бутылку вина. Чтобы заполнить паузу между блюдами, сделал запись в гостевой книге. Потом начал письмо к матери. В скором времени надо будет черкнуть весточку и Элизабет. Ему казалось, он уехал из дома много недель назад, но не впервые испытывал это ощущение, особенно сильное в начале каждого

путешествия, поскольку многообразие новых впечатлений и яркость восприятия ломали привычные масштабы.

У себя в номере он сделал несколько заметок, в кратких словах запечатлев события, случившиеся после приезда. И еще долго лежал в постели без сна, все больше тревожился, не слишком ли смешным выставил себя в соборе, когда в качестве дара положил перед одной из босоногих Магдалин Аннины чулки и туфли. Только теперь он вполне уяснил, что все князья церкви, апостолы и святые заступники, которых он принимал за скульптуры из дерева и камня, смотрели на него глазами живых людей. И, должно быть, считали его болваном? Надо же, расхаживать по храму с дамскими чулками и туфлями в руке! Не знать, что там шел урок, в котором наверняка полагалось участвовать и Анне. Сам он освобожден от этих многообразных уроков, из которых, похоже, слагались будни здешнего большинства, скорее всего благодаря своей должности в Префектуре. Происшедшее с ним в соборе и для частного лица достаточно неприятно, а уж для чиновника подобная слабость вообще сущий позор. Мысль, что непоправимым поступком он с самого начала подорвал в общественном мнении свое положе-

ние Архивариуса, терзала его все сильнее. Ведь, без сомнения, скоро пойдут разговоры о том, кем оказался чужак в храме.

Впрочем, наутро, когда сон отмежевал события, чью важность ночные размышления непомерно преувеличили, он отнесся к ним спокойнее. Ему уже не казалось, что он выдал тайну, связывавшую его с Анной, и поставил под удар свою миссию Архивариуса. Если его призовут к ответу, он найдет убедительные оправдания, например, что-де нашел туфли и чулки на Фонтанной площади и оставил поблизости, в храме, полагая, что они принадлежат одной из участниц урока. Однако никто так и не потребовал от него объяснений этого инцидента, а потому не понадобилось и маскировать истинное положение вещей постыдными отговорками.

Утро Роберт провел в Архиве. Освоился на новом рабочем месте, обустроил письменный стол и еще раз хорошенько осмотрелся в той комнате, что располагалась не во флигеле, а в пилоне напротив и была предоставлена ему в личное пользование. Скромная, без доморощенных прикрас, но все необходимое есть — стол, диван-кровать, небольшие кресла, стенной шкаф, умывальник, книжные полки. Надо бы поскорее перебраться

сюда из гостиницы. Потом он занялся картотекой, оставленной предшественником, хотя пока не умел вполне разобраться в записях, ссылках и цифровых шифрах. Ему казалось, он вообще никогда не сможет составить себе представление об организации этого огромного собрания. Словом, чувствовал он себя в новом мире покуда не слишком уверенно или, если назвать вещи своими именами, был в нем чужаком.

От почтенных ассистентов, корпевших над бумагами в соседних комнатах, веяло безмолвным протестом, не хотели они, чтобы им мешали, но их холодная отчужденность была не та, что у Кателя. Со старым Перкингом Роберт иногда перекидывался словечком-другим, однако настоящего разговора не получилось. Утром, переступая порог Архива, он думал, что нипочем не вынесет долгих часов, отделяющих его от свидания с Анной, и вот уж полдень, а он и не заметил, как прошло время. Просто один из юных посыльных доложил, что доставил господину Архивариусу обед из гостиницы. Роберт обрадовался, поблагодарил юношу за старания и попросил немедля принести все в кабинет.

Через некоторое время, слегка нервозно опасаясь опоздать, он покинул Старые Ворота, но

предварительно через того же посыльного известил Перкинга, что намерен предпринять прогулку по городу, однако еще заглянет в Архив. Пожалуй, ближе к вечеру.

По дороге Роберт почел своим долгом внимательно смотреть по сторонам, чтобы даже на приватной прогулке не упустить возможности расширить представление о городе и его учреждениях. Он выбрал новый маршрут — поверху, через развалины. Улицы и переулки выглядели заброшенными, мостовая во многих местах провалилась и лишь кое-где была на скорую руку залатана, в сточных канавах громоздились каменные обломки и осколки кирпичей. Какие-то люди очищали их от грязи, старались сложить аккуратными кучками, другие же рылись среди мусора, будто в поисках мало-мальски пригодных вещей, и опять создавали беспорядок. Роберт невольно отметил, как мало здесь магазинов, да и те ютились в хлипких нижних этажах разрушенных домов. Уродливые витрины, заколоченные грубыми досками, позволяли заглянуть внутрь лишь сквозь крохотные просветы, заклеенные прозрачной бумагой. Там, кое-как расставленные, томились в глухой печали пыльные муляжи, круглые выцветшие жестянки, четырехугольные

коробки из вздувшегося картона — словом, всякое залежалое старье.

В одном месте у закрытых дверей стояла довольно длинная очередь, преимущественно женщины с потертыми хозяйственными сумками, вялые пустые фигуры, ожидавшие какой-то раздачи. Мимоходом Роберт услыхал, что самые первые заняли очередь еще до рассвета, да так и ждут, не продвинувшись ни на шаг. Народ начал расходиться.

— Какой смысл стоять, — слышалось тут и там, — попробуем завтра.

Из пришедших напоследок иные не поверили и с надеждой шагнули вперед, замыкая возникшие бреши.

— Без толку все это, — надтреснутым голосом сказала соседке одна из женщин.

— Ну хоть время скоротали, — отозвалась та.

Оставив позади тесноту Старого города, Роберт почувствовал себя свободнее. Перекинул пиджак через руку, расстегнул ворот рубашки. На Фонтанной площади украдкой глянул на фасад собора, который блеклым виде́нием возвышался на фоне синего небосвода. А когда свернул к трамвайной остановке на углу, сердце у него забилось учащенно.

Анны он не увидел. На скамейке так и лежала его записка, нетронутая, оставленная всеми без внимания. Он сунул ее в карман пиджака, сел на скамейку. Заслышав шаги, всякий раз поднимал голову. Все как раньше, думал он, она вечно опаздывала. Но чем дольше ждал, тем труднее было обуздать беспокойство. Воображение рисовало разные несчастья, постигшие Анну. Однако рисовало и что бы могло случиться, если б они наконец-то увиделись, если б он в этой жизни остался с нею наедине. Чувственные мысли накатывали потоком.

— Ку-ку! — Ладони Анны закрыли ему глаза. Он схватился за очки, грозившие соскользнуть из-за Аннино озорства. Впрочем, в ее присутствии недовольство быстро улетучилось.

Они решили не садиться на трамвай, ведь ходил он редко и нерегулярно и до места все равно их не довезет. Анна предложила идти пешком через поселок с частными домами, он совсем недалеко, по левую руку от проезжей дороги. Роберт подхватил чемодан, который Анна принесла с собой.

— Это окончательный переезд, — с гордостью объявила она.

Выхлопотать разрешение на переезд в фамиль-

ную виллу родителей оказалось труднее, чем предполагала Анна. Окружной начальник выразил сомнения насчет того, что можно досрочно отпустить ее из подземного общежития, где она состояла в соответствующей группе и числилась в списках так называемых волонтеров. В этих списках было помечено, что попала она сюда преждевременно, а потому должна пребывать в полумонастырских условиях. Не имея опыта общения с властями, она опрометчиво решила, что для перемены местопребывания в городе будет достаточно коротких переговоров. Увы, пришлось писать заявления и заполнять формуляры с сотнями вопросов, хотя инстанциям изначально известны все подробности о каждом из городских обитателей. Когда в спешке положила на скамейку записку для Роберта, она еще сомневалась, уладится ли ее дело за одни сутки. Ночевала, как обычно, в переполненном дортуаре с сорока-пятьюдесятью товарками, а отнюдь не в долгожданном одиночестве. Лишь совсем недавно, в полуденный час, когда начальник по ее настоянию напрямую связался с Префектурой и в разговоре было упомянуто имя Роберта, ей мигом предоставили отпуск, впредь до особого распоряжения. Одновременно ее предупредили

о связанных с этим опасностях, а также о том, что ей не стоит искусственно ускорять процесс. Ну, она согласно кивнула, подписала какую-то бумагу, собрала вещи и сейчас, добившись своего, чувствовала себя веселой, прямо-таки окрыленной.

Пока она оживленно все это рассказывала, они свернули с проезжей дороги в сады частного поселка, расположенного сразу за городской чертой. Белая пыль покрывала окрестности, деревья и кусты, за которыми тут и там виднелись невысокие здания.

Когда Роберт сообщил, какая незадача произошла с ее туфлями и чулками, она не обратила особого внимания на его слова. Казалось, потеря нисколько ее не расстроила.

— Если они не найдутся на церковном складе, — сказала она, — выменяем что-нибудь на барахолке. Пока что я обхожусь сандалиями, как видишь.

В ее походке опять была та широкая, пружинистая стремительность, которую он так любил.

— Теперь я свободна, — сказала она немного погодя.

Они бок о бок шли по одной из узких немощеных дорожек, которые более-менее планомерно

тянулись между участками. От дорожки палисадники отделяли кованые решетки оград, а не то и чугунные цепи, свободно подвешенные на невысоких столбиках. Местность производила на Роберта впечатление аристократичного предместья, погруженного в атмосферу дремотной изысканности. Душный воздух полнился запахом прели, как осенью.

Всюду в ухоженных садиках усердно пололи, поливали, копали, сажали. Насколько Роберт мог видеть, там бодро и неторопливо трудились люди хорошо одетые, в большинстве пожилые. Трудились они не ради заработка, скорее скрашивали себе долгие часы, но относились к работе со всей серьезностью. Нагибались за каждым едва проклюнувшимся сорняком, подбирали на дорожках каждый увядший листок. Из небольших леек — воду брали из похожих на цистерны лоханей — они поливали кустики на грядках, заодно внимательно осматривая листву деревьев: не видать ли вредителей? Рыхлили землю тяпками, а наступив на взрыхленный участок, тотчас разрыхляли оставленный след, будто самое главное, чтобы с виду все было в идеальном состоянии. Часто они отдыхали, но даже в их покое сквозила какая-то ревностная нарочитость.

Вполне под стать идиллическому покою, и сами здешние постройки на первый взгляд были отмечены разрушением куда меньше, чем дома в городе. Гладкие каменные стены сверкали, точно полированные цоколи памятников. Правда, на фронтонах, нередко украшенных изящными башенками и лепными фигурами, виднелись выбоины и дыры, а стекла в узких окнах, на первых этажах зарешеченных, частенько отсутствовали. В трещинах гнездился мох. Над всем кварталом витал отблеск стародавнего аристократизма, хотя в иных одичавших садиках попадались и разрушенные виллы, напоминания о вымерших поколениях.

Глянув в просвет меж деревьями и домами, Роберт увидал вдали на открытой местности большие постройки с колоннадами. Анна объяснила, что это не храмы, как он, верно, подумал, а военно-спортивные сооружения и казармы.

— Я тоже плохо знаю эти места, — сказала она. — До сих пор что-то все время удерживало меня от розысков старого дома наших предков.

Словно ведомая шестым чувством, Анна в конце концов остановилась перед низким строением, расположенным в глубине сада.

— Кажется, здесь, — сказала она Роберту.

Она зажмурилась, словно еще раз сверяя зримый образ с мысленным. Особняк с плоской крышей был построен в стиле скромного господского дома. Три окна разделены широкими простенками. Сквозь гущу вьющихся растений просвечивала охряно-желтая штукатурка. Меж елями и вечнозеленой ползучей растительностью посыпанная гравием дорожка вела через палисадник к крыльцу, расположенному не посередине, а сбоку, возле угла. Над дверью виднелось круглое окошко.

На лавочке у открытой двери грелась на солнышке пожилая чета. Женщина с бледным лицом и причесанными на прямой пробор редкими седыми волосами вязала красновато-коричневую шаль, которая спадала с ее колен до самой земли. На работу свою она почти не смотрела, руки, вышколенные долгой привычкой, действовали механически. Мужчина был в темной бархатной ермолке, румяные щеки и острая белая бородка делали его похожим на гнома. Козырьком приставив руку к глазам, он испытующе посмотрел на пришельцев.

— Наша Анна, — сказал он жене.

— В самом деле, — сказала та, — и Анна здесь. В двадцать восемь-то лет.

— Вот и я, — сказала сама Анна, бегло поздоровавшись с родителями, будто встреча с ними была ей не очень кстати.

Мать не встала, только слащаво улыбнулась:

— То-то я в последние дни уже не видела тебя во сне. Вот, стало быть, в чем дело. Ты была на пути сюда.

— Она все вяжет и вяжет, — заметил отец, — по привычке.

— Позвольте представить вам господина доктора Линдхофа, — перебила Анна.

Роберт поставил чемодан, молча поклонился.

— Твой кавалер? — спросила мать.

— Инспектор из города? — осведомился отец.

— Мой спутник, — сказала Анна, непринужденно обняв Роберта за плечи.

— Он носит ее багаж, — сказала мать, покосившись на мужа.

— Ну-ну, — проворчал старик.

— Но это не Хассо, — сказала жена, и снова звякнули спицы.

— По старинному обычаю я тут немножко садовничаю, — сказал старик Роберту, который не без смущения высвободился из Аннина объятия. — С тех пор как мама здесь, — добавил он, — и порядок легче поддерживать.

— Вечером всегда ходит к своей бочке, — сказала старуха.

— Да, люблю вечерком наведаться к бочке, — сказал он. — Сижу себе в погребе, постукиваю по ее деревянному брюху и думаю: вот сейчас вытащу затычку и нацежу вина. Но всегда опять откладываю до следующего вечера. В общем, с радостью предвкушаю, без всякого разочарования. Самое милое дело в мои годы.

— Но к бочке он ходит каждый вечер, — сказала жена.

— А ты вечно вяжешь свою шаль, — отпарировал он.

— Не ссорьтесь! — воскликнула Анна.

Старик снова обратился к Роберту:

— Нам дана привилегия пожить некоторое время в старом доме предков. Если хотите убедиться, тут всего-то шаг-другой по саду… мы чтим памятники предков.

— Он все содержит в порядке, — сказала мать, — что правда, то правда.

Старик уговорил Роберта пройти с ним к торцу дома, где полукругом стояли невысокие каменные стелы. Они утопали в зарослях самшита, и на каждой в овальном медальоне был рельеф мужской головы. Мелкие регалии украшали край,

однако ни имен, ни дат не указано. Чем дальше они шагали вдоль ряда поколений, тем старше казались стелы, тем отчетливее проступали следы выветривания.

— Сходи-ка тоже к праотцам, — сказала мать Анне, — а уж потом и в доме устроишься.

Отец, который тем временем вооружился лопатой, сказал Роберту:

— Когда в доме появляется потомство, наверно, это знак, что пора позаботиться о собственной стеле. Как видите, господин инспектор, я хорошо разбираюсь в обычаях.

— Он вовсе не инспектор, — весело сказала Анна.

— Я знаю, что́ и как полагается, — доброжелательно отвечал отец. Отвернулся и воткнул лопату в землю прямо возле последнего памятника. — Каждый день чуток поглубже. Конец опять станет началом.

— У нас есть внуки, — крикнула со скамейки старуха, — от нашего сына!

Анна потеребила Роберта за рукав:

— Идем.

Он подхватил чемодан и пошел за ней.

— Для нас большая честь, — крикнул ему вслед старик, склонясь над лопатой, — если вы зайдете

в дом.

Когда Анна, направляясь в дом, проходила мимо матери, старуха шепнула ей:

— Огонь в плите горит все время. Твоя светелка наверху. — И обращаясь к Роберту, добавила: — Нашей дочери больше нечего терять. В том числе и честь.

Они вошли в прихожую, обшитую панелями и украшенную цветами и лиственными растениями. Гортензии, рододендроны, агавы стояли в горшках и кадках на выложенном плиткой полу. Меблировка старинная, дорогая, семья владела ею явно не один век. Чугунная лестница вела на галерею верхнего этажа, в мансарду. На стенах развешены гравюры с изображениями старых городов. Из-за тусклого освещения рассмотреть подробности Роберт не сумел.

VIII

Комната Анны, которую мать назвала светелкой, и правда оказалась просторной и светлой. Она вошла туда без любопытства, хотя комната была незнакомая. Несколькими шагами обошла помещение, несколькими взглядами оценила. И теперь двигалась так привычно, будто все отвечало давно сложившемуся образу.

— Этого мгновения, — сказала она, — я ждала всю жизнь! Моя комната! Совсем как раньше и совсем другая.

Она достала из чемодана перевязанный шнурком мешочек, развязала. Смеясь, вытряхнула содержимое на серебряное блюдо.

— Сухари! — воскликнула она. — Неприкосновенный запас! Ешь, коли проголодался. А я пока заварю чай.

Сунув в рот кусочек поджаристого сухарика, она поспешила вниз, на кухню.

Хотя комната была обставлена богато и со вкусом, от нее веяло безликостью. На мебели ни пылинки, но и ни следа воспоминаний. Подушки на диване лежали в аккуратной неприкосновенно-

сти. Чистая, бесчувственная тишина. В открытые окна из сада порой доносился шорох лопаты и сухое потрескивание вязальных спиц. Роберт закрыл глаза и в тот же миг увидел комнату Анны в доме Мертенсов. Он видел ее в тот решающий вечер, когда Мертенса вызвали на консультацию. Теплый летний воздух, проникавший тогда в окно, шуршал как наэлектризованный. Тогда-то все и началось, нет, началось с первой встречи, когда Анна еще училась в университете, много лет назад, но теперь эти годы словно улетучились, и непрожитое ожило. В тот миг все решилось: то была уже не интрижка — то была любовь, и обуздать судьбу уже невозможно.

— Пожалуйста, отвернись, — сказала Анна.

Она принесла чай и стала перед зеркалом, у туалетного столика, уставленного пудреницами и склянками с косметикой, как в артистической уборной. Она быстро подвела дуги бровей, подкрасила губы и щеки. Переоделась, сменила сандалии на красные лаковые туфельки.

— Конечно, — щебетала она, — за ширмой было бы куда соблазнительнее. Бедняжка, тебе пришлось так долго ждать!

Она еще раз глянула в зеркало, подчернила уголки глаз и несколько раз нажала на грушу

пульверизатора. Потом подошла к креслу, где все это время, отвернувшись, сидел Роберт, опустила голову и почти коснулась подбородком его волос. Он ответил улыбкой:

— Прекрасно выглядишь.

Он вдохнул аромат незнакомых духов. А когда хотел притянуть Анну к себе, она с обещанием во взгляде отогнулась назад, так что его вскинутые руки на миг повисли в пустоте. На цыпочках она отошла к окнам, закрыла створки, тщательно задернула шторы. Затем в искусственном сумраке все так же неторопливо придвинула торшер к низкому столику и включила свет.

— Ведь так уютнее, ты не находишь? — сказала она, садясь в цветастое кресло напротив Роберта. — Возникает впечатление вечера, но только без тревоги перед ночью. Угощайся. Приятно наконец-то позаботиться о тебе.

Тем не менее он не мог отделаться от легкого недовольства. Ему казалось, будто его здесь только терпят. Вероятно, неловкость объяснялась и мыслями о том, что он пренебрегает какими-то задачами, ожидающими в Архиве. А что́ могут подумать почтенные ассистенты, когда он, едва приступив к работе, уходит по личным делам. Можно ли считать его пребывание служебным

выездом? Нет, надо привести личные дела в порядок и устроить отношения с Анной так, чтобы служебные обязанности от них не страдали.

Когда Анна отставила чайную чашку на столик, фарфор звякнул. И Роберт заметил, что рука у нее дрожит.

— Зачем ты только вышла за Хассо! — воскликнул он.

Анна восприняла эту фразу как вопрос и, глядя мимо него в стену, сказала:

— Затем что любила тебя, всегда любила.

— Уже тогда? — И в этих двух словах сквозило вопросительное изумление.

— Да. Только я тогда не понимала этого так отчетливо, как сейчас. Да и ты ведь был женат на Элизабет. Когда я пришла в ваш дом, к тебе, незадолго до рождения твоего сына… как бишь его зовут?

— Эрих, — сказал он, — ему уже семь.

— Я мало что помню, многое стерлось из памяти, как его и не было. А иные события вижу как наяву, будто все случилось вот только что.

Она передала ему хлеб и повидло и опять пугливо одернула рукав, прежде чем снова налить в чашки чаю.

— Мне все видится в картинах, — сказала она

неуверенным, как бы прощупывающим голосом, — знаешь, как рассыпанные мгновения, разрозненные, бессвязные. Задним числом кажется, будто вся жизнь составлена из мозаичных камешков, которые один за другим тускнеют и выпадают.

— Пожалуй, запоминается лишь то, чего стыдишься, — сказал Роберт.

— Например, Хассо, — помолчав, продолжила она, — он стоит передо мной, точь-в-точь как тогда, когда влюбился в меня. Сияющий, потому что операция прошла удачно. Сияющий и довольно шумный. Собственно говоря, он любил не меня, а клинический случай, пациентку. Это и легло в основу нашего брака, ведь мы поженились, едва я успела встать с больничной койки. И брак был отнюдь не такой несчастливый, как ты порой полагал. Только вот…

Роберт не сводил с нее глаз. Анна козырьком приставила ладонь ко лбу, будто мягкий свет лампы слепил ее, чуть склонила голову набок и продолжила:

— Когда меня привезли с гнойным аппендицитом, о чем ты в свое время даже не подозревал, то, по сути, было слишком поздно. Во всяком случае, Хассо любил рассказывать, что вернул

меня с того света. Думаю, я вправду была тогда на пороге смерти.

Картины воспоминаний настолько завладели ею, что она умолкла. Роберт, тоже потрясенный этим рассказом, который в силу своей холодной, рассудочной отстраненности представлял прежде знакомые вещи в новом свете, теперь боялся слишком откровенного признания Анны, но в то же время и желал его. Для слушателя этот миг вдруг стал опаснее, нежели для говорящего.

— Я помню, — в конце концов сказал он, просто чтобы нарушить молчание, — для Хассо ты стала этакой дочкой Иаира, которую он воскресил из мертвых. Он решил, что это перст судьбы, оттого и вздумал притязать на тебя.

Анна не отвечала — не поймешь, дошло ли до нее его замечание. Тишина шумела в его ушах. В закрытой комнате словно курился дым, маревом плавал вокруг пятнышка, ярко освещенного торшером. Обеими руками Роберт вцепился в подлокотники кресла, наклонясь вперед, будто готовый к прыжку.

Вздох, глухой, стонущий, слетел с приоткрытых губ Анны. Она отняла руку от глаз. Они казались стеклянными.

— Воскресил, — задумчиво проговорила она. —

Но здесь не Хассо, а ты. Теперь, когда покровы сорваны, здесь, где от срока не спрячешься, все выглядит иначе. Заблуждения растаяли, видишь суть вещей. Разве с тобой не так… и разве так не лучше?

— Но мы еще играем, — настойчиво сказал он, не меняя напряженной позы. — Мы оба играем в прекрасную, непреходяще-преходящую игру!

— Мы лишь доигрываем ее до конца, — сказала Анна ясным, звонким голосом.

В тот же миг туман перед его глазами рассеялся, предметы вокруг стали знакомыми, будто в давней гостиной мертенсовского дома, они сидели втроем, разговаривали, и он с замиранием сердца ждал редкого случая побыть с Анной наедине. Как умело они вычисляли смысл слов, точно траекторию бильярдного шара, который катается туда-сюда по сукну, чтобы, соприкоснувшись со вторым шаром, в отскоке задеть третий. Какая шифрованная игра друг с другом, когда он, говоря про «Эпос о Гильгамеше», возрождал дух древних песен, чтобы при ее муже хотя бы отчасти выразить в толковании текста безысходность общей ситуации. Как он наслаждался ее живым интересом! Сколько мыслей, сколько таинственных сил! Неужели оно вернулось, волнующее время

двух последних лет? Может быть, достаточно лишь задернуть шторы — и снаружи раскинется просторный сад со старыми деревьями, и снова увидишь, как украдкой прогуливаешься с Анной по дорожкам.

Они сидели напротив друг друга, глаза в глаза. Роберт, как завороженный, попытался коснуться ногой Анниной туфельки, но наткнулся на стол. Чашки легонько зазвенели. Но ни он, ни она уже не обратили на это внимания.

— Анна, — с нежностью сказал он.

В передней послышались шаги. Кто-то медленно поднялся по лестнице, прошел по верхней площадке.

Точь-в-точь как раньше, подумал Роберт, когда некстати заявлялся Хассо.

— Госпожа Мертенс? — вопросительно окликнул мужской голос.

— Мой отец, — сказал Роберт. — Надо же, именно сейчас!

— Надеюсь, я не помешал, — с порога сказал советник юстиции, когда Анна открыла дверь. Старик был в синем плаще, в левой руке — широкополая шляпа и портфель. От подъема по лестнице он слегка запыхался.

— Пардон, пожалуй, все-таки помешал, — ска-

зал он, заметив, что Анна не одна. — Ах, это ты, мой мальчик. — Он подмигнул сыну. — Не слишком ли поспешно и неосторожно? Вообще-то я ждал, что ты дашь о себе знать, как только убедишься, что госпожа Мертенс действительно здесь. Однако пришлось потрудиться самому, отыскать, где проживают родители госпожи Анны, которые, на счастье, обосновались в свободном частном поселке, а теперь вот, оказывается, и моя уважаемая клиентка тоже здесь.

Он отметил, как уютно и спокойно внизу, у стариков, которые показались ему сущими Филемоном и Бавкидой, подивился искусственному освещению в комнате средь бела дня, осведомился у сына о сути письма Префектуры и о его делах — на эти вопросы Роберт отвечал уклончиво, — потом повел речь о бракоразводном иске и закончил свою тираду заявлением, что занят сейчас подготовкой нового документа.

Говорил он чуть надтреснутым голосом, однако не без удовлетворения, что может покрасоваться перед доверительницей. Поскольку же выпроваживать Роберта она явно не собиралась, отец решил обсудить все втроем. Возможно, так даже лучше. Между тем он, не снимая плаща, сел за стол. Извлек из портфеля старый, помятый

документ, пестревший давними пометками. На первых порах говорил почти только он один. Анна отвечала на его вопросы односложно и равнодушно. Роберт наблюдал за отцом с заметным неудовольствием, решив по возможности не вмешиваться.

Перебирая документы, отец углубился в ход процесса, рассуждал о том, как сложно при расторжении брака установить вину, ведь обе стороны затеяли развод с добрыми намерениями и по-человечески великодушно, что ж, и так бывает, старый, опытный практик всего навидался, но затем ситуация обострилась. Противная сторона начала угрожать, что выставит грязное белье на всеобщее обозрение, причем еще вопрос, кто дал к этому толчок — адвокатская контора или сам профессор Мертенс, которого он ранее высоко ценил как человека, а как врача и хирурга считал безупречным, хотя, по всей видимости, есть один момент, мутное место, ну, скажем, явно уязвленное честолюбие, и в ответ надо непременно этим воспользоваться, чтобы предупредить грозящий скандал.

Он листал пожелтевшие бумаги, разбрасывал их, что-то ворчал себе под нос.

От Роберта не укрылось, что лицо Анны, несмот-

ря на пудру, залилось легкой краской.

— Допустимо ли предположить, — сказал адвокат, — что профессор Мертенс мог сделать ту или иную запрещенную хирургическую операцию, хотя бы в самом узком кругу? Тогда, пожалуй, был бы шанс…

Советник юстиции посмотрел на Анну, она молча покачала головой.

— Но что-то должно быть, хоть какая-то слабина у противной стороны, — настаивал он.

— Мне, — сказала Анна, — известно лишь об одной-единственной операции, которую Хассо лучше бы не делать. В этом я не раз его корила.

— Ага! — Советник юстиции приложил ладонь к мясистой ушной раковине.

— Я имею в виду тот случай, когда Хассо спас мою жизнь, чтобы на мне жениться.

Роберт заметил, как отец помотал головой и принялся вертеть серебряный карандашик, намекая, что это совершенно несущественно.

— Аппендицит, — продолжала Анна, неотрывно глядя на Роберта, — был чисто физической реакцией. На самом деле причина моей смертельной болезни заключалась в разбитом сердце. Но об этом никто не подозревал. В ту пору, — теперь она обращалась к отцу Роберта, — я, господин

советник юстиции, любила другого, женатого мужчину, хотела быть с ним, только с ним, а он хотел быть только со мной. Целый год прошел как один миг нескончаемого напряжения. Тот другой человек чувствовал или понимал это иначе, нежели я, вдобавок я была совсем молода, еще стояла на пороге жизни. Он долгое время не знал, что я вышла за хирурга, да и Хассо не мог знать, что вместе с разрезом, через который он выпустил гной, должно было зарубцеваться и моей душе. Но этот шрам, ознаменовавший начало моей жизни с Хассо, то и дело опять вскрывался.

Отец Роберта, все еще вертевший серебряный карандашик, пожевал челюстями, потом заговорил:

— С юридической точки зрения это ничего не дает, да и как повод для иска о разводе устарело. Душевные шрамы — прелестный образ, непременно включу его в свой арсенал, но конкретным аргументом практик их никак не назовет. — Он благодушно рассмеялся.

Как раньше, подумал Роберт, и опять ему стало стыдно за отца, которому он бы с удовольствием заткнул рот. Анна оперлась на подлокотники кресла, разглядывая легонько соприкасающиеся кончики пальцев. Мучительность прошлого,

терзавшая Роберта, ее не трогала. Она жила в другом мире.

Советник юстиции листал документы, бумага сминалась.

— Дело в том, — продолжил он, — что противная сторона подозревает мою клиентку в противоречащем браку поведении, причем фигурирует и твое имя, Роберт.

— Я могу и уйти, — резко бросил Роберт.

— Отнюдь, отнюдь, — отвечал отец, — мы же всегда друг друга понимали.

— Как тебе угодно, — сказал сын совершенно равнодушно. С детским упрямством он смотрел в потолок.

Советник юстиции обернулся к Анне, которая смотрела то на него, то на Роберта, и сказал, что уже не раз хотел потолковать со своим отпрыском на эту тему, поскольку дорожит честью семьи. И коль скоро сын оказался здесь недавно, то наверняка еще не расстался с прощальными мыслями о жене и детях. А значит, тем более необходимо сохранить незапятнанное имя. Процесс — это война, а не жалоба. Вот все, что он хотел сказать.

Анна и Роберт переглянулись. Он словно выступал перед трибуналом на Страшном суде, казалось обоим. Тайное соглашение всех любя-

щих придавало им силы.

Между тем советник юстиции, повысив голос, продолжал:

— Втягивать Роберта в это разбирательство, которое я как адвокат готов… да нет, которое я почитаю делом своей жизни, — значит подкладывать мины мне самому. А этого мой сын делать не станет, — чуть ли не плаксиво запричитал старик. — Можете думать что угодно, господа, но я буду все отрицать. Это козни противной стороны, им очень на руку, чтобы я как лицо пристрастное сложил полномочия. Они хотят отделаться от меня, хотят сделать тут ненужным!

Он скрючил правую руку, как бы сжимая кулак, и, словно бокал, поднес к губам.

— Но здесь никакой пристрастности более не существует, — патетически произнес он. — Здесь все обретает свой окончательный вид.

Он снова отхлебнул из воображаемого бокала.

— Мама идет! — насмешливо воскликнул Роберт.

Отец испуганно потер ладони, как бы стараясь что-то скрыть.

Анна фыркнула, но быстро зажала рот рукой. Роберт замер, точно в засаде.

— Как я уже говорил, — немного погодя сказал

отец, снова полностью адвокат, — подача иска о разводе после шести лет брака, хоть и оставшегося бездетным, — а ведь жизнь так коротка — требует объяснения, мне нужна исходная точка, чтобы выступить перед здешней инстанцией с письменным заявлением.

Анна вдруг заметила, что у старого советника юстиции, когда он хотел особо подчеркнуть тот и иной тезис своей речи, возникало на лбу множество мелких морщинок, дужки которых повторяли изгиб бровей.

— Возможно, — сказала Анна, — я действительно вышла замуж так давно, как вы говорите. И все же знаю только, что после четырех лет… это был день в конце сентября, когда я смотрела из окна в сад, деревья сияли красками ярче обычного, и синева неба была едва ли не столь же металлической, какова она здесь всегда, ржаво-коричневые каменные плиты на газоне резко выделялись среди волн зелени, а георгины горели огнем, даже в сумерках, я вижу их как наяву…

Пока Роберт с восхищением наблюдал за Анной, лицо которой просветлело, отец напомнил ей, что она хотела сообщить что-то важное. Начала с того, что после четырех лет брака…

— Да, — сказала Анна, — тогда ко мне впервые

снова пришел тот другой мужчина, и шрам у меня на душе перестал болеть.

— Ну-ну… — жовиально подбодрил советник юстиции.

— Я нашла предлог, — запинаясь сказала Анна, — вызвать его. Написала письмо по поводу новой его книги, ведь в ней шла речь об исследованиях, к которым когда-то была причастна и я. А Хассо вечно твердил только о своей практике.

— Конечно-конечно, — с досадой кивнул адвокат. — Но даже если возобновление этой связи привело к такому положению вещей, каким могла бы воспользоваться противоположная сторона, то все это уже старо, ибо…

— Ни к какому «положению вещей» эта «связь» вообще не привела, — перебила она.

— Стало быть, — раздраженно сказал советник юстиции, — это нам ничего не дает.

— Дает, потому что приводит сюда, — сказала Анна, чувствуя, как Роберт ловит каждое ее слово. Давняя игра в треугольнике бильярдных шаров началась снова.

— Ведь тот другой, — продолжала Анна свое признание, — за два последних пламенных года набрал во мне власти, и я недооценила, какие права предоставила ему тем, что и сама набрала

в нем власти.

— Однако, — не моргнув глазом, вставил советник юстиции Линдхоф, — по вашим словам, все осталось в границах дозволенного.

— Внешне и в чисто бытовом плане, пожалуй, — сказала она, — но в моем воображении все свершилось как наяву и… кто знает?

Роберту, который тщетно пытался уловить в глазах Анны отрешенность, пришлось сдержаться, чтобы ничем не выдать душевное волнение.

— Сударыня, голубушка, — назидательно произнес советник юстиции, — юридически фантазии не имеют значения, никакого толку от них нет.

— Но я очень страдала душой от чувства вины. — Анна медленно провела руками по причесанным на пробор волосам.

— Что ж, — подбодрил адвокат, — это личные, так сказать сугубо человеческие, угрызения совести, прекрасные с точки зрения морали, но для противной стороны бесполезные.

— Однако Хассо, — упрямо продолжала Анна, словно говорила с самой собой, — наверняка это чувствовал.

— С тех пор вы отказывали своему супругу? — задумчиво осведомился адвокат.

Она подалась в кресле вперед и коротко кивнула. Роберт, с давних времен хорошо знавший этот резкий, властный кивок, который привлек его внимание еще на Фонтанной площади, невольно тихонько присвистнул сквозь зубы.

Советник юстиции повернул голову:

— В доме есть мыши?

— Нет, — отозвался Роберт, — только чувства.

— Ведь с тех пор как вновь принадлежала другому, пусть даже только в воображении, — сказала Анна, устремив взгляд в пустоту, — я не могла обманывать его с Хассо. Верность бывает только одна. И продолжается за порогом смерти.

Роберт глубоко вздохнул. Анна оцепенела.

— Юридически, — сказал советник, — все это и вправду вздор, из которого суд, возможно, сделает вывод, что с другим мужчиной вас соединяли больше чем душевные связи. И в конце концов его сторону вынудят доказывать противоположное, что в данном случае означает особую сложность, ибо неизвестно, когда дружественный партнер явится сюда, чтобы дать показания под присягой… Быть может, — вслух размышлял адвокат, — перед последним путешествием вы все же имели с мужем… по-моему, это вполне естественно.

Она не ответила.

— Я имею в виду, — увещевал старый советник юстиции, — что вы могли попросту забыть, ведь кое-что, ставшее в здешних обстоятельствах несущественным и лишним, забылось, не так ли?

Анна скользнула взглядом по судорожно напрягшемуся лицу Роберта и молча пожала плечами.

— Так или иначе, — продолжал советник юстиции, — изначально вы намеревались после развода связать свою судьбу с этим другим мужчиной?

— Разумеется, мне часто этого хотелось, — слегка устало сказала она. — Но чем ближе подходил срок решения о разводе, тем больше я боялась реальности, поскольку в мечтах опережала ее.

— Понятно. Но… — Советник юстиции полистал свои заметки. — Разве вы сами не говорили, что тот другой тоже был женат?

— Для нас, — ответила Анна, — официальные формальности не имели бы значения. Мне нравилась его жена. А он, независимо от моего и нашего общего положения, все равно собирался развестись с нею, в чем я, правда, сомневалась… но, как понимаю сейчас, сомневалась несправедливо.

— После нашей с вами последней беседы, перед

разбирательством, — сказал адвокат, — вы уехали в горы, и никто не знал вашего адреса…

— Никто не должен был знать, где я, — подтвердила она. — Мне хотелось побыть одной, обдумать будущее. В конечном счете главным для меня было освободиться не столько от уз брака, сколько от самой себя.

— Как бы то ни было, — сказал адвокат, — я с тех пор, к сожалению, больше о вас не слышал. Со мной самим случилась маленькая неприятность, о которой я уже рассказал сыну, так что я даже не знаю, состоялось ли разбирательство. Вы получили уведомление суда?

Анна не сумела подавить смешок.

— Я была в отлучке, — сказала она, прищурив глаза.

— Во всяком случае, госпожа Анна, — заметил советник юстиции, — встретившись здесь снова, — не вставая, он легонько поклонился, — мы должны продолжить с того места, где остановились. И, кстати сказать, у противной стороны появился новый аргумент, который она пустит в ход, а именно обстоятельство, каковое можно назвать злонамеренным оставлением брачного партнера.

— Все произошло добровольно, — сказала она

и опять нервозно одернула рукав. — И в неменьшей степени затрагивало и другого мужчину.

— Если он об этом узнал, — сказал адвокат. — Вы сами упомянули, что полностью уединились.

Покусывая нижнюю губу, Анна испытующе взглянула на Роберта. И ему разом стали понятны многие ситуации, неясность которых два последних года омрачала его отношение к Анне. Вдобавок теперь прояснилась и смутная, загадочная пауза последних недель, когда он ничего о ней не слышал. От почувствовал облегчение, но его смущала безучастность, с какой ей удавалось говорить обо всем, словно чувства были отложены на лед, чтобы обрести прозрачность.

Анна собрала чайные чашки, поставила их на комод.

Советник юстиции не сводил глаз со своих документов. На его морщинистом лбу выступил пот, и он утер его шелковым платком.

— Нет ли признаков, — вполголоса спросил он, — что профессор Мертенс в ближайшее время тоже прибудет сюда?

— За мной последовал сюда не муж, — победоносно сказала Анна, — а… — Она не закончила фразу. — Давайте оставим бракоразводный процесс, господин советник юстиции, он потерял

актуальность.

— Ничто не кончилось, — пробормотал он, — все покуда на стадии рассмотрения. А вообще антипатия к прошлому, как известно, не более чем стремление уйти от будущего.

— Ну и что, — сказала она, — я чувствую себя свободной.

— Это субъективный подход, — сказал адвокат и с нарочитым смешком добавил: — Ведь не очень-то и удобно зачеркивать былое и делать вид, будто оно тебя совершенно не касается.

— Даже когда оно закончилось и осталось позади? — резко спросила она.

— Для Анны, — вмешался в разговор Роберт, — брак никогда не был таинством, которое утрачивает силу лишь после смерти.

— Если даже у госпожи Анны, — как бы невзначай вставил его отец, — или у нас более нет веры, механизм закона продолжает действовать.

— И вы, — язвительно вскричала Анна, — собирались вести мой бракоразводный процесс?

— Закон живет нарушениями, — подчеркнул адвокат, приложив ладонь к левой стороне груди.

Тут Роберт не выдержал и воскликнул:

— Ты притворщик!

Губы отца вытянулись трубочкой. Он шумно выдохнул воздух, как и в тот раз, когда в подземной Трапезной сын усомнился в его реальности.

Анна вскочила и прошлась по комнате с такой твердостью, что стены словно отпрянули от наклонного конуса света. Она не шла, а шествовала, с медлительной царственностью, словно великая трагическая актриса по сцене. Сделав три шага, резко поворачивала на девяносто градусов, как бы размечала на полу некий магический квадрат. Предметы теряли свою предметность. Но вот она остановилась и, полузакрыв глаза, прислушалась к звукам за оконными шторами.

— Скоро стемнеет, — сказала она.

Отец забеспокоился, хотел встать.

— Ты ослабел, господин советник юстиции, — произнесла она, и ни один мускул в ее лице не дрогнул, — и документы твои несостоятельны. Никому эта писанина не нужна, ведь это, господин советник юстиции, всего-навсего ловкий трюк, чтобы оставить за собой право находиться здесь.

Щеки у старика надулись, с губ слетали странные сухие щелчки, будто хлопали бутылочные пробки.

— Судьба, — звучал проникновенный голос

Анны, — избавила все суды от вынесения приговоров. Ведь тот другой, о котором шла и идет речь, тоже прибыл сюда, чтобы разделить со мною то, что задолжала нам жизнь. Теперь мы соединились навеки.

Роберт подошел к ней, и она протянула ему руку. Он привлек Анну к себе, обнял, словно совершая торжественный церемониал, и поцеловал холодные губы.

— Значит, все ж таки Роберт! — прошептал старик, сглотнул комок в горле. — Так со мной обойтись! — Ноги его безостановочно шаркали по полу. — Глупости! — выкрикнул он. — Нелепые повторы!

— Я вполне взрослый и знаю, что́ делаю, — сказал Роберт, не выпуская любимую из объятий.

Отец из кресла наблюдал за парочкой, похожей на фото с открытки.

— И вам не избежать разочарований, — сказал он, будто ветхозаветный пророк. Из горла у него вырвался квохчущий звук — не то смех, не то рыдание, — и он швырнул папку с бумагами на стол.

— Полномочия, — сказала Анна уже обычным голосом, — некогда предоставленные вам полномочия мы отзываем.

— Но вы должны войти в мое положение. — Старик дрожал от озноба. Казалось, он вот-вот рухнет на колени. — Мне было здесь хорошо, Роберт, и, кстати, тебе, мой мальчик, тоже выгодно, если именно я представлю иск в здешней инстанции и постараюсь затянуть тяжбу. Ты пока недостаточно здесь освоился. Сумерки… — Он умолк.

— За нас тебе беспокоиться незачем, — холодно обронил Роберт.

Анна согласно кивнула.

— Я человек самостоятельный и обеспеченный, — добавил он, не замечая банальности сказанного, говорил-то в манере брачного объявления.

Он раздвинул шторы и открыл окна. Воздух был еще теплый, но не такой душный и спертый, как в комнате. Там, где зашло солнце, в небе виднелась красноватая полоса.

Отец собрался уходить, хотел засветло добраться до нижнего города. Анна проводила его к выходу.

— Мне жаль, — сказала она, — что ваша роль заканчивается. Но я должна думать о своей собственной.

Старик засеменил прочь.

Заметив папку, оставленную отцом на столе,

Роберт решил передать бумаги, в которые сам даже не заглянул, в Архив. Ему казалось, таким манером он нынче хоть что-то сделает по службе. Из передней Анна позвала его вниз. За окном развевалось на ветру черное полотнище. Отец Анны, закрывший ставни в нижнем этаже, вошел в дом.

— Вас спрашивали, — сказал он. — Какой-то военный спрашивал господина доктора Линдхофа.

Роберт удивленно остановился. Старик рассказал, что военный, кстати человек молодой, в кепи, заходил к Роберту в контору и узнал, что господин доктор Линдхоф весь вечер пробудет здесь. Однако он выпроводил солдата, потому что наверху проходило совещание, которому мешать нельзя. Роберт нахмурился, раздосадованный не столько самоуправством старика, сколько тем, что о его визите к Анне в дом ее родителей было известно. Хорошо хоть, речь шла о нейтральной конторе, а не об Архиве.

Мать пригласила его поужинать с ними, мол, все уже готово. Анна молча смотрела на него. Старики уговаривали так радушно, что он не смог отклонить приглашение. Ужинали на кухне, за добела выскобленным столом. Роберт, еще не поборовший досаду, говорил мало, но неоднократно

подкладывал себе из кастрюли с тушеным картофелем и овощами. После еды каждый вымыл за собой посуду в тазу, который стоял в углу, рядом с плитой.

— А теперь, — сказал старик с розовощеким гномьим лицом, — пойду к бочке.

Он настоял, чтобы Роберт спустился в подвал вместе с ним. Анна тем временем пошла к домашней колонке за водой. Внизу, посредине узкой каменной каморки, насколько можно было видеть в свете переносного фонаря, лежала допотопная винная бочка, занимавшая больше половины помещения.

— Вы постучите, господин инспектор, — предложил старик, стукнув костяшками пальцев по боку бочки. — Слышите? Полнехонька.

Потом он подтащил скамеечку и принялся теребить затычку.

— Знаете, — сказал он, — обычно я так не делаю. Но прощальный глоточек за меня и приветственный глоточек за Анну, пожалуй, не помешают.

Он решительно наполнил две глиняные кружки.

Снова в передней, с Анной, Роберт собрался уходить.

— Не хочешь остаться? — спросила Анна. — Я-

то думала, вечер будет наш.

— Не сегодня, Анна, — отозвался он. — Ты ведь тоже, наверное, устала.

— Да нет. — Она покачала головой. — Только загрустила, Роб.

— Скоро увидимся, — с нежностью сказал он. — Я останусь надолго, но сперва мне надо освоиться.

— Здесь, — испуганно проговорила Анна, — никогда не знаешь, что́ будет с нашим братом.

— У меня, — успокоил он, — свои планы насчет нас.

— Лучше бы нам сразу выпроводить твоего отца и провести эти часы вдвоем, верно?

— Нельзя так думать, — сказал он, — рано или поздно тебе нужно было высказаться и спихнуть прошлое с плеч долой. Мы очень долго ждали друг друга, давай потерпим еще немножко.

— Ты тоже ждал меня, Роб?

— Только теперь, Анна, я понимаю, как ты меня любила.

Она не спеша проводила его по гравийной дорожке к садовой калитке, открыла ее, и оба еще минуту-другую нерешительно стояли там в лунном свете.

— Некоторое время, — тихо сказала она, в заме-

шательстве теребя его пиджак, — я даже толком не помнила, как ты выглядишь.

— Но теперь-то вспомнила, — сказал он, тоже тихо.

— Да, — прошептала она и опустила голову.

Он притянул ее к своему плечу, приласкал.

— От твоих волос пахнет горечью, — сказал он, — словно каким-то крепким экстрактом.

— Не как обычно? — озабоченно спросила она.

— Наверно, это ночные ароматы сада.

— Я боюсь за тебя, Роб. Ты от меня не откажешься?

Он чувствовал, что она дрожит, и пошутил:

— Глупышка.

— Да, поглупела, — сказала она, — голову потеряла, из-за тебя.

Он поцеловал ее.

— Ты никогда меня не бросишь, Роб?

— Никогда не откажусь и не брошу, — заверил он. — Классическая формула всех влюбленных!

— Поклянись!

— Клянусь, — взволнованно проговорил Роберт, — я целиком принадлежу тебе, телом и душой. Теперь ты должна только сказать мне «любимый», а я — «во веки веков», точь-в-точь как в романе.

— Точь-в-точь как в жизни, — сказала она. И оба весело рассмеялись.

Когда у поворота дороги он еще раз оглянулся, Анна помахала ему вслед. У нее за спиной в неверном свете луны виднелись далекие храмы — солдатские казармы. Пересекая Фонтанную площадь, он заметил силуэт господина в сером цилиндре, которого уже однажды видел. Тот неподвижно стоял, словно в ожидании, и при виде Роберта приветственно приподнял головной убор. Роберт ответил на приветствие, но свернул в сторону. Господин в цилиндре, похоже, воспринял это как должное, потому что прислонился к каменному ободку фонтанной чаши и вслед Роберту не смотрел. А Роберт направился к Архиву.

IX

В последующие дни Роберт не раз намеревался повидать Секретаря Префектуры. После того вечера в доме Анны в нем все больше росла потребность поговорить с кем-нибудь, кто стоит выше его тревог и способен привести в порядок его бессвязные впечатления от пребывания в городе.

Той ночью, которую он впервые провел в Архиве, Патрон гостиницы был взят городской охраной под арест и, как говорили, выслан с эшелоном в расположенные на северо-западе окраинные районы. Роберт узнал об этом наутро, в полдень, когда обеденной церемонией в столовой руководил крашеный блондин, представившийся как новый управляющий, — коренастый мужчина с водянистыми глазами, одетый, словно бондарь, в пестрый фартук и рубашку с подвернутыми рукавами.

— Никогда не знаешь, сколько продлится пребывание, — мрачно проворчал он, — в какую минуту прозвучит рожок и к кому относится этот сигнал отъезда.

Роберт признался, что не слышал рожка ни минувшей ночью, ни раньше. Управляющий искоса, недружелюбно взглянул на него и, повесив голову, пошел прочь.

Старая Мильта то и дело всплескивала руками, скорее с удивлением, а не с испугом. Жена Патрона по-прежнему смотрела безучастно, с тупой покорностью. Подобно всему здешнему имуществу, она, пожалуй, лишь сменила хозяина. Уже вскоре Роберт увидел, как она, принаряженная, шагала через двор под руку с крашеным блондином. Ему почудилось, будто он еще слышит картавый голос предшественника, меланхолично восклицающий: «На время… не так ли?»

В Архиве Роберт порой перекидывался словечком-другим с Перкингом или с иным почтенным ассистентом. Но едва только заводил речь о конкретных происшествиях — скажем, что означает внезапное исчезновение Патрона, кто такой господин в сером цилиндре или как понимать всевозможные уроки для населения, — между ним и ассистентами тотчас возникала как бы стеклянная стена, будто речь шла о настолько будничных вещах, что они не стоят ни вопроса, ни ответа.

Когда он спросил Перкинга про солдата, ко-

торый тщетно искал его и с тех пор больше не появлялся, морщинки на лице старика стали глубже. Иной раз случается, сказал он, что кто-нибудь из горожан, желая выхлопотать себе льготу, стремится поговорить с Архивариусом, занимающим особое положение. Впрочем, в участи означенного человека от этого вряд ли что изменится, ведь колесо общей судьбы, в котором влекутся все и каждый, неумолимо вращается и никакое, даже самое страстное, желание не может остановить его, а тем паче повернуть вспять.

— Более приятные палестины у нас позади, — такими словами Перкинг закончил разговор и вернулся к своим регулярным занятиям. Он составлял промежуточный отчет, который раз в три дня направлял в Префектуру, в кратких словах докладывая итог обработки архивных поступлений. Роберт выразил желание взглянуть на сей документ.

— Прошу, все перед вами, — сказал Перкинг. — Комментирование выходит за рамки моих полномочий. Таблица пока не завершена.

Роберт склонился к бумаге, лежавшей в ярком свете лампы на столе ассистента.

Прочитал он вот что:

Общее количество документов: 7839. В том числе всякого рода жвачка, привязанное к месту и времени, конъюнктурное, модное: 7312. Отбраковано без промедления: 7308. Оставлено для устрашения: 4.

Чистая сфера проверки: 527, количество листов – свыше 19000. По разделам:

Записки – 18.

Дневники – 23.

Письма – 64.

Стихи – 19.

Размышления – 402.

Деловые документы – 1.

527, как выше.

Архивное размещение: традиция – 19, мудрость – 5, благочестие – 0, жалоба – 26, судьба – 386, знание – 79, культ – 12, в сумме – 527, как выше.

Предварительное решение: на короткий период – 508, на средний период – 9, на длительный период – 6; на сохранение – 4, на освящение – 0. В сумме 527, как выше.

Заменено – 102. Погашено – 984. Таким образом, прирост – 0, потери – 357.

Роберт задумчиво перечитал отчет еще раз и, хотя не понял ни единой подробности, все же пришел к выводу, что лишь малую часть текущих архивных поступлений признали достойной в течение определенного срока находиться на хранении. Он вернулся к себе, меж тем как Перкинг продолжил записи о химическом процессе.

Краткие беседы не унимали беспокойства и постоянных сомнений в должности и пребывании здесь, но Архивариус все же надеялся, что неотлучное присутствие в Архиве мало-помалу поможет ему освоиться в сложившихся обстоятельствах и хотя бы чуточку с ними ознакомиться. Однако почел за благо пока что не вмешиваться в просмотр текущей документации, входящей и исходящей (он вдруг почуял, что все это как-то связано с обитателями города), и просто использовал фонды Архива, которыми мог распоряжаться как никто другой, для собственных научных работ.

Снова Роберт погрузился в ту сферу, что увлекала его и раньше, когда он занимался исследованиями древних восточных языков, только вот у него не было тогда достаточно обширного сравнительного материала касательно следов мифологической традиции в поэзии и народных

поверьях. Он знал, что древние монастырские и королевские хроники обычно относили свое происхождение к началу мира и его божеств. Как будто было крайне важно, чтобы цепочка никогда не обрывалась, и он искал новых подтверждений. А что западная культура уходила корнями в азиатские регионы, он знал давным-давно. Теперь стало ясно, что и в позднейшие времена эта идея с неиссякаемым упорством повторялась в образных видениях многих поэтов, будто они духовные наследники и представители того архаичного мира. Приблизиться к истокам, к той жизни, когда человек еще остается частью природы и всеобщности бытия, — это соответствовало и внутренней ситуации, в которой сейчас находился Роберт.

Во все времена и во всех регионах, очевидно, существовали люди, которые хранили тайну единства всех движущих сил и несли факел этого знания сквозь века. Не всегда они говорили об этом и не поднимали шума вокруг своих заметок. Может статься, они даже не осознавали свою миссию, свое предназначение, подобно тому как великие любящие не ведают, что живут лишь затем, чтобы на земле не переставала любовь; к примеру, точно так же великие праведники

порой живут публично, но чаще уединенно и нужны лишь затем, чтобы не утратился смысл справедливости, а великие умирающие — чтобы не переставала смерть.

Великие неизвестные, что своей жизнью и делами поддерживали огонь творения и передавали его дальше, были стражами мира. Их дух поистине прошел небо и ад, хотя они как будто бы всегда сидели в своих уединенных кельях. Они трапезничали с богами своих предков, скакали с демонами сквозь непроходимые дебри, и то, что провидел их взор, становилось зримо всем и каждому.

Роберт читал древние рукописи буддийских монастырей, переведенные давними ассистентами Архива и снабженные обширными комментариями, листал эпосы и хроники, которые, опять же тематически подобранные рукою ученых ассистентов, содержали материалы мистиков, пророков, сектантов. Ему открылась ценность картотеки, которую с педантичным старанием составил его предшественник, чтобы отыскивать в литературе адептов параллельные места, разновидности ритуалов, искажения, возникшие в ходе создания легенд. Чем глубже он вникал в источники, тем меньше нуждался в спекулятивных

работах Нового времени, в этих изощренно-аналитических трактатах, он помнил их с давних пор, но в Архиве для них прочного места не нашлось.

Зачастую Роберт велел кому-нибудь из молодых служителей-посыльных, выполняющих такого рода поручения, доставить ему в кабинет тот или иной фолиант. А иногда сам спускался в нижние этажи, чтобы прямо там свериться с соответствующим текстом. Его не оставляло ощущение, что почтенные ассистенты хотя и не признавали его своим, но все же любезно терпели, и с течением дней он иной раз вступал с ними в непродолжительные разговоры.

Особенно волнующими были для Роберта редкие встречи с Мастером Магом, как его тут называли. Он, мол, старейший из ассистентов, не по возрасту, коего здесь не считают, а по самому долгому сроку работы в Архиве. Сокровищница его знаний и опыта была неисчерпаема, а его совет, полученный в сложных ситуациях, неизменно играл решающую роль. Своей натурой, чуждой всякой помпезности, он более всего походил на индийского святого, на избранного гуру. Настоящее его имя Роберту выяснить не удалось, имен было много. Перкинг называл его Ли Хань, другие

— Гвелеан и Номенсис, сиречь Пастырь, будто Мастер Маг воплощал в себе разом несколько лиц. Он — Блюститель печати Архива, которому доверены секретные протоколы. Его почти не видели за пределами самого глубокого из подземных ярусов, чьи штольни пробиты в скале. Как и прочие ассистенты, он никогда не покидал комплекс Архива.

Уже при первой встрече Роберту бросилась в глаза волнистая седая прядь, вихром стоявшая над высоким лбом. Пергаментная кожа на лице свидетельствовала не о старости, а скорее о неком вневременно́м бытии. Маленькие глазки, умные, как у слона, были неизменно устремлены в далекую невидимую точку. Только когда он говорил, они на миг пронзали глаза собеседника, чтобы затем открыться на манер водоемов, засасывающих взор собеседника. Память его якобы хранила все, что он когда-либо воспринял духом. Он полагал, что благодаря воспоминанию не прекращается жизнь людей и планет.

Однажды в беседе с Робертом престарелый ментор повел речь о движущих Землею демонических силах. И говорил так, будто некогда сам был очевидцем всех событий. Мол, на протяжении долгих земных эпох демоны использовали

стихии, определяя через разрушение форму жизни. Своею мощью вызывали природные катастрофы, земле- и моретрясения, поднимали из океанов и вновь топили острова, подобные континентам, вмиг обращали в пепел и пустыню целые державы. Позднее демоны поставили себе на службу духов воздуха, разносивших по всем земным пределам бациллы моровых болезней — чумы, проказы, холеры, сыпного тифа. Когда же люди, которые все больше утверждали себя на планете, начали обуздывать эпидемии, демонические духи принялись капать ядом прямо в мозги, так что рассудок чрезмерно возбуждался и воображал, будто способен раскрыть все тайны. Люди стремились перехитрить законы природы и, коли недоставало органических материалов, создавали искусственные и синтетические, изобретали машины и совершенствовали технику. Замыслов было великое множество, они приносили плоды, и люди опрометчиво вообразили, будто за десятилетия сумеют продвинуть развитие на эон. Ах, как демонический яд подстегивал их к рекордам, достижениям, темпам! Как они побеждали природу, чтобы стать рабами техники!

Новые и новые картины заблуждения рисовал Мастер Маг. Едва сбылась тысячелетняя мечта

человечества подняться в воздушное пространство, парить, летать, как эти новые машины стали применяться лишь для того, чтобы с воздуха уничтожать все достижения человеческого прошлого. Будто по наущению Индры, чья жестокость в разрушении превосходит демонические силы, люди оседлали бессчетных посланцев смерти, чтобы пуще прежнего, в стократ бóльших масштабах, с поистине апокалиптической беспощадностью разрушать в истребительных войнах дворцы, дома, города.

Тяга к истреблению, пожалуй, во все времена сопрягалась с насилием, говорил старец, но люди применяли для этого свои изобретения и конструкции — вот что особенно его поражает. Вот до какой степени смертельный яд рассудка, отпавший от мирового разума и сделавшийся самовластным в своей логике, успел разъесть и отравить здоровый дух людей. Их непомерная гордыня, их наглая заносчивость уже извлекла на поверхность жизни механическую машину подземного мира. Сумасбродство и безрассудность отдали предпочтение царству смерти, стали всего лишь орудиями, бездушными, богопокинутыми, бациллоносителями, разбивателями атомов. Жалкие безумцы, последние побеги двух

тысячелетий западной культуры.

Глаз Мастера Мага тускло поблескивал, словно кратерное озеро. Голос его звучал все тише, все потустороннее. Под конец губы шевелились почти беззвучно.

— В бездну, — послышалось Роберту, — через мост… — и совсем как легкий вздох: — …закон.

Казалось, Земле настал конец.

Один из молодых посыльных принес Роберту записку, призывавшую его наверх, в кабинет. Его ожидал посетитель — Катель.

С трудом, словно все чувства еще были прикованы к провидческим образам древнего ментора, Роберт проделал обратный путь к лестничной клетке. Всем своим существом он ощущал явленную в речах старца мировую пустыню, меж тем как поднимался по винтовой лестнице, которая казалась бесконечной и спиралью вела в пустоту. Не вполне твердо держась на ногах, он добрался до своего кабинета, чьи размеры вдруг стеснили его. Так минуло несколько времени, причем он даже не сознавал, как неучтиво заставлять художника ждать на табуретке в приемной. Что, если он в легендарном городе Уруке, что, если в ворота призывно стучится Энкиду?

Когда Катель вошел в кабинет Архивариуса,

тот сидел за письменным столом, подперев рукой лоб.

— Ты занят… — сказал художник, и в его полувопросе сквозило легкое разочарование.

— Нет, — ответил Роберт, рассеянно поздоровавшись, — рад тебя видеть.

— Я тебе помешал, друг-летописец, — опять сказал Катель.

Роберт предложил ему сесть. Жестом, весьма формально.

Катель сел, небрежно положил ногу на ногу. Взгляд его беспокойно скользил по высоким стеллажам, по кожаным и пергаментным корешкам фолиантов, по раскрытым книгам на столах, примечал пыль в воздухе. Порой задерживался на Архивариусе, который теперь, скрестив руки под головой, откинулся на спинку кресла. Вот он, пришелец в таинственных краях Архива, недоступных для местного населения. Восседает гордо, ни дать ни взять этакий иноземный посланник, исполненный простодушной уверенности, безразличный к помехам и свободный от роковых сил, какие властвуют им, Кателем, и всеми его товарищами по судьбе. Косой луч света, проникавший в одну из глубоких оконных ниш, мало-помалу протянулся между ними.

— Тебе, — сказал художник, — наверняка хорошо здесь работается.

Разговора никак не получалось. У Роберта возникло впечатление, что друг пришел по делу, но прямо спросить робеет. Обстановка Архива как будто бы отнимала у художника уверенность. В печали взгляда порой угадывалась толика первозданного страха, который так явственно виден в глазах затравленного зверя. Движения его казались порывистыми, фразы — брошенными через силу. Когда он заговорил об Архиве, о надежности сводов, безупречно оберегающих жизнь, укрывая ее от опасностей будней, Роберту почудился в его тоне укор. А когда художник намекнул на большой отчет, к которому Роберт во время своего пребывания здесь наверняка отнесется со всем вниманием, Архивариус удивленно поднял голову. Наверняка ведь очень интересно, сказал Катель, участвовать в работе над хроникой человечества. Ответить Роберт не успел, потому что в дверном проеме за спиной художника мелькнуло почтенное лицо ассистента Перкинга. В результате ответ вышел какой-то безучастный, хотя замечание Кателя сильно его взбудоражило. Невольно он положил руки на чистую тетрадь, которая покуда еще ждала его записей.

Возобновляя то и дело смолкающий разговор, он спросил у художника о состоянии его работы.

— Да как тебе сказать, — обронил Катель с пренебрежительным жестом. — Ну сам посуди, — продолжил он немного погодя, — какой смысл писать картины без высокой культовой задачи? Просто чтобы позднейшие поколения копались в моих чувствах? Я очень рад, что настал конец сроку в смехотворном дурдоме, именующем себя человеческим миром.

Говоря все это, Катель не переставая покачивал ногой.

— У тебя вот, — воскликнул он, — есть задача! То, что ты пишешь, служит не искусству, которое существует лишь ради прекрасного или же самодовольного, ты пишешь отчет о том, что имеет силу для живых и для потомков. По крайней мере, я так себе представляю.

Когда художник намекнул на хронику Архивариуса, в дверном проеме вновь возник безмолвный Перкинг. Роберт толком не знал, как это понимать — как предостережение, что не стоит, мол, беседовать на эту тему с посторонним для Архива человеком, или же как призыв вернуться к собственным делам. А потому молча смотрел в пустоту. Мир вокруг погружался в сон,

и мучительно-горькие излияния друга, как и его любопытно-каверзные вопросы, пустым звуком проходили мимо ушей Роберта.

Только когда Катель неожиданно собрался уходить, он заметил перемену во внешности друга: от волнения кожа его приобрела фосфорический блеск. На прощание, протянув ему обе руки, художник — Роберт понял это лишь задним числом — несмело спросил, по-прежнему ли его документы находятся в Архиве. А поскольку Роберт не ответил, как бы невзначай обронил:

— Понимаю: служебная тайна! У тебя на устах должностная печать.

Засим он ушел, чуть скривив губы в улыбке, но левую ногу приволакивал сильнее обычного.

Вскоре после визита Кателя Архивариус велел посыльному вернуть на место, в подземные этажи, разного рода книги и манускрипты, касающиеся древних мифов. Посовещался с Перкингом, попросил регулярно давать ему на просмотр вновь поступившие документы, коль скоро они, согласно трехдневному перечню-отчету для Префектуры, сочтены достойными краткого или длительного хранения в Архиве. Конечно, ввиду огромного количества томов, порой весьма объемистых, а вдобавок написанных на самых разных

языках Европы и Азии, он никак не может уделить даже малой их части должное и безусловно заслуженное внимание. Однако, учитывая превосходный аппарат, каковой Архив являет собой во всех отношениях, вероятно, вполне возможно изыскать способ предоставлять ему документы по заранее обговоренным темам, чтобы он, Архивариус, получил представление о том, как Архив властвует судьбами. Если он верно запомнил таблицу, недавно составленную Перкингом для Префектуры, то раздел, охватывающий самое большое число документов, носит название «Судьба».

Старый Перкинг выслушал его стоя. В позе этакого любезно-внимательного официанта, который выслушивает сложные пожелания гостя, знающего толк в еде и напитках, и лишь изредка едва заметным движением брови намекает на возможность той или иной практической корректировки. На вопрос, где зарегистрированы временно принятые дела, ассистент попросил Архивариуса не спешить и, особенно если здесь присутствует некий личный интерес, выяснять местоположение этих дел лучше позднее, когда в ходе работы у него сложится более полное представление об Архиве и о городе.

Эта реплика сведущего ассистента удивила Роберта, ведь он всего-навсего хотел незаметно узнать, имеются ли в Архиве документы Кателя, а также и Анны и какие именно. И втайне даже подумывал глянуть насчет собственных работ.

До самого вечера он размышлял о словах Кателя про отчет, про ведение Хроники. Он-то вместо этого устроил себе в Архиве спокойное рабочее место, своекорыстно продолжил давние исследования, академические штудии, которые никого в городе не касались, ни Префектуры, ни населения. Может статься, когда-нибудь их результат заинтересует узкий круг специалистов… но по-настоящему все это никак не связано с происходящим в реальности. Под защитой сводов Архива он в уединении занимался тем, что его работодателям, наверно, даже в голову не приходило, когда они предложили ему пост Архивариуса. Конечно, на время он запретил себе думать о возлюбленной, в город почти не выходил, однако надежда нащупать таким образом подлинные свои обязанности обманула его. После странностей увиденного в городе, ошеломительных встреч с Анной и с отцом, которые сразу по прибытии все время держали его в напряжении, он укрылся в уединенности этакой

башни из слоновой кости, словно загадка настоящего ничуть его не касалась. А теперь вот друг Катель дал понять, что он ошибся, начал свою деятельность здесь совершенно неправильно. И древние рукописи, в которые он было закопался, снова отправились на архивные полки, а выписки до поры до времени — в стол.

Вознамерившись в корне изменить распорядок дня и занятий, он сообщил Перкингу, что решил активнее включиться в повседневные дела Архива, участвуя в выборе и оценке свежих документов, тесно связанных с человеческими судьбами. Но не только это поможет ему преобразить свое здешнее бытие. Чтобы избавиться от иллюзии, будто работа со старинными рукописями уносит его в мир прошедшего, он решил углубиться в текущие события городского района, так, как было до той минуты, когда он впервые встретил Анну. Да, те часы, когда он вместе с нею шел по незнакомым улицам и через Фонтанную площадь, где странное естественным образом говорило само за себя, были для него волнующими и полными смысла, но разговор, свидетелем которому он стал в родительском доме Анны, вконец его запутал. Этот разговор явно служил толкованию и разъяснению прожитого, то есть

минувшего, времени и оттого выбил его из колеи привычных, устоявшихся представлений.

Сложности, постоянно грозившие его отношениям с Анной, теперь, если он правильно понимал, исчезли, ничто не мешало им съехаться. И все же с того дня он ринулся в несколько искусственную архивную работу и ничуть по Анне не тосковал. Неужели встреча, неужели возможность объятия опоздала? Но стоило лишь представить себе, что Анна, найденная с таким трудом и как будто бы навсегда, покинет это место и если даже не вернется к Мертенсу, то, во всяком случае, уедет отсюда, как его чувства и тоска по ней пробуждались вновь. Отныне все вечера будут принадлежать им, может статься, они предпримут и прогулку-другую по городу и окрестностям, ведь, помимо архивной работы, он твердо решил разведать эти места и изучить. Пока он здесь — продолжительность пребывания устанавливала вышестоящая инстанция, — необходимо поскорее выявить закономерное, являвшее себя в городских приметах и высказываниях обитателей. Он должен разгадать тайну, с которой сталкивался и сталкивается на каждом шагу. К этому обязывало не только приглашение, приведшее его сюда, но его жизненная миссия,

его предназначение.

Уже в один из ближайших дней Роберт надумал под вечер совершить прогулку по городу. Обед без мяса ему в очередной раз доставил из гостиницы посыльный, который вообще часто выполнял его мелкие поручения. Леонхард, как его звали в Архиве, отдаленно напоминал ему одноклассника, который в семнадцать лет во время каникул утонул в море. Невыясненные обстоятельства его гибели долго тревожили тогда души молодых людей. Никто в точности не знал, как ушел из жизни этот юноша — в результате несчастного случая или добровольно, ведь один из учителей буквально замучил его несправедливыми нападками. Говорили разное: то ли он, купаясь ночью, переоценил свои силы и заплыл слишком далеко, то ли попал в водоворот и оцепенел от панического ужаса. Все эти годы Роберт носил в себе лишь смутный образ давнего одноклассника и, только заметив сходство между ним и Леонхардом, вспомнил тогдашние события и проникся к юному посыльному симпатией и доверием.

По общепринятому правилу, сами служители никогда ни слова не говорили ассистентам, а тем паче начальнику Архива, будто, соблюдая это правило, обеспечивали себе право деятельного

присутствия в архивных помещениях, что было для них наградой и привилегией. Вот и сегодня, когда Роберт поблагодарил молодого человека за любезную доставку еды и спросил, нравится ли ему здесь, Леонхард молча взблеснул глазами, слегка зарумянился и ответил на благодарность и приветливые слова Архивариуса лишь смущенным поклоном. Только позднее, когда юноша фактически перешел в личное подчинение Архивариуса и Хрониста, официальные отношения несколько смягчились. Сейчас Роберт дружелюбно проводил его взглядом, а вскоре и сам отправился в путь.

Едва Роберт вышел из флигеля, из всех улиц и закоулков на него нахлынул зной. На сей раз он направился не к Фонтанной площади, не к отдаленному частному поселку и не к Префектуре, а в незнакомые районы. Хотел для начала получше осмотреться в верхнем городе, а потом заняться разведкой катакомб. В уединении Архива он успел отвыкнуть от верхнего города и смотрел на иссохшие улицы с руинами домов не без отвращения, хотя они почти не отличались от тех, какие он видел сразу по приезде. Что-то недоброе витало в этих голых каменных постройках, остатки фасадов которых казались мрачными

призраками на фоне яркой синевы неба. Чистота здешних небес, где Роберт еще ни разу не видел ни единого облачка, дышала мощью беспощадной ясности, ибо не была связана ни с чем на земле. Солнце — как зубчатая огненная дыра в воздушном куполе, своей отчужденностью от мира похожая на нечеловеческое око над порталом собора. И не один только зной захватывал дух и цепенил чувства, одновременно их перенапрягая, но и однообразие равнодушно сияющего света над уничтоженным миром. Наверно, не в последнюю очередь именно поэтому большинство населения, как он заметил, избегало ходить через верхний город и пользовалось сетью улиц, проложенных под землей.

Мало-помалу Роберт очутился в районе, расположенном дальше от пограничной реки, масштабы разрушения были здесь куда заметнее, нежели в других местах. Фасады зданий были наполовину или полностью уничтожены, так что открылись грязные стены внутри этажей и взгляд проникал глубоко в безысходную пустоту дворовых флигелей. Кое-где по краям рваных каменных ран, сверкавших в ярком свете, поселились убогий мох и пыльные белесые травы, а спекшиеся в комья обломки и осколки лежали

внизу аккуратными кучами. Чем дальше Роберт забирался в лабиринт все более узких улочек, тем более исковерканная картина представала перед ним. На миг он зажмурился, и перед глазами возникло виде́ние — построенный из детских кубиков игрушечный мир, неуклюже и злобно растоптанный ребенком-гигантом.

Немногие пешеходы, встречавшиеся Роберту на этих разрушенных улицах, оставались безучастны, словно уныние окрестностей до них уже не достигало. Порой он замечал поодаль группы из десяти-двенадцати рабочих и работниц — по-видимому, они закончили смену и направлялись домой. Всякий раз, когда он подходил ближе, они спускались в подвальный лаз одного из зданий, вероятно связанный с катакомбами.

В никому теперь не нужных, разбитых жилищах тоже попадались люди, искали среди завалов уцелевшие остатки домашней утвари, выковыривали из обломков кусок жести или обрывок провода, собирали щепу в висящие на плече объемистые сумки. Бродили вокруг, точно боязливые, вконец измотанные кладоискатели. Ощутив на себе взгляд чужака вроде Роберта, они делали вид, будто пришли сюда просто так, прогуляться, не хотели, чтобы их заподозрили в мародерстве.

Одни, как дети, простодушно смотрели в небо, другие сосредоточенно отряхивались или, если были обуты, пучком травы смахивали с башмаков известковую пыль. Роберт отворачивался и шагал дальше. Один раз ему вслед полетели камни, правда, в цель не попали. Он оглянулся, но народ уже опять рылся в развалинах.

Порой из оконного проема мертвого дома высовывалось лицо, глядело вниз, на улицу, будто пересчитывая прохожих в том или ином направлении или вслушиваясь в тишину, в которой и Роберт чуял что-то пугающее. Стоило ему свернуть с выбранной дороги в боковой переулок, как он тотчас терял ориентацию, не знал, находится ли по-прежнему внутри протяженного городского комплекса и в какую сторону надо идти, чтобы потихоньку выбраться в окрестности гостиницы или Архива. Первоначальный план — достичь границы города — пришлось оставить, так как солнце уже клонилось к закату и тени начали удлиняться.

Когда он в раздумье стоял на каком-то перекрестке, издалека до него донесся гул множества голосов. Он пошел на этот звук, который вскоре усилился и упорными своими волнами отчетливо наводил на мысль об оживленной суматохе

еженедельного рынка. Громкие возгласы сопровождались то наплывающим, то затихающим шумом большой толпы. Ухабистая улица, по которой быстро шагал Роберт, пологой дугой уводила все дальше вниз, глухое невнятное многоголосье нарастало, и когда за последним поворотом дорога распахнулась, он увидел продолговатую, мощенную камнем площадь, по одну сторону которой, бурно жестикулируя, перекатывалась туда-сюда людская толпа, сбившаяся в большие и малые кучки. К этой площади, расположенной в низине, со всех сторон лучами сбегались улицы. Склады и невысокие базарные павильоны, чьи нижние этажи почти не показывали следов разрушения, окаймляли эту арену. Наблюдая за здешней суетой чуть сверху, Роберт обнаружил, что собрались тут одни только мужчины.

Несчетными кучками они толпились повсюду, возбужденно разговаривали и вроде бы спорили, в итоге некоторые вдруг уходили и присоединялись к другим группкам, к новому торгу. Чтобы выяснить смысл происходящего, Роберт тоже спустился на площадь и медленно пошел по краю ее овала. Вдоль фасадов лишенных крыш торговых павильонов тянулась каменная галерея, где под стрельчатыми арками устроились

торговцы-разносчики, предлагавшие на кое-как сколоченных прилавках свои скудные товары. Большей частью напоказ были выставлены бытовые предметы, подержанные, старомодные вещи. Тут — две-три пары курток и брюк, ремни с серебряными пряжками, галстуки и пестрые платки, там — всевозможные ботинки и сапоги, зачастую в весьма сомнительном состоянии. В других местах висели на плечиках мятые костюмы разных размеров, куртки от национальных костюмов и допотопные крестьянские жилетки, среди них в беспорядке лежали штопаные чулки, носки, рубашки, шляпы и сетки. Одежда преимущественно мужская, вдобавок трости и суковатые палки, лишь изредка на лотках попадались белье и одежда, предназначенные для женщин. Да и то неизменно мишурная дешевка. Торговцы, подобрав под себя ноги, сидели на бочонках — зрелище весьма странное — и с недоверчивым прищуром наблюдали за окрестностями. Однако толчеи возле прилавков не было и в помине, лишь изредка кто-нибудь мимоходом останавливался, смотрел на разложенные вещи и шел дальше. Похоже, ни один вообще не собирался ничего покупать.

Чтобы убедиться, продаются товары или вы-

ставлены лишь для праздного обозрения, Роберт в конце концов сам подошел к одному из прилавков и указал пальцем на старую кружевную шаль, которую надумал подарить Анне. Старьевщик с землисто-желтой физиономией лишь чуть наклонился вперед на своем высоком сиденье, сиречь на бочонке, схватил длинную загнутую палку вроде пастушьего посоха и, быстро окинув Роберта взглядом, постучал ею по авторучке, кончик которой выглядывал у Роберта из нагрудного кармана. Жест однозначно намекал на возможность обмена. Когда же Роберт покачал головой и дал понять, что хочет купить шаль, старьевщик пожал плечами и снова впал в летаргию. Роберт меж тем достал товарную карточку, полученную от Секретаря в Префектуре, и небрежно протянул ее через прилавок. Старьевщик сперва равнодушно покосился на проштемпелеванную бумагу, но потом вдруг сообразил, что это за штука. Спрыгнул с бочонка и, одобрительно кивнув, пробурчал, что господин может приобрести не только кружевную шаль, но и другие вещи, чем больше, тем лучше. Пока Роберт оглядывал дощатый прилавок, не обнаруживая на нем ничего достойного приобретения, происходящим заинтересовались соседи старьевщика. Они тоже

повскакали со своих сидений и устремились к Роберту, размахивая руками, приглашая к своим прилавкам. Вмиг обступили его кольцом, оживленно тараторили всяк на своем наречии, извлекали из потайных карманов и предлагали ему пестрые нитки бус, амулеты на счастье и дешевые побрякушки.

— Карточка Префектуры — штука хорошая, — на разных языках твердили они друг другу, а он едва отбивался от их навязчивости. Кружевной шалью он все-таки завладел, хоть и с трудом, в оплату старьевщик отрезал от товарной карточки один купон и спрятал его как жирный куш. Потом Роберта оттеснили к другим прилавкам, где он в итоге еще за один купон приобрел прочную походную палку. Ею он прокладывал себе дорогу через кучки старьевщиков, которые цеплялись к нему, точно репьи, пытались удержать и осаждали предложениями. Когда он наконец достаточно далеко отошел от прилавков галереи и очутился на свободном участке, торгаши не рискнули последовать за ним, словно привязанные к краю овала. Немного постояли там, протягивая жадные руки, потом один за другим вернулись в безлюдное пространство галереи. А вскоре, как прежде, сидели на бочонках за прилавками с

товарами, которые издали казались нарисованными. Роберт отвернулся от этой кулисы.

Толпа, колыхавшаяся на мощеной площади, была так занята своими делами, что даже не заметила, что происходило на краю. Роберт украдкой смешался с этим мужским сборищем, невольно заразившись подспудным возбуждением. Он примкнул к кучке, которая полукольцом окружала двух мужчин — молодого, с оттопыренными ушами и пожилого, курносого. Молодой снял куртку, и пожилой ощупывал ее на предмет добротности материала. Он медлил, а молодой расхваливал достоинства куртки, указывал то на теплую подкладку, пестрящую заплатами, то на пуговицы из оленьего рога, так и сыпал словами, опровергая сомнения пожилого. Тот держал в руках пару сапог из грубой кожи, стоял в одних портянках и был отнюдь не склонен соглашаться на предложение молодого.

Зеваки частью громогласно поддерживали парня с курткой, частью — мужика с сапогами, поэтому меновая сделка, о которой, без сомнения, шла речь, никак не налаживалась. Один уговаривал, другой отговаривал, а главное, каждый, судя по всему, полагал, что должен непременно обвести другого вокруг пальца. Стоило курносому

указать на дырку в рукаве куртки, как лопоухий тотчас обращал внимание на повреждение сапожной подметки, пока под громкие крики они мало-помалу не сошлись на том, что дефекты и достоинства вещей уравновешивают друг друга. Так или иначе, молодому до того хотелось заполучить сапоги, что он под ликующие вопли болельщиков пожилого нехотя снял и добавил к куртке еще и свой широкий ремень.

— По рукам! — воскликнул пожилой. — Согласен!

— По рукам! — хором подхватили зеваки, и сапоги и куртка с ремнем поменяли хозяев.

Когда приверженцы поздравляли каждого с удачным обменом, над площадью прокатился гул, словно жужжание вспугнутого пчелиного роя. Оба мужчины уже отошли друг от друга, устремились к другим группам, тогда как зрители еще долго судили-рядили об этом событии. Роберт последовал за тем из двоих, что шел без куртки, зато с сапогами в руке, тщеславно ими помахивая, чтобы уж наверняка привлечь внимание окружающих. Вскоре его обступил народ, наперебой предлагая новый обмен. Один держал наготове овчинную шапку и пару кожаных перчаток, другой давал понять, что пожертвует

пестро расшитыми штанами, третий подсовывал рубашку и шелковый галстук, четвертый — пальто необычайной расцветки. Пока лопоухий обладатель сапог изучал означенные предметы, толпящиеся вокруг зеваки изо всех сил старались убедить его в выгодности любой сделки.

Вновь начался шумный торг, и в конце концов обмен состоялся. Парень сумел выторговать за сапоги овчинную шапку и кожаные перчатки, чтобы затем, присовокупив оставшийся при нем ремень, поменять их на пальто. Курносый меж тем выменял куртку с пуговицами из оленьего рога на кастрюлю, которую живенько сбагрил, получив взамен перстень с печаткой. Под хохот толпы очередной меняла снял с себя штаны, очень уж ему хотелось отхватить чемодан, который парень с оттопыренными ушами нес теперь на плече, уже вместо пальто. Повсюду возникали новые группки менял, желавших пристроить свои вещички, причем партнеры норовили оставить один другого в дураках. Вот так все и менялись, вещи переходили из рук в руки, как ходячая монета, и хор зевак все громче кричал: «По рукам! Согласен!» Портфель меняли на зонтик, зонтик — на нижнюю рубаху, нижнюю рубаху — на шотландские гольфы, гольфы

— на вязаные напульсники, пока напульсники снова не обернулись портфелем, а зонтик после сходного круговорота не вернулся к давнему хозяину. Тут зрители шумно возликовали, легонько раскачиваясь из стороны в сторону.

Все истошнее звучали подначивающие возгласы, толпа заволновалась, пришла в движение. Множество мужчин, подхватив друг друга под руки, цепью напирали на такие же встречные цепи, задирали и толкали каждого на своем пути. Все они топали ногами, будто в неуклюжем деревенском плясе. Обменный товар предлагали все громче. Отдельные группы соединялись. Роберт очутился среди безумной неразберихи, и, куда бы он ни сунулся, брешь сию же минуту смыкалась. Народ злорадно вопил:

— Третейский судья! Третейский судья!

Люди то отпрядывали от него, то напирали, выталкивая на середину площади. Солнце садилось.

Внезапно он оказался в плотном кольце на том месте, где завершился последний обмен. Увидел, как курносый натянул сапоги, которые напоследок выторговал обратно, и как лопоухий выпрашивал свою куртку, но предлагал за нее промежуточному владельцу явно недостаточно.

— Третейский судья! Третейский судья! — горланила толпа.

Кто-то замахал платком. И вот уж всюду над головами развевались платки, белые и цветные. Роберт тоже взмахнул своей кружевной шалью. И не успел оглянуться, как лопоухий парень цапнул шаль и бросил меняле, который не отдавал ему куртку. Но тому опять было вроде как мало.

— Третейский судья! Третейский судья! — орали вокруг.

— Господа! — воскликнул Архивариус, зажатый между этими двумя. — Я не местный, вы не можете требовать, чтобы я… — Его слова утонули в гвалте.

Лопоухий с криком выхватил у Роберта палку, швырнул ее под ноги партнеру и выдрал у него из рук куртку. Даже не заметил, что одна из оленьих пуговиц оторвана. Круговой обмен завершился. Каждый вновь обрел свою изначальную собственность. Хоть это и придавало всему действу характер игры, участники, видимо, не доверяли правилам настолько, чтобы не опасаться за ставку. И вновь выцарапав свое, испытывали удовлетворение, получали, так сказать, сюрприз.

Первые тени сумерек накрыли низину площади. Развевающиеся платки упали, толпа разом

онемела. Все беззвучно отступали, отворачивались, разбегались по улицам в разные стороны. Роберт обвел взглядом быстро пустеющий рынок и увидел неторопливого господина в сером цилиндре. При его появлении люди и вовсе, словно мыши, кинулись врассыпную. Торговцы тоже разобрали свои прилавки.

В замешательстве Архивариус зашагал по какой-то улице в надежде, что она выведет к Старым Воротам. Его мучило неприятное ощущение, будто за спиной кто-то есть. Он обернулся — никого и ничего.

Жаль, конечно, что он остался без кружевной шали, которой хотел порадовать Анну, и без узловатой палки, которая пригодилась бы в прогулках по городу. И домой придет без ощутимых результатов.

Быстрее, чем думал, еще до наступления ночи он добрался до Архива, где ждал Леонхард с ужином. После Хронист долго сидел в раздумьях. Тишина причиняла боль. Около полуночи он услышал напев рожка, словно бы охотничьего, зовущего на охоту. Звук был какой-то хриплый.

X

Архивариуса снедала день ото дня растущая нервозность. По городу он ходил торопливым шагом, избегая смотреть по сторонам, будто опасался встретить знакомое лицо или угодить в новое происшествие. Если кто-нибудь стучал в дверь его кабинета, он невольно вздрагивал, как и от любого нежданного шороха. С тех пор как место старухи Мильты заняла новая прислуга, брюнетка, которая с любопытством увивалась подле Архивариуса, он, не отказываясь от номера в гостинице, привык ночевать в пилонной комнатке напротив Архива. И хотя вечерами большей частью засиживался допоздна, спал тревожно, ведь в ночных видениях здешние события перемешивались с воспоминаниями прошлого. Физическое напряжение тоже добавляло нервозности.

Когда иссяк запас сигар и даже юный Леонхард, мигом исполнявший любое его желание, не знал, как быть, Роберт по служебному телефону обратился к Секретарю Префектуры, который в свое время снабдил его кучей удостоверений

и талонов. Тот объяснил, что Архивариусу, конечно же, могут предоставить табак из запасов, предназначенных для сотрудников зарубежных миссий. Но одновременно Секретарь попросил его воздерживаться от курения, по крайней мере на людях, и поблагодарил за готовность пожертвовать привычкой ради городских обычаев.

Н-да, если подумать, Роберт и правда ни разу не видел, чтобы горожане курили. Кроме того, ему вспомнилось, с каким удивлением смотрели на него женщины, когда он, тщетно ожидая Анну на скамейке у остановки трамвая, закурил сигарету. Поэтому он решил отказаться от предложения Префектуры и бросить курить. Дело нелегкое, на первых порах придется понервничать, однако он полагал, что, отказавшись от курения, станет больше походить на прочих обитателей города. Кстати сказать, Леонхард, изучивший Робертовы предпочтения, каждый вечер ставил ему подле надраенного подсвечника кувшинчик вина.

Стопка заметок и выписок из предоставленных Перкингом документов о человеческих судьбах росла с невероятной быстротой, и Архивариус все больше опасался, что не найдет времени для систематизации столь обширного материала. Но мучило его не только это. Снова и снова он

пытался истолковать выпавшие на его долю переживания, суть которых ему поручено записывать. Ни одна трактовка не удовлетворяла его, а обсудить свои тревоги и сомнения было не с кем. Мастер Маг, Блюститель печати знания, витал в глубинных регионах бытия недоступный для каких бы то ни было вопросов. Перкинг — при всей его готовности разъяснить ту или иную деталь — оставался учтиво сдержан, как и другие почтенные ассистенты, а юный Леонхард испуганно отмалчивался. Если учесть недавние события, отец, в чьей вальяжной благожелательности с самого начала сквозило недоверие, опять-таки отыграл для него свою роль; Катель — пожалуй, единственный, с кем он мог говорить здесь на равных, — Катель держался до странности сухо, не то что в юности, однако ж, казалось, многое провидел, и немало вещей, для Роберта загадочных и таинственных, были ему открыты. Да, от всех остальных Роберта как бы отделяла пропасть, от всех, кроме Анны, хотя он и понимал, что меж ним и Анной тоже возникла отчужденность. Ему все время не давала покоя мысль, что отец был прав и его пригласили сюда из-за Анны, а пост Архивариуса служил всего лишь предлогом.

Во сне Роберт несколько раз видел профессора Мертенса. Склонясь над ним, словно над пациентом, врач предостерегающе произнес: «Я расскажу о вашем случае по радио». Роберт измученно отвернулся, а лицо врача опять приблизилось, большое, как наяву. «Ничего не поделаешь, — сказал профессор Мертенс, — общественность должна по всемирному радио узнать о вашей экспедиции!» Потом Роберт увидел себя в мягком кресле перед репродуктором и услышал чей-то голос: «Под предлогом написания хроники беглый доктор Линдхоф разыскивает госпожу Анну Мертенс». Внезапно рядом оказалась безмолвная Элизабет, принялась обмахивать его разгоряченное лицо перламутровым веером. Постукивая, веер быстро двигался то вверх, то вниз, и всякий раз из него выпархивали фотографии, новые и новые снимки его детей. Они разлетелись по полу, а его рука была слишком слаба, чтобы их собрать, подняла их его мать, незаметно вошедшая в комнату. Дверь с портьерой отворилась, послышался чей-то голос, похожий на отцовский: «Все зафиксировано в документах».

Когда Роберт отправился навестить Анну, обрывки сновидений еще кружили в его сознании. Местность тонула в послеполуденном свете.

Архивариус неуверенно шел по узким дорожкам меж свободно стоящих построек частного поселка, не представляя себе, где именно они с Анной тогда свернули, чтобы попасть к ее родительскому дому. В этот час все дома выглядели одинаково обветшалыми и необитаемыми. Провисшие почти до земли чугунные цепи оград порой лязгали, будто от землетрясения. Тщетно Роберт высматривал храмы-казармы, чтобы хоть как-то сориентироваться, в какую сторону идти. Нетерпеливо метался туда-сюда, но надежда отыскать нужное направление всякий раз обманывала его.

Как вдруг, откуда ни возьмись, перед ним вырос Аннин дом. Старики сидели на лавочке возле двери. Анна куда-то отлучилась.

— За сушеными овощами ушла, — сообщила мать, орудуя спицами, — все время думает о запасах.

Роберт выяснил, как пройти к раздаточному пункту, который располагался по дороге к вокзалу, и попрощался с посмеивающейся старушкой.

— Аннины брат и сестра, — сказал отец, провожая Роберта к калитке, — исправно вспоминают родителей, поэтому у нас обоих покуда все хорошо.

Роберт безучастно кивнул.

— А вот Анна, — продолжал отец, и во взгляде его была пустота, — тревожит меня. Она тут недавно, но никому словно и дела нет. Только хуже становится, тает она, прямо-таки прозрачная уже. Вы ведь понимаете, господин инспектор, чем это грозит.

Пока шел садовыми дорожками будто вымершего поселка, Роберт думал о словах старика. Ему было не по себе. Что приключилось с Анной? Она страдает от его небрежения? Он как бы наяву шел по огромной пустыне, где нет ни цели, ни ответа. Сердце сжималось от потерянности, от предчувствия, что из этого места, накрытого железной синевой небес, нет выхода. Нигде у дороги не видно живого, сочного дерева, у цветов в садах лепестки твердые, точно восковые, листья шуршат как бумага, подстриженные газоны выглядят крашеными и пыльными шерстяными коврами. Как никогда, Роберт остро осознал запустение, которым веяло отовсюду. Двери висели в петлях косо, дыры в заборах кое-как, на скорую руку, залатаны рваными мешками да битыми черепичинами. Невозможно отделаться от впечатления, что здесь попросту бесстрастно поддерживали видимость порядка. Каждая отдельная картина

застыла этаким натюрмортом, и до Роберта вдруг дошел подлинный смысл французского выражения nature morte.

Когда из боковой улицы неожиданно вышла Анна, он в замешательстве остановился.

— Ба! — воскликнула она и поставила на землю корзинку с сушеными овощами.

Одетая на сельский манер, без шляпы, она была так бледна, что лицо казалось стеклянным.

Роберт погладил ее по щекам, и по ее губам скользнула мечтательная улыбка, хотя глаза смотрели безучастно и едва ли не печально.

— Ну вот, наконец-то встретились, — сказал он. — Как ты?

— Порой, — сказала она, — все видится мне как сквозь пелену. Ты должен поцелуями вернуть мне ясность взгляда.

Роберт обнял ее за плечи, и они стали медленно прохаживаться между живыми изгородями, туда-сюда, туда-сюда. Корзинка с овощами осталась на земле и всякий раз, когда они поворачивали обратно, привлекала внимание Анны, точно магнит, определявший диапазон ее мыслей.

Когда Роберт заговорил о безлюдье здешней округи, Анна заметила, что многим необходимо отрабатывать учебные и служебные часы, а

остальные в эту пору регулярно отправляются к вокзалу — вдруг придет поезд и среди новоприбывших они найдут родственников и друзей.

Она как будто бы поверила, когда он сказал, что на него тоже свалилась куча обязанностей, вот и пришлось снова и снова откладывать свидание с нею.

Они остановились на повороте дорожки. Каблуком Анна пробуравила в рыхлом песке острую ямку.

— Сдается мне, — сказала она, — ты не очень-то дорожишь бесценным случаем, который вновь свел нас. Возможно, недалек час великих бед и горестей, о которых гласит фамильная хроника предков.

— Выходит, — удивился Роберт, — в вашем доме есть записи?

— Иногда в сумерках, когда мы экономим свет, — продолжала Анна, — отец рассказывает, что иной раз, через неопределенные промежутки времени, в нашем краю случаются жуткие катастрофы.

— Стало быть, — опять спросил Роберт, — существует лишь устное предание, но не письменная хроника?

— Отчего ты запнулся на слове «хроника»? —

сказала Анна, удивленная упорством Робертовых вопросов.

— Ты же прекрасно знаешь, — уклончиво ответил Роберт, — про мой интерес к старинным литературным памятникам.

Он снова взял ее под руку, и снова оба принялись расхаживать взад-вперед по дорожке.

— Твой Гильгамеш тут ни при чем, — пояснила Анна. — То, что я имею в виду, относится к нынешнему времени и к нам. Тебя это предупреждение не тревожит?

Роберт молчал.

— Сам посуди, — сказала Анна странно распевным голосом, — там говорится, что все время есть лишь передышка на грани неведомого, все пространство — лишь минутное убежище, все деяния — лишь подмога другой половине царства. Не медли, любимый! Не медли! Грядут бедствия с кровавым дождем, с засухой, град падет на дома страшнее обычного града. Мы будем жить в пещерах без солнца, и силы бездны восстанут против нас. Может статься, нас в один миг изгонят в Ничто. И мы разделим участь предков. Подумай о приливах-отливах!

— Будто не ты сама говоришь, — сказал Роберт, изумленный ее необычным волнением. — Что за

пророк в тебя вселился?

— Отчего ты не веришь? — тихо сказала она. — Хочешь упустить остаток бытия? Ведь каждый миг бесценен. И что останется?

Говоря все это, Анна, скорей всего, думала о себе и о Робертовом отношении к ней. Однако Роберту слова любимой напомнили о его миссии городского Архивариуса и Хрониста.

— Какие силы, — вздохнула она, — удерживают тебя вдали от меня? Ты не можешь освободиться — ради нас обоих?

Она даже не догадывалась, в какое замешательство повергла Роберта этим вопросом, ведь у него и в мыслях не было отказываться от своего дела, от своей связи с Архивом.

— Как только разберусь с собой, — успокоил он, — и с моей здешней задачей, настанет день, когда решится и наша с тобой судьба.

Анна чувствовала, что он о чем-то умалчивает.

— Любовь, — сказала она, — не терпит отлагательства. Моих родителей стесняться незачем, можешь спокойно остаться в нашем доме на ночь. Но если тебе так лучше, я могу сама прийти к тебе.

«Да! — кричал в нем внутренний голос. — Приходи ко мне!» Но с ответом он медлил. Визит

Анны и в гостиницу, и в Архив казался ему невозможным. Однако затем он вспомнил о потайной опускной двери в своей пилонной комнате, ведь туда можно попасть через подземелья, и все будет шито-крыто.

— Давай-ка, — весело сказал он, — прогуляемся по окрестностям, а после пойдем ко мне, ладно?

Он подхватил корзинку с сушеными овощами, раз-другой энергично качнул ею в воздухе и в конце концов повесил на столбик ограды. Мысль о прогулке вдвоем с любимой окрылила его. А после она придет к нему.

— Какое счастье, — с облегчением сказал Роберт, — что у меня есть ты! Мне-то, дураку, будто нечистая сила голову заморочила, отвела глаза! — Широким взмахом руки он словно разогнал морок.

Поднялся легкий ветерок. Ландшафт ожил. Ощутив дуновение, Анна искоса глянула вверх.

— Прибыл новый поезд с пассажирами, — сказала она. — Ты слыхал, что в последнее время пассажирские перевозки возросли? Я редко вижу здесь знакомых, наверно потому, что приехала рановато.

Она взяла корзинку и направилась к дому, Роберт решил ее проводить.

— Солдат в кепи, — заговорила она, — которого я иной раз встречаю, рассказывал, что гарнизон планируют сильно увеличить. Казарменный пояс расширят и дополнительно построят большое количество бункеров и блиндажей. Этот солдат — мой старый знакомый, я познакомилась с ним в юности, в поезде по дороге в Париж. Он тогда учился в Сорбонне.

Роберт поинтересовался, не тот ли это военный, что во время последнего совещания на вилле говорил с ее отцом и был выпровожен.

Когда Анна подтвердила, что это был именно он, Роберт украдкой посмотрел ей в лицо. Но она спокойно добавила, что произошло явное недоразумение, ведь спрашивал он не Роберта, а городского Архивариуса, человека совершенно постороннего, представителя властей. Даже в этом Анна усматривала всего лишь предлог: мол, под этим соусом молодой человек просто-напросто хотел возобновить знакомство с нею.

Неподалеку от калитки Аннина родительского дома они остановились.

— Хорошо бы как-нибудь сходить к храмам-казармам, они ведь тут поблизости.

Анна — теперь она выглядела свежее и оживленнее — ответила, что без специального пропус-

ка дойдешь разве только до колючей проволоки, преграждающей доступ на армейскую территорию. Впрочем, оттуда уже отчасти видны античные постройки.

Роберт умолчал, что спецпропуск у него есть, а стало быть, караул его не остановит и наверняка пропустит и Анну тоже.

— Может, мсье Бертле посодействует нам с получением пропуска, — заметила Анна. — Знать бы только, где его сейчас найти.

Роберт согласился, что это проблематично. Вдобавок уже изрядно перевалило за полдень. В задумчивости он смотрел прямо на солнце и в итоге едва не ослеп. Куда ни глянь, перед глазами плясали красно-желтые шары, сталкивались, лопались и, обернувшись темными дырами с огненной каемкой, искажали очертания предметов. Он сдвинул очки на лоб, потер глаза.

— Я вспомнил, — сказал он, — что на днях договорился повидать художника Кателя, и эта встреча займет больше времени, чем мне бы хотелось.

— Мне нельзя пойти с тобой? — спросила она.

— Сегодня не стоит. Давай в другой раз.

Она в шутку раздвинула полы Робертова пиджака и двумя пальцами постучала ему по груди.

— Роб.

— Да, — отозвался он, накрыв ее руку своей, — очень скоро.

Из-за ряби в глазах черты Анны теряли четкость, расплывались. Он высвободился.

— Ты несчастлив, Роб.

— Но когда-нибудь мы будем счастливы.

— Что такое счастье? — спросила она.

— Смотря по запросам, — сказал он.

— Ты не знаешь, — сказала Анна, и лицо ее подернулось печальной серьезностью, — как сильно я люблю тебя, только тебя, Роб.

Она напряженно смотрела куда-то вдаль, будто что-то там искала.

— Обмануться можно в жизни, — сказала она, — но не в смерти.

Обеими руками он еще раз стиснул ее руку, отвернулся и пошел прочь, а потому уже не видел, как она, тряхнув головой, открыла калитку и мимо родителей на лавочке прошла в дом, в свою комнату.

Тем временем Роберт искал на ходу связку ключей, некогда полученную от Перкинга, и, удостоверившись, что ключ от опускной двери, старомодный, с длинной бородкой, никуда не делся, решил сразу по возвращении домой опро-

бовать эту возможность. Пиджак он по дороге снял, перебросил через руку. Яркие чувственные образы вскипали в воображении, наполняли его плотским желанием. Ему вспомнились две молодые женщины с кувшинами, что в день его приезда стояли у фонтана подле Анны. Он тщетно старался припомнить их лица, фигуры и движения, которые тогда, если память не обманывает, показались ему чем-то знакомыми. Только вот кого они напоминали? Ютту? Эрдмуту? Да нет, ведь они давно умерли. И вообще, кто знает, по-прежнему ли эти девушки в городе и где находятся. А в какой жизни пребывает Элизабет? Нет, для него главное здесь — Анна, одна только Анна.

Почти во всех частных свидетельствах, ежедневно поступавших в Архив, речь шла о бурных страстях. Любовь и ненависть, вожделение и покаяние, ревность и позор, страдания и причинение страданий: всегда тоска и смятение чувств, всегда рок, судьба по причине ухода «я» в бессознательное — длань демиурга, воздвигающая лишь мир дурмана. Жизнь как беспрерывный танец вокруг Эрота, божества плотской любви! Человечки — всего лишь ноты его нескончаемой мелодии.

А вправе ли вообще Архивариус, которому по

должности надлежит блюсти равновесие меж романтикой и цинизмом, — вправе ли он погружаться в размышления о любви? Кстати, в городе есть бордель, куда могут наведаться даже почтенные мужчины? Для него вопрос был чисто риторический. В Помпеях, помнится, раскопали бордель, чьи тесные голые каморки после двух тысячелетий запустения выглядели так же неуютно и уныло, как, наверно, и в свое время. Колоритная атмосфера давних вакханалий, какою по сей день дышали залы Дома мистерий, и та казалась затхлой и пресной.

И все-таки каждый норовит оставить свидетельство своих эротических треволнений, в грубой либо утонченной форме, и неизменно считает собственные интимные признания уникальными. Целые столетия жили безрассудно-дерзкими амурными и скандальными историями, способными потягаться с любыми скабрезными деревенскими пересудами. Само собой, историю культуры можно бы написать и с постельных позиций, но в ходе времен она, при всей откровенности и эксцентричности примеров, вряд ли предложила бы чувствам что-то новое и вскоре стала бы учебником скуки.

Архивариус решил, что порученная ему хрони-

ка обойдется без субъективных признаний.

И в фондах Архива — он уже полагал себя вправе сделать такой вывод — эгоцентричной любовной литературе тоже не нашлось места. Судя по недавнему замечанию Перкинга, которое тот обронил, просматривая изрядную кипу новых поступлений, печатных и рукописных, в качестве образца для выражения экстаза пока что вполне годились пылкие любовные послания, адресованные Клеопатре. Или Семирамиде? Да какая разница — ведь и они являли собой лишь перепевы любовной лирики Адама и Евы. С тех пор так и не появилось мало-мальски значимых вариантов, выходящих за пределы простого повторения. Древнего шаблона пока что было достаточно. Все позднейшее в этом жанре — всего-навсего затертые словеса, даже лучшие образчики которых не задерживались в Архиве надолго.

С такими вот как бы должностными помыслами Роберт по дороге домой добрался до Фонтанной площади и обнаружил там великое множество обывателей обоего пола, они прогуливались по кругу и без умолку болтали между собой. Шли группками, останавливались, здоровались и двигались примерно так, как публика в театральном фойе во время большого антракта. Озабоченными

лицами все они напоминали статистов, которым не дано сыграть более-менее значительную роль. А не то можно было принять их за курортников, пришедших со своими дамами на концерт, хотя вместо музыки здесь слышался только плеск старого фонтана, да и его порой заглушал гул голосов.

Роберт — тем временем он опять надел пиджак — вскоре приметил среди статистов обособленную компанию попутчиков, они только что приехали и, перед тем как зарегистрироваться и разойтись по квартирам, ненадолго задержались тут. Не без труда прокладывая себе путь в кружащей толпе, он ловил обрывки разговоров. На говорящих он не глядел, слова звучали словно тревожный бой барабанов.

— Я никогда не строил себе иллюзий…

— Всегда остаешься в плену…

— Пускай теперь посмотрят, как обойдутся без меня…

— Эпидемия, по-моему…

— Это ведет к полной пролетаризации…

— Сегодня никак, но, может, завтра…

— Я всегда жарила на кокосовом масле…

— С точки зрения морали виноваты другие…

— Сплошь только расчет…

— Я же сказал, червонный туз был в колоде…

— После капустного супа цианистый калий или газ…

— Сегодня никак, но, может, завтра…

— Мне нравилось петь в смешанном хоре…

— Что наш брат имел от жизни…

— Тогда приходилось просто задирать юбки…

— Я никогда в этой партии не состоял…

— Дважды два — четыре…

— Сегодня никак, но, может, завтра…

— Никого так не любили, как меня…

— Все это лишь мнимые решения, поймите…

— Отчаиваться и не работать…

— Кто разберется в этом мире…

— Сегодня никак, но, может, завтра…

— Говорят, Цезарь и тот был евреем…

— Всяк сам кузнец своего ножа…

— Потихоньку начинаю понимать…

— Одиночка уже не имеет значения…

— Кто говорит о новых богах…

— Сегодня никак, но, может, завтра…

Роберт пересек площадь. Фразы еще висели в воздухе за спиной, когда он очутился у защитного укрытия катакомбных районов.

Навстречу пахнуло прохладой. Коридоры казались безлюднее обычного. Только на подземной

площади Брадобреев стояли очереди ожидающих. На сей раз в толпе было множество женщин.

Вот и лестница, ведущая в Старые Ворота, но, увы, поиски потайного пути к опускной двери пилонной комнаты успехом не увенчались. Поэтому Роберт волей-неволей отправился в Архив привычной дорогой. И, не задерживаясь в кабинете, поспешил через низкий мостик-галерею к себе в пилон, а там сию же минуту ухватился за металлическое кольцо в полу, потянул его вверх. Плита поднялась, только когда он отпер спрятанный шпингалет. Тяжелые шарниры проржавели и оттого заскрипели. Довольно широкая четырехугольная шахта уходила в черную глубину. Роберт распластался на полу, посветил фонарем вниз. В шахте обнаружилась веревочная лестница, на ощупь плетеная, кожаная, а в стене — крепкие скобы. Он тотчас спустился вниз, лестница слегка раскачивалась, но примерно через три десятка ступенек под ногами вновь была твердая опора. Книзу шахта расширилась, а дальше вроде бы никуда не вела. Однако немного погодя он нашел поперечную замочную скважину, к которой подошел тот особенный ключ с длинной бородкой. Лишь с натугой он сумел открыть узкую толстую дверь, с обеих сторон облицованную каменными

плитами. Она выходила в штольню, совсем рядом с лестницей, ведущей в Старые Ворота.

Роберт убедился, что по другую сторону тоже есть замочная скважина, к которой подходит ключ, ладонью измерил расстояния от земли и от первой ступеньки лестницы, после чего вышел из шахты и затворил за собой секретную дверь. Открыть ее было несложно. Он проделал все еще раз, вытащил ключ, отступил немного подальше и, будто возвращаясь с площади Брадобреев, попробовал найти новый вход. Уж не Анна ли стояла прямо у него за спиной, когда он в потемках отмерил нужные расстояния, нащупал кончиками пальцев волшебный замок и отпер дверь?

Наконец Роберт вскарабкался по плетеной лестнице наверх и, вновь в своей комнате, увидел перед собою Леонхарда, который как раз ставил на стол свечи и ночное вино. Открыв рот, посыльный во все глаза смотрел на Архивариуса. Тот двигал опускной дверью, петли которой громко скрипели.

— Сходи за маслом, — распорядился Архивариус, — и прямо сейчас смажь шарниры.

— С тех пор как я заступил на должность, — сказал юноша, — этим проходом не пользовались ни разу.

— Тебе незачем оправдываться. Ты очень мне поможешь, если сделаешь все незаметно.

Леонхард принес необходимое и взялся за дело. Очень скоро опускная дверь ходила в петлях без шума.

— Руки-то у тебя дрожат, — сказал Архивариус, когда Леонхард поднялся и осторожно опустил дверь.

— Все из-за того, — пробормотал юноша, — что я заглядывал в шахту. Глубина будто затягивает.

Он покраснел.

— Господин Архивариус, — быстро добавил он, — будете ужинать, как обычно, в кабинете или принести сюда?

— Неси сюда, — ответил Роберт, — и сегодня, и впредь. Кстати, не помешает второй кувшинчик вина, здешняя округа иссушает. Да не забудь про фрукты, на блюде всегда должны быть фрукты, Леонхард! И накрывать надо на двоих!

Юноша принес все, что приказано, получил похвалу и пошел было прочь, но на пороге приостановился. Роберт, торопливо осушивший два бокала вина, спросил, что еще стряслось.

— Ничего, — ответил юный Леонхард. — Разве что хочу добавить, что давеча руки у меня дрожали не только из-за того, что я заглядывал в

глубину.

Роберт с бокалом вина подошел к нему, предложил выпить глоточек.

Юноша скорее пригубил, чем отпил, робко посмотрел на Роберта и уперся ладонями в стену за спиной.

— Из-за того, — выдавил он, — что вы, господин Архивариус, продолжаете непрожитое мною самим. Мне было семнадцать, когда я пришел сюда.

— Фантазер! — крикнул Роберт вслед парнишке, но тот успел выбежать вон.

— Леонхард! — окликнул он громче в открытую дверь. Только скрип ступеней.

Осушив бокал, который юноша лишь пригубил, Архивариус по обыкновению сел в кресло возле кровати и заложил руки за голову. Что мучило Леонхарда? Что он имел в виду, говоря «продолжать непрожитое»? Перед его глазами возникло лицо Анны. А в мыслях автоматически кружила фраза, снова и снова повторявшаяся в разговорах гуляющих на Фонтанной площади: «Сегодня никак, но, может, завтра».

Он долго смотрел на пламя свечи, что светит, пожирая себя самое. Потом задул ее и в потемках лег спать.

XI

Собираясь посетить фабрики, Хронист надумал пригласить с собой Кателя, в качестве провожатого и гида. Художник согласился, пояснив, что ему все равно надо проверить состояние фресок, находящихся в давнем приемном зале подземной кирпичной фабрики. Правда это или просто предлог, значения не имеет; главное, Катель не против, а Роберт надеялся, что художник весьма облегчит его задачу.

По настоянию Кателя в путь они отправились рано утром, чтобы вовремя добраться до фабричной территории, раскинувшейся на восточной окраине города. Прямо из Архива нырнули в катакомбные коридоры, зачастую весьма извилистые, так что лишь знаток здешних мест мог держать точное направление. Порой, чтобы не утомлять себя извивами главной дороги, они поднимались по какой-нибудь укромной лестнице, выводящей на первый этаж давнего жилого квартала, и поверху пересекали короткий участок тех развалин, где Роберт побывал на пути к меновому рынку, а затем через неприметный

лаз опять спускались в подземные переходы. Без друга Роберт вряд ли бы сориентировался в этом лабиринте.

По дороге они разговаривали, но художник избегал каких бы то ни было личных воспоминаний, ограничиваясь деловыми разъяснениями. Например, рассказал об обеих обширных фабриках, находившихся под городским управлением и превосходно дополнявших одна другую. Особая система, которая постоянно совершенствовалась на протяжении многих поколений, позволила задействовать в непрерывном производственном процессе около четырех пятых населения.

Чем ближе они подходили к промзоне одного из фабричных комплексов, тем оживленнее становился подземный мир. В том месте, где коридор, по которому они шли под конец, вливался в более широкий туннель, их остановили фабричные охранники. Роберт предъявил пропуск Префектуры, удостоверил личность художника, но предложение дать им провожатого отклонил. Охранники возражать не стали. Правда, позднее Катель обнаружил, что один все-таки незаметно последовал за ними.

Несколько шагов — и они очутились в широком туннеле, где Роберт остановился, прижавшись к

каменной стене. В тусклом искусственном освещении мимо непрерывным потоком двигались рабочие, толкавшие перед собой вагонетки, тачки, тележки со штабелями кирпичей, а по другую сторону туннеля встречный поток людей на таком же колесном транспорте подвозил щебень. Обнаженные торсы блестели от пота, тяжелые деревянные башмаки топали глухо и ритмично, словно копыта. Большинство работяг шагали, от натуги опустив голову, сообща толкали вперед грузовые тележки, чьи колеса давным-давно проделали в камне глубокие колеи. Колонна за колонной тянулись мимо в обоих направлениях, без начала, без конца. Между отдельными группами нередко шел десятник с фонарем наподобие шахтерского, следил, чтобы между тележками соблюдалось расстояние в несколько метров. Иные надсмотрщики несли на плече, точно ружья, проволочные корзинки с короткой рукоятью, чтобы, к примеру, собирать в них упавшие кирпичи.

К скрежету и перестуку тележек примешивались негромкие проклятия и кряхтенье; однако мускулистые руки и затылки ка́талей дышали скорее добродушием, а не угрозой. Организованная покорность витала над этими работягами, толкающими тяжелый груз. Только когда в пере-

возке возникали заминки, четкая отлаженность механики как бы давала сбой. В таких случаях сопровождающие надсмотрщики мигом брались за дело и грубыми окриками направляли грозившую застрять группу в боковые штольни, пробитые через определенные промежутки в качестве разъездов. Порой в воздух поднималась туча пыли, накрывала все вокруг дымной завесой, а не то теплой, густой волной налетал кисловатый запах. Тележки и вагонетки следовали настолько плотной вереницей, что любая попытка пересечь широкий транспортный тунель была обречена на неудачу. Правда, по краям оставалась свободная полоса, по которой сейчас и шли друг за другом художник и Роберт. Встречные катали с грузом на них даже не смотрели.

Мало-помалу туннель расширился до просторного помещения, подпертого прямоугольными каменными колоннами. Громкий гул заглушал любое слово. Катель направился в уходящий вверх коридор, врезанный в скальную стену на середине ее высоты. Там гул стал чуть тише. Небольшие проемы, проделанные на некотором расстоянии друг от друга, открывали вид на сводчатый зал. Вместе с художником Роберт подошел к одному такому проему и, глядя на бесконечную

муравьиную суету, узнал, что перед ними один из семнадцати цехов, откуда мелкими партиями вывозят готовую продукцию, в том числе и кубические кирпичи, производством которых ведала городская администрация. Одновременно подвозимое сырье накапливалось в огромных емкостях, опоясанных железными мостками.

От этих стальных емкостей, рассказывал Катель, целая сеть труб незримо для глаза ведет дальше, к расположенным опять-таки под землей производственным участкам, где машины засасывают поступающий таким образом материал и направляют на соответствующую переработку. В свою очередь готовый продукт, сложенный в высокие штабеля, по несложной системе конвейеров непрерывно транспортируется на промежуточный этаж цеха, опоясывающий треть всего помещения. Оттуда кирпичи по многочисленным деревянным желобам отправляют вниз, в стоящие наготове тележки, а затем подневольные катали везут тележки к туннелю. Всюду кишат подручные, подносчики, раздатчики и регулировщики — чтобы обеспечить безостановочное движение подвозимого и увозимого материала.

Цех был залит каким-то гипсовым светом, в

котором от одного рабочего места к другому скользили яркие конусы прожекторов. Роберту чудилось, будто дрожащий исполинский полип размахивает хваткими и цепкими щупальцами. В лабиринте проводов, поршней и штоков, устремляясь то в одну сторону, то в другую, судорожно двигалась масса тел, подчиненная неукоснительному приказу. Примерно на середине каменных пилястров помещались железные кабинки, там стояли уполномоченные в городской униформе, надзирающие за ходом шумного процесса. Каждый зорко смотрел в бинокль на свой участок и при малейшем сбое автоматически извещал пульт управления прожекторами, которые тотчас алчно высвечивали те места, где произошло нарушение. Сигналами цветных фонариков уполномоченные также сообщали в инженерную централь о необходимости временно ускорить рабочий темп, когда фактический объем перевозок грозил отстать от планового. Подобным образом подавались и сигналы к пересменке и заменам бригад.

Кателю пришлось несколько раз подергать Роберта за рукав, только тогда тот наконец оторвал взгляд от этого зрелища. Он пытался представить себе, что здесь семнадцать подобных цехов, от

которых расходятся соответствующие производственные артерии. Для чего же нужно такое количество кирпича?

В задумчивости Роберт шел за художником к помещениям фабричной администрации. Подобно каютам на судне, они располагались в так называемой стеклянной галерее, встроенной в каменную пещеру. Отдельные помещения подземного офиса, укрепленного изящной стальной конструкцией, не только отделялись друг от друга раздвижными стеклянными стенами — потолки и полы тоже были из прозрачного стекла, так что люди двигались как бы в прозрачном вакууме. Здесь вершили дела управляющие и директора, инженеры и статистики, здесь заседали комитеты и комиссии технического аппарата.

Прежде чем Роберт с Кателем вошли в стеклянный кабинет Главного Управляющего, один из служителей надел им поверх обуви просторные фетровые тапки вроде тех, какие частенько приходится нацеплять при осмотре дворцов, чтобы не портить бесценный паркет. И вот они торжественно скользнули в стеклянную обитель. Архивариус ощутил легкое головокружение, потому что из-за стеклянного пола мебель, столы и стулья, а заодно и идущий навстречу Управля-

ющий как бы парили в воздухе. Неуверенность, возникшая от отсутствия зримой опоры, еще усилилась, когда не только рядом, но и над и под собой он увидел помещения, где люди и предметы висели в воздухе, словно муляжи. Над головой, нога на ногу, сидела какая-то фигура, чьи огромные тапки бросали сквозь стекло темные тени, а сам он как бы наступал на головы, видневшиеся под ногами.

Управляющий, которому Катель отрекомендовал Роберта как нового городского Хрониста, своего давнего знакомца и друга, принял его с высокомерной учтивостью. Это был долговязый человек лет сорока, с худым, бесцветным лицом; длинные, зачесанные назад и уже поредевшие волосы отливали лисьей рыжиной. Голова у него как-то противоестественно свешивалась вперед меж вздернутыми плечами и независимо от того, сидел он или стоял, всегда оставалась опущена. Губы узкие, как бы иссохшие и слегка вытянутые в трубочку. В широких жестах, сопровождавших его речь, сквозила неуклюжесть, голос звучал нарочито приглушенно. Он придвинул Роберту кресло, ножки которого тоже были обернуты фетром.

Художник удалился: ему, дескать, пора занять-

ся фресками старого парадного зала, где некогда устраивали пиры, но он уже давно в запустении. Находился этот зал неподалеку, чуть выше стеклянной галереи. Роберт видел, как Катель немного отодвинул стеклянную стену, прошел в возникшее отверстие, миновал таким манером одну за другой несколько комнат и вдруг словно воспарил ввысь. Роберт невольно вцепился обеими руками в подлокотники кресла. Лишь позднее он нашел объяснение этому малоприятному зрелищу: художник просто воспользовался одним из стеклянных лифтов, соединявших этажи галереи.

— Итак, — фальцетом обратился Управляющий к Хронисту, не глядя на него, — вы спустились в наши подземные палестины, дабы заглянуть в таинственное хозяйство, которое у каждого на протяжении всей жизни вызывает массу вопросов. — Словно раздвигая тощими руками застывший в беззвучии воздух, он добавил: — Вы, наверно, уже заметили, что находитесь в зеркально отраженном мире.

Роберт молчал.

— Что до меня, — продолжал Управляющий, — то я говорю с вами от лица тысяч и тысяч тех, что со времен Адама заняты подневольным трудом.

Я — начальник над массой.

Роберт посмотрел на него. По причине выдвинутой вперед головы Управляющий казался горбатым.

— Давно ли вы трудитесь здесь, внизу? — поинтересовался Хронист.

— Каждый день, вновь оказавшись здесь, диву даешься. Ввиду непрестанной деятельности время ускользает. Я, знаете ли, раньше сам владел фабрикой, был изобретателем, и имя мое, верно, еще не забыто. Однако здесь я, как и все, занимаю свой пост лишь временно. Вряд ли вы сумеете нам помочь.

— Если вы, — сказал Роберт, глядя в рассеянный свет, — благоволите все мне разъяснить…

Управляющий встал и широким жестом предложил Хронисту совершить прогулку по стеклянной галерее. Первым делом он обратил его внимание на стеклянное помещение этажом ниже, где погруженные в медитацию директора́ безмолвно предавались обмену мыслями. Затем попросил по достоинству оценить в помещении выше этажом здравую серьезность, с какой начальники технических отделов решали назревшие текущие вопросы. Указал на темные силуэты двумя этажами выше и ниже, которые

свидетельствовали, что в планировании инженеров никаких изменений не предвидится.

А вот у Роберта именно это созерцательно-отрешенное спокойствие, объявшее фигуры с их задачами, вызывало тревогу. Ему казалось, будто от них остались только жесты, какими они исполняли былые обязанности, а все живое уже отошло в сферу паноптикума. Позы, столь непреклонно выставляемые ими напоказ, невольно наводили на мысль, будто они ждут, чтобы их все время фотографировали.

Тревога усилилась, когда чуть дальше он увидел сбоку внизу помещение, на которое худой и лысоватый Управляющий указал словно бы мимоходом, хотя в голосе его звенела гордость. Там шло заседание Административного Совета всех управляющих, который в столь полном составе собирался лишь в исключительных случаях. Десятка два участников неподвижно сидели в глубоких креслах вокруг длинного стола, совершенно свободного от каких-либо документов и списков. Посредине стола стояло что-то вроде именинного торта, не вполне готового, поскольку свечи лежали в коробке и пока что не были расставлены. Один из участников поднялся и, судя по нервным телодвижениям, держал речь.

Стеклянные стены не позволяли Роберту услышать ни слова. Поэтому увиденное производило смехотворное и беспомощное впечатление.

Управляющий, отвернувшись в сторону, потирал руки. Этот негромкий звук, напоминавший злобную заточку ножа, в конце концов позволил Хронисту сделать важнейшее наблюдение. Как завороженный, он смотрел вниз. У каждого из двух десятков участников голова свисала вперед меж вздернутых плеч, отчего у всех как будто вырастал горб; цветом волос все были рыжие как лисы. Каждое лицо чертами напоминало Управляющего, только на разных этапах. У тех, что не достигли двадцатипятилетнего возраста, оно было покуда здорового цвета, да и зачесанные назад волосы еще не поредели, а губы, хоть и вытянутые трубочкой, дышали полнотой и надеждой. Но от фигуры к фигуре рот как бы ссыхался, становился у́же, лицо — бесцветнее, волосы — жиже, и морщин добавлялось все больше; двадцатикратно, на последовательных стадиях развития, перед глазами представал Главный Управляющий.

Роберту показалось, он все понял.

— Позвольте вас поздравить, — сказал он, протягивая руку.

— О-о, как учтиво с вашей стороны, — с кислой

миной ответил Управляющий, но руки в ответ не протянул. — Здесь на это уже не обращают внимания. Отмечают другие даты.

— И демонстрируют какое-нибудь новое колдовство, — перебил Архивариус.

Главный Управляющий повернулся вокруг своей оси.

— Вообще-то, — сказал он, сопроводив гостя в следующее стеклянное помещение и послав прощальный взгляд оцепенелым существам внизу, — все только шаблоны… но мы остаемся начальником над массой!

В тишине стеклянных контор эти слова прозвучали как взрыв. Сидящий в своей келье статистик, словно марионетка, неловко вывернул руку и ногу и обиженным голосом чревовещателя вскричал:

— Извольте не мешать моим сотрудникам!

Управляющий с Архивариусом покинули помещение, но вспугнутый статистик далеко не сразу обрел прежнее равновесие.

— Очередной новичок, — виновато сказал Управляющий и вместе с Хронистом отправился дальше через беззвучные отделы.

— Вот оно что, — отозвался Роберт.

— У нас, — пояснил Управляющий, — тоже дает

себя знать пагубное воздействие постоянной текучки персонала. То один исчезает, то другой, чтобы освободить место сменщику. Каждый тут всего-навсего местоблюститель.

— Так-так, — обронил Роберт.

— И со мной дело обстоит точно так же, — сказал рыжеволосый. — В конечном счете исключений тут нет. Этим же обусловлен значительный ежедневный приток и отток рабочей силы, занятой в производстве и транспортировке продукции. Передвижки и использование регулирует вот эта группа.

Архивариус увидел целую тучу усердных бухгалтеров обоего пола, которые тщательно записывали личные номера рабочих и служащих и так же тщательно вымарывали.

— Все данные и указания на сей счет, — пояснил Главный Управляющий, — поступают к нам на фабрику из Префектуры. Кстати, сфера деятельности каждого, обусловливающая его здешний статус, изначально устанавливается городскими властями. Пребывая здесь, всяк остается на той должности, какую ему отвели или назначили с самого начала.

— И по каким же критериям, — спросил Хронист, — производится оценка?

— Об этом, — писклявым голосом отвечал рыжий, — я ничего сказать не могу. Я вижу только готовые списки. В единственном разговоре на эту тему, который я при вступлении в должность имел с одним из высоких чинов Префектуры, мне довелось услышать кое-что странное: все, мол, зависит от ранее благоприобретенной судьбы.

Управляющий сковырнул ногтем ниточку с рукава.

— От ранее благоприобретенной судьбы? — повторил Хронист. — В самом деле, странная формулировка.

Роберту хотелось поскорее выбраться из стеклянной тюрьмы. И он сказал тощему Управляющему, что ему предстоит еще многое осмотреть, дабы составить себе общее представление о фабрике, а потому он не видит необходимости слишком углубляться в детали каждого производственного этапа.

Управляющий сопроводил его к выходу из стеклянной галереи и поручил дежурному провести господина Хрониста к мастеру производственного участка I — C.

— Большое спасибо, — сказал Архивариус.

— Всегда к вашим услугам, — отвечал Управляющий.

Роберт скинул фетровые тапки и, снова ощутив под ногами естественный пол, воспрянул духом. Шустрый дежурный повел Роберта к означенному участку и, пользуясь случаем, поинтересовался, нет ли у него лишней пуговицы. Только благодаря этому вопросу Роберт обратил внимание, что на тужурке провожатого все пуговицы оторваны. Поискал в карманах, однако ничего не нашел.

— Иной раз попадаются вроде как сверхкомплектные, — сказал дежурный. — Одну из ваших вы, поди, навряд ли пожертвуете? — Он указал на три пуговицы, рядком нашитые в нижней части Робертова рукава, и добавил: — Такой серии у меня пока нет. Да, раньше я, понятно, собирал почтовые марки, — признался он на вопрос Роберта, — но их здесь нет, поэтому большинство теперь собирает пуговицы. Мы нашиваем их на ленты, по размеру, цвету, значению, некоторые даже помещают их в витрины. Собирательство, должно быть, старинная страсть, глубоко укорененная в людях, да? Вы уж извините великодушно.

К огорчению дежурного, Роберт не согласился осмотреть его коллекцию, но в благодарность за сопровождение и информацию срезал одну из

декоративных пуговиц, которую тот с восторгом принял в подарок.

Участок, где производили кирпичи, располагался прямо под поверхностью, в обширных катакомбных помещениях. Широкие шахты пропускали воздух и свет в различные цеха, где трудились главным образом женщины. Мастер участка, пожилой мужчина, выглядевший угрюмее, нежели был по натуре, в кратких словах обрисовал Роберту ход производства.

По трубам сюда поступала пульверизированная каменная порода, которую ссыпали в среднего размера стальные контейнеры. Как убедился Роберт, на ощупь она была зернистая. Затем содержимое контейнеров подвергалось воздействию целого ряда химических процессов, однако их подробности суть производственный секрет и разглашению не подлежат. В конце концов сырье превращалось в жижу, которую сильно нагревали. Причем огромное значение имело точнейшее соблюдение степени нагрева.

Мастер, обходивший вместе с Робертом отдельные этапы производства, сопровождал свой рассказ практическими пояснениями. И по привычке то и дело тер нос тыльной стороной руки. Роберт видел, как в определенный момент

в жижу опускали решетку из вертикальных и горизонтальных резаков, что позднее позволяло легко отделить кирпичные брикеты друг от друга. Здесь тоже надлежало очень точно следить за временем, так как отвердение массы напрямую зависело от ее остывания. Пропустишь благоприятный момент — и резаки уже не вынуть, в итоге спекшийся блок все равно придется делить на предписанные нормой брикеты, а это процесс весьма трудоемкий. И наоборот: если вынуть резаки раньше времени, тестообразная масса просочится в возникшие пустоты, на поверхности брикетов появятся неровности, устранение которых опять-таки представляет собой отдельный трудоемкий процесс. Стало быть, работа здесь требует высочайшего внимания.

— Всего лишь поколением раньше, — рассказывал фабричный мастер, вновь потирая нос, — весь цикл от сырой массы до готового кирпича занимал тридцать два часа. Ныне же — только четверть этого срока, и, вне всякого сомнения, в ходе дальнейшего развития время производства сократится еще больше, причем без ущерба для качества фабриката. Напротив, недавно удалось на десять с лишним процентов повысить степень твердости кирпича. С другой стороны, растущая

измельченность поступающего сырья постоянно ставит перед руководством новые проблемы.

Хронист присутствовал на пересменке части персонала: раздался определенный сигнал, и на каждом рабочем месте мгновенно взялись за дело новые работницы, без малейшего замедления ритма. Все произошло с точностью смены воинского караула.

— Механика прекрасно отлажена, — улыбнулся мастер. — Кажется врожденной, прямо не верится, что многих переучивают уже по приезде сюда. Тем не менее так оно и есть. Я вот раньше работал на пивоварне.

Освободившиеся от работы женщины не выказывали ни малейшей радости. Усталые лица, усталые руки. Вновь пришедшие даже не поздоровались. Лица у них тоже вялые, утомленные, а руки действуют автоматически, словно отдельные машины. Однако в движении тела, в повороте шеи, в нервном, напряженном притопывании ноги еще сквозила застенчивая грация.

Хронист заговорил было с одной из женщин, закончивших смену, спросил ее о работе. Женщина посмотрела на него овальными глазами и в конце концов обронила:

— Чужая страна. Не понимай.

Когда же он приблизился к другой группе, женщины и девушки испуганно разбежались.

— Не забирать нас, — крикнула одна, — еще увидеть новое солнце!

По приставным лестницам они выкарабкались наружу и кучками отправились в обратный путь, в свой город.

Роберт думал об Анне, избавленной от такой участи, и рассеянно слушал фабричного мастера, который рассказывал, что в скором времени планируют перейти на производство разноцветных кирпичей. Метод уже прошел лабораторную проверку. Эта промышленная новация, однако, повлечет за собой существенные организационные перемены.

Они находились в складском помещении, откуда укладки готовых кирпичей следовали по конвейеру в транспортный цех. Здесь вышколенный персонал еще раз контролировал каждый кирпич на предмет его качества. Дефектные экземпляры выбраковывались и, в зависимости от характера изъяна, отправлялись на склады второго и третьего сорта.

— Какому же потребителю, — спросил Хронист, взвешивая на ладони гладкий кирпич, — предназначен этот немыслимый объем продукции?

Она идет на экспорт? В каких постройках ее используют?

— Я человек простой, — ответил честный мастер, — мне о цели и назначении предприятия не докладывают. Говорят, в давние времена из них строили пирамиды, но это, поди, сказки.

— Почему? — возразил Роберт. — Не так уж это и невозможно.

— На должности вроде моей, — сказал мастер, — не след высказывать собственное мнение.

Они прошли несколько шагов.

— Вы женаты? — спросил Роберт.

— Был женат, — отвечал тот, снова потерев нос, — и думал увидеть здесь жену, но так ее и не встретил. Говорят, — тихонько добавил он, — она тоже временно здесь работала. Но как знать?

Он достал потертый бумажник, извлек оттуда фотографию, показал Роберту.

— Н-да, — кивнул Роберт. — Как знать?

— Большей частью подобные вещи изымают. Что ж, мне хотя бы оставили. Тут такую фотографию не достанешь. — Он тщательно спрятал свое бесценное достояние.

— Главное, храните хорошенько, — сказал Роберт.

Мимо ползли по конвейерам аккуратные

укладки кирпичей, исчезали в прямых линиях штолен, ведущих в транспортный цех. В общей сложности больших цехов было семнадцать.

Хронист поблагодарил за поучительные разъяснения и пожелал фабричному мастеру всяческого благополучия и успехов в работе. Он еще видел перед собой картины тяжких трудов человечества, когда некий карлик отвел его в парадный зал, сохранившийся в стороне от современной фабрики. Неумолимая механика увиденного оставила гнетущее впечатление. Роберту казалось, он был свидетелем этих инфернальных подземных процессов неизмеримо долгое время, целую вечность. В душе он чувствовал опустошенность. Карлик указал на приоткрытую ветхую дверь и исчез в стенной щели, точно крыса.

XII

Не слишком обширное помещение, именуемое старым парадным залом кирпичной фабрики, производило впечатление заброшенности. Наземная постройка, к которой некогда относился подвал, рухнула, стала пустырем. Сквозь почти полностью провалившийся потолок проникал свет, и навстречу ему из куч обломков нагло устремлялись буйные сорняки. Вьющиеся растения с желтыми цветами. Несмотря на свежий воздух, на влажном полу ощущалась холодная, затхлая сырость. Она сочилась снизу.

Катель, облокотясь на колени и подперев голову ладонями, сидел посредине запущенного помещения на изъеденной непогодой каменной глыбе. Меланхоличным взглядом он посмотрел на Роберта.

— Вот сейчас, — сказал художник, — впору бы процитировать кого-нибудь из античных писателей, стих Горация или какого-нибудь древнего грека. «И спят развалины в покое, кровь леденящем»… наверняка что-то подобное уже сказано. — Он умолк.

— Мне кажется, — сказал Роберт, озираясь по сторонам, куда бы сесть, — будто все, что я переживаю здесь, внизу, есть бесконечный повтор.

Катель улыбнулся:

— Вся жизнь — это цепь повторов. Мы просто забываем… и оттого мир видится каждому неповторимым и любой процесс всегда в новинку. Но что с тобой, Линдхоф?

Художник вскочил. Роберт ощупью сел на камень и несколько раз, тяжело дыша, схватился за сердце. Тихим голосом попросил художника, удивленно за ним наблюдавшего, не обращать внимания на его минутную усталость. Мол, с тех пор как попал в город, он порой страдает приступами удушья.

— Пройдет. — Он достал из кармана пиджака парочку булок и немного фруктов. — На сей раз я, пожалуй, просто проголодался.

Роберт предложил Кателю разделить с ним перекус, но тот, поблагодарив, отказался. Повернулся к стенам зала, на высоте примерно шести локтей расписанным фресками. Во многих местах беспорядочно разросшиеся влажно-бурые пятна едва позволяли угадать поблекшие краски и фрагменты контуров, а кое-где можно было видеть и более-менее полноценный кусочек ста-

ринных фресок.

— Говори что-нибудь, — сказал Архивариус. Он нетерпеливо ерзал на камне, стараясь осмотреть стены.

— С тех пор как я был здесь последний раз, — сказал художник, — масштабы разрушения прогрессировали прямо-таки ужасающе. Краска лупится, сырость и плесень пожирают силу освещения, ничего уже не спасти, и мне здесь нечего делать. Скоро фрески уйдут в небытие, откуда некогда явились. — Художник умолк, нетерпеливо прошелся вокруг Архивариуса. Потом остановился перед ним. — Слова… пойми меня правильно, Линдхоф, слова остаются в памяти и продолжают жить, словесное искусство сохраняет свой магический смысл, написанное дольше всего сберегает традицию человеческого духа. Ты это знаешь, и Префектура тоже прекрасно знала, когда учредила Архив. Не музей, не галерею изобразительных искусств, не институт музыки, только словесный фонд Архива.

— Кому это нужно? — в конце концов спросил Роберт, все еще ощущая натужность сердцебиения.

— У тебя есть миссия, — ответил Катель. — Кстати, — продолжал он, расхаживая взад-впе-

ред, — неведомый мастер, тысячу лет назад создавший эти картины, опять-таки просто хотел рассказывать. Ныне все это скудные остатки, и царственные краски местами обернулись негативом. Византийская школа. Контуры фигур процарапаны в отшлифованном камне. Как неловко одежды висят на плечах персонажей, будто под ними лишь скелеты! Всюду рассказываются истории в картинках, например изготовление кирпичей, брикетов, что тогда, что сейчас. Смотри, Линдхоф… — Роберт начал следить за его пальцем. — Вот формовщики, вот подносчики, вальцовщики, обжигальщики, всяк еще в одежде своих земных трудов! Вот аббат или князь церкви, а вот Могол со свитой, вот рыцарь или сюзерен и вассалы-подручные, монахи и мусульмане доставляют материал, купцы и ремесленники его обрабатывают, монахини подносят, дочери сеньора укладывают в штабеля, горожане и крестьяне, судейские-шеффены и принципалы, ратманы и бюргерши, бродячие подмастерья и благородные господа — каждый включен в один и тот же процесс, подносит породу, увозит кирпичи.

Архивариус смотрел на фрески, подмечал неестественность движений, конечности, словно

привинченные, видел беспомощное усердие человеков, жестокую выразительность распахнутых глаз, пестроту камзолов и платья. Выше, задуманные как второй ряд, стояли надсмотрщики и наблюдатели, городские охранники с бичами, солдаты-наемники с пиками. Вот схватили и повели прочь злодея — он-де сдал слишком мало кирпичей. На следующей картине его волокли прочь, потом высекли розгами и наконец повесили. Во рту у профессора трепыхался листок пергамента, где, вероятно, был записан приговор. По верхнему краю живописного фриза, явно в качестве заднего плана, тянулся, поблескивая, городской пейзаж: дуга оборонительных сооружений, развалины крепостных фортов, голые фасады — затруднительно сказать, было ли так написано изначально или со временем в картину въелось разрушение. Однако еще вполне отчетливо различался мост, на котором, чтобы добраться в город за рекой, теснилось множество людей, пеших, конных, в повозках и каретах.

— Все, о чем повествуют эти картины, — раздумчиво сказал Катель, — не аллегория, а выражение бытия, выражение реального. Эти фигуры обладают собственной реальностью. Понимаешь, в совокупности это — вроде как хроника.

Роберт встал. Теперь галерея картин казалась ему историей сотворения смерти. Тут замуровывали монахиню кирпичами, ею же сделанными. Там задавали таску попрошайке. Вырывали язык болтуну. Людей преследовали, пылали костры еретиков. Морские духи поднимались из затонувших кораблей. Леса знамен над полем битвы. Страх, голод, нищета расползались повсюду. Вот слепой сидит на корточках, проливая слезы из пустых глазниц. А вот дозорный на башне дует в рог, и несчетные фигуры, вытянув вперед руки, устремляются в темноту. Нет, совершенно невозможно вобрать в себя столько отдельных судеб. Взгляд Архивариуса неожиданно уткнулся в участок стены, разъеденный длинными пятнами гнили. Там призрачно проступали странные головы, окруженные сакральным светом, чернота которого некогда была золотом. В одной из них Архивариус, чем пристальнее вглядывался, тем отчетливее различал черты Верховного Комиссара. Он оцепенел от страха.

— Какое сходство, — сказал Роберт.

Катель кивнул:

— Да, натуру пока что можно узнать сразу.

— Старинные городские семейства! — сказал Роберт. — Поразительно, как в долгой череде

поколений сохранились те же черты. Впору подумать, это он сам.

— Что ж, — отозвался художник, — много ли значит для природы тысяча лет? Дух неподвластен времени.

— Катель! — с горячностью вскричал Роберт, шагнул к нему, обеими руками взял за плечи. — Катель! Ты рехнулся? Что здесь происходит? Ты мне друг или нет? Если друг, то объясни мне, где я!.. Почему, — продолжал он вне себя, не дожидаясь ответа, — почему ты говоришь со мной о духе и природе в точности так, как по приезде говорил со мной голос Префекта?

— Ты слышал голос Префекта, — взволнованно сказал Катель, — и ты жив?

Роберт все еще крепко сжимал плечи друга.

— Где мы? — спросил он, по-прежнему трепеща от горячности. Ему казалось, под ним колеблется земля. Но нет, это его ноги дрожали от слабости.

— Говорят, — отвечал Катель, — одним отмерены здесь довольно долгие передышки, другим — передышки покороче, а то и совсем краткие. Возвращение ли, бессмертие ли, — он кивнул на старинный портрет Верховного Комиссара, — для нашего брата это всего-навсего иносказание.

— Временами, — сказал Роберт, отходя от Кате-

ля, — ты говоришь совсем как Перкинг.

— Перкинга, — сказал Катель, — иные узнают на картине, изображающей работников Архива. Слева. Я вот не могу решить, так ли это. Он ведь вроде был учеником Данте. Фреска же написана позднее. В конце четырнадцатого века.

Архивариус подошел к поблекшей росписи. Двенадцать человек примерно в натуральную величину — кто сидя, кто стоя — сгруппированы вокруг длинного стола. Место для тринадцатого оставлено свободным, а может, позднее закрашено. Одни держат в руках рукописи, другие заняты чтением и классификацией. Стол располагается в полуоткрытой беседке у Старых Ворот. Роберт всмотрелся в лица, задержался на одном. Эта фигура чуть в стороне опиралась о конторку и сосредоточенно смотрела вниз.

— Этот, — сказал Архивариус.

— Так говорят, — кивнул Катель. — Правда, беседки на том месте уже нет.

— Возможно, и впрямь Перкинг, — в конце концов проговорил Архивариус.

— Может статься, — сказал Катель, — в виду имели просто типаж.

— А вон тот, — воскликнул Роберт, указывая на одну из центральных фигур, — напоминает

Мастера Мага.

— Сам я, — заметил художник, — никогда Мастера Мага не видел. Считал его легендарной фигурой.

— Он существует, — сказал Роберт. — Хотя мы, наверно, вкладываем в изображения знакомые черты, ведь сходства не редкость.

— Наверно, — согласился художник.

На пустом участке стены он принялся углем набрасывать Роберта в старосветском одеянии, с пером и в бархатном берете.

— Ты спятил? — вскричал Роберт.

— Я реставрирую старые картины, — сказал художник.

Большими шагами Архивариус направился к двери.

— Я ухожу. Если останусь, сойду с ума. Пора обратно.

Катель отвернулся, но в его позе Роберту почудилась насмешка.

— Кстати, — полюбопытствовал художник, — ты встретился с госпожой Анной?

От этого вопроса Роберт опять разволновался. В негодовании он схватился за сердце, прижал кулак к левой стороне груди. Как вдруг тишину нарушил трескучий звук, назойливо повто-

рявшийся через равные промежутки времени. Художник удивленно поднял голову. Архивариус, осторожно следуя за звуком, обнаружил у входа в зал, над старой чашей для святой воды, деревянный ящик, черный, отполированный. Под крышкой обнаружился ржавый металлический звонок телефона.

— Новинка! — воскликнул художник. — Техника нас преследует.

Аппарат затрещал снова, Роберт поднес к уху телефонную трубку. На его вопросительное «алло» откликнулся далекий голос.

— Соединяем, — разобрал Роберт. На линии зашуршало. И другой женский голос спросил, готов ли господин доктор Линдхоф слушать. Роберт сказал «да». В ответ опять сказали: — Соединяем.

Роберт ждал.

— Алло, господин доктор Линдхоф, — произнес мягкий голос, в котором он, как ему показалось, узнал голос Верховного Комиссара. — Извините за беспокойство. Префектура выражает благодарность за то, что вы, господин Архивариус, намерены и впредь исполнять вашу задачу.

— Но, — промямлил Роберт, — я не знаю… боюсь, что… я не понимаю… — Свободной рукой он хватался за воздух.

— Разговор окончен, окончен, — раздался женский голос.

В замешательстве Роберт еще некоторое время прижимал трубку к уху, и Катель сказал:

— Можешь положить трубку-то.

Роберт так и сделал. После чего пожелал немедля вернуться в Архив.

Однако ж Катель, бросив прощальный взгляд на фресковый мир, напомнил Архивариусу, что до сих пор он осмотрел лишь одну часть городских фабричных территорий и, чтобы составить себе достаточно полное представление, должен теперь посетить вторую половину кирпичного производства. После некоторого сопротивления Роберт уступил, настояв, чтобы дальнейший осмотр по возможности был сокращен и ограничился лишь самым существенным.

По дороге на вторую фабрику, расположенную в другом конце города, Роберту не давали покоя вопросы, возникшие по причине интереса, проявленного Кателем к Анне, и по причине звонка Префектуры. Почему он здесь и кому так важно его назначение? Сам-то он не хотел продолжения, хотел выйти из этой игры, верно?

— Мир, — сказал художник, — круглый, только мы этого не замечаем, как не замечаем и того,

что он непрерывно вращается вокруг собственной оси.

Оба шагали торопливо, словно наверстывали опоздание. Зона кирпичной фабрики давным-давно осталась позади, они пересекли черту катакомбного города и наконец добрались до района, где находилась вторая городская фабрика. Здесь тоже охрана потребовала предъявить документы, здесь тоже их незаметно сопровождал один из охранников.

Пока они поднимались из подземных ярусов на поверхность, художник обращал внимание Архивариуса на те или иные моменты, например, что здесь производственные участки располагались под открытым небом, на изборожденной осыпями территории, простиравшейся вплоть до крутых берегов пограничной реки. Архивариус, особо не глядевший по сторонам и не вникавший в объяснения, стал неразговорчив и лишь изредка коротко ронял «ну-ну». Казалось, он даже солнца не чувствовал, которое нещадно жгло безлесный туфовый ландшафт.

Катель избегал главных подъездных дорог, что, вгрызаясь в каменную местность, лучами сбегались к центральной площади. Везде и всюду каменная пыль. Клубящаяся пелена едва ощу-

тимых пылинок висела над фабрикой, так что солнечный диск тонул в исполинской серой туче. Воздух душный, сухой, словно под этаким белесым колоколом, дышать нечем.

Они вошли в одну из крытых плитами каменных построек; приспособленные к рельефу ландшафта, они были во множестве раскиданы по усыпанной камнями местности. Помещение вроде коробки, освещено искусственно. Жужжащие вентиляторы пытались освежить спертый воздух. За пультом, занимавшим всю длинную заднюю стену, сидели десятка два женщин в потрепанных халатах, все в блестящих наушниках. Согласно полученным указаниям они переключали рычаги, подстраивали регулировку в соответствии с указателем световой шкалы. Друг дружке они сообщали только цифровые данные.

Одышливый мужчина в грязной рубахе, механик, сидел на табуретке, пристально наблюдая за происходящим и порой издавая ворчливые звуки. Говорил: «Желтый на семь с половиной» или «Синий на тринадцать плюс!» Женщины соответственно переставляли рычаги. Длинной палкой, похожей на бильярдный кий, механик время от времени, не вставая с места, вроде бы без всякого смысла передвигал с одной клетки

на другую цветные металлические фишки на квадратном стенном стенде. Этой же палкой он тыкал женщин в спину между лопатками, если они, как он считал, отвлекались. Порой помещение содрогалось от подземной вибрации, которая тяжелым гулом прокатывалась вокруг.

Катель переговорил с каким-то франтоватым господином, тот немедля прервал диктовку машинистке и приветствовал Роберта.

— Видехук, — представился он, — спецагент семь тысяч два. Честь имею, господин Архивариус!

Мужчина жилистый, двигается проворно, правда, астматик, судя по тому, как он говорит. Видехук объяснил Архивариусу, что они находятся в центральной машинной станции XI, состоящей под его особым контролем.

— Живее! Живее! — то и дело командовал он людям, подчеркивая важность своей задачи, и велел секретарше взять у механика для опросного листа дирекции новейшие показатели.

— У меня, знаете ли, — обратился господин Видехук к Архивариусу, — все должно происходить быстро, в темпе! И весь секрет тут в сосредоточенности. Но попробуйте хоть чего-то добиться от этих горемык, которые, когда их отрядили сюда,

представляли себе все совершено иначе и теперь глотают пыль, одну только пыль. А ведь у нас в машинной станции отнюдь не так плохо, как снаружи. Снаружи, где готовят материал, можно работать только в респираторе.

Каркающую речь спецагента прервал кашель.

Позднее он разъяснил Архивариусу задачи фабрики, состоявшие в том, чтобы производить и подвозить необходимое количество сырья для кирпичного производства. Назвал, сколько кубометров тончайшей каменной пыли надлежало произвести от рассвета до заката — астрономическая цифра! Оборот материала каждый месяц возрастал, а заодно возрастали и требования к воспитуемым — так он именовал рабочих и служащих обоего пола.

— Ни малейшей заминки, — шепнул господин Видехук, — быть не должно. Кирпичная фабрика с ее производством настолько же зависит от нас, насколько и мы зависим от ее поставок.

Архивариус тотчас насторожился.

— Таким образом, — пояснил спецагент, — одно предприятие подстегивает другое, заезживает до полусмерти. Причем о конкуренции даже говорить не приходится.

Господин Видехук, как показалось Архивари-

усу, был не чужд иронии. Кроме того, нельзя было не расслышать честолюбивой язвительности, когда он говорил об ухищрениях, к каким постоянно прибегали ведущие инженеры и физики, стремясь осложнить работу фабрики-партнера. Например, если раньше доставленный материал дробили только в крупнозернистый песок, то со временем стали измельчать камень в вальцовочных установках, а затем на мельницах с машинным приводом размалывать его в мельчайшую пыль.

Когда Архивариус осведомился, нет ли у них опасений, что, учитывая колоссальные количества каменной пыли, постоянно, как он убедился, потребной для кирпичной фабрики, окрестные запасы камня скоро иссякнут, ответом ему было смущенное покашливание агента, в итоге перешедшее в судорожный смех.

— Нет, ну надо же, — прокаркал господин Видехук, — господин Архивариус изволит шутить! До чего бы мы дошли, если б тронули саму родную землю. Знаете, — продолжал он приглушенным голосом, бросив быстрый взгляд на своих людей, которые, впрочем, были настолько поглощены процессом производства, что не слушали их беседу, — материал для измельчения мы получаем

исключительно оттуда. Это же производственная задача другой фабрики.

— Как-как? — изумленно переспросил Архивариус и, качая головой, воззрился на агента.

— Если мы, — пояснил агент, — станем заодно использовать для пульверизации и скальную породу, будут нарушены не только взаимные соотношения, но и сам круговорот порядка. Существующая материя не должна ни умножаться, ни умаляться, верно?

— Стало быть, — помедлив, сказал Архивариус, — кирпичи производятся лишь затем, чтобы…

— Чтобы мы здесь, — докончил спецагент с ехидным удовлетворением, — вновь их размололи.

— И полученная таким образом пылевая масса… — досадливо вскричал Архивариус.

— Совершенно верно, — подтвердил агент, — она служит лишь затем, чтобы фабрика на другом конце города вновь произвела кирпичи.

— Но, — Архивариус топнул ногой, — это же…

— Образцовая отлаженность, — любезно докончил господин Видехук, — и все предельно просто.

Под надзором цехового мастера немного-

численные женщины и девушки орудовали рычагами-выключателями, посредством которых удаленно управляли работой различных дробилок и мельниц, а главное — регулировали темп работы. Знали ли они, что любое ускорение, вызванное легким нажимом их рук на аппаратуру, означало для несчетных тружеников на каменных полях почти непереносимое увеличение нормы, а стало быть, новую потогонку, новое удушье от натуги? И догадывались ли сами эти труженики, что обречены не только участию в одном и том же процессе, но и преображению одной и той же материи?

— Не понимаю, — сказал Архивариус, не в силах разобраться в образах своих мыслей, — не понимаю смысла затрат, постоянного ускорения работы, совершенствования методов!

— Таким образом, — сухо отозвался спецагент, — для каждого возрастает привлекательность механической игры.

— И к чему, — с огромным жаром сказал Архивариус, — прямо-таки смехотворная важность, какую придают выпуску все более прочных, все более высококачественных и красивых кирпичей, коль скоро им предназначено только одно: все быстрее, все хитроумнее возвращаться в ис-

ходное состояние пыли. Это же абсурд!

— Вы слишком морализируете, — сказал господин Видехук, подавив зевок. — Видите ли, господин Архивариус, — уже тише продолжал он, потирая руки и вращая перстень на указательном пальце, — для массы бесцельность ее деятельности, конечно, остается тайной. Масса твердо верит в иллюзию дела, возложенного на нее Префектурой. Мы, агенты, немножко заглядываем за кулисы театра, но толкование глубинного смысла пьесы выходит за рамки нашей компетенции.

Он осекся и, прислушиваясь, поднес ладонь к уху.

— Я не ошибся, — сказал он. — Для вас ситуация складывается удачно, господин Архивариус. Старший Президент всей нашей промзоны заедет сюда в ходе инспекционной поездки.

Спецагент принялся отдавать короткие распоряжения, велел открыть проход в соседнее помещение и расстелить ковровую дорожку — через порог входной двери до мостовой. Снаружи приближался трезвон колокольчиков, вроде как от зимних саней, донесся топот ног, и агент поспешил ко входу.

— Внимание, внимание! — закричал он.

Двое вестников с колокольчиками стали по

сторонам двери. Следом явились носильщики в обшитой галуном униформе, они несли портшез, который осторожно поставили на пол уже в помещении центральной машинной станции XI. Меж тем как еще двое служителей взмахивали по сигналу колокольчиков маленькими серебряными курильницами, парчовый покров портшеза опустили. Присутствующие, в том числе девушки и женщины за пультом, поднялись со своих мест, и почти все тотчас преклонили колено. Механик перекрестился, Катель склонился в глубоком поклоне, причем руки его неловко свесились почти до полу. Архивариус, пристально наблюдая, лишь слегка опустил голову.

Взорам явилась затянутая в роскошное облегающее одеяние мумия, вроде как гномья, она сидела на пятках, над увядшими руками виднелось желтовосковое лицо. Голову украшала треуголка с множеством пестрых лент. Запах ладана расползался вокруг.

— Господин Президент! — сказал агент, делая широкий жест рукой.

Неотрывно глядя прямо перед собой, мумия зычно бросила:

— Продолжайте работу!

Женщины и девушки поспешно скользнули

на табуреты перед пультом, механик схватил свою длинную палку и принялся поспешно передвигать металлические фишки, господин Видехук сделал несколько шагов в сторону Архивариуса. По знаку портшез с Президентом подхватили и перенесли в соседнее помещение, где водрузили на приготовленный постамент. Когда носильщики тяжелой походкой удалились, агент устремился к портшезу, Архивариус последовал за ним. Они стали по обе стороны открытого портшеза, так что Роберт видел профиль престарелого Президента. Крупный нос казался вырезанным из слоновой кости, а благородный лик — совершенно бескровным. Неестественная торжественность и роскошь навели Архивариуса на мысль, будто здесь выставлена на обозрение хрупкая дряхлость далай-ламы или римского папы.

— Как идет разрушение? — осведомилась мумия. — Достаточно успешно?

— Круговорот материи, — коротко доложил агент, — продолжает ускоряться.

— Благодарю, — ответил старик и слегка повел носом. — Гости? Здесь присутствует гость?

— Неверующий, господин Президент, — поспешно ответил агент.

Лицо мумии медленно повернулось к Роберту.

— Не иначе как из Архива? — спросил старец. — Там все еще задают вопросы, — бодро продолжал он, легонько барабаня пальцами. — Все еще стремятся спасти и сохранить дух.

Роберт буравил его жгучим взглядом.

— Каждый, — сказала мумия, — кто хоть немного задумывался, знает, что все в жизни лишь дуновенье. И во все времена философы творили из этого мировую трагедию. В наших краях, сударь, мы шагнули за пределы романтики и пафоса.

Старец неподвижно замер в своем тесном одеянии.

— Сколько же городов, — немного погодя оживленно произнес он, — воздвигнутых с таким трудом, рассыпалось в ходе тысячелетий. Сколько платья, некогда так тщательно сшитого, изорвалось и износилось. Вот и мои пирамиды однажды рассыплются в прах. Долговечность материи ограниченна. В мое президентство процесс распада сокращается. В игре с фабриками главное для нас — выразить символическую ценность, как ее выражает логарифм.

— Это же ад, — сказал Роберт.

— Для людей, — сказала мумия, — здесь нет ни

ада, ни рая. Хотя работники кирпичной фабрики верят в созидание, а работники моей фабрики — в разрушение. Задача Верховной Префектуры — обеспечивать, чтобы созидание и разрушение всегда уравновешивали друг друга. Правда, держать их в равновесии будет все труднее. Надо ожидать, что в новую эпоху, эпоху расщепления атома, подготовленную моими алхимиками, наша группа получит в разрушении преимущество, с которым будет весьма трудно посоперничать. Тогда ваш Архив, покуда преданно ковыляющий следом за гуманностью, тоже утратит смысл.

— Какой цинизм! — вырвалось у Роберта.

— Я не противник, каковым вы меня считаете, — спокойно проговорила мумия, присвистнув сквозь зубы. — Мне просто хотелось заблаговременно обратить ваше внимание на тщетность работы в Архиве. Однажды традиция прервется. Станет очень одиноко. И здесь тоже.

Мумия медленно повернулась лицом вперед.

— Спасибо, что слушали.

Роберт смотрел на этого антидуха, который ханжески просветлел лицом, словно желая превзойти Мастера Мага. Ноздри мумии трепетали. И слова ее прозвучали как последний приказ:

— Больше пыли!

Спецагент подозвал носильщиков, те тщательно укрыли портшез и бережно вынесли наружу, причем никто из прочих людей не обратил на это ни малейшего внимания. Один только агент проводил портшез до выхода. Снова зазвенели колокольчики вестников, на сей раз удаляясь.

Архивариус, тоже покинувший соседнее помещение, огляделся в поисках Кателя. Художник вырвал из своего альбома два листа, один протянул Архивариусу, другой — господину Видехуку. На первом он несколькими штрихами изобразил похожего на мумию Старшего Президента, этого глашатая отрицания, на втором — агента, беседующего с Архивариусом.

— Прелестно, — сказал агент, кокетливо качнув бедрами, — вправду прелестно. Господин фон Катель знает свое дело!

— Мне твой памятный рисунок не нужен, — резко бросил художнику Роберт.

— Блаженны несведущие, — заметил господин Видехук.

Визит Старшего Президента словно укрепил агента в его позиции. Пришпилив кнопкой рисунок Кателя к стене над своим местом, он пригласил Архивариуса «живенько», как он выразился, совершить экскурсию по территории

фабрики, чтобы воочию увидеть за работой обслуживающий персонал мельниц и дробилок. Причем порекомендовал надеть респиратор.

— Пойдем, Линдхоф, пойдем, — подбодрил Катель.

Некоторое время трое мужчин молча шли по отлого поднимающейся каменистой местности. Со взгорка Архивариус сквозь защитные стекла маски увидал, как повсюду над землей поднимаются фонтаны пыли, тянутся вверх, расплываются вширь и медленно опадают. Возникали они над гигантскими мельницами, возле которых серыми муравьями сновали несчетные люди. Трескучий, хрустящий шум все громче проникал сквозь наушники маски. Землю беспрестанно сотрясали мощные толчки. Тело Архивариуса как бы намагнитилось. Порой, когда пыльная туча рассеивалась, взгляду открывалось широкое русло реки, образовывавшее под территорией осыпей границу каменного ландшафта. Противоположный берег затягивала завеса, непроницаемая для взгляда. Возможно, туман. А возможно, подумал Роберт, у меня просто запотели линзы маски.

Когда агент намекнул, что надо бы расширить экскурсию, осмотреть разные подготовительные этапы, дабы насладиться масштабом разруше-

ния, Архивариус нетерпеливо отказался. Едва обстановка позволила, он избавился от маски и несколько раз быстро вдохнул и выдохнул. Отказался он и от визита к главному агрегату, где с незапамятных времен резидировали выдающиеся физики, которых в народе прозвали «ученые наоборот», поскольку служили они разрушению. У центральной машинной станции он неожиданно распрощался с господином Видехуком.

— Архив зовет! — с этими словами он поспешил прочь.

Художник хотел было последовать за Робертом, но спецагент схватил его за рукав и с пренебрежительной гримасой обратил его внимание на то, что Архивариус пошел не как надо, а намерен спуститься по боковой каменной лестнице.

— Оставьте его, — агент подмигнул Кателю, который досадливо дернулся, — ваш господин друг пока чересчур спешит, заминка в тупике отнюдь не помешает.

— Вы, агенты, — сердито сказал художник, — никак не оставите свои давние филерские замашки и просто не можете не посмеяться над подопечными Префектуры!

— Сдается мне, — сказал господин Видехук, — вы причисляете себя к наружному штабу Верхов-

ного Комиссара. Я же из компании легальных висельников. Мы на свой лад следим за безопасностью промежуточного мира, вы — на свой. Пока господин Архивариус на нашей территории, действуют наши способы. К тому же проверка безобидна и, как и всё, позднее будет для него не более чем памятным уроком. Не в обиду будь сказано, господин фон Катель.

Между тем Роберт, всего-навсего желая кратчайшим путем добраться до Архива, спустился по каменной лестнице и попал в сумеречный туннель, который, как он рассчитывал, очень скоро выведет его в знакомые катакомбные кварталы города. Он беспечно зашагал навстречу яркому проблеску, однако за крутым поворотом туннель вдруг затопило мягким, неверным светом. Когда Роберт спустя секунду-другую глянул вперед, он увидел, что навстречу ему идет какая-то фигура; приближаясь, она быстро увеличилась в размере и остановилась в тот же миг, что и он. Замерла почти вплотную перед ним, и, к своему изумлению, он узнал своего двойника. Невольно прикрыл глаза левой ладонью и нерешительно убрал ее, только когда отвернулся в сторону. И тотчас увидел целую дюжину собственных фигур, многократно уменьшенных. Они одновременно

подняли ногу и, едва он сделал шаг в их направлении, со всех сторон шагнули к нему. Он словно топтался в пустоте, фигуры стали крохотными, далекими, взмахивали руками, когда он поднимал руку, стояли по ранжиру, как игрушки, движимые передаточным механизмом. Роберт насмешливо смотрел на это маленькое сборище, и тут прямо перед ним возникло собственное его лицо, увеличенное до сверхъестественных размеров. Он замер как вкопанный. Стоило лишь чуточку наклонить голову вперед, как это зеркальное лицо сделалось настолько бесформенным и огромным, что он испугался самого себя. Попробовал улыбнуться, но ответом была перекошенная гримаса.

Он отвернулся и, зажмурив глаза, осторожно шагнул в другую сторону. Но что это — из светотени опять вышел навстречу его собственный образ? На сей раз идущий впереди двигался медленнее его, так что казалось, он сам его нагоняет. Походка и левая рука, плотно прижатая к пояснице, безошибочно передавали манеру отца, какую он ребенком часто наблюдал на прогулках. Роберт успел подойти совсем близко, хотел сзади взять отца за плечо, но тут фигура разом стерлась, и его рука ударила по гладкому

стеклу. Неужто он стал уже настолько похож на отца, чей нрав и нелепые адвокатские замашки всю жизнь терпеть не мог? Ведь он прекрасно отдавал себе отчет, что, куда бы ни глянул, всюду его обманчиво дразнит собственное «я».

Теперь это удвоенное «я» шагало по обе стороны от него, то причудливо вытянутое в высоту, то гротескно приплюснутое. Непомерно большая, тяжелая голова сидела на крохотных дергающихся конечностях, а затем, непомерно узкая, парила над массивными телесами. Точно завороженный, он шел навстречу себе, шагал сквозь себя, следовал за собой. На зеркальной поверхности вспыхнула надпись: Gnothi seauton — «Познай самого себя»; потом еще одна: Tat twam asi — «Это ты, вот это ты». Голова у него шла кругом. Словно в угаре, вокруг плясали отражения его «я». Когда он остановился посредине помещения, замерло и все вокруг.

В поисках выхода Роберт ощупью пробирался вдоль гладких зеркальных стен, но они внезапно отступали вглубь или неспешно выпячивались, каждый раз заканчиваясь тупиком. И всюду он снова и снова видел только себя, сталкивался только с собой, подстерегал только себя — будто из этой зеркальной тюрьмы вообще нет выхода!

Он уже начал сомневаться в себе, в реальности своего «я». Вдруг он угодил на странный базар подземного города, где все и вся расхаживали туда-сюда, кружили так и этак, а он лишь наделял каждого своими чертами. Или, может, как в парадном зале кирпичной фабрики, это живописный фриз, просто в иной форме, на свой лад рассказывающий истории о призраках?

В какой-то миг он ненавидел Кателя, потому что винил его в экскурсии на фабрики. Когда в голове молнией мелькнула эта мысль, он увидел, как одно из его отражений стиснуло руками незримую шею и тень художника вдруг бездыханная рухнула наземь. В мозгу всплыл образ Анны, и вот уж новое отражение с алчной яростью завладело возлюбленной. На долю той же секунды он увидел себя погруженным в книги и бумаги Архива, отталкивающим еду, принесенную юным помощником. Через плечо ему призраком заглядывал Перкинг, и огромный вытянутый палец с упреком указывал на пустые страницы хроники. На ее переплете сидела мумия, и тетрадь рассыпалась прахом. Мумия улетела, палец съежился, и перед ним явился господин в сером цилиндре, небрежно помахивающий парой синих кожаных перчаток. В зеркале он увидел испуганное,

отчаянное выражение собственного лица, наверно таким оно и было в эту минуту. Все фигуры исполняли то, что он думал, сию же минуту, в зеркальном отражении. Все подспудные желания и филиппики, сокровеннейшие порывы чувств, ненависть и любовь зримо представали перед его взором. Картины души мчались одна за другой, как в ускоренном фильме.

Вот сейчас он видел, как украдкой спускается ночью по каменной осыпи к пограничной реке, входит в воду, намереваясь в несколько гребков достичь противоположного берега. Но, как во сне, не может сдвинуться с места, вода обернулась вязким илом. И чем глубже погружалось тело, тем больше нарастал кошмар, под конец над удушливым илом виднелась только голова, в крике запрокинутая назад. Роберт и сам запрокинул голову, чтобы в потолочном своде зеркальной тюрьмы найти опору для взгляда. А на него уставилась образина Горгоны с его же собственными чертами. Когда он прижал руку к груди, каждое из безмолвных отражений схватилось за сердце.

Искусственное освещение погасло, исчез и раздражающий блеск стен. Мало-помалу Роберт пришел в себя, увидал тусклую полоску света и поспешил в ту сторону. Туннель становился

все светлее. Скоро он добрался до лестницы, по которой спустился сюда. На верхних ступеньках ждал Катель, он-то и погасил искусственное освещение, чтобы Роберт мог выбраться из лабиринта. И вот уж освобожденный Архивариус, пошатываясь, шел ему навстречу.

— Ну наконец-то ты! Спасибо! — воскликнул он, крепко стиснув руку Кателя.

— Да, пока что я здесь, — сказал Катель.

— Куда, — пролепетал Роберт, — куда я забрел, это был просто ужас! Казалось, я никогда уже не скроюсь от этих зеркал, являющих мне исчадия моего «я». А ведь я хотел всего-навсего кратчайшим путем вернуться к себе.

— Этого хочет каждый, — сказал Катель.

— Идем, — поеживаясь, воскликнул Роберт, — оттуда веет таким холодом!

Постепенно художник сумел успокоить перепуганного друга. По дороге в город он объяснил, что Роберт угодил в один из стародавних тупиков-ловушек, устроенных в незапамятные времена, чтобы сбивать с пути беглецов и дезертиров.

— Сумасбродов, которые тоскуют по земным трудам, — продолжал художник, — куда больше, чем кажется. Но, что бы там ни утверждало предание, сбежать из нашего города никому еще не

удавалось.

— Катель, — сказал Роберт, мало-помалу собирая свои мысли, — что же это за мир, куда меня послали! Что все это значит? Порой мне кажется, будто я угодил в чистилище.

— Что ж, — отвечал художник, — пожалуй, это путь великого очищения… промежуточное царство, как говорят некоторые, где отпадают шлаки земли.

— Но, — не унимался Роберт, — куда ведет этот путь?

— Когда я задал этот вопрос, — сказал художник, — Префектура ответила: одни считают, что странствие приводит каждого к нему самому, другие — что оно уводит каждого от него самого.

Некоторое время оба молча шли рядом сквозь серые сумерки, которые быстро густели вокруг, потом Архивариус обронил:

— Мне кажется, все вещи как-то ужасно взаимосвязаны.

— Быть может, через Анну ты однажды придешь к ясности и изведаешь свободу плененного бытия.

Уже стемнело, когда Архивариус возле Старых Ворот попрощался с художником, который долго и серьезно смотрел ему вслед и не уходил, пока

Роберт не закрыл за собой дверь Архива.

XIII

Все подробности образов и событий, свидетелем которых Роберт стал во время продолжительного похода по фабричным зонам города, вскоре сплавились в его душе в нерасторжимое мучительное целое. Он поймал себя на том, что расхаживает по кабинету в Архиве сгорбившись, будто на плечах у него полный мешок праха. Путь через зеркальный лабиринт впервые поставил его самого в одно из тех положений, чья жутковатость обычно затрагивала лишь ту или иную группу горожан.

В замешательстве Архивариус смотрел на пустые страницы тетради, доверенной ему для ведения хроники. На пробу взял ручку и кое-что записал в кратких словах, чтобы подстраховаться и не забыть происшедшее. Справа вверху вывел слово «фабрика». Потом зачеркнул и сверху написал: «Во время визита на фабрики». А дальше набросал вот что: «Горожане суть орудия в руках мертвой власти. — Их движение являет собою холостой ход. — Они существуют в кукольной комнате времени, коль скоро таковая имеется. — Неужто жизнь существует здесь только в грезах

одиночки? — Они идут по какому-то утраченному следу. Нередко кажутся затравленными, будто над ними нависает гильотина вечности. — Чем дольше я здесь нахожусь, тем больше мелкие людишки, да и не только они, производят на меня впечатление кукол».

Потом перечитал написанное и заменил слово «кукол» на «муляжей».

Сделав еще несколько записей, Архивариус оборвал свои раздумья, перечитал заметки и с отвращением вырвал лист из тетради. Скомкал и швырнул в ящик стола. Не было предпосылок.

Как-то раз он попытался написать Анне, намереваясь передать письмо с Леонхардом. Но потребность выразить чувства иссякла. Под впечатлением беспощадной механистичности, какое оставили в нем фабрики с беспомощными массами впустую надрывающихся людей, личная жизнь с Анной виделась ему не менее призрачной и безразличной. Вопросы, отнюдь не случайно взбудораженные новыми картинами, были столь грандиозны, что оттеснили отношения с любимой на задний план. Он находился в этом городе наверняка ради чего-то большего, нежели одна-единственная судьба.

Поэтому Роберт отложил начатое письмо и

с готовностью откликнулся на идею, которую подкинул ему Перкинг, почтенный начальник ассистентов. Он намекнул, что, пожалуй, Архивариусу пора возродить старинный обычай и назначить часы регулярного приема населения. Оказывается, выслушивать вопрошателей и просителей, принимать депутации и уведомления, коль скоро они имели касательство к Архиву, было на его посту если и не обязанностью, но все же привычным делом. Например, как упомянул Перкинг, среди давно обосновавшейся здесь чиновничьей касты ощущается потребность в новой информации о морских пейзажах, о природных процессах вроде образования облаков и дождей, а равно и о политическом развитии далеко за рубежом — с целью освежить память. В этом плане можно бы зачитать вслух соответствующие выдержки из собранной в Архиве литературы, хотя Архивариус может сделать доклад и на основе собственных живых воспоминаний.

Роберт обещал обдумать это предложение, а также охотно согласился ежедневно принимать посетителей. Перспектива конкретной, зримой деятельности внушала ему удовлетворение, ведь его присутствие на службе принесет прак-

тическую пользу, и в Архиве он трудится не обособленно, не для себя, но, как все и каждый, участвует в будничной круговерти. К тому же он полагал, что, встречаясь с людьми разного толка, сумеет лучше узнать устремления и характер городских обитателей.

Перкинг предупредил, что каждый горожанин вправе побывать на приеме у Архивариуса лишь один раз и что многие изначально отказываются от этого. Чтобы умерить восторженный энтузиазм Архивариуса по поводу столь незначительного дела, ассистент добавил, что посетителей можно разбить на определенные группы, почти однородные по составу.

Например, иные ходатаи приходили с личными просьбами, исполнение которых в компетенцию Архивариуса не входит. Была и группа кляузников, в своем себялюбии полагавших, будто ими недостойным образом пренебрегли. А поскольку постоянно считали себя обделенными и непонятыми, они излагали свои жалобы нараспев, заунывным тоном. Третью группу составляли болтливые, чье любопытство подхватывало любой мелкий пустяк, чтобы выставить оный основой основ всего мира. Сюда же относились сплетники и кумушки, которые, заглянув в со-

седский горшок, тотчас принимались от зависти сочинять небылицы да разносить их по всей округе.

Для всех означенных групп была разработана четкая схема, регламентирующая стандартный подход и ответ. Старый Перкинг вручил Роберту образец ответа, гласивший, что Архив, мол, займется поставленными вопросами и в меру своей компетенции все проверит, дабы тем самым вновь препоручить каждого течению судьбы. Иными словами, задача заключалась главным образом в том, чтобы терпеливо выслушать посетителя, дать ему возможность высказаться и исповедаться, а тем самым молча облегчить и удовлетворить сохранившиеся у него крохи самоосознания. Помимо таких посетителей, в большинстве, как выразился Перкинг, всего лишь дилетантов судьбы, встречаются порой и случаи особого толка, требующие участливого вмешательства Архива. Он привел несколько примеров, когда таким манером удалось заполучить для Архива важные отчеты об ужасной секунде жизни.

Посвятив малую толику служебного времени общению с народом, Архивариус вскоре имел возможность убедиться в точности Перкинговых

сведений. Снова и снова на первый план у посетителей выходило тщеславие, интересовались ли они всего-навсего местонахождением старых писем и существованием своих аккуратно заполненных дневников или желали своим силам иного применения, нежели то, что предоставлено им в городе. Одним хотелось упразднить прежние мысли и дела, другие просили восполнить пробелы в воспоминаниях о своей жизни. Немало было и таких, что, кичась набожным образом жизни, жаждали подтверждения своих моральных заслуг. Чуть ли не прямо говорили о вознаграждении, коим их-де долго обнадеживали устно и письменно, и требовали обещанного, подобно тому как люди, верой-правдой отслужившие положенный срок, притязают на отпуск и пенсию.

Архивариус, конечно, отвечал, что выполнение таких желаний не входит в его компетенцию, однако бумаги и документы для Архива принимал с энтузиазмом. Они попадали в обычный процесс сортировки.

А однажды под вечер он и с докладом перед чиновниками выступил. С этой целью примерно две сотни человек из разных отделов городской администрации были приглашены в безоконный

зал безликого здания, стоявшего средь обломков и руин на территории, отведенной Префектуре. То были мужчины и женщины из числа сотрудников старшего возраста, занимавшие более-менее важные должности референтов, делопроизводителей, протоколистов и проч. В соответствии с поставленной задачей Архивариус рассказывал о природе своего родного края, читал стихи, которые силой поэтического слова поистине оживили многое из того, в чем здесь ощущалась нехватка, поскольку все это было чуждо специфике разрушенного города. Белые облака плыли по небу, громоздились грозовые тучи, задувал холодный ветер, стаи птиц мельтешили в воздухе, порхали бабочки. Блеск озер, шум лесов, яркая зелень, кони и рогатый скот, собаки и кошки, езда по невредимым городам, по деревням — все, что некогда существовало, весь этот сплав жизни и земли праздновал возрождение. Пока говорил, он чувствовал себя как слепой, нежданно-негаданно вновь прозревший.

Президиум собрания сидел за длинным столом, откуда Архивариус держал свою речь. Состоял он главным образом из членов Верховного Секретариата Префектуры, среди которых был и розовощекий Секретарь в сильных очках,

снабдивший Архивариуса по приезде удостоверениями и прочими бумагами. Он оживленно поздоровался с Робертом, осведомился о его самочувствии и успехах в работе, несколько раз успокоительно кивнул, когда Роберт выразил сомнения и неуверенность в своей позиции. Непринужденность его предупредительных манер контрастировала с официальностью, с какой руководитель мероприятия, черноволосый мужчина с фанатичными глазами-пуговицами, коротко поблагодарил Архивариуса за доклад. Казалось, ему куда важнее обязательное обсуждение, к каковому он теперь и призвал участников. В форме свободной дискуссии им предстояло открыто, во всеуслышание заявить, в какой мере рассказ Архивариуса вновь придал значение утраченному прошлому.

Одни с недоброй усмешкой уверяли, что началась новая эра, когда подобные картины природы обладают лишь атавистической привлекательностью; другие шли еще дальше и оспоривали даже научную ценность таких свидетельств, ведь как раз благодаря качеству художественного изображения они, мол, являют собой чрезвычайно опасный инструмент, ибо допускают устарелые воззрения. Кое-кто растроганно отметил, что дух

еще хранит давно утраченные ими школьные знания и образованность; очень немногие похвалили Архивариуса за манеру декламации. Многие не одобряли, что предмету обычной здесь потребности недостает реализма и что столь отдаленные описания природы относятся к сфере утопии. Иные зачитывали готовые тексты, составленные из испытанных стереотипных фраз и не имевшие касательства к теме. Часть присутствующих превозносила оптимизм, часть считала его отсталым и неуместным. Кому-то подборка Архивариуса казалась слишком программной, кому-то — недостаточно однозначной в оценке. Один считал изложенное слишком конкретным в деталях, другой — слишком символичным в целом, третий — слишком абстрактным в идее, четвертый — слишком фантастичным по материалу. Нигилизм, обусловленный тщетными иллюзиями, некоторые полагали вредным, другие же заявляли, что он-то как раз и правомерен. Нашлись и такие, кто усмотрел в нарисованной Архивариусом картине другой стороны мира пример того, как свести определенные фундаментальные процессы в общее уравнение со значащим знаменателем. Эта группа осталась в меньшинстве.

Председательствующий закрыл прения и поблагодарил участников за разносторонние замечания. Розовощекий Секретарь наклонился к Архивариусу.

— Мы отнюдь не против, — шепнул он на ухо Роберту, — когда люди здесь говорят исключительно сентенциями. От этого они делаются замечательно нереальными. — Он довольно рассмеялся.

Дебаты повергли Архивариуса в такую растерянность, что он поспешно встал и вышел наружу. Его не оставляло ощущение, что президиум расставил всем участникам этого смотра отзывов этакую западню. У них выманивали суждения, которые в дальнейшем могли послужить основанием для оценки их чиновной пригодности. Тот, кто отмалчивался, бросался в глаза, поскольку безмолвно стоял в стороне, а кто что-нибудь говорил, получал соответственную пометку в секретных актах. Возможно, все это имело статистическую цель. Но кто здесь разбирался в статистике и ее обработке?

Так или иначе, Архивариус почел за благо давать посетителям, приходившим к нему на прием, краткую письменную характеристику. Ведь тогда по первому же запросу Префектуры он

незамедлительно представит отчет касательно данной стороны своей деятельности. Юному Леонхарду он поручил вести соответствующую картотеку, где посетители были разбиты по группам согласно особенностям их дел. Выполняя эту задачу, выделявшую его из сословия посыльных, Леонхард проявил такую сноровку, что Архивариус даже предоставил ему некоторую самостоятельность.

В большинстве дела решались по отлаженной схеме. Но однажды визит некоего музыканта привел Архивариуса в немалое смущение. Музыкант сообщил, что находится здесь проездом и, пользуясь случаем, хочет лично продирижировать одной из своих симфоний, доведя исполнение до максимального совершенства. Одет он был небрежно, в выражении лица сквозила мечтательность. Голова лысая, с растрепанным венчиком волос, череп, как нередко у музыкантов, на затылке сильно уплощен. Двигался музыкант как бы танцуя, даже не скажешь, нарочито или от природы.

Если, сказал он, исполнение симфонии затруднительно, можно выбрать и композицию поменьше, хоровое произведение, например ораторию, пожалуй, она более уместна. У него

не было ни малейших сомнений, что в Архиве хранятся партитуры всех его сочинений.

Роберт, которому имя композитора было знакомо по прежним временам, постеснялся сказать, что занял пост Архивариуса совсем недавно и никогда еще не слыхал о здешнем музыкальном отделе. Украдкой он полистал картотеку, составленную предшественником, однако упоминания о сочинениях музыканта не обнаружил. Столь же безуспешно он искал и имена других прославленных музыкантов прошлого. Это его озадачило. Пока музыкант рассуждал о проблемах с исполнителями, прежде всего с четырьмя певцами-солистами, Архивариус бросил вопросительный взгляд на Леонхарда. Смущенным жестом юный фамулус дал понять, что ему эти материи тоже незнакомы. В конце концов по знаку Архивариуса он поспешил в соседнее помещение искать помощи у опытного ассистента, у Перкинга. Роберт покуда заверял музыканта, что лично ему идея устроить концерт очень нравится, тем более что за все время своего пребывания в городе еще не имел случая послушать музыку и вполне может себе представить, что и другим тоже недостает этого удовольствия.

Леонхард вернулся без Перкинга, тот просил

передать, что его присутствие скорее встревожит посетителей, нежели принесет пользу, и что рассмотрение вопросов приличествует исключительно Архивариусу. Чтобы Роберту было легче сориентироваться, Перкинг прислал записку, где указал шифр определенного справочника. Леонхард уже отыскал на полке сей фолиант и положил на стол Архивариуса. Роберт ознакомился с указанным пассажем. Он гласил, что все нотные рукописи, коль скоро их вообще по тем или иным мотивам сочли достойными хранения, по строгому распоряжению Префектуры опечатаны и находятся среди недоступных секретных документов.

Музыкант, который некоторое время задумчиво расхаживал по комнате, замер, словно в экстазе, и принялся обеими руками дирижировать незримым оркестром, ритмично покачиваясь и грациозно отставив левый мизинец.

— Вы слышите? — сказал он с оживлением на лице. — А теперь тема в обращении: ля-фа-ре-ми…

Он думал, что пропел эти звуки, однако на слух то были всего лишь слова, названия нот. Блаженство в устремленном вовнутрь взгляде потухло.

— Вот только что я слышал мелодию, — удив-

ленно сказал он. — Но она пропала.

Секунду-другую музыкант вслушивался в пустоту. Он весь напрягся — казалось, еще секунда, и по его знаку грянет вступление. Но руки бессильно упали.

— Ничего, — печально проговорил он, — как вчера. Или когда это было?

И он рассказал, что вскоре по прибытии пошел в разрушенную церковь поиграть на органе. Сумел добраться до искореженных хоров, смахнул пыль со скамьи и запустелых мануалов, проверил регистры и ударил по клавишам. Сперва ему показалось, будто пространство вскипело звуками старинного барочного органа, бесценного, по его словам, инструмента, однако то было лишь кипение души, ведь клавиши и педали двигались сухо и безмолвно. В органные трубы воздух не поступал — мехи не действовали, ни автоматические, ни ручные.

Леонхард смотрел на него так, будто он рассказывал сказку. Музыкант повернулся к Архивариусу:

— Я думал, вы об этом знаете и способны мне помочь.

Роберт меж тем окончательно уверился, что не ошибся: в этом городе не было музыки, как

не было здесь и детей; то и другое относилось к числу странных особенностей территории, подвластной Префектуре. Он давно заметил, что из открытых окон на здешние улицы никогда не выплескивается нестройный шум радиомузыки, что нигде не слышно мучительно монотонных любительских фортепианных экзерсисов. Ни тебе военных оркестров, ни танцевальной музыки, ни шарманочных вальсов, ни губной гармошки, ни оглушительного пения, ни резко насвистываемого шлягера. Все это наверняка под запретом. Он очень обрадовался, что здесь нет механических аппаратов вроде граммофонов и громкоговорителей, которые окружали людей у него на родине сплошной шумовой кулисой, как будто тишина и одиночество им невыносимы, и начисто убивали чувство музыки. Но пока что не задумывался, по каким причинам музыка — не только в исковерканном виде, но, оказывается, как явление вообще — в публичном пространстве города под запретом. Может быть, таким образом заботились о чистоте духа, поскольку подлинная суть музыки давным-давно утонула в злоупотреблениях и общественных условностях? Но разве музыка не есть самое сильное чувственное выражение состояний души?

Впрочем, для подобных размышлений сейчас не время, ведь музыкант стоял перед ним в еще большей растерянности, нежели он сам, и буквально на глазах угасал, терзаясь своей судьбой.

— Я был одержим страстью, — пробормотал он, — но вовсе не искал ее. Неужели все было напрасно?

Когда же Архивариус повел речь о том, что в сфере искусства многое находит свершение просто оттого, что существует, и, пожалуй, постоянно повторять уникальное произведение вовсе незачем, композитор сказал:

— Разве нам снова и снова не требуется избавление? Избавление через музыку, какой она явлена в нашем мире?

— Надо бы, — ответил Роберт, которого вопрос об избавлении поверг в задумчивость и сомнения, — спросить Мастера Мага или кого-нибудь из старших секретарей Префектуры. — И чтобы перевести разговор в иное русло, добавил, что сочинения музыканта, вероятно, по-прежнему играют в других местах.

Композитор согласился, однако заметил, что это совсем другое дело и, пусть даже точно известно, нисколько не утешает.

Роберт поднялся и еще раз повторил, что, к пре-

великому сожалению, не может содействовать музыканту в устройстве концерта.

— Я будто оглох, и внутренне тоже, — с потухшим взором сказал композитор. — Вы не могли бы объяснить мне, что понимать под пением и что есть звук?

— Процесс физических колебаний, — ответил Архивариус.

— Совершенно верно, — взволнованно прошептал музыкант, — я помню, процесс колебаний, и только.

С этими словами он, пританцовывая, вышел вон.

Архивариусу сей инцидент не давал покоя, и он попытался разузнать у Перкинга, по каким причинам музыка здесь под запретом. Старый ассистент, помедлив, объяснил, что местные обитатели в ней уже не нуждаются. Насколько понял Архивариус, музыка — процесс сугубо временной. Она основана на чувственном впечатлении. Мир звуков создает иллюзию, вводит человека в самообман, ибо фантазия подменяет собой правду.

Мастер Маг, к которому Перкинг направил Роберта, сравнил музыку с хрустальным шаром, от которого слушатель не в силах оторвать взгляд, меж тем как душе его мнится, будто она

свободно парит во вселенной. Душа — о двойственности именно этого понятия Мастер Маг от имени Архива высказал свое суждение. Обозвал ее суррогатом, ложью во спасение, бегством в призрачные туманы, а музыку — средством соблазна, влекущим к неточности мысли и саморасточительству.

Роберт вспомнил, что частенько слышал от меломанов, как чудесно мечтается под музыку. Причем одна и та же мелодия всегда вызывает у них новый восторг и новые образы.

Изначально, как разъяснил Мастер Маг, музыка была под стать небесной математике, но за редким исключением люди утратили вкус к космическим звукам. Музыка стала все больше выражать пустые мечтания и томную чувственность. Субъективный хмель, душевная романтика не имеют ни малейшего касательства к орфическим звукам, к духовной магии. Это опасный наркотик, а равно и высокое средство развлечения. Короче говоря — тут Мастер Маг и Перкинг были едины, — на языке музыки многое можно затушевать, а равно и высказать, потому-то она и ведет людей к ложным выводам.

Роберт не мог пренебречь суровым суждением Архива, хотя как почитатель Иоганна Себастьяна

Баха мог бы кое-что возразить. Однако ж, помимо принципиальных доводов, особую роль, похоже, играло то обстоятельство, что органы чувств у горожан уже не воспринимали музыку.

Порой на прием приходили также литераторы и писатели, старались под тем или иным предлогом выяснить, есть ли в Архиве их произведения. Один непременно желал засвидетельствовать Архиву свое почтение; другой приносил корректуры последнего издания — вдруг пригодятся; третий как бы невзначай упоминал, что его книги переведены на целый ряд важнейших языков и не позволительно ли ему депонировать здесь иноязычные экземпляры, ведь это вполне под стать международному статусу Архива. В сущности, их всех терзало тщеславие. Они охотно именовали Архив академией, подчеркивая тем самым солидность подобного рода институций, с которыми контактировали всю жизнь. Держались они то благовоспитанно, то бесцеремонно, иные нежно потирали друг о друга кончики пальцев, с таким тщанием и энергией написавших объемистые романы. Изъяснялись они в изысканных выражениях, и почти каждый словно бы ожидал, что юный помощник застенографирует его речь. Буквально все вызывало у них интерес,

они глубоко втягивали носом воздух архивного помещения, атмосферу, как они говорили, ястребиным взором примечали каждый предмет. Одни рассуждали о фаустианском импульсе, наполняющем здешние творческие пенаты, другие — о запросах дня и о подлинном духе демократии, который, конечно же, обитает в этих стенах. Но все — кто в шутливом тоне, а кто и в настойчиво-крикливом — старались выпытать у Архивариуса местоположение и каталожный номер своих трудов.

Архивариус твердил, что сведения такого характера ни горожанам, ни транзитникам не предоставляются и что исключений не делается даже для важных персон.

— Даже если я, — вставил кто-то, — приехал сюда единственно с этой целью?

Архивариус выразил сожаление. За разговором он порой перебирал картотеку — вдруг там найдется подсказка, какое решение принял Архив. Только вот речь обыкновенно шла о считаных публикациях из огромной совокупной продукции, к тому же удостоенных лишь вре́менного хранения и в большинстве помеченных символом, который, как Роберту было известно, предусматривал краткий срок. Причем

в таких случаях имелась ссылка на определенный параграф главной книги Архива. Заглянув в этот параграф, Роберт прочитал, что продукты цивилизаторской литературы как таковые не оказывают продолжительного воздействия, ибо состоят из пористых взглядов и мнений, имеющих лишь преходящее значение в рамках современного им поколения.

В основном литераторы покидали территорию Архива с сознанием собственного бессмертия. Их интеллект, в силу которого каждый из них чувствовал себя выразителем своей эпохи, успел растерять остроту инстинкта.

Впрочем, как-то раз случился странный инцидент. Некий писатель принес в кожаном чемодане полное собрание своих сочинений и записок. Выкладывая том за томом на передвижной столик, он, как и иные до него, толковал о таинственной буквенной ниве, которая занимает страницу за страницей и в ходе десятилетий творчества как бы из ничего вырастает в целый культурный мир. И теперь он хочет внести свою лепту в сокровищницу Архива как дар грядущему. Архивариус отвечал сдержанно, но уверенность писателя от этого ничуть не умалилась.

Он с удовлетворением окинул взглядом строй-

ный ряд своих детищ. Но когда хотел еще разок взять в руки одну из своих книг, та распалась на части, бумага искрошилась и обернулась пылью. Он в изумлении отпрянул, осторожно взял другой том, который секунду сохранял форму, а потом вдруг рассыпался, точно комок тончайшего сигарного пепла. Ошеломительный процесс поверг в возбуждение также и Архивариуса и его помощника. Ведь Роберт впервые стал свидетелем процесса химического очищения, о котором ему рассказывал старый Перкинг. Юный Леонхард в конце концов не удержался и легонько тронул пальцем следующий корешок — в результате страницы, шурша, выпали из переплета и разлетелись вокруг, словно увядшие листья. Писатель поймал несколько страниц, и они тотчас раскрошились. Все трое безмолвно смотрели на происходящее, каждый спешил прикоснуться к одной из книг, и на глазах у них снова и снова вершился распад, пока не уничтожился и последний том.

— Finis mundi[1], — наконец произнес писатель. — Да еще какой! — саркастически добавил он, аккуратно стряхивая с дорожного пальто

---

[1] Notes: 1
Конец света (*лат.*).

прилипшие пылинки и пепел. Подхватил пустой чемодан и ушел.

Когда позднее Архивариус спросил у Леонхарда, под какой рубрикой был зарегистрирован этот посетитель, фамулус ответил, что без колебаний отнес писателя к «бывшему бюргерству». По лицу Архивариуса скользнула одобрительная усмешка.

Больше об этом инциденте не вспоминали.

Вскоре на прием к Архивариусу явилась депутация с приглашением посетить некое собрание. Несмотря на предостережения Леонхарда, который опасался, хватит ли у Архивариуса сил, Роберт все-таки побывал на этом собрании, состоявшемся в отдаленном районе катакомб.

Вероятно, участники принадлежали к какой-то тайной секте, поскольку все были в одинаковых зеленых глазурованных масках, в тусклом освещении эти недвижные личины напоминали этакую густую слизь. Многие мужчины и женщины сидели на корточках прямо на каменном полу, иные же так ослабели, что не могли устоять на ногах и оттого ползли на четвереньках. Большинство без одежды, у некоторых рваная тряпка на бедрах. Тощая плоть с выпирающими ребрами фосфорически светилась. Поневоле

напрашивалась мысль, что перед тобой средневековая картина — Страшный суд, низвержение про́клятых в преисподнюю, достойное кисти Брейгеля. Но эти люди двигались, беззвучно двигались, алчно скрючивая пальцы, ползли на коленях, теснились голова к голове, а из туннелей, трепеща, выплескивались все новые толпы. Двое мужчин провели Роберта к узкому кирпичному возвышению, которое, точно церковная кафедра, возносилось над помещением, полным тысяч людей. Временами он чуял мертвенный, сладковатый запах газа, который все сильнее его дурманил. Одна из зеленых масок, стоя на возвышении, обратилась к остальным с речью, звук ее голоса походил на сдавленное бульканье воздуха в органной трубе.

Архивариус как будто бы разобрал следующее: собрала их здесь не добрая воля, но злое принуждение. Каждого оторвали от родного дома, держали взаперти хуже, чем преступников, били, истязали и в конце концов усмирили всех, и старых, и молодых. Разговоры шли о дезинфекции, но, когда двери с резиновой изоляцией закрылись за ними, они вдруг поняли, что́ их ждет. В итоге все случилось так быстро, что они не успели ни возроптать, ни кого-либо обвинить.

Теперь же они вновь собрались с мыслями, и здесь перед ними зримо предстал тот последний миг, ужасная секунда вечности.

Оратор помолчал. По катакомбам, словно литания сопровождающего хора, эхом разнесся стон изорванных легких. Ошеломленный, Архивариус прислушался к оратору. Больше, нежели собственная судьба, продолжал тот, его, как и многих из них, мучает вопрос о смысле… он более не находит ответа, с каждой минутой сомнения и отвращение терзают его все сильнее… чего ради все это происходит.

— Зачем? Зачем? — возгласил хор, упрямо, настойчиво, обреченно.

— Неужто Дух земли, — вновь пробился голос оратора, — даже не сожалеет, что ради заблуждения посылает столько бед одному народу — со времен псалмов и по сей день! И не только это — неужто Дух земли и ее созданий ни единого разу не пожалел хотя бы о том, что позволяет человекам и народам в ненависти истреблять друг друга, позволяет варварам в их собственной стране порабощать свободу и противоестественным образом безвременно обрывать столько начатых жизней… столько цветов оставлять без плода, столько деяний — несвершившимися.

И вновь хором грянуло:

— Безвременно! Безвременно!

И он спрашивает, еще настойчивее вскричала зеленая маска, так что Роберт едва мог уследить за ее речами, он спрашивает, неужто тысячи и миллионы жертв опять окажутся напрасны и власти предержащие в государствах, тираны и грабители в человечестве, не ведая ничего другого, ничего лучшего, так и будут из века в век, снова и снова ради собственной власти жестоко глумиться, жестоко разрушать, жестоко убивать и попускать убийство. Толпа дохну́ла бессильным гневом. Из уст в уста пробежал ропот, женщины исторгли пронзительные вопли.

— Неужто море страдания, — гулкими ударами падали слова сквозь рупор маски, — полное слез всех времен и краев, никогда не исчерпает своей безмерности? Неужто землю утучняют пролитой кровью сотен тысяч невинных людей лишь затем, чтобы она вызрела для нового кровопролития? Неужто проклятию никогда не будет конца? Неужто мы и в наших детях снова и снова будем жертвами? Заново рожденными лишь затем, чтобы терпеть тот же удел отчаяния, ту же боль и гонения? Неужто из поколения в поколение будут передаваться лишь наши оковы,

неужто прекрасная земля всегда останется лишь живодерней, где мы и нам подобные должны подыхать, как падаль?

Трепет охватил собрание, тела выворачивались, кости хрустели.

— Не забывать! Не забывать!

Призыв этот звучал все громче. Молодой парень со скрежетом зубовным вскочил на кирпичную кафедру и неловкими жестами тщетно добивался, чтобы его выслушали. Обеими руками он проводил по своей серой коже, безмолвно указывал на шрамы и гангренозные струпья. Словно только того и дожидались, многие из несчастных принялись указывать на собственные рубцы. Роберт ощутил в горле удушливое жжение.

Некоторые личины, которые теперь бесцеремонно протискивались к кафедре, приобрели, к удивлению Роберта, багровую окраску. Быть может, перемена случилась из-за тусклого освещения. Однако эти фигуры вообще отличались от большинства других, так как одеты были в черные рубашки, черные брюки и высокие сапоги с отворотами. Смерив собравшихся презрительным взглядом, они вызывающе стали перед Архивариусом-Хронистом, причем каждый спрятал руки за спиной, будто стыдясь. Когда же один

из них в конце концов заговорил, толпа оцепенела, всякое движение замерло. Слышалось только с трудом приглушаемое тяжелое дыхание.

— О да, — изрекла багровая маска, — мы истязали и мучили. С детских лет нас колотили за дерзость и непослушание, и теперь, когда сами вошли в возраст, мы мстим за тумаки, полученные от взрослых, за душную атмосферу, за косность нашего воспитания. Мы урезали свободу другим, как подрезали крылья нам самим. О да, — гремел голос по катакомбам, — мы пытали и убивали, потому что мы наемники власти, потому что нас использовали, а мы без возражений становились надсмотрщиками и преданными поборниками идеи. Каждого, кто был не за наше дело, мы считали своим противником, личным врагом. Нас вымуштровали ломать любое сопротивление, в первую очередь протест и бунтарство духа. Мы загоняли идейных противников в сети своих деяний. Кто не желал подчиниться, того мы ломали.

Возгласы отвращения, которые поначалу волнами ненависти к мучителям вскипели среди собравшихся, скоро умолкли. Архивариуса же не оставляло впечатление, будто исповедь оратора обращена не столько к множеству зеленых масок, сколько непосредственно к нему, представителю

Архива.

Затем выступил еще один чернорубашечник, этот говорил об исторических примерах их ремесла: о гонениях на христиан в Древнем Риме, о еврейских погромах в странах Европы, об инквизиции и процессах ведьм в Средневековье, о Варфоломеевской ночи, о черной слоновой кости невольничьих рынков, о гражданских войнах Китая, о революционных трибуналах, о массовом истреблении верующих и неверующих на Востоке и на Западе — о великих губительных эпохах в жизни человечества; по его словам, все это неизменно служило и служит правящей власти — костры еретиков, гекатомбы, кровавые бойни во имя идеи и как апофеозы веры во власть государства или церкви либо в еще более могучую власть денег.

Толпа внизу пребывала в безмолвном оцепенении, а тем временем к Архивариусу подползла угрюмая женщина и в клокочущем отчаянии обхватила его колени. Она резко запрокинула голову, так что растрепанные волосы отлетели назад, подняла к Роберту лицо без возраста, смотревшее с пустым, совершенно потерянным выражением. Зеленоватая маска так плотно прилегала к коже, что Архивариус как бы видел перед

собой неприкрытое лицо женщины. И вдруг сообразил, что ни она, ни кто другой не носили искусственных личин и только необычный цвет и общая для всех застывшая печать страдания создавали впечатление маски. Что же он увидел! На лбу и на щеках тянулась сетка вертикальных и горизонтальных линий, резких тонких насечек, покрывавших все лицо регулярным, похожим на шахматную доску узором, словно татуировка.

— Сударь, — монотонно бормотала женщина, — детки, мои малыши! Оба они лежали в кроватке с сеткой, ну, вы знаете, сетку поднимают, чтобы они не упали, чтобы не ушиблись впотьмах, во сне, но их обидели, сударь, испугали, разбудили, хотели отнять у меня, а я вцепилась в кроватку, на колени стала, прижалась лицом к сетке, все крепче прижималась к металлу, потому что меня оттаскивали от малюток, они плакали, а потом вдруг жутко затихли, вот тогда-то мои глаза пересохли, я даже плакать больше не могла, ничего больше не чувствовала, стала как железо, холодная и безжизненная, это последнее, что я помню, и теперь на лице у меня все время эта сетка, не снять, не сдвинуть, хотя прежде она была такая простая, гладкая, когда муж проводил по ней ладонью, а дети ловили его руку, они наверняка

тоже здесь, но как им узнать меня, вот о чем я себя спрашиваю, сударь, вот о чем спрашиваю.

Однако ж она словно и не ждала ответа, безучастно обмякла, только шевелила губами в беззвучном монологе. Хор гонимых и замученных грянул:

— Miserere! Miserere nobis![2]

И новый голос проник в уши Роберта, шептал мужчина, тощий как скелет:

— Прошу вас, занесите в протокол, что я захворал и пришел к врачу, он был у себя в кабинете, в белом халате, со стетоскопом в руке. Но когда он, как я думал, собрался прослушать меня, стетоскоп обернулся блестящим стальным прутом, а меня определили в одну из маленьких каморок, устроенных вдоль стен кабинета. «Прошу! — Врач, усмехаясь в усы, указал на открытую дверь. — Это для особых случаев». Тут меня обуял невообразимый ужас. С тех пор я не могу отделаться от мысли, что некоторые врачи изгоняют не болезни, а жизнь. Будьте добры, занесите в протокол.

И этот шепот замер, и вновь эхом откликнулся хор:

— Miserere! Miserere nobis!

---

[2] Notes: 2
Помилуй! Помилуй нас! (*лат.*)

А в этот хор вновь вторгся крик еще одного чернорубашечника с массивным уродливым черепом:

— Плачьте по ангелам, которым до́лжно бы вас утешать. В небесах летают лишь ряженые гарпии, лишь снаряды да отра́вные бациллы, высасывающие из вас все соки. Глупец тот, кто всегда оказывается среди жертв. Поймите, — неторопливо продолжал он, меж тем как фигура его с каждым словом раздувалась, так что вскоре он стоял будто накачанный колосс на постаменте, — есть толкачи и толкаемые, натуры властные и стадные, страждущие от жира и страждущие от голода, в жизни надо только вытянуть правильный билет и стать на выгодную сторону. Слабость подстрекает к насилию, покорность — к дальнейшему вымогательству. И в игре народов один ходит с козырей и тузов, а другие, с плохими картами, поневоле пасуют да сбрасывают. Право — то, что полезно мне на земле, а правда — то, что прибыльно для моего образа мыслей.

Раздутый, спесивый стоял он среди толпы. Из возбужденной массы долетали ошметки слов.

— Вся правда есть ложь! — выкрикнул запальчивый голос. — Нам твердили, что человек — венец творения…

Издевательский смешок пробежал меж несчастных.

— А он — распоследнее дерьмо! Отброс природы — вот что такое род человеческий!

— Наконец-то мы пришли к согласию! — вскричала раздутая багровая маска. — Уж я научу вас повиновению. Хоть вы и дерьмо!

Эти слова утонули в потоках непристойной брани. Когда остальные багровые маски тоже грянули грубым гоготом, стало слышно, что среди них есть и женщины. Фигуры раздулись сверх натуральной величины, мускулы играли, локти торчали остро и злобно.

— Ну что ж, — поднялся над возбужденным гвалтом голос одной из зеленых личин, едва стоявшей на ногах, — коль скоро за последние две тысячи лет мир ни на йоту лучше не стал, коль скоро человечество всегда состояло и состоит поныне лишь из убийц и убитых, из палачей и жертв, тогда к черту все духовные силы, долой фата-моргану, которой религия и философия морочат нам голову, долой фантазии о боге и царствиях божиих, долой Саваофа и Брахму, Будду и Христа, святых и апостолов, долой священников и мудрецов глубокой древности, долой выдумки о небесах и вранье об избавлении, давайте сюда

хаос, великое Ничто, гибель богов, виттову пляску уничтожения, давайте сюда пепловый дождь зла, преисподнюю жестокости!

Вне себя от отчаяния, оратор, не сходя с места, начал раскачиваться, все сильнее и сильнее, а в конце концов рыдающий ритм захватил и страждущую массу масок, точно дервиши, они в слезах закачались туда-сюда. Пульс у Архивариуса стучал, едва не разрывая жилы, все ощущения перемешались. Неистовая боль стиснула сердце, выжала его как губку. Хватая ртом воздух, Роберт крепко прижал ладони к груди, как в тот раз, когда приступ настиг его возле фресок в расписном зале кирпичной фабрики… Что это — еще реальность или же люди и речи всего лишь порождения его фантазии? И что перед ним — теодицея отчаяния или сатанинская месса? Разверзнись в этот миг земная бездна, чтобы поглотить его вместе со всеми этими созданиями, Архивариус едва ли бы удивился, для него это стало бы избавлением, спасительным концом безумия.

Черные фигуры уродливо раздулись, кажется, вот-вот лопнут. Водянистые глаза мегер пустым взглядом пялились в потолок подвала, плетки вяло болтались у бедра. Роберта оттесняли на середину, причем одновременно он все боль-

ше отмежевывался от масок. Грубая наглость и жестокость черной гвардии, стоны и горькие проклятия униженных — все это было уже не реальностью минуты, а конденсированным образом ада, который создали друг другу люди. Похожий на мумию Президент пыльной фабрики вполне мог бы возликовать.

Роберт почувствовал на себе взгляды господ из депутации, пригласивших его на это собрание, — не слишком ли долго он играл пассивную роль безмолвного зрителя? В мозгу возникла картина менового базара, но каким мелким казалось тогдашнее смятение по сравнению с теперешним. Чего от него ждут? Вмешательства? Официального или просто человеческого? Официально он хронист, городской историограф, но никак не судья. Ему до́лжно бы подойти и поговорить с каждым, чтобы освободить его от страшного бремени или хотя бы от страха. Вправе ли он прикидываться и держать речь? Он не из их числа, а равно и не член Префектуры. Здесь насилие и бессилие, триумф и печаль являли себя в настолько беспощадных антагонизмах, что впору обратиться к Страшному суду, к сведущему форуму Префектуры. Пока в голове метались эти мысли, он вдруг услышал собственный голос.

— Наша жизнь, — отрывисто, с трудом переводя дыхание, произнес он, — есть не что иное… как естественный путь к смерти.

Он испуганно осекся, будто выразил в этом лапидарном суждении нечто чудовищное. Можно бы назвать жизнь и духовным средством смерти, но это бы лишь напустило туману, хотя суть сказанного осталась бы прежней. Ему вспомнилось, какими словами встретил его по прибытии голос Префекта. Неужто идеи Префектуры подсознательно уже настолько им завладели, что он излагал перед этими запуганными душами вовсе не собственные мысли?

— Никто более не является самим собой, — произнес он, как бы отвечая на свой вопрос, и увидел, что собравшиеся неуклюже, размеренно закивали, словно показывая, сколь метко эта фраза описывает их и их состояние.

— Мне кажется, — продолжал Роберт, подыскивая слова, — зло, подлость, низость и вообще все мерзости приходят в мир только через нас, через наш разум. А этот жалкий, ничтожный разум умеет только уничтожать. И опирается он на так называемую реальность, на кажимость, на бренность, на борьбу за счастье. В итоге же то, что мы принимаем как реальность, на самом

деле всегда фальшивая монета.

Сотни пар глаз неотрывно смотрели на него из восковой тишины. Он говорил о том, что в фондах большого Архива, куда его направил город, записаны все человеческое страдание и вся человеческая надежда, в том числе и безымянная лепта их боли, и что ужасные силы погружаются там в призрачное Ничто, навсегда утрачивая там реальность и возможность физического возвращения, в том числе и их палачи.

— Если я говорю, — заключил Хронист, — что жизнь есть подобие смерти, то знание об этом не дарует вам утешения. Утешение дарует лишь верующая любовь. Но вы, наверно, чувствуете, что существует некая глубинная суть, превыше всех бед одиночки.

Лица собравшихся подернулись мягкой сонливостью. То, что совсем недавно повергало каждого в дрожь и волнение, поблекло, как бы приглушенное завесой. Бранные окрики огромных раздутых черных фигур, словно поднявшихся из грязевой ванны, тоже доносились из бывшего, ушедшего мира. Хотя они, конечно, сыпали издавна привычными командами. Во все горло орали:

— Стройся! Отжимайся! По порядку номеров рассчитайсь! К столбу! Шаг вперед! По камерам!

Команды подгоняли, голоса срывались. Сперва по собранию пробежал испуг, но никто не шевельнулся. Они равнодушно отвернулись, словно реальность более их не касалась. И сиплое повелительное тявканье сменилось ворчащим хрипом. Чернорубашечники оцепенело стояли на возвышении, огромные, точно набитые ватой.

Архивариус медленно подошел к ним.

— Каинова печать, — сказал он, — навеки останется у вас на лбу. — Потом авторучкой легонько побарабанил по черной рубашке ближайшего. — Бутафория.

Послышалось шипение, как когда из тугой резиновой камеры выходит воздух. Раздутые телеса сжимались, съеживались все быстрее, пока на полу не осталась лишь оболочка, униформа. Чучела власти, горлопаны сдувались один за другим, распространяя жуткий смрад.

— Так-то вот, судари мои! — сказал Архивариус.

Над собранием порхнула тень улыбки. Но большинство было слишком апатично, чтобы ощутить избавительность зрелища. Многие растерянно терли ладонью лоб, будто уже не припоминали, с какой целью здесь находятся. Один из комитетчиков протянул Архивариусу свиток.

Роберт нерешительно взял в руки солидный сверток, на котором стояло: «Протоколы ужасной секунды».

Робко и покорно толпа потянулась к выходам, точно холодное забвение смыло все бывшее. Ледяной порыв ветра пронесся через подвалы, высасывая всю боль. Фигуры уходящих терялись из виду, и тут Архивариус сообразил, что с другой стороны хлынули несчетные новые орды зеленых личин, раскачиваясь, шумя, задыхаясь.

Когда городские служители, облаченные в кожаные фартуки и картузы, вымели вон останки чернорубашечников, Архивариус со свитком в руке тоже медленно покинул катакомбы. Уже отойдя на некоторое расстояние, он услышал, как из гула возбужденных голосов к новому собранию обратился новый оратор.

Не добрая воля собрала их здесь до срока, как будто бы разобрал Хронист, но злое принуждение… С изумлением Роберт осознал, что слова те же, какими началось только что завершенное собрание. У него словно выбили почву из-под ног.

Добравшись до Старых Ворот и до Архива, он выпроводил из комнаты Леонхарда, который дожидался его, швырнул в угол пустую тетрадь хроники и заперся на ночь до самого утра.

XIV

После того как Архивариус побывал на собрании масок, глаза ему застлало пеленой. Часто его мучила свирепая головная боль, в мозг будто вонзались иглы.

Проходя по Архиву, он натыкался то на читальный стол, то на стул. Хотел достать книгу — хватал пустоту. Ему казалось, голова пухнет, как иной раз от усталости после непомерного напряжения. Бесконечные мольбы о пощаде, вопль «Мизерере» не оставляли его ни на миг. И однажды, когда ему попалась на глаза репродукция картины с изображением святого Себастьяна, который, пронзенный стрелами, ждет подлета следующей и стоит в живом умирании, он приколол этот листок к стене.

События, происходившие с ним после прибытия в город за рекой, потеряли ощутимую взаимосвязь. Временами всплывали подробности, как осколки картин, с острыми краями, ранящими память. И когда он их вспоминал, наваливалась печаль, в которой сквозило одиночество жизни. Тем не менее в основе всего как

будто бы лежал некий смысл.

Он уже понятия не имел, как долго пробыл здесь; то ему казалось, что всего несколько дней, то — полвека. Он сидел за письменным столом в Архиве, проходил под сводами, где ассистенты исправно выполняли свои обязанности, и один час ничем не отличался от другого. Если же перекидывался словечком-другим с Перкингом, разговор оставался поверхностным, касался лишь конторских дел и не помогал ему разобраться в собственных проблемах.

Он стал звеном в цепи, что от веку действовала по плану Префектуры. И знать не знал, одобряет ли Верховный Комиссар его деятельность, его манеру исправлять свою должность. Впрочем, это его уже не волновало. После телефонного звонка, нежданно настигшего его в подвале с фресками на кирпичной фабрике, никаких непосредственных указаний больше не поступало. Однако же Роберт чувствовал, что никоим образом не забыт, напротив, там, похоже, прекрасно осведомлены о каждом мгновении его жизни и подыгрывают ему, давая повод сделать очередной шаг. Он был уверен, что, например, депутация, пригласившая его на собрание масок, тоже явилась к нему по распоряжению сверху.

Однажды ненадолго заглянул Катель, бледнее прежнего, чуть ли не прозрачный. Поинтересовался, поддерживает ли Роберт еще связь с Анной, и рассказал о тревоге, которая заметна повсюду в городе. Он словно бы хотел разузнать, известно ли Архивариусу что-нибудь о происходящих сейчас переменах. Но Роберт только от него впервые услышал, что число ежедневно прибывающих далеко превышает пределы нормальных поступлений и с каждым разом все растет. Архивариус вспомнил, что Анна тоже о чем-то таком упоминала, говоря о солдатских казармах. Катель считал, что размещение подобных масс, пусть даже какую-то их часть тотчас отправят дальше, постепенно столкнется с трудностями и приведет к преждевременному выселению большого количества обитателей. Палаточных или барачных лагерей, построенных на окраинах, недостаточно, поскольку аппарат необходимых работников и городских чиновников, конечно, тоже увеличится в дотоле невиданном масштабе. Поэтому есть опасение, что регулярная ротация теперь резко ускорится, — и художник, к полному недоумению Роберта, заговорил об изменении космического срока и очередности.

— Что ж, — сказал он в заключение, — знаешь, я

бы хотел закончить свою картину, а ты, наверно, уже не нуждаешься во мне на познавательных прогулках для своей хроники.

В итоге Роберт остался в плену представлений, которые в силу неясности казались зловещими. Катель снова помянул хронику, не мог он без этого обойтись. Однако ж на страницах тетради, которую Перкинг вручил Роберту вскоре по приезде, по-прежнему не было ни строчки.

В глазах Леонхарда Роберт опять-таки нередко замечал стеклянный страх. Юноша спрашивал, доволен ли им Архивариус, всё ли он, Леонхард, делает должным образом и как бы ему еще больше избавить Архивариуса от простых письменных работ. Когда Роберт попытался успокоить посыльного, сказав, что без него он как без рук, Леонхард облегченно вздохнул.

— Просто все было так недолго, в том-то и дело, — застенчиво сказал он и выбежал вон. Однако наутро в его лице опять читался невысказанный страх.

— Да что с тобой такое? — спросил Роберт.

— Если никто больше меня не помнит, — пробормотал Леонхард, — ведь родители уже совсем старики, а друзья, ах, не знаю… просто я думаю, у меня тогда не останется здесь никакой под-

держки.

Архивариус быстро погладил его по волосам и дружески хлопнул по плечу.

— Я всегда ставлю на стол два винных бокала, — сказал Леонхард, — два прибора, две тарелки и два блюда для фруктов… и опускная дверь в полном порядке.

Роберт кивнул:

— Вот и хорошо.

Засим он послал Леонхарда с письмом к Анне, что тот нехотя и исполнил.

В час нового свидания Анна не выказала обиды на долгую разлуку с любимым. По его желанию встретились они на Фонтанной площади вскоре после полудня. Он тотчас подхватил ее под руку, и теперь они, слегка важничая, шагали среди руин по белым улицам. Анна казалась веселой и хихикнула, когда Роберт сказал, что выглядит она как жизнь в цвету. Он не догадывался, но сделал комплимент скорее ее умению обращаться с румянами и помадой. Оба витали в искрометных фантазиях, кокетничали любовными словами, а если Роберт пытался направить разговор в более конкретное русло и упоминал о странностях города и его обитателей, она увиливала, отпуская насмешливое словцо, крепко сжимала его руку,

льнула к нему.

— Ах ты, маленький ученый умник, — к примеру, говорила она, — смышленый ты мой дурачок!

Чем дольше они этак бесцельно прогуливались, тем более устало висла она у него на руке.

Они бродили в лабиринте подземных коридоров, ненадолго поднимались на свет верхнего мира, отпускали шутливые замечания об уличных прохожих, которые на них оглядывались.

— Вот так бы и шел с тобой до самого края света, — сказал Роберт. — Давай уйдем прочь отсюда, куда-нибудь за город.

— По-моему, — сказала она, — ты все еще грезишь. За городом есть только искусственные оазисы средь каменных осыпей.

— Если б, — взволнованно воскликнул он, — хоть в кино сходить, в театр или послушать вместе музыку!

— Ишь, захотел, — насмешливо сказала она. — На что нам эти иллюзии, Роб?

Они сели на выступ стены — ни дать ни взять олицетворение вечно бесприютной влюбленной парочки. Он сгреб ладонью горсточку камешков, покрывавших все кругом, пропустил сквозь пальцы. Приятное ничегонеделанье.

— Паришь в воздухе, будто потерянный.

— Ах, Роб, — пробормотала она, поуютнее устраиваясь в его объятии.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Ах-ах-ах! — шутливо воскликнула она.

— Нет, куда больше, — серьезно отозвался он.

— Как хорошо, — сказала она, когда он ласково ее погладил.

Роберт поднял взгляд на голые развалины, на жалкие приюты жизни, где блуждающими огоньками плясали мысли. Какая мука, что нельзя рассказать ей ни о чем, связанном с Архивом, обо всем том, что жгло его изнутри, о неразгаданных картинах ужаса, о личинах, воспоминания о которых страшили куда больше, чем фабрики.

Близился вечер.

Внезапно Роберт встал и отправился вместе с Анной прямиком на площадь Брадобреев, откуда ответвлялся короткий проход к подземному лазу в его башенную комнату. Он решил открыть ей секретную миссию, возложенную на него городской Префектурой. Разве Катель не намекнул однажды, что Анна лучше любого другого может избавить его от мучительных вопросов бытия?

Она молча стояла в темном туннеле, пока Роберт отмерял затверженные пяди до замочной

скважины и отпирал потайную дверцу шахты.

— Как романтично, — сказала она, когда он объяснил, что ей надо подождать у подножия веревочной лестницы, пока он не откроет наверху опускную дверь и не зажжет свет. В итоге она быстро вскарабкалась наверх, а Роберт одним движением втянул ее в комнату и заключил в объятия. Она уткнулась головой ему в грудь.

— Какая ты легонькая, — сказал он, — будто перышко.

Стол накрыт к ужину, оконные шторы задернуты, Леонхард все приготовил. Роберт закрыл опускную дверь, зажег канделябр. Анна оценивающе прошлась по комнате.

— Здесь накрыто и для меня, — удивилась она. — Выходит, ты меня ждал? — И она повисла у него на шее.

Анна хвалила его жилище, пила вино, непринужденно болтала. Помещение утратило сиротливость.

За ужином Роберт рассказал про гостиницу, где жил поначалу, пока не перебрался сюда, про Патрона, как тот важничал во время церемонии трапезы и при каждом удобном случае картаво вставлял: «На время… не так ли?»

Анна часто смотрела на него с ожиданием, буд-

то бы внимательно слушала, но мыслями была где-то далеко. Он чокался с ней, пил, снова и снова порывался говорить об Архиве, но, поскольку на подспудные намеки она не откликалась, только кружил вокруг решающего вопроса, утешаясь надеждой, что шанс подвернется позднее.

— В сущности, — сказал он, — ты мало знаешь обо мне и моих задачах.

— Вечер у нас долгий, — ответила Анна, отставив в сторону всю посуду, кроме вина и блюда с фруктами. Она уютно потянулась в кресле, перекинула ноги через подлокотник и принялась ими болтать. Прихлебывая вино, Роберт говорил:

— Иногда мне кажется, будто я здесь в этаком паноптикуме, будто мгновение замерло и стало вечностью. Я — как тебе известно из моих прежних работ, Анна, — всегда верил, что ничто на свете не происходит ради себя самого, что все происходящее есть притча, притча о смысле жизни, хотя мы не всегда это осознаем и смысла не улавливаем. Я имею в виду, что все, переживаемое индивидом, значимо для целого, для Вселенной. Держит Вселенную на ходу. Но, когда я думаю о том, что вижу и узнаю́ теперь, такая трактовка представляется мне затруднительной… то бишь все, с чем я сталкиваюсь, скорее есть как бы уже

откровенная трактовка жизни, ее механики, ее жестокого холостого хода, ее монотонности и однообразия во всем, что касается нас, людей, маскарадности нашего бытия. Что остается индивиду от сотен тысяч шагов меж колыбелью и гробом, от усилий, которые видятся ему важными и делают его важным, от его напора и барахтанья в будничной жизни? Всяк дурманит себя теми или иными представлениями о мире, дурманит себя верой, благочестием, наукой, трудами, игрой — все спасаются бегством, хотят избавления. А в чем, собственно, заключается избавление? В золотом одуванчике счастья, эфемерном, на пяток минут, в прибавке жалованья, в скромном вечере жизни.

Он желчно рассмеялся. Наверно, рассуждал бы и дальше об иллюзии реальности, которую в муках рождает один только людской страх, страх каждого индивида перед правдой, перед трезвым признанием, что мы всё такие же простоватые твари, как и многие тысячи лет назад, да, рассуждал бы и дальше, ведь образы и слова буквально сами просились на язык, как давеча ораторам на собрании масок, но Анна вскричала, перебивая его смех:

— Мужские мысли! Спиральные туманности!

Такие далекие от меня, Роб! Маленький умник Гильгамеш, поучаешь как стародавний профессор в последний день, а сам так ничему и не научился?

— Прости, — сказал он, — от вина я становлюсь многословным, а вдобавок…

Брови его поползли вверх, на лбу возникло множество морщинок, чьи дужки повторяли изгиб бровей.

— А вдобавок, — сказала Анна, — ты сейчас выглядишь как твой отец. Эх вы, мужчины!

Роберт недовольно посмотрел на нее.

— Я так же громко смеялся? — спросил он.

— И морщинки на лбу такие же, — кивнула она. — Но я не хотела тебя обидеть. Знаю, ты с ним не ладил, хотя мне старикан был симпатичен. Ко всему в жизни он относился с трагической серьезностью. Многие это ценят.

— Может быть, — с досадой сказал Роберт, — но мне не нравится, что я становлюсь похож на него. — Он щелчком отправил на пол фруктовый хвостик.

— Не расстраивайся, ты — это ты, и говорю я о тебе, только о тебе. Наследственные черты вообще-то усиливаются на старости лет, а мы не стареем.

Анна провела ладонью по его лицу.

— Сейчас ты опять выглядишь как раньше, — сказала она и добавила, что ему не стоит так ревниво цепляться за старые детские комплексы, ведь они давно отмщены. Ведь если отца теперь лишат права на пребывание, то не без его, Роберта, участия.

— Скоро он попадет на мельницу, — сказала она.

— На мельницу? — удивленно повторил он.

— Так называют следующую станцию на северо-западе, — сказала она, — куда идут сборные эшелоны.

— Ах вот как, я уже много чего видел, но там пока не бывал.

— Конечно, — сказала она, прищурив глаза, — иначе ты бы вряд ли сидел сейчас здесь, а? Мои родители тоже ожидают высылки. Столько людей уходит, Роб. Наверно, и мы долго не задержимся.

Оба молчали. Роберт взял ее руку, принялся перебирать пальцы. Анна выглядела потрясающе, просто ослепительная красавица. Как по-звериному взблескивали ее волосы, когда он медленно проводил по ним ладонью. Казалось, она давным-давно принадлежит ему, будто они вместе не с этой вот долгожданной минуты, а с давних пор и

меж ними царит естественная доверительность мужа и жены, которые много лет знают друг друга и друг о друге. Он и об этом ей сказал.

— Милый ты мой, — сказала Анна, — что тебя удивляет? Разве не знаешь, что ты со мной в каждом сне и что я с тобой навсегда? Ты так быстро забываешь. Возврата больше нет.

Роберт насторожился. В ее глазах, ощупывая даль, мерцал лунатический огонек. Свечи на столе легонько трепетали.

— По-твоему, — помолчав, сказал он, — мы проживаем реальность в своей фантазии?

— Я уже не чувствую разницы, — нараспев проговорила она. — Сон и явь суть всего лишь разные повороты круга, по которому мы движемся. Ты и сам знаешь. Не стоит воображать, что мы живем, а на самом-то деле…

— И все же, — перебил он, — мы нуждаемся в утешении, в греющем присутствии.

Анна кивнула:

— Да, в любви.

Роберт встал, наклонился к ней:

— Иначе мы задохнемся в себе, в одиночестве, иначе нас поглотит пустыня. Идем.

Она скинула туфли и весело обронила:

— Пусть даже это всего-навсего, так сказать…

фата-моргана.

Она скользнула мимо него и, гонимая беспокойством, принялась босиком сновать по комнате, наводить порядок. Подвинула блюдо с фруктами, подобрала крошки с полу, захлопотала возле мойки. Всё переставляла-перекладывала, возилась с разными предметами.

— В этот час, — сказала она Роберту, который нетерпеливо за ней наблюдал, — необходимо расставить все по местам и держать под рукой. — Она покопалась в сумочке. — Когда стемнеет, когда настанут решающие пятнадцать минут, все должно быть в полном порядке.

Суета, проверка мелочей — бессмыслица, так он думал. Но, полагая, что ее страшит то, что́ эта ночь сулит их общей судьбе, сказал:

— Не тревожься. Все идет назначенным для нас путем.

От нее не укрылась растерянность, сквозившая в его голосе.

— Я с тобой, Роб. — Она ласково взъерошила ему волосы.

Он весь напрягся, как струна.

Анна подошла к окну, широким жестом раздвинула шторы, выглянула наружу. Звездное небо оцепенело раскинулось над темными домами.

Всходила луна.

— Ты все еще живешь над землей, — сказала она, вернувшись в комнату. — Какое преимущество.

Она заметила, что его жилище расположено в Старых Воротах? И потому отшатывалась от него? Нет, она непринужденно подошла ближе.

— Как по-твоему, могут какие-то вещи существовать только в нашем воображении? — спросила она.

— Вряд ли, — сказал он, — ведь существующее в нас должно существовать и вне нас.

— Ты рад, что я здесь? — Она села к нему на колени и настойчиво продолжила: — Мне нужно знать о тебе все, все, что ты сейчас думаешь и чувствуешь, во что веришь.

Она прильнула к нему, но, когда он ее поцеловал, странно оцепенела в его объятиях.

— Идем, — повторил он, уже призывнее.

Ее прохладная рука едва ответила на его пожатие.

— За чем мы, собственно, гонимся, — вдруг сказала она и стала похожа на девочку с картинки, которая тянется рукой к золотому фону.

Когда свечи потухли, сквозь оконную щелку в открытый полуночный час проникла полоска

лунного света.

Роберт испугался, обнаружив меж белых грудей твердый предмет размером с талер, висящий на тонкой цепочке. Ему тотчас вспомнилось, как однажды Катель показывал ему личный жетон. Он чувствовал Аннино замешательство, когда она сказала, что это амулет. Копия древней ассирийской клинописной печати со скачущим единорогом, которую она еще в юности при первой встрече показывала ему.

— Анна! — восторженно вскричал он.

И повязки на левом запястье она уже не стеснялась.

— Я сама это сделала, — спокойно сказала она, когда он увидел глубокий, с рваными краями вертикальный разрез по артерии, — когда сбежала в горы.

Он похолодел.

— Но как же… — пробормотал он, крепче обнимая любимое тело, словно желая удостовериться в его реальности.

Анна с нежностью обняла его, и он забыл про все вопросы.

Казалось, меж ними не было и следа отчуждения.

Выражение ее лица еще и помолодело, как

вдруг в волнах взаимной страсти ему почудилось, что он держит в объятиях статую. Дрожь любовной стихии сменилась ощущением смерти.

Анна с криком вскочила.

— Ты ведь призрак из плоти и крови! — Она смотрела на него недоверчиво, растерянно, ужас сдавил ей горло.

Тут и Роберт ощутил под языком едкий привкус, точно от яда, прожигающий до самого нутра. Постижение пронзило его, жестокое, как постижение Адама, когда тот сорвал с древа плод; даже еще более жестокое. Удар, превосходящий небеса и ад, оглушил его и вырвал из неведения, ослепил и одновременно принес знание.

Это уже не головокружение, не притворство, но полное безумие. Он сжимал в объятиях призрак, любил женщину, которой больше нет. Точно острием ножа в его сознании высеклось, где он пребывает и где пребывал все это свинцово оцепенелое время: в общении с фантомами, с пустыми образами, что лишь прикидывались живыми. Молния сорвала с глаз пелену, ему открылась неприкрытая кошмарность правды: он жил в городе мертвых.

— И, — услышал он голос любимой, по-прежнему полный нечеловеческого ужаса, — ты не один

из нас, Роберт!

Молния пронзила и ее тоже, до мозга костей.

Роберт вскочил. Нет, это не сон. Его отец, Катель, Анна, Леонхард, посетители Архива, дети — все-все они только призраки.

— Анна! — воскликнул он. Но получилось лишь сдавленное рыдание.

Она лежала с закрытыми глазами.

— Теперь ты знаешь все, — сказала она, как бы окоченев. — Теперь мы оба знаем друг про друга. Это конец. Такова была цель?

Затем она погрузилась в апатию, похожую на сон. Левая рука безвольно свесилась к полу.

Он еще раз глянул на смертельную рану, на зияющий голубоватый разрез, потом бережно наложил повязку. Она не почувствовала. Лежала в безвольном обмороке, как на Фонтанной площади, когда их тени слились воедино. Значит, вот почему она все время боязливо одергивала рукав блузки. Вот каков был ее конец, ее добровольный путь за реку, что отделяла царство смерти от царства жизни.

Сторожкое напряжение, овладевшее Робертом, не отпускало его весь остаток ночи. Он настежь распахнул окно, вдохнул прохладный воздух. Сидел не раздеваясь, размышлял. Сознание вновь

заработало.

Он попытался еще раз с самого начала припомнить, что́ происходило с ним в этом промежуточном царстве. Какая жалость, что он ничего не записал, чтобы позднее сравнить детали. Ведь теперь у него в руках был ключ к любой сцене, к любому слову других. Тягостность атмосферы, призрачное и зачастую необъяснимое отступили, однако осталась таинственность, исходившая от Префектуры, городских порядков и закона Архива. Чем дольше он размышлял, порой озабоченно поглядывая на Анну, тем меньше понимал собственное свое место в этом чудовищном преддверии смерти, коль скоро он находится там не среди своих.

Правда, не было недостатка в знаках, которые указывали, что у него иные отношения с регионом мертвого города, нежели у большинства окружающих. Тут и письмо, приведшее его прямиком в Префектуру, и назначение на пост Архивариуса, и странный испуг Кателя, когда Роберт сообщил другу о своей должности, и заметная сдержанность толпы, как перед чужаком, и опасливость, с какой он постоянно сталкивался в своих странствиях по городу, при посещении городских фабрик, на меновом рынке, в гостинице,

и осторожная отстраненность, которую соблюдали в Архиве и которая у Леонхарда чувствовалась не меньше, чем у престарелого Перкинга, и, наконец, ирония, сквозившая в иных фразах отца, в поведении родителей Анны. Хотя, может статься, то были просто детали великой церемонии посвящения, какую здесь в той или иной форме проходили все, чтобы сохранять иллюзию, будто жизнь продолжается еще некоторое время. Ведь с точки зрения разума, пожалуй, допустимо усомниться, что живой человек может попасть в это промежуточное царство, сколь бы прочно ни закрепилось в эмоции и это представление.

Цифры цифрами, но подсчет не сходится. Мысли скреблись в мозгу, метались в безвыходном лабиринте, не позволяя ощутить блаженного забвения, которое, как гласили мифы и саги, присуще миру мертвых, хотя Роберт — задним числом это ему более-менее уяснилось — порой отмечал у того или у иного горожанина пропажу воспоминаний.

Однако ужас Анны, а напоследок ее вскрик, что он не один из них, более чем отчетливо свидетельствовали, что он здесь чужой, гость среди фантомов.

Сейчас он бодрствовал у ее постели, где она

лежала без движения, тихая и апатичная, и даже под утро не внимала ни вопросу, ни оклику. Ладонь его скользнула по чертам поблекшего лица, которое открывалось ему так страстно, так по-человечески.

Он намеревался бодрствовать, но внимание рассеивалось, засыпало. Перед ним воздвигались стены, одна за другой, и он снова и снова гулко бился о них головой.

Когда под утро в дверь постучали, он чуть медленнее обычного вышел на площадку, где ждал Леонхард. Роберт всмотрелся в лицо юноши: стало быть, это Леонхард, он остался семнадцатилетним, его одноклассник, пропавший, утонувший в море почти два десятилетия назад, а Роберт не посмел или не смог его узнать, поскольку уже недостаточно отчетливо представлял себе его живой облик. Он тоже в Архиве, правда на незначительной должности посыльного, что объясняется, пожалуй, его юным возрастом, однако и он явно привилегирован, ведь до сих пор находится здесь, в промежуточном царстве, и приписан к духовной сфере, тогда как большинство, насколько помнилось Архивариусу, отыгрывали свою роль куда скорее. И вообще, ведут ли здешние обитатели, по примеру живых,

счет дням?

Архивариус не хотел выдавать юному фамулусу, что постиг взаимосвязи и наконец-то узнал, кто он такой, но решил хотя бы намекнуть:

— Видишь ли, бессонная ночь все-таки кое на что годится. Кажется, теперь я и вправду пришел к вам. Понимаешь, Леонхард?

Юноша смущенно отвел взгляд и выслушал Робертовы распоряжения: надо, мол, принести завтрак на двоих и поставить на скамеечку перед дверью.

Анна еще пребывала в своей отрешенности, меж тем как Роберт наклонился над умывальником и смыл с лица сон и тени ночи.

Покинув пилонную комнату, он отправился в архивные помещения по другую сторону Ворот. Повидал Перкинга, который разбирал вновь поступившие документы, книги и записки. Старый ассистент с испытующей серьезностью посмотрел Архивариусу в глаза, словно давая понять: ну вот, наконец-то уразумел! — а затем (редкостный случай!) выпростал руку из рукава рясы и протянул для утреннего приветствия.

— Объем поступлений, — сказал Перкинг, — возрастает в таком масштабе, что наше рабочее время, отведенное вдобавок еще и на учет и ана-

лиз вечных фондов, теперь целиком уходит на классификацию ежедневного нового материала. С регулярными отчетами, коих постоянно требует Префектура, мы толком уже не справляемся, а количество единиц, о которых надлежит принять решение, растет как снежный ком, и конца-краю этому не видно. Человечество не иначе как пребывает в беспримерном смятении, и последствия переворота достигают и до нашего уединения. Надо бы, пожалуй, заручиться постановлением Префектуры: она должна либо изменить методы работы Архива, либо выделить нам временных сотрудников. Я докладываю вам об этом, ибо за весь срок моей службы никогда еще не возникало столь безотлагательной необходимости в решительных мерах, а на вас, господин доктор Линдхоф, возложена ответственность за работу Архива.

— В настоящее время, — сказал Роберт с явным намеком, — я действительно несу ответственность за наш Архив. Так что, пожалуй, пора мне перейти от до сих пор скорее любительских занятий к практическому сотрудничеству и, коль скоро у нас нехватка работников, самому включиться в разборку документов.

Старый Перкинг возразил, что подобное ре-

шение не может быть принято по собственной воле, для этого требуется согласие Префектуры, а ему неведомо, каковы ее намерения касательно Архивариуса и Хрониста.

По недолгом размышлении Роберт воспользовался своим правом на телефонную связь с Префектурой. В ответ Верховный Секретариат с изысканной учтивостью сообщил, что встрече с Верховным Комиссаром ничто не мешает, только вот он настолько загружен делами чрезвычайной важности, что в данный момент назначить срок аудиенции невозможно. Кроме того, господину Архивариусу направлено послание и при ожидаемой встрече он вполне может совместить ответ на оное с собственным делом. В остальном же надлежит заблаговременно произвести весьма строгую чистку фондов. Еще до завершения нынешней лунной фазы Секретариат не преминет известить господина Архивариуса, когда Верховный Комиссар сможет его принять. Секретариату, добавил в заключение собеседник, поручено также особо поблагодарить господина Хрониста за службу, каковую он, что в верхах весьма ценят, неустанно исправляет в интересах города. Прежде чем положить трубку, Архивариус легонько поклонился.

В задумчивости возвращаясь по винтовой лестнице и низкому коридору над аркой Ворот к себе в комнату, он все больше уверялся, что эта вторая беседа с Верховным Комиссаром окончательно внесет ясность в его судьбу.

Поднос с завтраком на двоих ждал на скамеечке. Когда он вошел в комнату, шторы были раздвинуты, окно открыто. Анна, склонясь над белым подоконником, глядела в Воротный переулок. Подойдя к ней, он обнял ее за плечи. Она повернула к нему восковое лицо, и он слегка коснулся губами ее лба.

— Доброе утро, Роберт, — сказала она.

— Хорошо отдохнула? Ты так крепко спала, Анна.

— Это был не сон, — ответила она, — это было бесконечное странствие по краю бездны. Я будто шла тропою демонов. Но не будем об этом. Больше я ничего не помню.

Голос ее звучал холодно, как показалось Роберту, нарочито сдержанно. Ела она мало. Порой украдкой поглядывала на него.

Когда Роберт заговорил о должности, которая определяла его пребывание здесь, она сказала:

— Всем известно, что означает, когда кто-нибудь проживает в Старых Воротах. Но кто бы мог

подумать, что нашим Хронистом назначат тебя! Говорят, обычно на этот пост присылают поэта, артиста. Хотя, если вдуматься, все это есть и в тебе, в наблюдательности твоей натуры.

— Странно, — сказал он, — о хронике ты говоришь так же, как мой друг Катель… а ведь я еще не составил для Префектуры ни единого отчета.

Анна в ответ заметила, что Префектура, от которой ничего не скроешь, вероятно, куда меньше нуждается в его отчетах, чем люди, еще не перешедшие мост через реку.

Эту мысль Роберт отмел: мол, здесь в ходу одни только слухи.

— Ты боишься меня, Роберт? — спросила Анна. — Я стала тебе чужой, после того как мы все узнали друг о друге?

— Тот же вопрос, — отвечал он, — я мог бы задать тебе.

— Но я-то в тебя верю.

— Вечный свет, он как болезнь, это неугасимое солнце над головой, день за днем оно высушивает чувства, перенапрягает нервы, чтобы навевать нам всякие галлюцинации здесь, в мире пустоты.

— Фата-моргана… так сказать, — обронила она. Но от веселости, с какой она еще вчера произно-

сила эти слова, не осталось и следа.

Роберт вскочил, устремился к двери, но передумал и вернулся на прежнее место.

— Я сделаю тебя своей ассистенткой в Архиве, — объявил он. — Все равно прежними силами работу уже не одолеть. Подам прошение.

— Роберт, — сказала она ровным, спокойным тоном, — ты опоздал. Пожалуй, у меня еще была бы возможность, крошечная возможность, если бы ты сразу по прибытии поговорил со мной откровенно или если бы еще вчера сказал хоть слово… но теперь я сама вынесла себе приговор.

— Как это понимать? — взволнованно спросил Роберт. — Что же изменилось? Подобно тому, как Леонхард исполняет свою службу здесь, в доме, ты тоже могла бы помогать мне, тем более ты.

В дверь постучали, вошел Леонхард.

— Вы звали меня, господин Архивариус?

Роберт недовольно покачал головой. Неужто посыльный подслушивал? Он приказал убрать со стола. Леонхард неловко поклонился Анне, составил посуду на поднос, собрался вынести ее вон, но ненароком поскользнулся. Часть посуды полетела на пол и вдребезги разбилась. Звон осколков нарушил молчание.

— После подметешь, — сказал Архивариус

Леонхарду, тот смущенно извинился и вышел из комнаты.

— Обычно, — сказал Роберт, — он шустрый, ловкий, но в последние дни почему-то рассеян и пуглив.

Анна молчала. Роберт твердил, что непременно возьмет ее ассистенткой в Архив.

— Когда буду говорить с Верховным Комиссаром, испрошу его согласия.

— Ты будешь говорить с самим Верховным Комиссаром?

— Конечно, — отозвался он, — причем скоро.

— Хорошо, — сказала она, — очень хорошо. И когда же состоится разговор?

— Скоро, Анна.

— Когда, Роберт?

— Точно не знаю.

— Нет, знаешь, Роберт, только не хочешь сказать.

— Я знаю только, что меня вызовут при первой же возможности.

— Сейчас, Роберт?

— Еще в эту лунную фазу.

— Вот как, — устало сказала она, — тогда слишком поздно.

— Что слишком поздно? — нетерпеливо спро-

сил он.

— Ступай к нему сейчас, прямо сейчас, Роберт!

— Не могу, Анна.

— Ты же Архивариус! — порывисто вскричала она. — У тебя есть привилегия. Есть свободная воля. Ты почти божество.

— Что ты такое говоришь, Анна!

— Я буду любить тебя, Роберт, как никогда в жизни не любила. Поверь. Я никогда тебя не покину.

Щеки ее окрасились слабым румянцем.

— Возьми меня с собой, — попросила она.

— В Префектуру?

Анна покачала головой.

— Не туда… Возьми меня с собой, — повторила она.

Он посмотрел ей в глаза. Она тихонько кивала, будто тем самым могла добиться его согласия.

— Когда уйдешь, — умоляюще сказала она, — когда снова уйдешь по мосту через реку! Ладно, Роберт?

— Я приставлен к Архиву, — сказал он, мучаясь ее мукой, — как и все прочие.

— Не как все прочие, я лучше знаю! — воскликнула она, оживленно, с нежностью. — Ты — посланник. Ты возложил на меня руку, и пред

тобою я воскресну и пойду, как дочь Иаира. Тень моя наполнится плотью, и все станет иначе, как раньше, мы будем вместе слушать музыку, только подумай, Роберт, музыка… все, в чем здесь отказано, оживет, все, что казалось минувшим. Как бы вновь родишься на земле, только на сей раз зная тайну, зная о нисхождении к смерти.

— Что за фантазии, Анна, — с неудовольствием сказал он.

— Если ты больше не любишь меня, тогда возвращайся один, предоставь меня моей судьбе.

— Но я люблю тебя, — возразил он.

— Как легко это говорится, как красиво и просто. Но скоро я узна́ю, всерьез ли ты так думаешь.

Роберт встал.

— Хотя как Архивариус и Хронист я здесь на особом положении, которое, по твоим словам, под стать лишь человеку искусства, поэту, то в этом качестве я здесь — частица каждого.

— Я — часть тебя. Возьми меня с собой, — в третий раз попросила она.

На улице загромыхали тележки.

— Я немного провожу тебя, — сказал Роберт. — Только сперва загляну в Архив, нет ли чего срочного.

— Ты так честолюбив.

— Я в этом мире не ради себя, у меня есть миссия.

— Тебя все еще обременяет другая сторона жизни.

— Неужели ты не понимаешь, что, с тех пор как я узнал, что это за город, все для меня обретает иной смысл. Теперь я по-новому смотрю на разрушение, на серое зрелище руин. Эта ночь — начало постижения.

Она подняла на него глаза:

— Значит, я тебя не разочаровала?

— Именно ты, Анна, раскрыла мне глаза.

— Тогда все хорошо, все было правильно.

Он шагнул к ней, будто желая обнять. Но только сказал:

— Нам пора идти.

Анна встала, расправила складки платья и чуть пошатнулась. Он хотел было поддержать ее.

— Спасибо, Роберт, не беспокойся.

— Почему ты теперь все время называешь меня Робертом? — спросил он, когда они шли по коридору к дверям Архива в Старых Воротах.

— Разве я прежде называла тебя по-другому?

— Да, — сказал он, — давним уменьшительным, все время, вплоть до сегодняшнего утра.

Резкие задумчивые морщины прорезали ее лоб

и уже не пропали.

— Странно, а я не помню, как называла тебя когда-то.

Роберт сообразил, что ею мало-помалу завладевает забвение. Слева в груди, над сердцем, он почувствовал тянущую боль. Его любовь стала состраданием.

Он отпер решетку арки и поспешил назад, в Архив.

— Только на минутку, — сказал он.

Некоторое время Анна ждала возле Старых Ворот. Он не возвращался, и она потихоньку пошла прочь. Одна, шаг за шагом. И вдруг обратила внимание, что отмечена и что фигура ее больше не отбрасывает тени.

Добравшись до родительского дома, она обнаружила там чужаков — в доме поселили приезжих. На скамейке у входа лежала шаль, которую до последней минуты вязала мать. Спицы остались воткнуты в работу. В погребе еще стояла полная бочка отцовского вина. Все комнаты были заняты. Ей нашлось место только в каморке. Пожалуй, она бы не заплакала, даже если бы вспомнила, что когда-то были слезы.

XV

Вообще-то Роберта задержал в Архиве посетитель, который уже неоднократно хотел завязать контакт с Архивариусом, хотя до сих пор тщетно. Возможно, судьбе было угодно, чтобы встреча состоялась именно тогда, когда Роберт в точности знал, как обстоит дело с населением города. Посетитель уже заторопился, намереваясь снова уйти несолоно хлебавши, однако на сей раз Перкинг предложил ему остаться и подождать. И Архивариус застал в своем кабинете молодого солдата в кепи, того самого мсье Бертлé, о котором однажды слышал от Анны, когда они гуляли по дорожкам садового поселка, чья аккуратная упорядоченность наводила на мысль о фамильных склепах.

После нескольких общих фраз, в которых солдат выразил глубокое уважение и доверие своих товарищей к Архивариусу, он не без смущения обратился к Роберту с просьбой сопроводить его в храмы-казармы. Это, мол, прямо-таки необходимо в целях личной безопасности, любезно добавил Бертле, поскольку он не может изложить свое дело в обстановке Архива, так близко связан-

ного с Префектурой, а во-вторых, всякая вылазка в город сопряжена для него с риском, ведь, как Архивариусу наверняка известно, солдатам строго запрещено выходить за пределы казарменной территории. Если же его будет сопровождать столь видный чиновник гражданского управления, как постоянный городской Хронист, — так выразился солдат — безопасность в городе ему обеспечена. Роберт сумел скрыть удивление по поводу этого замечания и согласился.

Когда он вместе с Бертле вышел на улицу, то поискал взглядом Анну, однако, не найдя ее, даже не расстроился. Секунду он подумывал, не послать ли ей с Леонхардом цветы, скажем красные розы, как принято в подобных обстоятельствах. Но тотчас засомневался: вдруг она не поймет и сочтет цветы, посланные в знак свадебного привета, прощальным даром — от живого умершему.

Шагая с Архивариусом по мостовой, солдат в кепи невольно шел в размеренном ритме марширующей колонны.

Воздух вызывал сухость во рту, так что поначалу разговора толком не получалось. Временами Бертле ронял то одно, то другое замечание, из которых Архивариус заключил, что солдаты пребывали в мире, отличавшемся в представле-

ниях и языке от мира прочих горожан. Вероятно, объяснялось это обстоятельство не иначе как многовековой изоляцией и ограниченностью казарменной зоны. К примеру, солдат упомянул, что он и почти все его товарищи думали, что попали в плен, скорее всего пожизненно, и держит их в плену не враг, а некая нейтральная держава. Кроме того, Архивариус узнал, что в каждой казарме размещались военные определенного возраста, в одной — восемнадцатилетние, в другой — девятнадцатилетние, в третьей — двадцатилетние и так далее, причем без различия наций или званий. С неразличением по нациям большинство ввиду единства воинской касты примирилось без внутренних сложностей, лишь на учениях, турнирах и смотрах они изображали видимость национальной розни. А вот за ранг и звание всяк держится крепко, хотя прекрасно понимает, что в нынешнем состоянии никакого повышения по службе ожидать не приходится, поскольку им предписан нейтралитет. Конечно, данное условие ведет к некоторым сложностям, потому что дисциплинарная и командная власти фактически не имеют исполнителей и их взаимоотношения зиждутся больше на неписаных законах и традициях. Сам он сержант. Бертле

чуть сдвинул кепи набок, так что стало видно каштановую прядь на виске. Улицы верхнего города были оживленнее обычного. Множество людей с узелками в руках озабоченно шагали куда-то на общий сборный пункт.

Немного погодя Архивариус поинтересовался, какими учениями заняты солдаты. Бертле вежливо сообщил, что поверками и караульной службой они тренируют память. В остальном учения носят скорее теоретический характер, ведь настоящего оружия у них нет, только муляжи. Завершались учения чем-то вроде парадов, которые, кстати сказать, происходили с большими интервалами, так как требовали значительной подготовки. На этих парадах особенно любили представлять живые картины, изображающие драматическую кульминацию исторических сражений либо отдельные яркие эпизоды. Подспудная цель таких театрализованных спектаклей — оживить блеск мундиров разных эпох.

Когда Архивариус мельком полюбопытствовал, как обстоит дело с текущими прибытиями и убытиями, Бертле ушел от прямого ответа. Заговорил о беспокойстве, возникающем всякий раз, когда назначают маневры. По всей видимости, маневры проводятся где-то в глубине страны, но он не

знает никого, кто бы в них участвовал.

Может быть, не отставал Архивариус, так называемые маневры проходят на северо-западе?

Похоже на то, ответил Бертле, нервно накручивая на палец выбившуюся из-под кепи прядь. Воинские контингенты неизменно выступают в этом направлении. Кстати, в последнее время все чаще. Он уже как-то раз намекнул на это госпоже Анне Мертенс, судя по всему их общей знакомой.

Тем временем они дошли до казарменной зоны и успели миновать КПП в ржавом заборе из колючей проволоки, которым был отмечен первый пояс безопасности, тянувшийся средь убогого ельника и карликовых сосен. Двум часовым, что стояли под навесом, со свежелакированными деревянными ружьями, Бертле назвал сегодняшний пароль и теперь вместе с Архивариусом шагал по желтому гравию дорожки к караульному помещению, расположенному в бетонированной крепостной стене прямо у железных ворот. Существовал, конечно, целый ряд потайных лазеек на солдатскую территорию, но сержант предпочел провести Архивариуса официальным путем. Едва Бертле доложил о прибытии городского Архивариуса, как засов отодвинули и под дробь старых ландскнехтских

барабанов тяжелые створки медленно распахнулись. Дежурный офицер КПП, майор, в кирасе семидесятых годов девятнадцатого века и с пышным конским хвостом на драгунской каске, сделал три шага к Архивариусу, чтобы должным образом его приветствовать. В его речи, состоявшей из коротких рубленых фраз, Роберт разобрал только повторы — «покорнейше» и «честь».

Дежурное подразделение выстроилось под колоннадой балкона. На взгляд Роберта, это были люди в возрасте от двадцати до тридцати лет; одетые в разномастные мундиры, они являли собой весьма примечательное зрелище. Помимо брюк защитного цвета, виднелись красные, зеленые и синие всевозможных оттенков от светлого до темного. Роберт не разбирался в форменной одежде, которую знаток армии мигом бы распределил по родам войск, национальностям и эпохам. Но уже одни только головные уборы — кивера, медвежьи шапки, островерхие шишаки и круглые шлемы, кепи, каски, бескозырки, плюмажи — наводили на мысль о маскараде исторического шествия.

Моложавый адъютант с серыми губами — он отрекомендовался, назвав дворянский титул, — предупредил, что согласно уставу гражданским лицам запрещено нахождение в военной зоне.

Роберт предъявил удостоверение Префектуры, каковое бесспорно разрешает ему доступ на территорию храмов-казарм. Адъютант, бегло глянув на документ, любезно сообщил, что прекрасно знает, кто перед ним. Подобные случаи заранее приняты во внимание, с учетом как сугубо военных предписаний, так и потребностей гражданских визитеров.

Пока сержант Бертле разговаривал с одним из товарищей, вызванный ординарец доставил регалии, создававшие видимость символического мундира: поверх пиджака Архивариусу надели через плечо оранжевый шарф, а на грудь прикололи блестящий котильонный орден. Вдобавок ему вручили треуголку, тщательно изготовленную из множества слоев фиолетовой шелковой бумаги. Слегка смущенно Архивариус водрузил на голову сей бумажный убор, держа свою шляпу в руке. Однако никто не счел его наряд смехотворным. По знаку майора, который адъютант повторил младшему лейтенанту, а тот — дежурному фельдфебелю и так далее, штабной трубач протрубил сигнал, похожий на хриплый туш, в восторге от удачного исполнения подбросил взблеснувший на солнце инструмент высоко в воздух и ловко, одной рукой, снова поймал. Стрел-

ковая гильдия тупо пялилась в пустоту, господа офицеры отсалютовали, и Роберт, который так и не решился поднести два пальца к своей бумажной треуголке, шагнул на голую казарменную территорию, по левую руку от него шел сержант Бертле, довольный, что церемония посвящения прошла вполне благополучно.

Мощеная пешеходная дорожка тянулась вдоль шоссе по чуть холмистой местности, тут и там поднимались казарменные постройки с древними храмовыми фасадами. На вопрос Роберта, знает ли он, по какой причине казарменные блоки были встроены в античные храмы, Бертле рассмеялся: он, мол, об этом пока что не думал. Может, ради маскировки, а может, хотели таким манером подчеркнуть, что военная жизнь с незапамятных времен равносильна культу.

Землю вокруг покрывал буроватый слой низкой степной травы, и отдельные пучки дикого фенхеля да кусты узловатого дрока не могли смягчить скудость пейзажа. Небольшие группы солдат шныряли по территории во всех направлениях. Когда одна из таких групп пересекала дорогу поблизости от Архивариуса, он заметил, что солдаты в просторных плащ-накидках шли с закрытыми глазами, точно во сне. Худые, за-

павшие лица были серые, в пятнах, как и плащи. Устыдившись своего карнавального маскарада, Роберт скомкал яркую треуголку, сорвал бумажный орден, и Бертле лишь с трудом уговорил его оставить хотя бы оранжевую ленту.

— Вы можете навлечь на себя неприятности, — сказал сержант, потеребив прядку на виске.

Обращенные на восток фасады казарм были помечены буквами греческого алфавита. Когда они приблизились к строению «сигма», сержант замедлил шаг и сообщил, что пригласил Архивариуса не на обычную экскурсию. Он — связной подпольного движения пленных, которое охватывает несколько казарм, в особенности тех, где обретаются молодые. Верно, большинство тупо и инертно примирилось со здешней службой, но тем не менее растет число товарищей, которые по горло сыты вынужденной мнимой жизнью. Роберт молчал, и Бертле добавил, что не станет сейчас вдаваться в подробности, господин Архивариус сам все увидит и услышит.

По нескольким крутым ступенькам они поднялись к порталу. Прислонясь к мощным каменным колоннам, первоначальная раскраска которых почти совершенно облупилась, спали безоружные парни в поношенной форме. Когда одна из

фигур, скрюченных на полу, в полутени, шевелилась, в воздух взлетала легкая пыль. Иные из детских лиц под касками были расслаблены, другие напряжены в ожидании и удивлении.

— Эти здесь совсем недавно, — сказал Бертле, жестом показывая, что Архивариус может спокойно перешагнуть через лежащих, — не отдохнули еще после карантина.

Один из лежащих приподнялся, неловко протер глаза, встал с удивленным выражением на лице, пока искра счастливого узнавания не пробежала по нежным юношеским чертам. Узкая голова с чистым лбом повернулась на хилых плечах к Роберту.

— Господин доктор Линдхоф! — воскликнул молодой солдат. — Какая огромная радость снова видеть вас!

Он говорил тихим, прямо-таки ломким голосом, отчего в каждом слове сквозил какой-то тайный подтекст. Роберт тоже узнал молодого друга, который недавно, еще по ту сторону реки, принес ему свои первые работы по истории искусства. Продуманная манера изложения, искренний взгляд на чистоту отношений в жизни искусства произвели на Роберта благоприятное впечатление. Поэтому он рекомендовал к печати

легенды и эссе молодого ученого, которые были приняты одним из искусствоведческих журналов, а также не раз весьма плодотворно беседовал со студентом.

— Извините, — обратился Архивариус к мсье Бертле, — я буквально минутку поговорю с господином Лахмаром, которого никак не ожидал здесь повстречать.

Сержант присел на ступеньку храма.

Молодой солдат, тщетно пытавшийся одернуть слишком просторный армейский френч, спросил, как дела у Роберта.

— Вы, стало быть, благополучно уехали? — спросил он.

В ответ Роберт небрежно махнул рукой.

— Скажите мне только одно, господин доктор Линдхоф, — негромко продолжал студент. — Где я? Я не могу объяснить себе, как сюда попал и что здесь делаю. Последнее, что я помню, мне стало плохо, очень плохо, а потом сознание, наверно, угасло… вернее, — поправил он себя, — я потерял сознание, потому что «угасло» звучит двусмысленно. Очнулся я вместе с товарищами из чужих подразделений в унылой карантинной станции. Сперва боялся, что ранен, но, к счастью, вовсе нет.

— Так-так, — обронил Роберт.

— Как хорошо, что я встретил вас, — продолжал молодой солдат, — в парадном мундире, как я погляжу. Скажите, господин доктор Линдхоф, это Энна, мой любимый приморский город, о котором я всегда грезил, когда писал, и который в новой своей Атлантиде сделал местом действия моих фантазий? Но здесь нет моря, во всяком случае я пока не нашел его, здесь только степь над исчезнувшими стенами.

Он нахмурился.

— Дорогой мой господин Лахмар, — сказал Архивариус, — где бы ни находились, вы всегда будете пребывать в своей Энне и манить нас туда, как Мёрике в свой Орплид, что сияет вдали.

— Коли так, дело плохо, — перебил молодой солдат. — Ведь Орплид — царство грезы, а Энна — город моей яви, с самого детства. В Энне все вершится согласно закону, порядку, справедливости. Народ Энны свободен от случая, который есть зло, а императрица, что властвует над ним, не только блюдет неприкосновенность сокровищ искусства в своей стране, она — совесть подданных, ответственная перед Богом. Энна должна стать исконным царством духа, иначе все напрасно построено, напрасно прожито, напрасны были

битвы и оборона.

Молодой Лахмар козырьком приставил ладонь ко лбу, заслоняя глаза от слепящего света, обвел взглядом округу, где высились украшенные колоннами кубики казарм. Улыбка, делавшая его похожим на подростка-эфеба, пропала. Роберт смотрел на боязливый рот, в котором, как никогда прежде, не осталось и следа сдержанности.

— То, что на пользу чистоте духа, — вставил Роберт, — напрасным не бывает. Вы сами знаете, дорогой мой, вы это доказали. Но как вышло, что при вашей слабой конституции вы оказались в военной форме?

— Я едва выдерживаю службу, — сказал Лахмар, — и страдаю от этого. Меня просто забрали под ружье, теперь это в порядке вещей. Но я совершенно не гожусь в солдаты.

— А как же врачи? — спросил Роберт.

— На пушечное мясо, — отозвался двадцатиоднолетний, — сгодится любой.

— Стало быть, — задумчиво обронил Архивариус, — мир снова и снова воюет?

— В безумных масштабах, — сказал Лахмар, в отчаянии озираясь по сторонам.

— В конце концов, — сказал Роберт, — вы должны были уберечь не только свою жизнь, но и

талант, большой талант, стержень вашего будущего развития.

— Я не очень в этом уверен, — обронил юноша.

— Нет-нет, — возразил Роберт, — уверенность была вам необходима. Помните, вы не раз говорили мне, что настоящих достижений ожидаете от себя только к сорока годам.

— Я и сейчас так думаю, господин доктор Линдхоф.

— Но… — начал было Роберт и закончил усталым: — Ну что ж.

— Вы полагаете, я выбрал слишком легкий путь?

— Мой юный друг, — сказал Архивариус, — скорее слишком трудный. Отчего вы покорно надели эту форму, противную вашей натуре? Отчего вовремя ее не сбросили?

— Моя жизнь, — отвечал юный Лахмар, — принадлежит императрице!

Роберт недоуменно посмотрел на него:

— Вот оно что. Энна.

— Поймите, — сказал юноша, — я вправе действовать только так, как подобает гражданину Энны. Именно мне нельзя иначе. Я был бы лжецом, если б сбежал.

Роберт кивнул.

— Понимаю, — с горечью сказал он.

— Но, — упрямо продолжил студент, — здесь не Энна. При всей древности и почтенности она — прибежище молодежи, место бескорыстной радости. Быть может, если мне доведется однажды пройтись с вами по городу, о котором мы знаем по рассказам, ведь вход туда нам заказан, — быть может, тогда я увижу, похож ли он на Энну и ведет ли след дальше.

— Мы, — сказал Роберт, — очутились на другом краю света, но вполне возможно, он все тот же. Я живу в центре города, — уклончиво сказал он, — хозяйничаю в большом Архиве с превосходными рукописями и документами, которые пришлись бы вам по душе. И ваши художественные легенды об Энне, наверно, тоже будут храниться там несколько времени.

— Вы так высоко цените мои писания, господин доктор Линдхоф, — сказал юноша. — Мне-то казалось, последняя моя работа понравилась вам меньше, чем прежние.

Роберт развеял его тревогу, заговорил о том, что можно бы подумать о некоторых изменениях и дополнениях к манускрипту, но сам себя перебил и в заключение только сказал:

— Почему бы свидетельству не быть фрагмен-

том?

— Потому что фрагмент значит слишком мало, — отвечал Лахмар, — потому что ставшее зримым не заменит того, что осталось незримо.

Архивариуса пронзила боль печали о безвременно ушедшем из жизни юноше, который еще не пришел к осознанию собственной смерти и насильственно оборванной жизни. Так короток его след — словно от метеора, что, войдя в земную атмосферу, вспыхивает на мгновение в ночном небе. Вероятно, лишь немногие заметили сверкающий сполох, однако Роберт знал, что перед его глазами он не погаснет еще долго.

Лахмар извинился перед уважаемым ментором — так он назвал доктора Линдхофа, — что чувствует себя слишком слабым и не может сопровождать его.

— Я увижу вас снова? — на прощание спросил он у Роберта.

В глазах юноши читалось сомнение.

— Обязательно, — ответил Роберт, хотя чувствовал, что новой встречи не будет. — Мы останемся на связи… через Энну.

В чертах юноши еще сохранялся покой, когда он опять лег на каменную плиту и, скрестив руки под головой, доверчиво устремил взгляд на ухо-

дящую вверх колонну.

Когда Архивариус вернулся к сержанту Бертле, тот не мог скрыть нервозного нетерпения. Причиной тому была не только задержка из-за разговора Роберта с молодым солдатом. Сержант обратил внимание Роберта на серо-желтое облачное образование — с виду не больше детского змея, оно висело далеко на западном краю неба. Наконец-то нарушение однообразной синевы, подумал Роберт. Но Бертле усматривал в этом недобрый знак. Здесь ведь ничего не происходит без смысла и без намерения.

Роберт хмыкнул.

Они вошли в казарму «сигма». Сложенный из желтого кирпича высокий длинный прямоугольник казарменной постройки располагался на месте храмовой целлы. Продольный коридор, который с обоих, изрядно удаленных друг от друга концов упирался в каменную лестницу, разделял здание пополам. Этажи были настолько низкими, что, до половины приподняв руку, ты уже упирался в потолок. Отдельные помещения, куда сквозь узкие незастекленные проемы заглядывал тусклый свет, были одинаковы по размеру и меблировке. Внутри виднелись ярусные койки с соломенными тюфяками, сбоку — лавки, стол,

стеллажи без ящиков и задней стенки, маленький умывальник, несколько крючков, рейки, аспидная доска возле открытой двери, стойка для деревянных ружей и сабель, одна-две скамеечки, фонарь. Все трезво и безлико, на виду, без тайны. Свободные поверхности беленых стен испещрены процарапанными надписями на всех языках и непристойными рисунками. Одни каменные каморки были переполнены, другие как будто бы пустовали. В оконные щели и бездверные входы постоянно тянуло сквозняком. Тем не менее каждого, кто, подобно Архивариусу, попал в казарму впервые, здешние запахи донимали не меньше, чем несмолкаемый шум, шаркающий, скрипучий, перхающий, — он шел отовсюду, и лишь изредка его прерывали усилившийся гул голосов, брань и иные первозданные звуки.

Когда из какой-то каморки донеслась возбужденная перепалка, Роберт остановился посреди коридора. В дверной проем он увидел, причем в суматохе его самого поначалу не заметили, мрачное помещение, где в кругу множества товарищей громко спорили двое молодых солдат.

— Вечно один и тот же спор, — пояснил Архивариусу Бертле, — каждый твердит, что войну выиграла его страна, ведь до своей кончины ни

один не пережил завершения военных действий и каждый видит мировую историю в том состоянии, в каком она пребывала, когда сознание оставило его и он очутился здесь.

— Вот что я тебе скажу, Карл, — объявил грубый бас, — мы тогда просто никак не могли проиграть войну. Полстраны уже завоевали. Смотри, — мелом он провел на аспидной доске жирные линии, — здесь мы стояли двенадцатого, а семнадцатого прорвали фронт, и капитан, помню, сказал мне: «Ну вот, Людвиг, ты свое дело сделал, теперь шабаш». Карл, старина, ну подумай, что́ значит, когда сам капитан говорит «дело сделал» и «шабаш». Он же имел в виду войну, а?

— Что ты городишь, Людвиг! — вскричал более звонкий голос. — И ты, и капитан твой, ни хрена вы тогда не знали. Семнадцатого, ну допустим. Но двадцать третьего, когда тебя уже там не было, твоя часть стояла вовсе не здесь, а далеко отступила и через два месяца отошла еще дальше. Смотри… — Парень изобразил на доске меловые стрелы в противоположном направлении, стрелы становились все длиннее, а он одновременно стирал позиции, прежде изображенные Людвигом.

— Не стирай! — прогремел бас. — Это мое

последнее воспоминание. А ты тут попросту перевираешь историю.

— Да оба вы ни черта не смыслите! — перебил третий. — Я был при штабе и куда лучше вашего знаю, как все было. Война вообще-то еще два года продолжалась.

— Неправда, неправда!! — наперебой закричали Карл и Людвиг. — Несешь всякую чепуху, а еще лейтенант! Война кончилась к Рождеству, как всегда и говорили. И мы на Рождество были уже здесь, в этом окаянном плену, или как этот цирк называется. А стало быть, знаем, кончилась она или нет.

Окружающие, которые и раньше громко подначивали обоих, теперь встревали настойчивее. Чертили и стирали новые схемы, наперебой сыпали датами, путали фронты. Один вдруг завел речь о Кёниггреце, где при нем пруссакам дали пинка под зад.

— Да нет же! — обрушились на австрийца остальные. — Старая ты перечница, хоть тебе всего-то двадцать один, при Кёниггреце победили пруссаки, любой школьник знает.

— Идите вы со своей школьной историей! — возмутился парень из Линца. — Вот уж чепуховина, совсем заврались! — Он же был там, жизнью

жертвовал, ему ли не знать, каково было положение в два часа пополудни. Австрийца подняли на смех, громкий хохот заглушил его слова.

Всяк был уверен, что карта мира осталась такой, какой он видел ее напоследок. Парни стали в круг, подхватили друг друга под руки и принялись ритмично раскачиваться. Слышались возгласы: «de la patrie», «будь спокоен», «ура», «evviva».

— Будет новая война! — крикнул кто-то у дальней стены.

Разгоряченная суматоха мгновенно замерла. Все недоверчиво переглядывались. Сплоченность круга распалась. Можно бы ожидать, что этот крик зажжет молодых солдат огнем воодушевления, но глаза разгорелись лишь у немногих. Роберт без труда догадался, что для этих немногих солдатское ремесло было профессией. Большинство же словно оцепенело. Вероятно, в нормальной жизни они избрали гражданскую стезю и форму надели только под давлением обстоятельств. Теперь они сбились в смущенную кучку, хмурились и переступали с ноги на ногу, будто не в силах сдвинуться с места. То один, то другой с надеждой поглядывал на дверь. Может, безмолвно обращался к Архивариусу, который

выпрямившись стоял в дверях, а может, просто инстинктивно искал выход, понять невозможно. В коридоре толпилось все больше любопытных, они тоже шушукались о войне.

Бертле уже несколько раз теребил Архивариуса за рукав, пытаясь увести прочь, но Роберт качал головой. Он заметил, что активные элементы воспользовались растерянностью и замешательством. Заставили всех построиться по ранжиру, покрикивали на них, срывающимся голосом отдавали приказы. И остальные повиновались с каким-то зловещим автоматизмом.

В коридоре за спиной Архивариуса происходило нечто сходное. Звучали короткие призывы, в которых повторялись одни и те же слова: «Час испытания», «Народ с оружием», «Все как один», «За мир грядущего!», «Победа или смерть», «Гордая вера в Бога». Походный шаг. Казарма загрохотала. Из всех каморок выбегали взводы в стародавней форме, строились в колонны, через дальний выход выплескивались на улицу.

Архивариус, вокруг которого сохранялось пустое пространство, тоже вместе с Бертле очутился на песчаном поле, простиравшемся за казармой «сигма». Они молча шагали по озаренной тусклым светом рыхлой земле. Зыбкая грязно-желтая

пелена расползалась меж землей и солнцем, не то пыль, поднятая марширующими солдатами, не то сернистое облако, совсем недавно напоминавшее детский змей. В этой пелене проступали полосы, медленно, ощупью двигавшиеся вперед, будто длинные паучьи ноги.

— Происходящее весьма необычно, — в конце концов сказал сержант, причем осталось непонятно, имеет ли он в виду знаки на небе или выход многих тысяч из казармы.

— Я медлил слишком долго, — добавил он, — боюсь, теперь вы можете истолковать наш план превратно.

— Какой план? — спросил Архивариус. Спросил скорее по привычке, чем из особого интереса. Он все еще размышлял о беспомощных препирательствах в казарме и о нелепом, на его взгляд, выступлении, последовавшем за воинственным призывом.

— Довольно многим моим товарищам, — осторожно начал сержант, — уже невмоготу оставаться здесь. Они хотят бежать из плена.

— Бежать? — повторил Архивариус.

— Совершенно верно, — сказал Бертле, — назад, через реку. Где-нибудь в неохраняемом месте, под покровом ночи. В конце концов у нас есть опре-

деленный опыт, не зря же мы ходили в дозор.

— Через реку? — переспросил Роберт.

Сержант подтвердил. Заверил, что в нескольких местах береговую кручу можно одолеть, если помогать друг другу. Наверняка стоит попробовать.

— А за рекой, — сказал Архивариус, — опять пойдете на войну!

Бертле вздрогнул.

— Нет, нет и еще раз нет, — сказал он и объяснил, что они хотят только вырваться из здешней летаргии. Но теперь можно подумать, будто они хотят выбраться отсюда потому, что в мире опять идет война. Нет, он намерен всерьез продолжить курс в университете, да и остальные тоже хотят в конце концов выучиться какой-нибудь настоящей профессии. К тому же они уже почти забыли, как выглядит женщина. Разве это жизнь?

— Тут вы правы, — сказал Архивариус.

— А теперь, — сказал Бертле, — окаянная война, о которой опять толкуют, того и гляди, все нам испортит.

Он недовольно покрутил прядку на виске.

Архивариус, тоже не скрывая недовольства, спросил, какое отношение ко всему этому имеет он. В ответ Бертле сказал, что им хочется услы-

шать его мнение о запланированном побеге. Ведь для них на карту поставлено все. Может быть, он окажет им поддержку.

Солдаты между тем выстроились большим каре. Зной вокруг, точно под стеклянным колпаком, удушливый воздух пахнет чем-то сладковатым. Солдаты стояли неподвижно, как мишени в тире. Ничего не происходило. Архивариус и Бертле остановились на некотором расстоянии от строя.

— Вам не приходило в голову, — спросил Архивариус, — в сколь неловкое положение вы ставите меня своим признанием… ведь иначе я никак не могу истолковать ваши слова, господин Бертле. Вы делаете меня соучастником вашего секретного плана, побега, который идет вразрез со всеми законами Префектуры. Я же по должности подчиняюсь Префектуре.

— Мы, конечно, принимали это в расчет, — спокойно сказал Бертле, — хотя способны оценить данные обстоятельства лишь в собственном любительском масштабе. Но в итоге мы пришли к выводу, что ввиду вашего положения Архивариуса и Хрониста вы не являетесь непосредственно составной частью здешнего общества и его администрации, вы — аутсайдер. Коль скоро наш вывод правилен, то вы заключили с Префектурой

договор, пакт, который, вынуждая вас находиться на этой территории, тем не менее оставляет за вами право на человеческую свободу — свободу мысли, волеизъявления и действия. Вы, понятно, в плену властвующего здесь духа, но лишь в той мере, в какой он необходим вам, чтобы набрать воздуху для собственной жизни. А стало быть, если мне позволительно обрисовать вашу ситуацию, вы противостоите как переменному населению, так и постоянному чиновничеству, начиная от городского охранника и кончая Верховным Комиссаром Префектуры. Вы участвуете в пленении, но сами не в плену.

После первых же его слов Роберт хотел возразить, однако очень скоро ход мысли сержанта увлек его, ведь под военной формой вдруг обнаружился молодой философ. До сих пор Роберт ни разу не дал себе рационального отчета в своем положении, подлинный смысл которого открылся ему лишь минувшей ночью, причем опять-таки постепенно и благодаря Анне. Сказанное Бертле о его позиции многое прояснило. Он понял суть слова «хронист», которое поначалу, когда Катель впервые им воспользовался, вызвало у него только досаду и недоумение. Вспомнился ему и сегодняшний утренний разговор с Анной.

Выходит, важно не столько писать отчеты для Префектуры, сколько свидетельствовать о пережитом, передавать послание, осуществлять обмен между Здесь и Там. По всей видимости, в этом и заключается смысл его существования.

— Тем не менее я никак не могу действовать вопреки закону, — сказал Архивариус, возвращаясь к началу разговора.

— Вопреки закону, — сказал Бертле, — не может произойти ничего. Даже помысел вопреки ему невозможен. Мы свободны только в рамках закона. Даже полагая, что преступаем его, мы остаемся в его пределах. А вот дискуссия о нем, конечно же, проступок и входит в компетенцию Префектуры. Тогда как намеренный побег нескольких товарищей, о котором я говорил, не может быть нарушением закона, ибо это естественный помысел пленного. Впрочем, я уже говорил, что большинство из нас слишком изнурены, слишком апатичны, чтобы представить себе возобновление нормальной жизни, а тем более желать его. Безусловно, вам виднее, как обстоит с этим у гражданского населения, от которого солдаты изолированы. Возможно, мы исходим из разных предпосылок. Я, например, не знаю, как обстоит дело с госпожой Анной, с

которой несколько раз здесь разговаривал. Она всегда робела жизни. Но я более не в силах размышлять о судьбах других. И даже не спрашиваю, почему меня поселили в этих казармах вместе с солдатней, хотя вообще-то я студент, изучаю философию и форму надел лишь случайно. Вы и не догадываетесь, господин Архивариус, чего мне стоит продолжать в этой обстановке умственную работу, сколько нужно энергии, чтобы в этой странной пустопорожности уловить некую мысль и мало-мальски понятно ее сформулировать. Все, что я только что изложил в ожидании ваших возможных возражений, подготовлено давным-давно, заучено и затвержено, чтобы в решающую минуту я не впал в усталое безразличие, которое здесь с легкостью завладевает всеми и каждым. Пожалуй, это объяснит вам и почему я до сих пор был довольно немногословен и торопил вас при задержках. Просто хотел поскорее свести вас с нашей группой, которая ждала за казармой. А теперь вся шарашка вывалилась наружу, все переполошилось, близится что-то роковое, губительное. Мне и самому надо бы стать в строй с остальными, но тогда бы я полностью потерял вас из виду. Очень надеюсь, господин Архивариус, что не напрасно попросил

вас прийти сюда. Помогите нам!

Роберт видел на лице сержанта Бертле крупные капли пота, сержант полностью обессилел. Долгая речь всколыхнула в Архивариусе множество образов. Имя Анны, несколько раз упомянутое в связи с замыслом побега, вновь оживило в памяти ее мольбу, ведь она трижды заклинала его: «Возьми меня с собой».

Издали донесся резкий бой барабанов, приближавшийся точно глухой перестук. Солдаты бесчувственно замерли в пестром каре. На песчаное поле проворно вышла штабная группа, и вот уж перед строем явился генерал. Поднес ко рту большой рупор.

— Солдаты! — выкрикнул он громким голосом, делая после каждого слова короткую передышку. — Солдаты! Вы — счастливая страна… Ваше счастье — долг!

Засим он со свитой проследовал дальше и скоро исчез в туче пыли. Солдаты не шевелились.

Как получилось, что Роберт вдруг очутился посреди солдат, сам он толком объяснить не мог. С той минуты, когда он, сидя подле Анны, с пугающей отчетливостью понял, где находится, его восприятие окружающего мира все больше менялось. Быть может, толчком послужил разговор

с Бертле или вызывающее обращение генерала к войскам — так или иначе, Архивариус шагнул в разомкнутое каре, образованное солдатами, двадцатиоднолетними из казармы «сигма». Широким жестом он взмахнул шляпой и сказал:

— Вас больше нет. Вы думаете, что находитесь в плену, в общем так оно и есть, но только в плену вы у навязчивой идеи.

Не особенно громко произнесенные слова прорезали душный воздух, словно алмаз стекло. Со скрипом вонзились в уши молодых солдат, и, не меняя построения, они со всех сторон, точно накатывающая кулиса, разом придвинулись ближе к оратору.

— Вы потеряли жизнь, — продолжил Архивариус, — она кончилась.

Тысячи пар глаз смотрели на того, кто не только отнял у них иллюзию жизни, за которую они до сих пор более-менее крепко цеплялись, но еще и втолковывал им, что цель их земных деяний была самообманом. Ведь Архивариус в кратких словах разъяснял, что все жертвоприношения человеческой крови лишь делали землю злосчастнее, а человечество — беднее, что с точки зрения истории в целом любая жажда завоеваний всегда таит в себе смертельный зачаток

собственной гибели и что все агрессивные войны в конечном итоге велись без нужды и все тысячи и тысячи погибали напрасно.

Кое-кто из вояк, понятно, норовил взбунтоваться против этого знания, поскольку оно уничтожало все, что он с младых ногтей считал квинтэссенцией жизни, — сражения и храбрость, мужество и презрение к смерти, и иные горячие головы негодовали: неужто, мол, любовь к отечеству сделалась бранным словом, а все их деяния — варварским наваждением?

Архивариус не дал смутить себя этими возгласами, в угрожающем и оскорбительном тоне которых он отчетливо слышал отчаяние, оттого что под сомнением оказалась сама основа их воззрений. Мнимым добродетелям военной касты он противопоставил всевозможные воздействия силы оружия — попрание человеческого достоинства, грубость и жестокость пробужденных инстинктов, убийство по приказу и в дурмане ненависти, опустошение и истребление ради себя самого, ужас и боль всего живого. В свидетели своих слов он призвал нищету и горе, безмерное страдание невинных, всю невыразимую муку истерзанной земли.

— В конце всех великих сражений, — сказал

архивариус, — никогда не наступает мир. Конец и наследие войн, оставленное уцелевшим, всегда одно — искалеченный кусок земли, искалеченный кусок человечества. Нет никакой разумной причины оправдывать вечные раны, какие наносит себе человеческий дух. Наносит снова и снова, покуда идет на поводу у грубой силы. Кто не чувствует безумия, бессмыслицы этой противоестественной игры, должен по меньшей мере признать увечность человеческого рода, его безудержное самоистребление. Ведь природу не обманешь. Тот, кто делает себя орудием бессмысленного уничтожения — подумайте о себе, — сам будет бессмысленно уничтожен.

Большинство, похоже, уяснило свою участь. Многие мало-помалу начали понимать, что их оружие и военная форма суть искусственная реальность, пустое внушение. Что «чести», во имя которой они сражались, не существует, есть лишь убийство. Что они позволили использовать себя во зло и стали могильщиками Европы. Поэтому им уже вряд ли требовались слова, какими Архивариус «в силу своей должности Хрониста мертвого города», как он выразился, разъяснял, что во вновь развязанной войне за мировое господство их сыновья и внуки погибнут напрасно,

точно так же, как некогда напрасно погиб каждый из них, не ради сущего, ни за что.

Кто первым начал ломать свою деревянную винтовку, сказать невозможно, но этого оказалось достаточно, чтобы солдаты один за другим последовали его примеру. Они вдребезги разбивали оружие, которым когда-то дорожили, — сабли и копья, ружья и автоматы, бросали игрушки зла в кучу, сооружая из них костер. Никто уже не противился трезвой правде, признанию собственной вины. Потом все они сидели на земле, скитальцы, обессилевшие от долгих блужданий. Отдыхали, избавленные от тяготящего совесть гнета, который осознали так нерешительно и запоздало.

Меж тем как Архивариус бродил среди потихоньку стихающей суматохи, разговаривал то с одной, то с другой отдыхающей группой, отвечал на вопросы, а заодно высматривал Бертле, которого потерял из виду, его внимание привлекла походная колонна: она вышла как будто бы из другой казармы и, необозримая, ползла наискось через песчаное поле. Голова колонны была уже довольно близко, чтобы различить отдельные фигуры, одетые в старинную историческую форму. Извиваясь бесконечной пестрой лентой, колонна выдвигалась из дальней дали. Ни один из фан-

тастических костюмов не повторялся. Казалось, здесь представлены все армии давно минувших времен, когда-либо шагавшие по полям земных сражений. Они шли тяжелой поступью, опустив глаза, будто стыдились своей роли, будто в своей завороженной потерянности чуяли, что среди теперешних собратьев выглядят этакой ходячей кунсткамерой. Порой слышался лязг старых доспехов. Каждый в строю был погружен в себя.

Отдыхающие солдаты смотрели на чужаков, украдкой перекидывались замечаниями о своих предшественниках. Может, допотопная военная экипировка, подобно трофейным музейным экспонатам, веками передавалась из рук в руки, все новым и новым носителям, — по крайней мере, к такому выводу пришел Архивариус. Или, может, этот мумифицированный арсенал воинских фигур тоже своего рода архив, его просто сберегли и сохранили? По репликам Хронист понял, что в колонне, направлявшейся сейчас через бивак к костру, собрано военное сословие от незапамятного прошлого и далеко за пределы Средневековья.

Там были спартанцы и афиняне, персы, македонцы, этруски, пунийцы, сикулы, норманны и викинги, греческие гоплиты, римские всадники,

германцы, кельты, маккавеи, скифы, парфяне и селевкиды, галлы, гельветы, кимвры и тевтоны, свевы, херуски, гермундуры, маркоманы, англосаксы, вандалы, вест- и остготы, мадьяры, хунну, монголы, китайцы трех царств, индийцы, легионеры, рабы, наемники и илоты, англичане, французы, бургундцы, гунны, рыцари Алой и Белой розы, крестоносцы, мавры, гвельфы и гибеллины, паписты и имперские, гуситы, славяне, лифляндцы, курляндцы, словены, хорваты, словаки, шведы, финны, ландскнехты и рыцари эпохи Возрождения, португальцы, испанцы, датчане, турки, фламандцы и валлоны, шотландцы, пруссаки, немцы всех племен — несть числа городам-государствам, многоязыким империям и нациям в зловещем походном строю бесконечной колонны.

Однако шествие отнюдь не было демонстрацией грандиозных побед и поражений. Казалось, здесь перелистывается великая книга мертвых мировой истории, страница за страницей багровéют кровью сражений и войн. Ведь у каждого из проходящих мимо висела на шее восковая табличка, где было написано, что он представляет огромное число погибших, десять тысяч жертв, двадцать тысяч, пятьдесят тысяч, сто тысяч и

более. Не всяк был рожден рубакой, не всяк заслужил безвременную смерть, какой обрек его сюзерен. Многих оторвали от ремесла, от полей и лугов, от хозяйства, хижины, города, от родного края. Какое расточительство здесь открывалось, сколько надежд, обманутых во имя иллюзии, сколько накопившихся проклятий кричали из безмолвных призрачных ратей миллионов и миллионов, которые давно покинули казарменную зону мертвого города, ушли на северо-запад, давно канули в неведомое, забытое, безучастное.

Казалось, будто, созерцая эти образы, все, кто видел, как тянется мимо сей погребальный кортеж истории, пришли к такому же выводу. Будто разорвалась завеса и в прореху они увидели себя в зеркале более позднего времени. Разве не впадали они в ту же инертность духа, когда восхищались спектаклем, который в своем повторении от войны к войне, в своей стереотипности означал все то же тупоголовое преступление против естественного хода жизни! Как наивно говорить о прогрессе человеческого рода, покуда каждое поколение топчется на месте в давнем военном безумии. По лицам мертвых солдат пробежала усмешка. Они беспрестанно кивали головой, точно китайские болванчики.

Колонна дошла до свалки разбитого деревянного оружия. Один за другим они избавлялись от наручей и поножей, щитов и кирас, значков и обрывков знамен, один за другим бросали свое снаряжение в огромную мусорную кучу. Архивариуса не удивило бы, прозвучи сейчас голос, который он так часто слышал в сходных ситуациях: «Урок окончен».

Серо-желтый пласт неба лежал совсем низко над землей, окутывал задний фасад казармы тонкой пеленой пыли. Роберт вновь огляделся в поисках своего спутника. Раскрасневшийся Бертле стоял рядом. Кепи он выбросил, глаза смотрели меланхолично.

— Вы снова здесь, — сказал Архивариус.

— И да и нет, — отозвался Бертле, пытаясь смочить пересохшие губы. — Стало быть, все-таки мертвые, — помолчав, продолжил он. — Кто бы мог подумать. Впрочем, мне это многое объясняет. Да-да. В таком случае о побеге больше говорить незачем. Напрасно я вас утруждал.

Архивариус раз-другой потер ладонью лоб, будто старался вспомнить заботы молодого студента-философа. Его самого покуда занимало происходящее на песчаном поле, и он предпочел бы обсудить, существует ли взаимосвязь меж его

речью и сооружением костра, а может статься, и с маршем воинов из мира истории.

— Утруждали вы меня не напрасно, господин Бертле, — сказал Архивариус, — много ли мы знаем о своих тайных миссиях!

Он посмотрел на кучу обломков, к которой беспрерывной вереницей шли давние воины. Бертле потянул Архивариуса за рукав, отвел на несколько шагов в сторону.

— Объясните мне, по какой причине и я, и большинство других так долго верили, что еще живы.

— Возможно, дело в том, — отвечал Архивариус, — что многих из вас обманом лишили переживания смерти.

— Переживания смерти? — вопросительно повторил Бертле.

— Насильственная смерть настигла вас слишком быстро. Не было подготовки, связующих обстоятельств, перехода из одного состояния в другое. Тело отключилось прежде, чем душа это осознала.

— Если дело обстоит так… — устало обронил Бертле, не в силах закончить фразу.

— По моим наблюдениям, разумеется пока что неполным, — сказал Архивариус, — дело обстоит

именно так. Наверно, оттого вас и изолировали в этом промежуточном царстве от нормальных обитателей и проезжих. Процессу умирания, происходящему еще на том берегу реки, соответствует, если я не ошибаюсь, состояние, в каком покуда находимся здесь мы все. Это как бы другой берег, продолжение нашей метаморфозы. В акте умирания душа, или наше человеческое подсознание, как бы предугадывает ощущение смерти, и на первом этапе смерти еще эхом присутствует ощущение жизни. Это не воскресение, как поначалу думают иные, но промежуточная станция, где жизнь как бы уходит сквозь фильтр и в конце концов лишь копируется ее пустая форма. Так или иначе, лично мне ясно, что это переход… достаточно вспомнить постоянные высылки, у вас — выходы якобы на маневры, откуда никто не возвращается, у нас, в городе, — сборы в ночные эшелоны по зову рожка, которых каждый ждет с таким же страхом, как большинство за рекой конца своего жизненного срока. Кое-кто ощущает пребывание здесь как пустопорожний плен, но большинство, насколько я понимаю, стремится по возможности затянуть свое пребывание здесь, на промежуточной станции. Каждому отмерен разный срок, в целом, однако, к моменту прибы-

тия в город длительность или краткость срока для каждого как будто бы уже установлена. Без сомнения, она подчинена определенной системе, каковая выражается в директивах Префектуры. Характер закономерности для меня покуда неясен, но я его угадываю; и даже будь он мне очевиден, говорить об этом нельзя. Кстати, как я полагаю, одиночка не ведает, как долго продолжается его мертвая юность, ведь прежние представления о времени уже не действуют. Его ощущения и помыслы знают только сегодняшний день. Прошлое и будущее образуют в сегодняшнем его дне лишь размытое воспоминание и надежду. Я говорю вам все это, дорогой господин Бертле, потому что оно открывается мне теперь в различных эпизодах, какие происходили со мной в этом городе и поначалу казались странными и противоречивыми. Но еще и потому, что для вас, студента-философа, это в данный момент означает также разъяснение вопросов, которые иначе занимали бы вас всю жизнь.

Чем дольше Архивариус рассуждал, тем больше раскрывались перед ним характер и церемониал происходящего в мертвом городе. То был монолог, лишь под конец Роберт снова обратился к собеседнику. И, взглянув на Бертле, увидел, что

голова его свесилась на плечо, а фигура покачивалась туда-сюда в глубоком сне. Усталость одолела сержанта прямо в стоячем положении. Архивариус подхватил его под мышки и осторожно опустил наземь.

— Простите, — от прикосновения студент вновь воспрянул, — простите великодушно. Но я, пожалуй, все понял.

Архивариус обратил внимание, что последние в исторической колонне сложили свое снаряжение в будущий костер и последовали за остальными, далеко рассыпавшимися по всей равнине. В воздухе потянуло довольно сильным ветром.

— Земля, — медленно произнес Бертле, — не осталась круглой, для нас она сделалась наклонной плоскостью.

— И тем не менее, — сказал Архивариус, который один стоял во весь рост среди отдыхающих солдатских групп, — тем не менее у всех у вас еще есть задача. И стоит она не только перед павшими солдатами, но перед всеми умершими, пока они пребывают в этом краю. Но в первую очередь перед вами!

Роберт видел обращенные к нему лица, теперь похожие одно на другое, и лицо Бертле не составляло исключения. Глаза тонули в глубоких

тенях глазниц, кожа словно глинистый слой на выступающих костях, хрящи носа и ушей пропали, черепа блестящие, крепкие. Но все, покуда задавали вопрос, трепетали, словно огарки свечей, покуда стремились на землю, хватали воздух алчущими руками.

— Что мы можем сделать? — вопрошали жесты мертвых.

— Вернитесь за реку! — сказал Архивариус, глядя на череп Бертле, который повернулся к нему. — Вернитесь не ради себя, как некогда хотели, но ради живых. Ду́хами являйтесь им в сновидениях, завладейте их сном, состоянием, столь похожим на ваше! Являйтесь им как голоса, остерегающие, предупреждающие и взыскательные, а то и мучительные. В ваших руках ключ суда. Присутствие вашей смерти могло бы спасти будущее жизни. Заставьте смертных силой! Заявите о себе!

Архивариус говорил с мертвыми солдатами как с детьми. Едва он закончил, мощные аркады казарменных колонн зашатались, точно от землетрясения. Но песчаная равнина оставалась недвижна. Каменные колонны надломились, древние барабаны колонных стержней упали, следом рухнул и архитрав. Внутренние стены

казарменных помещений пошли трещинами, стены обваливались, здание медленно распадалось, балка за балкой, этаж за этажом, пока в конце концов не сровнялось с землей.

Черепа солдат в оцепенении следили за происходящим. Многие тысячи вскочили, возбужденно показывая костлявыми пальцами на разрушение. Оно происходило почти беззвучно, грохот доносился как бы сквозь вату, в уши проникало только свистящее шипение, шорох, как от падения карточного домика. Над дымящимся полем развалин поднимались высоченные вихри цементной пыли, растертой глины и известки, лениво опадая наземь мелким песком. Языки пламени пронизывали вязкий дым, вокруг уже летели несчетные искры.

Вскоре занялся и громадный костер. Словно трут, вспыхивали прогнившие мундиры, пылала жухлая древесина винтовок. Гора брошенного оружия полыхала вовсю. Когда волна жара достигла до того места, где стоял Архивариус, он медленно отпрянул, не сводя глаз с огненной пирамиды.

По широкой дуге он обошел развалины храмов-казарм. Желтая пелена мало-помалу развеялась, и лучи закатного солнца потихоньку пробура-

вили холодную синеву неба. Когда Архивариус опять подошел к костру, где сгорало людское оружие за две с лишним тысячи лет, тот еще не угас, трепеща языками очистительного пламени. Мертвые солдаты разбрелись по полю. Оцепенение отпустило. Их фигуры, все больше и больше возвращавшие себе видимость реальности, широким хороводом кружили возле костра, где ложная честь и ложная слава их жизни медленно оборачивались пеплом. Они получили избавление. Морок исчез.

Они видели человека, который своим словом вызвал метаморфозу, расшатал камни и запалил костер, — он стоял, точно призрак. А они знать не знали, что это Хронист их города, вестник жизни на службе Префектуры. Небо сулило новую утреннюю зарю, и в ее лучах они станут безоружными духами, как он и сказал.

Сам же он размышлял, что бы сказали в Энне по поводу обрушения казармы «сигма» и, как он прозорливо чуял, всех остальных храмов-казарм, обрушения, случившегося без причинных связей, благодаря силам магии.

Заметив, что на нем по-прежнему оранжевая лента, которой его снабдили на входе в солдатскую зону, он снял ее и швырнул в костер, где от

нее вмиг не осталось и следа.

Затем он отправился к себе, в город. Ему чудилось, что солдаты поют. Но пело его сердце, печально и доверчиво. Он стиснул кулаки и побежал. Немногие часовые на пути не обратили на него внимания.

Некоторое время в небе еще стояло серное облако, оно переместилось на противоположную сторону, с виду опять не больше детского змея. Когда Архивариус покинул казарменную территорию, которая вечером выглядела иначе, нежели утром, когда он сюда пришел, облако тоже исчезло. Никто из горожан его вообще не заметил.

XVI

Пока что всеобщая тревога, постепенно охватившая весь город, и обозначившиеся перемены почти не затронули уединение Старых Ворот. По крайней мере, у Роберта, когда он донельзя усталый вернулся с солдатской территории, было ощущение, что он находится на защищенном укромном островке, куда не достигают бурные события реальности. Он окунулся в прохладную тишину помещений, закрыл глаза, не желая больше ничего видеть и знать. Но то была иллюзия, длившаяся недолго.

Атмосфера в Архиве тоже вибрировала от возбужденного напряжения, от которого нервы уберечь невозможно. С виду все словно бы шло как обычно: мудрый Перкинг сидел над грудами бумаг и давал указания остальным ассистентам, составлявшим все новые списки. Почти все только и занимались списками, лишь в перерывах кое-кто был в состоянии, как обычно, обратиться к изучению старинных кодексов, к реставрации текстов, их переводу и комментированию. Число курьеров, снующих между Архивом и

Префектурой, умножилось, шушуканье, шаги туда-сюда, беготня вверх-вниз по лестницам, подтаскивание и оттаскивание. Леонхарда, которому Архивариус поручил самостоятельно принимать прошения вероятных посетителей, особо подчеркнув, что сам он теперь должен без помех завершить свою работу, — Леонхарда тоже привлекали к каталогизированию, а иной раз и к спешному копированию, поэтому юноша перебрался в зал ассистентов, чтобы постоянно находиться у Перкинга под рукой.

Перед Архивариусом лежали раскрытые страницы хроники, по-прежнему нетронутые, ожидавшие его заметок. Он смотрел на чистую бумагу, будто страницы вдруг по волшебству могли наполниться всеми переживаниями и знаниями, что постоянно держали начеку его мысли. Но как только брался за авторучку, уже немного погодя в нерешительности снова ее откладывал.

Часто беспокойство гнало его в другой пилон к башенному окну, где он предполагал найти гостью, Анну, ведь она, как он думал, в любую минуту после кошмара той ночи могла вернуться и ждать его. Он даже спускался по плетеной лестнице, оставлял дверь в подвальном коридоре чуть притворенной, а люк в полу — открытым

настежь. Но всякий раз, когда заглядывал в комнату, там царила пустота. Он беспокойно бродил по залам Архива, где трудились ассистенты и сновали курьеры, кивал Перкингу, который недовольно отрывал взгляд от своих бумаг, — то был мир из стекла, он находился не внутри, бродил вовне и чуть ли не мешал.

Когда он возвращался к своему столу, взгляд падал на пустые страницы хроники, отнюдь не покрывшиеся письменами. Если не случится чуда, он предстанет перед Верховным Комиссаром как школьник, не сделавший уроки.

Все требовало срочно принять решение. Однако звонка из Префектуры, назначающего час разговора, пока не последовало, и письмо, о котором его известили, так и не пришло. Он нетерпеливо расхаживал вдоль стеллажей, где громоздились толстенные реестры, справочники, сообщавшие местоположение рукописей и книг, их систематизацию и длительность хранения — правда, на буквенно-цифровом языке, к которому у него нет ключа. Так что листает он их без толку. Неужели никто не видит, как мало он разбирается в простейших способах пользования Архивом? Он даже отдаленно не представляет себе фонды духовного мира, чье идейное богатство и насле-

дие хранится здесь, в катакомбах. Ни единого произведения он не сумел бы найти без помощи служителей, даже юнцы вроде Леонхарда и других посыльных наторели в этом больше его. К примеру, он не мог самостоятельно выяснить, относится ли то или иное произведение к фонду вечного хранения, допущена ли сюда Лахмарова легенда об Энне, существуют ли еще записи Кателя, дневниковые заметки Анны, документы его отца. Какой стыд — даже не догадываться, собраны ли творения великих писателей минувшего века в виде рукописей или печатных изданий, что́ конкретно успело самоуничтожиться и как обстоит дело с трудами многих известных его современников. Он здесь уже давно, но по-прежнему едва ли сумеет ответить на самые непритязательные вопросы об Архиве, хоть и поставлен над ним начальником. Он, конечно, в целом представлял себе деятельность Архива, но не он, а Перкинг молча управлял ее ходом и держал связь с Префектурой. По сути, признался себе Роберт, сам он не более чем декоративная фигура.

Возможно, он неправильно понимал свои задачи, слишком уж вникал в свое окружение, слишком увлекся наблюдениями за обитателя-

ми, учреждениями, культовыми церемониями, вместо того чтобы сосредоточить внимание на процессах, ограниченных его рабочим местом в Архиве. Если б ему заранее объяснили, где он находится, он бы повел себя иначе, иначе подошел бы к будничным делам. Но нет, ему предоставили самому с превеликим трудом разбираться в подлинном характере собственной ситуации. Вдобавок вызывало тревогу и кое-что еще: вдруг он своими действиями и активным вмешательством на собрании масок и во время визита на солдатскую территорию преступил границы своей компетенции?

Снова его одолели мысли о том, что он беспрестанно общается с призраками, и здесь, в Архиве, тоже. Правда, пугающее в этом представлении все больше сменялось чувством освобождения. Он наконец-то уразумел, что пребывает в царстве мертвых, и это действовало благотворно, во многом уменьшая сомнительность, которая так долго мучила его и смущала. Но бездн оставалось предостаточно, хоть он и зарекся диалектически обосновывать то, что в его пребывании для человеческого разума необъяснимо. Сколько ни размышляй, реальность промежуточного царства более не вызывала сомнений. Существо-

вание этого царства не имело касательства к вере или неверию, его надо было принять как данность, как Сущее-теперь. И это состояние было не более, но и не менее загадочно, чем форма и ход жизни на другом берегу реки.

Куда сильнее тревожила Роберта неразгаданная тайна его непосредственного окружения, где почтенные ассистенты вершили дела словно двенадцать бессмертных. Совершенно очевидно, что Архив представлял собой контрольную инстанцию, и столь же очевидно, что письменное слово подвергалось здесь оценке, примерно так, как и прожитая людьми жизнь. Но какой цели служило это учреждение? Ни разу он не слыхал, чтобы население города и пассажиры-транзитники запрашивали и использовали тщательно рассортированные документы. Может быть, весь духовный материал служил лишь химерическим целям властей? В таком случае ему отведена всего лишь функция этакого священного механизма, вроде фабрик, ведь и они тоже были мнимосвященным механизмом, две исполинские лопаты, бросающие друг другу корм, причем люди даже не замечали тщетности всего.

Архивариус спустился по каменной винтовой лестнице, что вела в подземные этажи Старых Во-

рот. Слишком редко он посещал эти подвальные залы со стеллажами от полу до потолка, которые разбивали их на узкие прямоугольники. По обе стороны проходов, застланных светло-серыми циновками, тянулись в тусклом освещении ряды регистраторов и папок, книг и документов, причем из каждого тома выглядывала бумажная ленточка с цифрами. Великое множество томов, порой они теснились друг к другу, порой стояли свободно, с солидными промежутками, большинство даже не пожелтело и не слишком запылилось. Вероятно, о внешнем порядке заботились посыльные, которых на каждом этаже было двое-трое.

Вот и сейчас они согласно полученному списку выискивали нужные тома и прилежно укладывали их на передвижной столик. Заметив Архивариуса, они тотчас предъявили ему перечень сигнатур, так как решили, что он пришел сюда инспектировать их работу. Он быстро скользнул взглядом по спискам, добродушно кивнул, выражая свое согласие и одобрение, но не понимая сути. Они сообщили, что эти тома затребовали «сверху», наверно по ходу строгого отбора, происходящего в их секторе, хотя в точности им неизвестно, да это и не их дело, господин Архи-

вариус, безусловно, знает все точнее и лучше, они просто хотели сказать, что занимаются своей работой не бездумно. Посыльные потупились, чуть кокетливо, как показалось Роберту, узкие лица зарделись.

— Ладно-ладно, — сказал Архивариус, взял со столика одну из книг, с незнакомым названием, брошюру, выпущенную в Париже в 1821 году, потом вытащил еще несколько томов, итальянских, английских, немецких, испанских, изданных в девятнадцатом веке; один помечен 1786 годом, другой — 1913-м. Прежде чем положить на место, он взвесил их на ладони.

— А вы сами читаете? — спросил он.

— Только когда нам поручают, — ответил старший из двоих.

В нескольких папках, тоже отобранных, лежали рукописные страницы, в большинстве немногочисленные, одна-две. «Моя вера в искусство», — прочитал он и замер, среди бумаг в этой папке обнаружилось довольно длинное письмо, он пролистал до последней страницы и увидел подпись: Вальтер Катель.

— Ессо[3], — сказал Архивариус.

---

[3] Notes: 3
Ну вот (*ит.*).

Он осторожно положил папку с листками на прежнее место, словно опасаясь, что они прямо под пальцами рассыплются в прах. Глядя поверх голов посыльных, он быстро попрощался и пошел дальше вниз по лестнице.

На следующем ярусе порядок мало чем отличался. У дежурных посыльных, молодого голландца и шведа, он спросил о собрании документов, поступивших за последнее время в Архив из его страны. Вопрос их удивил, и через переговорное устройство они на непонятном Архивариусу языке вызвали своего непосредственного начальника. Выслушав желание Архивариуса, тот, тоже молодой, в орденской рясе, почтительно ответил, что, согласно общему правилу, принятые на хранение фонды классифицируются не по времени их поступления и не по отдельным языкам. Имя автора опять-таки не имеет значения, тем более что все написанное мало-помалу переходит в состояние анонимности, самое главное — содержание труда, а не кто его издал или кому его приписывают. Вот почему размещение в фондах всегда происходит по тематическим критериям и в каждом отдельном случае осуществляют его верхние ассистенты.

Пока старший посыльный учтиво излагал эти

правила, Роберту опять вспомнилась таблица, которую он однажды видел у Перкинга и которая включала определенные разделы и категории. Вспомнился ему и разговор с Перкингом, подтверждавший рассказ молодого служителя. Получается, что с точки зрения Архива документ имеет тем меньшую важность и действенность, чем больше опирается на субъективные авторские воззрения или выдвигает их на передний план.

Молодой человек подчеркнул, что, хотя по возрасту он старше посыльных и отвечает за всю их работу, ему отведена всего лишь малозначительная роль исполнителя. Это заявление тоже напомнило Архивариусу слова Перкинга, который, принадлежа к высшей надзорной сфере, всегда твердил, что в деятельности Архива осуществляются только установки Префектуры. Префектуры! А стало быть, коль скоро перевод правилен, инстанции смерти. Бытие смерти не допускало действия индивидуальной судьбы, ни для физической формы, ни для духовной. Лишь на переходном этапе соблюдалась видимость, предусматривалась обратная связь с личным характером жизни. Это распространялось на всех и каждого, за исключением тех немногих,

кто исполнял в городе службу распорядителей и охранников, ассистентов и регистраторов, работников культа и полубогов. Не в пример другим эти уже не гнались за исчезнувшим образом своего прошлого, они скромно принимали назначенную функцию. Однако им тоже не избежать общей участи, которая настигала других попросту быстрее, их тоже ждет замена, подобно документам Архива.

Хронист рассматривал лицо молодого служителя — высокий умный лоб над густыми светлыми бровями, изгиб рта, отмеченный печалью, когда он молчал, и легкой насмешкой, когда говорил. С виду ему было лет двадцать пять.

Меж тем как посыльные на заднем плане поднялись на приставную лестницу и занялись чем-то на верхних полках, молодой их начальник с Архивариусом прохаживались вдоль стеллажей отдельных залов. При каждом шаге связка ключей, висевшая у юноши на поясе, позвякивала. Пользуясь случаем, Роберт расспрашивал о сотрудниках Архива, слушал имена и рассказ о происхождении посыльных. Как он узнал, каждый был последним отпрыском рода, угасшего с его переходом за реку.

Затем он попросил юношу рассказать о себе.

Они стояли у невысокого стола, Архивариус сел на его край, а начальник посыльных легонько прислонился к книжному стеллажу.

— Я люблю поэзию, — сказал юноша, — хотя давно-давно запретил себе писать собственные стихи. Я был их собирателем, их вестником. Искусство — высочайшее, а быть может, и единственное выражение духовной силы, равноценной идее человека. Я пробовал осуществить свои представления. Причем вовсе не стремился изменять людей, а тем паче развлекать, мне хотелось на основании духовного сходства объединить тех, кто к этому готов. Вот я и выискивал средь суеты литературного рынка чистые свидетельства поэзии и выпускал в виде журналов-ежегодников. Хотел еще при жизни поэтов отделить непреходящие ценности от преходящих, не доверяя приговор ни случайной злободневности, ни грошовой критике истории.

Юноша говорил с осознанной уверенностью, но без всякого хвастовства.

— Между тем на меня обрушились нападки, — продолжал он. — И хотя чаще всего корили в том, что я-де предъявляю слишком высокие требования к качеству, мне вскоре стало ясно, что при всем понимании своей ответственности я

установил планку слишком низко.

— То есть, — сказал Архивариус, — вы утратили веру в миссию слова и поэзии?

— Не в их метафизическое значение, — отвечал юноша, глаза его горели холодным огнем, — но я понял, что и неподкупный подход подвержен заблуждениям своей эпохи. И в итоге оставил задачу, которую считал целью жизни. Через несколько лет прекратил свои публикации.

— Может статься, — вставил Роберт, — определенную роль сыграл ваш юный возраст.

— Не знаю более чуткого критерия творческого духа, чем серьезность юности, — сказал молодой человек. — Бессмысленно продолжать разговор о моей жизни. Так или иначе, это был урок, хорошая подготовка, благодаря ей я сразу понял структуру Архива, когда попал сюда… вскоре после того как отошел от поэзии и занялся обыкновенной работой для заработка.

Помолчав, начальник посыльных — общение со столь чистой натурой было для Архивариуса сущим блаженством — хотел было вернуться к своим делам, но Роберт задержал его, спросив, не попадались ли ему, случайно, среди недавних поступлений бумаги Бодо Лахмара, записки об Энне. И юноша вспомнил, что эта работа была

принята в Архив на краткую вечность.

— Таково предварительное решение, — сказал он.

Архивариус отнесся к этому известию не без волнения, которое сквозило и в словах благодарности, когда он попрощался с юношей.

Затем он спускался вниз, ярус за ярусом, на каждом останавливался, перекидывался словечком-другим с дежурными посыльными и незаметно выспрашивал, не выданы ли какие-нибудь книги и документы. Оказалось, что в работе у ассистентов лишь считаные наименования.

Наконец он добрался до самого нижнего уровня, до каменного горизонта, где обитал Мастер Маг, который и в этот час не покинул привычный пост. Роберт нашел его в келье за чтением, во всяком случае, он держал в руках развернутый свиток пергамента, хотя, возможно, просто медитировал. Снова Роберт стоял перед почтенным старцем в серебристо-серой хламиде, что придавала ему сходство с отшельником. Снова смотрел в бездонные очи древнего существа, в которых отражался безмятежный покой знания, того знания, что подпитывалось по ту сторону земных вопросов.

Мастер Маг опустил пергамент, взгляд его во-

ротился из дальних далей, сосредоточился на Архивариусе. И не успел Роберт высказать то, что было у него на сердце, как старец заговорил.

Позднее Роберт с едва ли не детальной отчетливостью вспоминал назидательную речь Великого Затворника, Архиассистента, который прежде жестом приветствовал его и усадил на низкую каменную скамью напротив себя.

— Времени нужны слова, безвременность пользуется молчанием. — Таков был первый тезис, что молнией полыхнул во мраке мыслей и своим пламенным светом избавил все вопросы о смысле Архива от необходимости прямого на них ответа. — Зримы остаются соответствия, — тихо добавил старец. А затем поведал о царе Ашоке, который некогда повелел высечь на каменных скрижалях слова Высокого, Пробужденного, Совершенного, слова из речей Будды, завещанные его учениками, и скрижали эти были установлены в его царстве. Благодаря сим каменным эдиктам, благодаря деятельной жизни в духе имя его около двух с половиной тысяч лет сохранялось в памяти потомков. Правда, все то, что знал тогда каждый деревенский ребенок, что было в Индии всеобщим достоянием, сделалось в ходе времен достоянием немногих, ведь иначе не

бывает, а мудрость и жизненный опыт Гаутамы Будды, современника Гераклита и Конфуция, исказились и утратили силу.

Древний старец говорил о маленькой группе рассеянных по свету одиночек, живущих духовной пищей, тогда как большинство остается покорно потребностям плотского мига. Но знание о божественной субстанции, запечатлевающей свой живой след в человеческом духе, так говорил Мастер Маг, существовало на земле всегда. Не то важно, чтобы его запасом пользовались повсюду и во все времена, важно только, чтобы всегда была возможность в любую минуту должным, правильным способом к нему прибегнуть. Дабы отдохнуть в тени, путнику не нужен весь лес, не нужна даже вся крона одного старого дерева, ему достаточно тени одного сука.

Старец довольно долго молчал, давая слушателю возможность поразмыслить, а для слушателя проступили в последней метафоре очертания сути Архива.

— Дух есть творческая магия, — вот второй тезис, неизгладимо запечатлевшийся в сознании Архивариуса. — В тибетских ли монастырях, на склонах ли Арарата, берегущих свою тайну, в буковинской ли Садагуре хасидских цадиков

или во францисканском Ассизи, раскрываясь в минойских танцах или в элевсинских мистериях, свершаясь в ведьмацком шабаше или в химической свадьбе, — знаки всегда соответствуют друг другу, написанные и ненаписанные тексты, хранимые и в нашем Архиве. И это всегда чары, какими не может повелевать никакая человеческая воля и к каким простой человеческий разум никогда не приобщится. На временно́м переходе мы, сознательно или бессознательно, питаемся этой субстанцией, этим постоянно возобновляющимся наследием истока. Сюда относится и магия слова. Как день и ночь не рвутся, но, постоянно сменяя друг друга, образуют год и заполняют тысячелетия земли, так не рвется и цепочка смены жизни и смерти.

Возрождение духовных сил, чье непрерывное свершение в телах и мыслях составляет существование и историю человечества, происходит согласно органическим законам природы, так рассуждал старец, однако над ними надзирает Префектура, тут он прибегнул к образу весов, чаши коих, опускающиеся и поднимающиеся, до́лжно снова и снова приводить в равновесие и покой. Ответственность за сию задачу возложена Префектурой на тридцать трех Посвященных,

которые несут мировую вахту на протяжении эона. Трижды одиннадцать Посвященных обитают в священном горном замке, который в особых случаях взблескивает вдали и о котором никто не может уверенно сказать, лежит ли он по эту или по ту сторону реки. Мастер Маг упомянул обширную ученую литературу по этому метафизическому вопросу, полную хитроумных доказательств того и другого тезиса, то бишь присуща ли смерть жизни или жизнь смерти. Смотря по тому, которое из двух направлений доминирует в умах на разных этапах, определяются относительно друг друга мышление, религиозная вера и поведение людей и их групп. Судя по дошедшим до нас документам и сопроводительным текстам, здесь тоже прочитывается ритмическая смена.

Мастер Маг указал, что тридцать три Посвященных издавна сосредоточивают свои силы на том, чтобы открывать и расширять для процесса новых рождений долгое время закрытый регион азиатской сферы, и что они теперь как будто бы еще умножили свои усилия привлечь круг Востока к возрождению в духе и плоти. Этот обмен между азиатским и европейским бытийным достоянием, до сих пор происходящий лишь

исподволь и местами, заметен в целом ряде явлений. Мастер Маг не назвал имен, однако позднее Архивариус почел это намеком на таких свидетелей, как Шопенгауэр, Карл Ойген Нойман, Ханс Хассо фон Фельтхайм, Рихард Вильгельм, Герман Гессе, а равно и Гёльдерлин, который видел в «Матери-Азии» наше дионисийское начало, Фридрих Шлегель и Гаммер, «Западно-Восточный диван» Гёте, но и Ангел Силезский, Майстер Экхарт, Сузо и длинный ряд мистиков и создателей гном.

Этот обмен, этот процесс инкубации, о котором старец в каменной келье Архива говорил с такой естественностью, с какой мы говорим о признаках антициклонов и циклонов в погодной зоне, ныне по решению тридцати трех Посвященных проистекает в более широком смешении и с бóльшим ускорением. Поэтому уже не вызывает удивления, если даже не побоялись выпустить на волю демонов и поставить их хитрость и мощь на службу всеобщего процесса.

Когда Роберт это постиг, он увидел многомиллионную смерть, которую белая раса двумя страшными мировыми войнами, включенными в процесс чудовищного странствия призраков, сотворила себе на поле битвы Европы. Как с содроганием понял Хронист, многомиллионная

смерть происходила, не могла не происходить в столь беспредельном масштабе, ибо надлежало обеспечить место напирающим новым рождениям. Несметное число людей до срока уходило из жизни, чтобы в срок возродиться как посев, как апокрифическое обновление в доселе закрытом жизненном пространстве.

Это представление ошеломляло, но одновременно дарило утешение, поскольку придавало всему тому, что вновь и вновь казалось бессмыслицей, некий план, некий метафизический порядок. Самоуничтожение, харакири, совершенное Европой в двадцатом христианском столетии, означало — если он правильно понял Мастера Мага — не что иное, как приготовление к тому, что часть света, именуемая Азией, снова заберет себе кусочек, который на время стал самостоятельным континентом. От тайных сил не могло укрыться, что притязания его людей устремлялись отнюдь не вовнутрь, а все больше вовне. Как одиночки, так и группы народов предпочитали бытию значимость, что в малом, что в большом. Попраны предостережения и советы ясновидцев и поэтов, опустошен мир мыслей и образов, пресыщены и пусты сердца и мозг. Так дух пришел в упадок, превратился из творческого

средства в орудие разума и рассудка. Все больше и больше цель возносилась над подлинным смыслом жизни. Но однажды ложное самосознание непременно падет и погибнет. Словно трухлявые, прогнившие изнутри перекрытия, спорная часть света рухнет посередине.

Следуя ходу мыслей, которые Мастер Маг излагал как трезвые констатации непреложных фактов, Роберт ни секунды не сомневался в истине. Он чувствовал логичность, неотвратимость события, но в совокупности видел скорее образ карающей судьбы, что предстояла его стране, и по причине длительности своего пребывания в царстве мертвых не имел возможности заметить, что реальность на другом берегу пограничной реки день ото дня отчетливее обнаруживала все признаки этого процесса. Впрочем, он не нуждался в конкретном подтверждении, не в пример неверующим и бесчувственным, разучившимся понимать, что вся материя, вся так называемая реальность есть лишь воплощение идеи, включенной в жизнь.

Порой Архивариусу хотелось начать разговор, но он чуял, сколь неуместно нарушать безмолвные паузы. Нередко слова древнего Архиассистента казались ему ответами на незаданные

вопросы, дополнением к собственным его мыслям, только на более спокойном уровне. Ни разу старец не обратился непосредственно к Архивариусу, ни разу не прибегнул к оборотам вроде «вам, разумеется, известно, что» или «вы, конечно, думали о» и проч. Хотя речь его оставалась безличной и обобщенной, Роберт чувствовал, что адресат ее именно он, что откровения о мистерии тридцати трех Посвященных, этих местоблюстителей евразийского мира, составляющих язычок весов смерти и жизни, были объявлены не просто так.

Плоский камень стен мало-помалу сделался прозрачным. Из земных недр Роберт мог наблюдать, как подбегают люди, похожие на подвижные картинки, и вдруг все они обернулись песчинками, перетекающими туда-сюда в песочных часах мироздания. Казалось, только и надо, чтобы в колбе всегда находилось и пересыпалось достаточное количество. Молодое становилось старым, старое — вновь молодым. В своей простоте процесс обретал нечто величественное.

Точно сквозь матовое стекло он видел страждущие людские образы, чьи краски блекли. В ушах шуршали жалобы из книг и документов Архива, шелестящие голоса мыслей, требующих

очищения и бессмертия. Словно пузыри, они плавали в стоячем водоеме, взблескивали и с тонким звоном лопались. Воздушные тенета изображали жизнь, подобно тому как ледяные узоры на зимнем окне изображают природу. Роберт дышал толчками, ноздри трепетали. Он уже не отдавал себе отчета, словами ли наставляет его древний Мастер или сосредоточенным молчанием вызывает картины, возвещающие ему, что все знание не подлежит ни усвоению, ни изучению и существует лишь как духовное воспоминание земли. В несчетных разветвлениях своего совокупного фонда Архив казался вместилищем этого первозданного воспоминания. Мертвые берегли его для живых.

Между тем Роберт по-прежнему сидел в келье у ног Хранителя печати тайн, а перед верующим его взглядом архивные этажи над головой обрели прозрачность, но смотрел он сквозь них не так, как в стеклянном конторском здании фабрики. Он видел не посыльных, которые все поспешнее увозили давно хранимое добро Запада, нет, он видел, как одна за другой у стеллажей проступают тени, требуя сочинений древних. Подобно теплому сонному дыханию они витали вокруг застывших свидетельств предков, давних своих

предшественников.

Скоро Хронист даже без объяснений сообразил, что дело шло о гостевых визитах живых людей, главным образом поэтов и провидцев, которые в часы творчества наведывались в Архив.

Словно грезящие сновидцы, двигались они по острой кромке меж безумием и сном. Искали истину, любой ценой, даже ценой собственной жизни, погружались в суть вещей. Стремились к благовещению и, подобно искателям родников, источали из одинокого утеса своего духа воду жизни, дабы напоить смертных, но в то же время многие до срока испивали горькую чашу смерти. Он видел, как движимые познанием исследователи в книжных кельях, эти каменщики свободы, регуляторы мысли, математики веры, добавляли к мирозданию новые кирпичи. И не переставали, наперекор анафеме и гонениям, наперекор рубищу еретиков и смертным приговорам.

Тот, кто имел сказать что-то выходящее за пределы повседневности, сперва должен был сойти в промежуточное царство, заручиться там связью жизни и смерти. Его духу надлежало найти возможность отринуть телесную защищенность, дабы, витая в глубинах Архива, приобщиться к первозданному воспоминанию. И попадал туда

не всяк, кому требовалось. Число таких, что уклонялись от этого условия и предпочитали в своих помыслах и славе оставаться на посюсторонней половине, было весьма велико. Бесконечно малую долю составляли те, чей дух, склонив главу, пил из источников и чья тень проступала на фоне священных документов и манускриптов Архива, чтобы насытиться здесь для нового Сегодня. Вот они-то, приходившие ночью из краев на другом берегу реки, а днем вновь туда возвращавшиеся, — они-то втайне и пользовались Архивом. Роберт понимал, что взору его открывался не измеримый срок его пребывания в келье, но одновременность множества мгновений сквозь века. Духи жизни, чье присутствие он созерцал, конечно же свершали в духе то, что ему, Хронисту мертвого города, приходится изведать во плоти. Он все отчетливее угадывал свою задачу.

Один удар сердца — и вереница картин погасла. Как прежде, он видел перед собой древнего старца, Мастера Мага: ссутулясь, тот сидел в своей просторной серебряной рясе, подол которой тяжелыми текучими складками падал на пол. Роберт вбирал в себя эту картину, эту холодную отрешенность позы. Облокотясь левой рукой о колено, Мастер Маг ладонью подпирал свою уз-

кую голову. Кончики иссохших пальцев легонько прижимались к виску, словно были способны чуткостью своих нервов защитить тонкие, уязвимые жилки на лбу. Широкий рукав пышными складками соскользнул по запястью к локтю, обнажив часть худого предплечья. В выражении лица ни следа ободряющей доброты, оно окаменело от старости, от знания. Губы, которые так легко открывались, теперь были спокойно сомкнуты, в глазах мерцало терпеливое смирение. Они не нуждались ни в подтверждениях, ни в утешении, ни в надежде. Были насыщены смертью. И все же от него исходили свет, утешение, вера, и живой блеск окутывал говорящего и слушателя общей аурой.

Ясность этого образа осталась и когда Архивариус вновь сидел в своем кабинете на первом этаже Старых Ворот. Тревога ушла, сомнения утихли, пока он вел диалог со старейшиной мертвых.

Страх перед смертью, терзающий столь многих людей, никогда ему не докучал, если не трактовать тягу к смерти, какую он испытывал с юности, как бессознательное вытеснение такого страха. Анна уступила этой тяге. Но еще вопрос, была ли то жажда смерти, может статься, скорее

страх перед жизнью. Может статься, его тоже привел гостем в промежуточное царство страх перед жизнью? Если вдуматься, тварный страх оказаться отданным на милость и немилось бытия — коренной вопрос всякого существования. Поставить его — значит найти решение. Для него решение, коль скоро оно есть, покуда не принято.

Когда Леонхард вручил ему два официальных письма, скрепленных печатью со знаком Префектуры, Роберт принял их спокойно, расписался в получении, вскрыл конверты и пробежал глазами содержание.

Помощник, ожидавший у двери, на цыпочках подошел ближе.

— Вы еще не покидаете нас, господин Архивариус?

— Странствует жизнь, а не мы, — ответил Роберт.

Леонхард оживленно сообщил, что освобождают все больше жилья как в верхнем городе, так и в нижнем. Он это заметил, когда ходил в гостиницу за обедом для господина Архивариуса. Комната, которую Архивариус пока там держит, тоже реквизирована.

— Она мне больше не нужна, — сказал Роберт.

Первоначально он хотел поселить там Анну, но этот план возник в обстоятельствах, которые уже отошли в прошлое. Сам-то он давным-давно перебрался в пилонную комнату Старых Ворот.

Леонхард спросил, не принести ли поесть, он все разогрел. Время обеда давно миновало, дело к вечеру.

— Дело к вечеру, — повторил Роберт и подошел к окну, откуда некогда наблюдал шествие детей. Улица с ее развалинами была пустынна, мертвые фасады бросали длинные блеклые тени.

— Шествие детей, — говорил Леонхард, — теперь намного длиннее, чем раньше, с каждым разом их число растет. И шагают они торопливее, быстрее, а народ почти на них не смотрит. Раньше им иной раз бросали цветы. Бумажные, конечно, как на празднике, но и этого теперь нет.

Архивариус опять сел за письменный стол.

— Много успели? — спросил он.

— Все летит как ветер, — тараторил юноша, — день и ночь катятся прочь тележки со старыми бумагами и книгами, я такого никогда не видал. Откуда что берется! И куда девается! И что́ теперь придется сызнова вычеркивать из каталогов… по-моему, даже Перкинг с его опытом и тот теряет обзор. Составляются списки за списками, помеча-

ются галочками заголовки. Архив превратился в бумажную фабрику.

— Спешка, — заметил Архивариус, — заразила и тебя, Леонхард. Никогда я не слыхал, чтобы ты говорил так много и так быстро.

— Чуть не забыл, — возбужденно продолжал Леонхард, — Перкинг велел спросить у вас, господин Архивариус, надо ли ему проверять и подписывать списки отсева.

— Такое случается впервые, — сказал Архивариус, — и еще вчера могло бы стать проблемой для моего нетерпения. Но вчера такая проблема не вставала. А теперь не имеет значения.

И, словно эта искренняя реплика вывела его в слишком уж приватную сферу, по-товарищески обсуждать которую с юным помощником представлялось покуда неуместным, он добавил, что сам переговорит с Перкингом на сей счет, и коротко распорядился немедля подать запоздалый ужин.

— Завтра, — сказал он в заключение, — разбудишь меня на рассвете.

Когда Леонхард вышел, архивариус еще раз перечитал оба письма.

Одно было от господина в сером цилиндре, который просил его присутствовать вместе с ним

на большом смотре, куда завтра ранним утром приказано явиться части населения. Он задумчиво спрятал письмо в нагрудный карман.

Второе оказалось посланием Префектуры, о коем его уже предупреждал по телефону Верховный Секретариат. Речь шла о жалобе, поданной на Архивариуса и Хрониста кем-то из горожан. Она поступила в Секретариат некоторое время назад, но только сейчас была обработана и направлена ему в конспективном виде с пометкой, что, коль скоро возникнет необходимость, ему при случае до́лжно высказать свое мнение. Префектура, как таковая, в его свидетельстве не нуждается, однако в лице Верховного Комиссара в полном его распоряжении. Жалоба гласила, что Архивариус злоупотребляет своей должностью, поддерживая с некоторыми горожанами личные контакты, извлекая и обеспечивая преимущества себе и им, ибо по официально не оправданным мотивам намерен продлить срок их пребывания. Подозрения явно касались Анны и его любви к ней. Далее был затронут вопрос, исполняет ли он вообще обязанности и задачи Архивариуса, так как использует свое присутствие в городе скорее для удовлетворения собственного любопытства, а не затем, чтобы записывать и обнародовать свои

наблюдения в текущей хронике. Автор жалобы назван не был.

В первую минуту Роберт посчитал автором своего отца, который таким манером решил отомстить ему и Анне. Но поскольку после злополучной встречи в доме Анниных родителей ничего о нем не слыхал, он, пожалуй, вряд ли еще был в городе. Правомочность дальнейшего пребывания здесь, которую он обеспечил себе искусной попыткой возобновить Аннин бракоразводный процесс, определенно утрачена, как намекнула сама Анна. Секунду он думал и о Кателе, ведь тому, вероятно, могло показаться, будто Роберт им пренебрегает, да и на ненаписанную хронику художник не раз намекал. Но эту мысль он сразу же отмел. Друг выказал недюжинную деликатность, когда знакомил Роберта с городскими обстоятельствами, которые поначалу угнетали его своей необычностью. Теперь он понимал робость Кателя, сдержанность и отчужденность, поскольку знал, что встретил его в облике умершего. Друг принадлежал к числу тех, кто дольше большинства других, мимолетных проезжающих, сохранял память о себе самом и потому довольно надолго задержался в промежуточном царстве. Быть может, его миссия состояла

именно в том, чтобы дождаться прибытия Роберта, стать ему проводником наподобие Вергилия. Архивариус по-прежнему гадал, по какому критерию определяется длительность пребывания отдельного человека в этом царстве. Наследие Кателя теперь, наверно, удалено из Архива, но вряд ли это имеет касательство лично к нему. Роберт с удовольствием еще раз пожал бы ему руку, пока сознание не угасло и Катель не утратил окончательно имя и форму, с удовольствием подал бы ему еще один знак симпатии, последнее благодарное напутствие, теперь, когда постиг преображение. Какой стыд, что, злясь на себя, он мог перенести эту злость на друга и вообще связать его с полученным пасквилем.

Бертле? Его честолюбие произрастало из искреннего стремления вернуть потерянную жизнь. Неужели оно способно довести до мести? Давние отношения молодого француза и Анны были неясны, а ревность склонна к опрометчивости, не осознавая зла. Вдобавок у него хватало причин дать волю своему раздражению, ведь он долго и безуспешно пытался встретиться с Архивариусом, впору подумать, будто Роберт нарочно прячется. Вдобавок жалоба поступила еще до визита в казармы. Но его гуманная позиция,

открытость и симпатия в ходе этой судьбоносной встречи опровергали всякое подозрение. Скорее уж можно было заподозрить кой-кого из просителей, получивших отказ, или какого-нибудь завистника из Аннинх соседей.

Складывая письмо и убирая его в тот же карман, что и первое, он вдруг подумал, а не мистификация ли эта мнимая жалоба, не попытка ли Префектуры проверить, как он поступит. Хотя вряд ли, ведь власти не придавали данному инциденту важного значения, его чуть ли не подружески отнесли к сфере неприкосновенного, но как раз эта подчеркнутость вызывала недоверие.

Чем больше Архивариус размышлял, тем больше тревожился. Ему опять стало ясно, что, как и в первый день по приезде, он находится посреди лабиринта, откуда, словно из кабинета кривых зеркал, привораживающего беглецов, по своей воле выхода не найдешь. Поначалу, уверенный, что совесть у него чиста, он посмеивался над обвинениями, но постепенно возникли сомнения: может, в том или ином пункте укоры до некоторой степени справедливы? Конечно, ему хотелось, чтобы Анна оставалась здесь, при нем, как можно дольше, и именно теперь, когда ее существо почти неотвратимо влеклось к распаду,

им завладела мысль, что в случае возвращения домой необходимо взять ее с собой. В нем пробудился дух противоречия, упрямое желание восстать против предписаний, взбунтоваться против закона и хода судьбы и, подобно той группе солдат, поднять мятеж.

Либо вы вернете Анну жизни, так скажет он Верховному Комиссару, либо заберите меня самого к ней, в царство смерти, чтобы спасти вечность чувства, чтобы любовь сохранилась навсегда. «Я не пренебрегал ради нее ни своей службой, — явственно слышал он свой голос, — ни интересами Архива. Ничего такого вы всерьез утверждать не можете. Именно Анна дала мне в руки ключ к тайне города. Без нее я бы так и оставался в неведении».

Роберт вскочил и, точно фехтовальщик, приготовился защищаться от незримого противника. Он настолько углубился в эту ситуацию, что произносил фразы вслух и, жестикулируя, запоминал, как актер свою роль. И, подобно всякому монологу, то было сплошное опровержение воображаемых обвинений.

Посреди его репетиций в кабинет вошел почтенный Перкинг. Извинился за вторжение и со спокойной деловитостью принялся соби-

рать с письменного стола предметы и бумаги. Поскольку помещение уже тонуло во мраке, Перкинг включил свет. Не двигаясь с места, Роберт завороженно следил, как старый ассистент бережно вынес в соседнюю комнату картотеку, составленную его предшественником Мастером Готфридом, как он молча опорожнял ящики стола, складывал в кучу разрозненные бумаги и начатые заметки и, скомкав, бросал в совок для мусора. Там были записи, тезисы разговоров, наброски писем к Анне, начатый протест против возобновления ее процесса, за которое ратовал его отец, выдержки из старых архивных книг и характеристики текущих поступлений, начатые, но незаконченные, заметки о посетителях приемных часов, сделанные рукой Леонхарда, — изжитые, устаревшие обрывки и бумажки. Вот письмо к матери, он сунул его в конверт и больше не открывал с тех пор, как некогда написал его в гостинице, первое сообщение о неожиданной встрече с отцом, короткий вопрос о том, как дела у Элизабет и детей, и обещание вскоре написать подробнее. Патрон вернул ему письмо, поскольку не сумел отправить… да и как бы он мог это сделать? — сказал себе сейчас Роберт… К тому же весточка только бы вызвала смятение и создала

у адресата на том берегу ложное впечатление.

Перкинг вытер рукавом пустую столешницу, положив на прежнее место лишь тетрадь хроники. Потом с испытующей улыбкой оглянулся на Роберта:

— Tabula rasa.

Архивариус не шевелился. И только когда Перкинг пошел к выходу, решился спросить, почему тот взял этот труд на себя, а не поручил Леонхарду.

— Лучше мне самому произвести здесь окончательную расчистку, — отвечал старый ассистент.

Роберт стряхнул оцепенение, медленно подошел к письменному столу, прислонился к его краю.

— Надо было мне, — сказал он, — сделать это своими руками. Только вот я не знал, что уже пришла пора.

Перкинг, который, скрестив руки на груди и спрятав их в широкие рукава своей хламиды, стоял напротив Роберта, легонько кивнул.

— Большая уборка, — сказал он, — никого не минует.

— Tabula rasa, — задумчиво повторил Архивариус, — расчистить стол, ну да. — И он заговорил с Перкингом о том, что Мара, Смерть, обходится с

жизнью точно так же.

— Пожалуй, — согласился старый ассистент. И обронил, что те же буквы, что в санскрите означают Мара, Смерть, стоит их переставить, дают в латыни Амор. — Смерть и любовь из одной субстанции, — сказал Перкинг, — таковы мрачные шутки языков.

— Это нечто большее, — сказал Роберт, чуя неладное.

Ему было приятно наконец-то поговорить с подлинным собеседником. Возможно ли, допустимо ли вправду одним решительным движением стереть прошлое и все, что некогда было важно, выбросить за борт как балласт? Сжечь за собой корабли, как солдаты сожгли на костре оружие и мундиры! Идти дальше и никогда не оглядываться! Ведь если обернешься — об этом Роберт тоже сказал Перкингу, — если обернешься, увидишь пустое Ничто, окаменеешь, как жена Лота, или лишишься жизни, как Орфей, оглянувшийся в подземном мире на Эвридику.

— Много записано легенд, — сказал Перкинг, — которые повествуют нам, как вершится закон.

— Стало быть, — сказал Роберт, — чтобы человек не впал в соблазн оглянуться, разрушают почву, на которой он стоит. Вы, достопочтенный

друг, могли бы не давать себе труд изничтожать у меня на глазах следы моего пребывания в Архиве. Когда я его покину — думаю, мне придется это сделать, — то все равно ничего с собой не возьму.

— Зачем вам его покидать, Мастер Роберт?.. — сказал старый ассистент.

— Как вы меня назвали?! — удивился Роберт.

— Полагаю, — сказал Перкинг, — теперь сей титул вполне вам под стать. Префектура уже использует его в своих документах. Что и побудило меня, Мастер Роберт, приготовить все для нового начала. Разве вы не приглашены на беседу к Верховному Комиссару?

Не отвечая, Роберт сел за пустой письменный стол, сдвинул очки на лоб и закрыл лицо руками. Он не хотел ничего ни слышать, ни видеть, ни знать. Только забыть, и будь что будет. Кровь шумела в ушах, все тело наполнилось шумом. С закрытыми глазами он будто опять сидел у ног Мастера Мага, глубоко в недрах земли. Чувствовал, как древний старец положил руку ему на голову, как бы совершая посвящение.

Когда Роберт открыл глаза, Перкинг по-прежнему стоял в той же выжидательной позе. Их взгляды встретились.

— Как давно я здесь? — спросил он.

— Один день, много дней, — отвечал Перкинг, — в промежуточном царстве мы их не считаем. Но ваши волосы, Мастер Роберт, успели поседеть на висках.

С легким поклоном он вышел.

XVII

На следующий день, когда Роберт рано утром отправился на площадь Префектуры, разбитые фасады домов были залиты блеклым светом. Солнце только-только поднималось, в вымерших улицах еще висела тусклая дымка. Шагал он энергично, как человек, желающий быстро добраться до своей цели. И, чтобы сократить дорогу, пошел наискось через кучи обломков. Однако время, которое он хотел сэкономить, все равно оказалось потеряно, ведь попутно пришлось вытряхнуть ботинок, куда попал острый камешек. Неподалеку от квартала Префектуры он заметил, что подступы к площади, где состоится большой смотр, уже перекрыты постами охраны. На рукавах у них виднелись зеленые повязки, в руках — длинные пастушьи посохи. Архивариуса — ему даже не пришлось предъявлять удостоверение — провели через подземный ход, который заканчивался в световом дворе одного из главных зданий. Двор этот окаймляла крытая старинная галерея с округлыми романскими арками.

Дальше путь лежал по широкому коридору,

вероятно давнему клуатру, по одну сторону которого располагались какие-то несмежные помещения. Двери стояли настежь, и можно было видеть противоположную стену с окнами, а за ними — площадь Префектуры. Окна тоже были открыты. Мимоходом Роберт видел в каждом помещении чиновников, мужчин и женщин, все до одного в наушниках; они слушали указания и делали пометки в лежащих перед ними списках. Шнуры наушников, сплетаясь в пестрый жгут, бежали к помещенной в центре люстре, так что с виду казалось, будто незримый режиссер управляет куклами театра марионеток. Воздух полнился жужжанием, напоминающим звук далекого сигнального устройства.

В конце концов Архивариуса привели в зал, где собралось множество чиновников высокого ранга. Одни группами склонялись над ломберными столами, раскладывали и переворачивали на их клетках маленькие цветные фишки, как при игре в го, другие функционеры сидели в отдельных кабинках вроде стеклянных телефонных будок, выстроившихся в ряд вдоль боковых стен, но вместо телефона там был микрофон. Без сомнения, здесь располагался штаб смотра.

Расположенная на торцовой стене двустворча-

тая дверь без стекол вела на просторный балкон, который на высоте человеческого роста тянулся вдоль всей стены, выходящей на площадь. Прямо возле широкого парапета из желтоватого мрамора Роберт увидал господина в сером цилиндре — вместе со своей свитой тот наблюдал за происходящим на площади. В руке он держал пару синих перчаток из тонкой кожи и то и дело хлопал ими по балюстраде.

Когда Роберт, еще в нерешительности, надо ли ему тоже выйти на балкон, огляделся по сторонам, к нему подошел приветливый господин, на полном лице которого за сильными линзами очков поблескивали веселые глаза. Архивариус узнал розовощекого Секретаря, который помогал ему по прибытии и которого он последний раз видел, делая доклад перед сотрудниками. Секретарь сообщил, что Верховного Комиссара здесь нет, поскольку данное мероприятие не входит в его компетенцию и относится исключительно к ведомству Великого Дона. Доверительно подмигнув, он шепнул Роберту, что процедура, проистекающая здесь уже несколько дней и ночей, нынче продолжилась, но ему можно не опасаться, будто он много пропустил, хотя… ну да, самое скверное — подготовка, и, понятное

дело, чтобы отладить механизм, требуется время. Он вручил Роберту веер и бинокль, веер — «от душного зноя», как он выразился, а бинокль на кожаном ремешке (Роберту надлежало повесить его на шею) — «для подробностей на заднем плане». С этими словами Секретарь подтолкнул Архивариуса к двери балкона, напоследок шепнув ему на ухо:

— Великий Дон ждет вас.

Затем он известил стоящих там чиновников о приходе Архивариуса и Хрониста. Господин в сером цилиндре, какового Секретарь обозначил как Великого Дона, на секунду скользнул взглядом туда, где стоял Роберт, и степенно приподнял головной убор, приглашая полюбоваться спектаклем на площади. Господа из его свиты, жилистые фигуры, приветствовавшие Архивариуса рассеянным кивком, вновь заняли свои места. Розовый Секретарь все время держался на полшага позади Роберта.

Обеими руками Архивариус оперся на плоскую балюстраду балкона, камень которой, испещренный тонкими прожилками, в первых лучах солнца был на ощупь еще прохладным. Когда он оглядел просторную площадь, ему показалось, будто она сплошь покрыта роем мух, устало пол-

зающих туда-сюда под огромным стеклянным колпаком. Но постепенно до него дошло, что меж серых дворовых стен по всей территории двигаются люди. Одни, сбившись в плотные темные кучки, сидели на земле, другие глубоко эшелонированными шеренгами стояли вокруг каких-то щитов, прибитых к высоким шестам и раскачивавшихся над толпами. Повсюду, в том числе и на довольно свободной середине площади, белели бурнусы распорядителей, по знаку которых ряды смыкались, образуя колонны, отдельные фигуры выступали вперед и строились парами. Затем они замедленным шагом, как на похоронах или в медленном полонезе, маршировали по кругу, а немного погодя некоторые пары отделялись от строя и, держась на небольшом расстоянии одна от другой, проходили мимо террасы, причем господин в сером цилиндре коротко хлопал перчатками по парапету. Изредка он вместо этого прикасался к шляпе, чуть заметно ее приподнимая. Этот знак постоянно вызывал среди господ из свиты некое удивление, они извещали чиновников в зале, а те в свой черед передавали соответствующие указания дальше.

Теперь одна часть толпы скучилась по краям двора, как на биваке, где народ живет тесным

лагерем, другие же группы, словно готовясь к маршу политической партии, собирались вокруг пестрых жестяных щитов или длинными процессиями переходили с места на место, многие преклоняли на камнях колени, будто в глубокой молитве, многие объединялись для общих гимнастических упражнений, чтобы размять члены, — безостановочное движение на широком пространстве вызвало у Архивариуса впечатление, будто вымощенная крупными каменными плитами площадь медленно покачивается из стороны в сторону, как огромная палуба океанского корабля при бортовой качке. Балконная терраса, по бокам которой на площадь вели изогнутые пологие лестницы с гладкими перилами, казалась капитанским мостиком и тоже как бы тихонько вибрировала от качки. Изящные опоры балкона, числом шесть, оканчивались внизу покрытыми бронзой львиными лапами.

Хронист между тем вооружился биноклем, чтобы получше рассмотреть отдельные фрагменты парада мертвецов. Хотя линзы изрядно увеличивали отдаленные участки, поначалу ему казалось, что он тщетно усиливается отыскать среди многих тысяч немногие знакомые лица, которые, наверно, участвуют в этом смотре и среди

которых, как он опасался, помимо Кателя, находилась и Анна. Но вскоре его интерес привлекли многочисленные щиты с надписями на разных языках, вероятно служившие ориентирами для сбора тех или иных орденских групп и братств.

Оглядывая собравшихся, он обнаружил, к примеру, вот такие щиты: «Преступники — Жертвы», «Гонители — Осужденные», «Еретики — Добровольцы», «Усталые от жизни — Безвременно умершие». В другом секторе щиты иные: «Обманутые — Обманщики», «Невинные — Соблазненные», «Мошенники — Идеалисты», «Мученики — Опозоренные». Он сумел разобрать не все надписи на щитах, под которыми теснились толпы. Казалось, все эти подразделения соединялись в более крупные колонны, каждая под шестью знаками. Их щиты были обрамлены разрисованной гирляндой и гласили: «Сибариты» — «Марионетки» — «Авантюристы» — «Статисты» — «Мечтатели» — «Обыватели». Насколько мог видеть Архивариус, группы статистов и обывателей оказались наиболее многочисленными. Мужчины и женщины плотными толпами теснились вокруг двух этих щитов.

Не составляло труда распознать, что в группах и лагерях смешивались люди обоего пола, всех

профессий и возрастов. Лица в большинстве выглядели тупыми и безучастными. На спине почти у всех красовался штемпель с номером, а на лацкане пиджака или блузы — значок размером с орден, в уменьшенном масштабе изображавший символы прежней профессии. Например, у портных и модисток — ножницы и игла, у каменщиков и штукатуров — мастерок, у брадобреев — латунный тазик, у врачей — обвитый змеей жезл Эскулапа, у щелкоперов и журналистов — гусиное перо и чернильница, у учительниц и учителей — трость и линейка, у сельчан — коса, у рудокопов — шахтерский фонарь. Посеребренные, никелированные, золоченые эмблемы: рубанки и напильники, лопаты и тяпки, торговые весы, почтовый рожок, автомобильный клаксон, сапог, мясницкий топор, кучерская бляха, рыбачья сеть, сова учености, циркуль, кисть художника, свиток, поварешка, плотницкий топор — словом, все знаки ремесел, промышленности, экономики и науки, фабрик, институтов, заводов. Не обошлось и без конька спецов и буквоедов.

Здесь стояли под щитами судьи в мантиях, священники и прочие духовные лица в сто́лах и рясах, батраки и служанки, продавщицы, свет-

ские дамы, работницы, прачки, ученики, служащие, чиновники и клерки, чьи головы большей частью торчали из картонного окошка, путейцы, полицейские, таможенники, гостиничные портье, ночные сторожа в старинных мундирах, каретники, монтеры, техники, печатники, кровельщики, шорники, столяры, официанты, аптекари, домашние хозяйки, квартиросдатчицы, уличные девицы, дельцы, агенты, путешественники, советники, депутаты, референты, маклеры, кули, испольщики, промышленные рабы, актрисы, предсказатели, перекупщики, попрошайки, пенсионеры, арестанты, бродяги, профессора, академики, деятели культуры, артисты. Но все они и многие другие группировались отнюдь не по своим профессиям, профсоюзам, сословиям, но были рассеяны везде и всюду, объединены в категории согласно критериям судьбы.

Вот и явились теперь сюда на последнюю поверку, стояли, бродили, болтали друг с другом и, меж тем как разгорался день, ожидали итогов смотра. Вновь в прежнем обличье, выставленные на обозрение, будто на невольничьем рынке. Их шатало от яркого света, от которого не уйти и не спрятаться. Лишь немногие отбрасывали на землю легкий контур тени. Почти всех признали

годными для транспортировки.

В целом проверки по отдельным решениям, пояснил Архивариусу приветливый Секретарь, проводились последние несколько дней. Они входят в задачу отдела, порученного Префектурой Великому Дону, который неукоснительно ее исполняет. В надежде получить временную отсрочку от транспортировки многие из призванных, как всегда, предъявили справки и прошения. Спектакль же, происходящий сейчас, являет собой скорее внешнюю церемонию регулярного традиционного финала. На сей раз, правда, она приобрела больший размах, ведь было необходимо подстричь всё под одну гребенку и энергично расчистить место, чтобы, как сообщил Секретарь, город имел возможность принять несчетных новых претендентов, ожидаемых в ближайшее время. На сей раз судьба настигла и часть старожилов-чиновников и городских функционеров; вопрос, обойдет ли следующая облава его самого, розовощекий Секретарь оставил без ответа. Он намеревался еще снабдить Архивариуса подробными пояснениями касательно парного строя высылаемых, однако примолк, заметив, что Роберт, не отрывавший от глаз бинокль, обнаружил на площади новую цель, которая, похоже, равно

удивляла его и завораживала.

Дело в том, что в левом углу двора Хронист приметил возле пограничной стены ряд клеток; среднего размера, они были сооружены из прочных, проплетенных колючей проволокой железных прутьев. Вместо крыши тоже плетенка из проволоки, так что резкий свет дробил воздушное пространство на квадраты вроде шахматной доски. Насколько Роберт мог разглядеть, в каждой клетке (в зоологических садах подобные клетки предназначены для хищников) парила огромная, сверкающая желтизной граммофонная труба, из которой — даже далеко стоящему Архивариусу было слышно — вырывались дикие звуки. Люди, поодиночке сидевшие в клетках, пытались зажать уши ладонями, чтобы не слышать голос из труб. Но, судя по их гримасам и вертящимся в отчаянном протесте головам, все старания заткнуть уши были напрасны. Куда бы каждый в квадрате своей клетки ни тщился скрыться от звуков, тряс ли он отчаянно ее прутья или оглушенный бросался на пол, подвижный раструб неумолимо, как магнит, преследовал голову пленника.

Архивариус опустил бинокль, вопросительно взглянул на Секретаря и вернулся к наблюдению за означенной сценой.

— С незапамятных времен, — шепнул ему на ухо Секретарь, — там расположено огороженное место, где демагогам, властителям-тиранам и краснобаям приходится изо дня в день слушать собственные речи, какими они некогда соблазняли и подзуживали народ. Пугает их не только пустая чуждость собственного прижизненного голоса, но бесконечный повтор посулов и пророчеств, чья лживость и чванство теперь их разоблачают. Ведь они знай себе мололи языком и до самой кончины не желали понять, до чего же скверными второразрядными комедиантами были всю свою жизнь. Взгляните, как один шевелит тщеславными губами и твердит все те же слова, а другой в соседней клетке, точно ярмарочный зазывала, вращает глазами и поневоле повторяет все позы и жесты, какие использовал, произнося речи! Каждый сулил золотые горы, он, мол, и солнце с небес достанет, а теперь небеса разъясняют им, что солнце-то осталось на своем месте. Теперь они, пожалуй, много бы отдали, чтобы начисто вытравить свои политические проповеди, пустословье, каким морочили голову своим современникам, и отменить сотворенное зло. Но голос из трубы не отпускает. Иначе говоря, продление срока в нашем промежуточном

царстве не всегда означает преимущество.

Роберт согласился с этим замечанием Секретаря, ведь оно явно справедливо не только в данном случае, но ввязываться сейчас в дискуссию ему не хотелось. Неприятности, которым здесь на свой лад подвергался каждый, странным образом противоречили всеобщему желанию оставаться в городе за рекой как можно дольше. Вероятно, это тоже атавистический порыв жизни, из времен по ту сторону реки.

Однако его интерес был еще настолько прикован к происходящему в клетках демагогов, что он не стал углубляться в эти мысли. В бинокль он видел, как приверженцы тиранов, вот только что встречавшие своих идолов истерическим ликованием, теперь с отвращением отворачивались от клеток. И вообще уже мало кто ненароком задерживался возле какого-нибудь краснобая. Но и эти, хоть и не желали признаться, что обманулись в развенчанных народных вождях, и, судя по их поведению, полагали, что в словесах и речах все же кое-что было, — эти тоже, немного послушав шквалы фраз, пристыженно отворачивались от фальшивого театра. В конце концов лишь обитатели клеток аплодировали излиянию собственной смехотворности — и тотчас же

вновь затыкали руками уши, чтобы ничего не слышать. Мученики так не выглядят, сказал себе Архивариус. Это былые фантастические фигуры, опровергнутые реальностью.

Секретарь привлек внимание Роберта к служителю, который со шваброй и ведром поочередно входил в клетку за клеткой и подтирал ядовитую слюну, непрерывно капавшую из трубы. Он также сообщил, что в Архиве хранятся грампластинки, где, как Хронисту, наверное, известно, в особом отделе собраны фразы, запечатлевшие злоупотребление словом, — правда, лишь в весьма ярких примерах, для устрашения. Раньше Роберт в подобных случаях стыдился своей неосведомленности и только молча кивал; теперь он признался, что, помимо короткой реплики старого Перкинга, вероятно имевшей в виду именно это, он ничего об этом не слыхал, но непременно возьмет на заметку.

Словно под колпаком, жаркий свет тяжким грузом лежал на площади. Роберт опустил бинокль и воспользовался веером. Мраморный парапет балюстрады мало-помалу нагрелся, так что прикасаться к нему не хотелось. Дотоле увлеченный деталями, Роберт невооруженным глазом обвел всю площадь. Его поразила тишина, в которой

все происходило. Нарушал ее лишь ритмичный шумок поблизости, когда Великий Дон похлопывал кожаными перчатками по голому парапету. Поэтому события на четырехугольной арене еще больше походили на немой кукольный спектакль. Фигуры ваянга, театра теней, скользили перед ним с чопорной торжественностью, механически и несамостоятельно, подчиняясь жестам распорядителей.

Пары, проходившие мимо балкона, мимо господина в сером цилиндре, тоже неизменно относились к разным группам. То две женщины, то двое мужчин, то мужчина и женщина. Казалось, они мало знакомы друг с другом, напротив, будто впервые соединились согласно высокому порядку, нерасторжимо их связавшему. Зачастую они держались один от другого на расстоянии вытянутых рук, но дальше отойти не могли, сколько ни дергали и ни тянули. Другие же шагали в полном согласии и примирении, вместе помахивая руками.

Неравные партнеры шли рука об руку: обвиняемый и судья, лесничий и браконьер, ограбленный и вор, жертва наезда и шофер, обманщик и обманутый, коварный друг с любовницей, проигравший с выигравшим, доносчица

с оскорбленной. Словно шестеренки, чьи зубцы подходят друг к другу, преступники соединялись с жертвами, заимодавцы с должниками, убийцы с убитыми, замученные с мучителями, добро со злом, «да» с «нет». Не всегда, опять пояснил любезный Секретарь, это именно те, что в жизни нанесли друг другу обиду, такое тоже бывало, но редко, здесь просто типичные представители своей группы, активной или пассивной живой группы, крайности, получившие свой приговор, половинки, вновь составившие органическое единство. Вот так, по словам Секретаря, уравновешивают друг друга любовь и ненависть, печаль и радость, справедливость и несправедливость, насилие и доброта, невинность и похоть, черное и белое, насмешка ищет серьезность, слеза — смех, разочарование — веру, беда — утешение, но и наоборот: утешение — беду, вера — разочарование, смех — слезу, серьезность — насмешку.

— Если вы, — сказал Секретарь Роберту, — наведете бинокль на самую середину площади, то увидите там колесо счастья, откуда каждый вытягивает назначенный ему билет.

На указанном месте Архивариус увидел, как люди теснятся вокруг большого лотерейного барабана, ярко расписанного драконами и де-

моническими животными. Вытянутый номер каждому писали светящимися цифрами на спине.

— Любой из номеров, — продолжал Секретарь, — предусмотрен дважды, таким образом всяк выбирает себе собрата по судьбе. Есть, конечно, и незначительное число пустышек, которые в данном случае, если угодно, суть билеты свободные и счастливые, ведь они означают, что для вытянувшего покуда не нашлось равновесного партнера. Те, кому партнера по билету не нашлось, на время получают отсрочку, а затем их нередко определяют на службу к непосредственно городским властям, например в качестве чиновников низшей и средней ступени, охранников, служителей, распорядителей, регистраторов, посыльных, курьеров, надзирателей и прочая, чей срок пребывания здесь в целом более продолжителен. При розыгрыше билетов Префектура использует давний надежный трюк, сиречь божественную иронию: каждый остается в плену иллюзии, будто он сам свободно выбирает свою судьбу, тогда как на самом деле вытягивает предназначенный ему билет. Ведь активных и пассивных, которые поначалу бесконтрольно скапливаются в городе, иначе не сбалансировать

в совокупности, однако, чтобы покинуть город, баланс совершенно необходим. И таким вот способом — в лексиконе нашей Префектуры он зовется божественной иронией — для отдельного участника здесь до конца сохраняется иллюзия свободы воли, являющей собой и при жизни людей излюбленный самообман.

Секретарь, казалось, сам находил удовольствие в этом объяснении, которое жужжал Роберту на ухо. Архивариус, изумленно внимавший его словам, оставил место у парапета, отошел на несколько шагов назад.

— Кто же, — наконец спросил он, — перемешивает билеты-су́дьбы?

— Великий Дон, — ответил Секретарь.

Архивариус бросил взгляд на господина в сером цилиндре, который, словно небрежный зритель, тут и там встречался ему в городе, а теперь недвижно принимал парад, где мертвые отделялись от умерших. Делая знак перчатками, он сообщал каждой идущей мимо паре окончательное решение — покинуть город, а стало быть, и последний остаток своего «я». Сейчас он прервал однообразную серию хлопков перчатками по мрамору. Роберт увидел, как он взялся за шляпу и приветственно взмахнул ею перед проходящей

парой.

Секретарь, протиравший очки, подтвердил Робертово предположение, что этот жест знаменует оправдание. По каким причинам порой в последнюю минуту выносили оправдательный приговор, никто не знал. По мнению Секретаря, в таких случаях — они, вот как сейчас, сеяли в рядах штабной свиты некоторое беспокойство — можно предположить, что, составляя пары, контрольные органы ненароком что-то проглядели. Может, баланс оказался небезупречен, может, упустили из виду, что один из партнеров еще не выполнил свою миссию до самого конца, а может, и по какой-то иной причине — так или иначе, от неподкупного взора Великого Дона ни одна погрешность не укрывалась. Он не говорил ни слова и никогда не мотивировал свое решение, предоставляя чиновникам Префектуры с их духовными пастырями и переводчиками искать объяснение его приговору и выявлять ошибку. На это уходило много времени, и зачастую требовалось обстоятельное расследование, чтобы объяснить наконец приговор Великого Дона, почему умерший, демонстрируя все признаки мертвого, должен пока остаться в промежуточном царстве.

Верховного Комиссара всегда ставили в известность о таких инцидентах, а потому Секретарь, наставлявший сейчас Архивариуса, тоже получил определенное представление об этих вещах. Как выяснилось, подобные решения Великого Дона неизменно были вполне обоснованны. Впрочем, расследования касались исключительно случаев, которые для их участников означали избавление от незамедлительного странствия в Ничто и отсрочку, тогда как обычный хлопок перчаток проверки не требовал и считался непреложным приговором.

Роберт с любопытством отошел к боковому парапету балкона и увидел, что тем временем пару отделили от уходящего эшелона и отвели в сторону. Он поднес к глазам бинокль, чтобы рассмотреть лица. Один был бородатый мужчина, у которого на лацкане пиджака красовался значок с линейкой и тростью, в другом он узнал Леонхарда, своего юного помощника. Архивариус невольно выразил удивление, однако Секретаря эти его личные отношения, кажется, ничуть не интересовали. Когда же Роберт в возбуждении хотел было поспешить по лестнице на площадь, он остановил его: дескать, не стоит идти на поводу эмоций.

В движенье процессии возникла заминка. Наблюдатели и сигнальщики махали руками, туда-сюда сновали связные, поднимались сигнальные флажки. Видимо, происходило более-менее значительное перестроение, в результате многие пары стали в ряд, точно звенья длинной цепочки. Малейший жест — и эти человеческие цепочки, словно огромные змеи, устремлялись то вперед, то назад.

Господин в сером цилиндре покинул свой пост у парапета и с равнодушной миной прошелся по плитам балкона. Остановился перед Робертом, проникновенно посмотрел на него, на миг обнажив красивые белые звериные зубы. Взгляд Великого Дона прошел сквозь Архивариуса куда-то в бездонные дали. Величественным жестом он обвел площадь.

Роберт прикинул, не пора ли замолвить словечко об Анне. Изначально-то он рассчитывал потолковать об этом с Верховным Комиссаром. Однако ж, поскольку ему покуда так и не сообщили, когда состоится разговор, да и вообще, как он понял, соответствующими правомочиями обладал именно господин в сером цилиндре, он решил воспользоваться благоприятным случаем.

Разве он не готов, разве не во всеоружии? Как

фехтовальщик, он готов биться за Анну, отразить все финты и выпады могучего противника и побороть судьбу.

Первым делом он в любезных словах поблагодарил за возможность вместе с Великим Доном присутствовать на этом смотре, на грандиозном спектакле, который уже обогатил его новыми знаниями и, как он полагает, принесет еще не одно важное открытие. Высокая привилегия, какую Великий Дон таким образом оказывает его скромной персоне, чрезвычайно ценна для него, тем более что пауза на площади позволяет ему непосредственно высказаться по личному вопросу.

Удачное начало. Великий Дон любезным жестом предложил ему продолжить.

Роберт коротко обрисовал обстоятельства, в каких был призван в город, не понимая на первых порах, что находится живым в царстве мертвых или, точнее, в царстве умерших. Упомянул встречу с людьми, которых близко знал еще по временам до перехода пограничной реки и с которыми продолжил некогда начатую жизнь, то есть так полагал он сам, но в некоторой степени, пожалуй, и другие тоже, а затем заговорил об отношениях с Анной.

— И вот в чем заключается моя просьба, — сказал Роберт. — Отпустите Анну. Приподнимите шляпу, коли Анна скользнет здесь мимо вас, приподнимите ее, как только что приподняли, махнув Леонхарду, моему помощнику, и, чего я не забуду, однажды приподняли передо мною на ночной Фонтанной площади, когда я шел от Анны. Позвольте мне видеть в этом добрый знак для моей просьбы. Я знаю, вы связаны законом… собственно, вы сами и есть закон. С законом вряд ли возможно договориться, а еще менее возможно вступать с ним в торг. Но это отнюдь не входит в мои намерения. Я не прошу, чтобы Анну отпустили ради меня, напротив…

Роберт вдруг осекся. Не знал, как продолжить фразу. Глупо ведь — указывать Великому Дону на вероятность неких ошибок, которые могли возникнуть по недосмотру низших контрольных органов. Коль скоро дело впрямь обстоит так, господин в сером цилиндре разберется и без него. Наверно, будет лучше сказать, что миссия Анны еще не достигла полного завершения.

— Конечно, мне хочется этого и ради себя, — поправился он, — хотя вы могли бы возразить, что с моей стороны разумнее не поднимать столько шума вокруг собственной персоны. Я всего лишь

хотел изложить причины, побуждающие меня замолвить перед вами словечко об Анне. Ведь именно вы некогда исполнили просьбу живого отпустить его любимую из вашего царства, позволили Эвридике, пока она окончательно не превратилась в ничто, вернуться в ее земной образ. Вам незачем напоминать мне, что Орфей тогда упустил эту милость… или вы полагаете, что в силу срока, какой Анне дано было провести со мною, она уже получила свою долю от бесконечности счастья? Как мастер Архива я вижу, что в определенных условиях мгновению дозволено продолжиться, и коль скоро духовной форме порой достаточно малого бессмертия, то, наверно, его достаточно и форме телесной. Я знаю, что́ вы хотите сказать: мол, каждая влюбленная пара, а не только Роберт с Анной взыскуют такого шанса. Но речь идет о предпосылках. Разве в нашем случае закону не важно, что будут спасены вечные чувства, что любовь сохранится навсегда?

Как хорошо, что он вспомнил эту фразу, которую составил вчера, готовясь к разговору, и, чтобы действовать наверняка, решил воспользоваться и другими вчерашними фразами. Быстрым движением он несколько раз провел по волосам, словно причесал их неуклюжими пальцами.

— Вы не отвечаете, — продолжал Роберт. — Хотите намекнуть, что умершие чувства вернуть к жизни невозможно? И правда смело, что касается Анны. Когда я прибыл сюда, она считала меня одним из ваших, умершим, пока… Ну, вам известно, что она-то и дала мне в руки ключ к тайне города. Без нее я бы так и остался в неведении.

Он в точности помнил свои фразы.

— Дóлжно ли из вашего молчания заключить, что, поняв это, мы утратили невинность? — спросил он после паузы. — Она узнала во мне живого, а я с ужасом понял, что обнимаю призрак. Все время я избегал и даже весьма опасался упоминать при ней о своей должности Архивариуса, поскольку инстинктивно чувствовал, что здешним существам от этого не по себе… но истинной причины знать не знал. Стало быть, я один виноват, если Анна лишь в последнюю минуту поняла, что беззаветно любит живого, и теперь вновь тоскует по сладостной тщете жизни. Да, я виноват, только вот оказался виноват невольно, по слепоте, хотя должен бы сообразить, что в миг единения каждый в отдельности растворяется и оттого уже как бы вершится умирание. Не было нужды с такой жестокостью показывать мне, что мистерия любви есть таинство смерти.

Великий Дон по-прежнему молчал. Они стояли на балконе вдвоем, друг против друга, ведь после первых же слов Архивариуса вся прочая свита удалилась. Секретарь Верховного Комиссара тоже ушел в зал. Роберт снова заговорил и следующую фразу произнес с победоносным выражением, как заучил:

— Ради Анны я не пренебрегал ни своей службой, ни интересами Архива. Такого вы всерьез утверждать никак не можете.

Собеседник внимательно слушал.

— Вероятно, — продолжал Роберт, — с вашей точки зрения было бы лучше, если б я пренебрег своей службой. В ваших глазах это стало бы безусловным доказательством моей любви, которого вы, похоже, еще ждете. Возможно, задание Префектуры, как изначально предполагал мой отец, было всего-навсего предлогом испытать на Анне мою судьбу, и она была права, наивно воображая, что я отправился сюда следом за нею. То, что я полагал своей обязанностью перед Архивом, вы зачтете мне как не в меру корректное поведение или, вернее, вычтете. Коль скоро надобно еще доказательств, что я ручаюсь за нашу любовь, скажу вот так: либо Анне вернут жизнь, либо пусть меня самого заберут к ней, в царство мертвых. А чтобы

вы убедились, что разлучаться мы не желаем не просто ради игры чувств, я не стану, как Орфей, требовать возвращения любимой в жизнь, мне будет довольно, если вы продлите ее пребывание в этом промежуточном краю. Да, в этом промежуточном краю, где, как я теперь понимаю, мы, сущности, бытуем как призраки жизни, не имея к ней касательства в полном смысле, и где нами одновременно властвует смерть, хотя мы пока не падаем беспамятно в ее объятия. Только не говорите, что-де отвергающий жизнь вовсе не обязательно будет принят смертью. Я сижу на пороге меж двух врат. Здесь уже сиживали маны, сиречь души умерших, — Одиссей, Эней и иные. Они витали, бродили вокруг, оставались или возвращались домой. Но судьба Анны — моя судьба.

Великий Дон не шевелился, склонив голову набок и словно прислушиваясь к произнесенным словам или ожидая новых. Роберта охватило нетерпение.

— Вы молчите! — вскричал он, огорченно избегая его взгляда. — Стоите недвижно и даже не улыбаетесь! Значит, приходится сделать вывод, что говорил я напрасно. Вы мне не верите. Упорствуете. Анна, мол, сама оборвала свой путь, потому что, получив разрешение переехать из

города в вольный поселок, пренебрегла предупреждением Префектуры не ускорять процесс — я имею в виду не юридический, уже завершенный, а собственное полное растворение. Не стоило ей опрометчиво наверстывать непрожитую любовь, смысл был, наверно, таков, и, восполняя нашу любовь, она исчерпала здесь свою судьбу. Понятно, что вы не хотите высказываться. Я признаю, что мы поддались иллюзии, и вспоминаю в этой связи слова моего отца, который, увидев, что мы с Анной вместе, произнес над нами нечто вроде священного проклятия: здесь никому не уйти от своих иллюзий. В нашем разговоре я признаю себя побежденным.

На секунду Роберт замер, стараясь взять себя в руки. Лицо его побледнело.

— Но нельзя ли ей, — сказал он в заключение, — помогать мне в Архиве, например вместо Леонхарда? Беру на себя смелость сделать такое предложение, потому что уверен, Леонхарда отсюда не прогонят. Разве она не заслужила, чтобы ее приняли в иерархию города, в число правящих духов, свободных от смены жизни и смерти и тем подтверждающих вечность бытия? Ее присутствие будет вдохновлять меня, когда я обращусь к своей прямой задаче и наконец напи-

шу в хронике обо всем, что видел здесь, слышал и пережил. Она дала мне ключ. Ее присутствие могло бы дарить радость и силы не только мне, но каждому, кто работает над топографией бытия, чтобы разрешить проблему квадратуры круга.

Роберт закончил свою речь, и господин в сером цилиндре, могущественный молчальник, поблагодарил его беззвучными аплодисментами. Иного знака он не подал.

Любезный Секретарь — он снова подошел к ним под конец Робертовой речи — тоже поздравил Архивариуса и сообщил, что Верховный Комиссар ожидает его завтра на закате. Роберт принял эту весть с вежливой благодарностью, однако без особого интереса.

Прежде чем занять свое место у балконной балюстрады, господин в сером цилиндре немного пошептался с Секретарем. Тот почтительно кивнул. Господа из свиты, возвращаясь на свои прежние места, благоговейно держались поодаль от Архивариуса, удостоившегося столь долгого разговора с их начальником. Смотр продолжился, а Роберт ушел с балкона в зал и сел за пустой стол. Секретарь склонился над ним, легонько похлопал по плечу.

— Всем известно, — с привычной любезностью

сказал он, — что Великий Дон упрям. Его решения зачастую повергают в изумление.

Когда Роберт поднял на него глаза, Секретарь вдруг заметил, что в глазах Архивариуса мерцает что-то от бездонного взора Великого Дона. И оставил его одного. Роберт скрестил руки на столе, положил на них голову. Закрыл глаза и уткнулся лбом в свою прохладную ладонь.

XVIII

Как долго сидел вот так в изнеможении, Хронист не знал. Он просто вконец обессилел и полагал, что провел много часов в глубоком раздумье, в состоянии полной пустоты бытия. Однако, когда он очнулся, солнце по-прежнему стояло в полуденной вышине. Вероятно, прошло лишь несколько минут, но чувствовал он себя посвежевшим и словно избавленным от кошмара.

В зале царила все та же суматошная возня, а на балконе, стоя у парапета, Великий Дон со своим штабом принимал парад, возобновившийся на площади Префектуры. Роберт поискал взглядом Секретаря, но вместо него увидал перед собой Леонхарда. Юноша стоял, склонив голову набок, миндалевидные глаза блестели, контуры тела четкие как никогда. Он принес деревянную чашку с горячей кашей, Архивариус поблагодарил и тотчас принялся за еду. В ходе разговора оба не скрывали, что рады новой встрече, и Роберт узнал, что по распоряжению розовощекого Секретаря, который ввиду занятости просил извинить его отсутствие, Леонхарда определили к Архива-

риусу курьером и проводником.

Исчезла не только тревога, что в последнее время нападала на Леонхарда в Архиве, но и уныние, какое Роберт чуял в нем с самого начала, казалось, тоже совершенно исчезло, и все это благодаря продлению срока, дарованному Великим Доном. С Архивариусом он теперь держался естественно и уверенно, но все с тою же преданностью. Если он и разговаривал с Хронистом без робости, возникало впечатление, будто он стремится что-то исправить и помочь ему.

Когда Роберт покончил с едой, Леонхард забрал чашку и ложку и пригласил Хрониста следовать за ним. По дороге через светлые коридоры он вымыл чашку и ложку в одной из раковин и сунул под мышку, а затем, прихватив фонари для себя и для Архивариуса, по крутой лестнице спустился со двора в глубину. Подземный ход, по которому они направились на северо-запад, только-только позволял обоим шагать рядом. Чем дальше от района Префектуры, тем больше тускнел свет, так что фонари были очень даже кстати.

Юноше определенно поручили доставить Хрониста к вполне определенной цели, но об этом он пока ни словечком не обмолвился. Зато охотно рассказал о своем бородатом партнере, ведь

им обоим выпал жребий идти в одну сторону, в ничейную землю, хотя и не вместе. Это был учитель, насаждавший в юных сердцах страх, отчуждавший их от мира, тот самый, чья метода сыграла едва ли не решающую роль в том, что семнадцатилетний Леонхард, беспомощный, опозоренный, слишком далеко заплыл в ночное озеро и погиб. Роберт тоже вспомнил этого злобного тирана их школьных лет, ведь его мелочное властолюбие доводило их до исступления, а несправедливость оскорбляла до отчаяния.

В те годы Роберт с Леонхардом по-настоящему не дружил и настойчивые попытки Леонхарда свести дружбу ни к чему особо не привели по причине беззаботной Робертовой натуры, однако они всегда были добрыми одноклассниками. И теперь Роберт попросил юношу называть его, как в школе, на «ты». Но как ни приятна была Леонхарду эта сердечность, слово «ты» с трудом слетало с его губ и, чтобы не оговориться, он большей частью избегал обращений. Ему казалось, их разделяет чуждая прослойка, слишком долгое время каждый прожил в одиночку, и в конце концов он так и остался семнадцатилетним, тогда как Роберт стал более чем вдвое старше.

— Вернее сказать, — отвечал Роберт, — у тебя

есть преимущество, которого у меня не будет никогда, ты ведь здесь давным-давно как дома, а я всего лишь гость и чужак. Быть может, в этом-то и заключается причина неловкости.

— Уже нет, — заметил юноша, — мне тоже кажется, будто меня только терпят, а вдобавок теперь известна суть здешнего бытия. — Он имел в виду: известна Архивариусу.

— Наш старый учитель, — спросил Роберт, — твой партнер на смотре, осознал свою вину?

— Все его помыслы, — весело сказал Леонхард, — были только о грибах, которыми он в конце концов отравился. Кем я некогда был, для него дело прошлое, давно забытое, хотя, может, он притворялся, лицемерил, как всегда.

Архивариуса очень занимал вопрос воздаяния. Но Леонхард объяснил, что эта потребность присуща лишь духу живых. Что до него самого, то месть, и ненависть, и бессилие угасли, как только он угодил в водоворот и понял, что возврата нет. Если уж винить, то самого себя или незрелость юности. Его манил страх перед инфернальностью, который подсознательно выстроил все жизненные обстоятельства так, что они не могли не привести его к безвременной гибели.

— Внешних поводов много, — сказал он, — а

причина всегда в нас самих.

С той же искренней прямотой, которая в разговорах с умершими не раз повергала Хрониста в изумление и теперь тоже ошеломила, юноша заговорил о том, что образ водоворота, беспощадное притяжение глубины не покидали его здесь ни на миг. Так что он понимал и старика-учителя, рассуждавшего только о грибах, от которых он умер. Леонхард не хотел обобщать, но отметил, что, по его наблюдениям, большинство последних жизненных впечатлений ярко отпечатывалось в памяти, тогда как все прежнее, сколь его ни удерживай, постепенно утрачивалось и лишь в особенных случаях вспыхивало молнией воспоминания.

Роберта это не удивило, тем паче что в целом весьма напоминало процесс, в жизни хорошо знакомый: когда в изолированном от внешнего света помещении выключаешь яркое искусственное освещение, ты еще некоторое время отчетливо видишь образ предмета, последним запечатлевшегося на сетчатке, меж тем как все остальное мгновенно тонет в темноте и лишь усилием воли позднее можно воскресить его в памяти.

Та роль, какую здесь играл одиночка, определялась, по вещему признанию Леонхарда, ужасной

секундой умирания. Под секундой он понимал не меру времени, но специфическую фазу перехода, когда каждое объятое смертью существо теряет сознание жизни. Живые люди видели эту фазу как агонию, долгую или короткую и в их глазах тяжкую или не очень, но подлинное ее переживание открывалось лишь умершему. Ведь без этого загадочного тварного переживания, без этого ощущения, что в акте умирания происходит рождение смерти, невозможно находиться здесь, в промежуточном царстве. Это — необходимый мостовой сбор. Насколько было известно юноше, иные норовили обманом лишить себя переживания смерти, догматики-материалисты, виталисты, так вот, их ожидала участь тех рукописей, что, едва поступив в Архив, быстро становились жертвами распада. С другой стороны, так называемая мгновенная смерть: паралич сердца, несчастный случай, пуля — то бишь обстоятельства, когда обычно говорят, что усопший ничего не почувствовал, не испытывал мук, — вполне позволяла пережить ужасную секунду. У Леонхарда были тому доказательства, поскольку он некоторое время разбирал в Архиве протоколы ужасной секунды, чрезвычайно важное для Префектуры собрание. Эти как бы сейсмографи-

ческие записи регистрировали нередко ужасные, а нередко просветленные картины, какие умерший приносил сюда из уже никчемной сферы своей жизни.

Наверно, из-за промозглости воздуха в сумрачном коридоре, где на каменных стенах поблескивали в свете фонарей капли влаги, по спине у Архивариуса пробежали холодные мурашки. Он поднял воротник пиджака.

— Мы уже одолели больше половины пути, — подбодрил Леонхард, — и скоро будем у Решетчатых ворот.

— Ладно, ладно, — сказал Архивариус, которому хотелось только, чтобы Леонхард продолжал говорить, помогая ему справляться с превратностями пути. Его мысли снова обратились к учителю, ведь по мановению господина в сером цилиндре отсрочку получил и он, поскольку оправдание распространялось на обе части взаимосвязанной пары.

Юноша подтвердил, однако заметил, что неизвестно еще, к кому из них двоих относился приговор Великого Дона, явившийся для него самого полной неожиданностью. Очень может быть, что добавочное продление срока, эта новая пядь земли под ногами, обусловлено не его пер-

соной, а бывшим учителем.

Роберт, все еще в поисках равновесной справедливости, возмездия и искупления, слышать не желал о такой возможности.

— Уважаемый Архивариус, — сказал Леонхард учтивым тоном помощника-фамулуса, — по-прежнему мыслит моральными понятиями своей жизни, и это вполне естественно.

— Мне, — отозвался Хронист, — не раз уже довелось убедиться, что никто здесь не попадает в ту категорию, на какую он более-менее рассчитывал соответственно своим достоинствам или недостаткам. И все же, если я правильно понял Секретаря, в основу смотра заложен закономерный принцип. А именно произвести общее уравновешивание вины и невиновности. Правда, коллективно, то бишь в целом, а не индивидуально.

Леонхард тотчас согласился, хоть и не счел эти соображения очень уж важными. По его разумению, действия Великого Дона непостижимы для умерших, запредельны для их опыта. Если верить Леонхарду, парная расстановка в общем-то служила статистическим целям, чтобы доказать равновесие имманентного. Покинув арену Великого Дона, пары вновь разъединялись. Де-

монической стезей, которую им указали, каждый должен пройти в одиночку.

Тем временем они добрались до кованых ворот, сквозь решетку которых сочился бледный свет дня, а стало быть, до выхода из туннеля отсюда рукой подать. Кучка охранников в тулупах сидела в скальной нише, играла в кости. Когда Леонхард громко назвал пароль, один из хмурых парней нехотя поднялся и ржавым ключом отпер городские ворота. Створки заскрипели в петлях и открылись только наполовину. Зевая, охранник вернулся на прежнее место.

Когда Роберт с Леонхардом вышли из туннеля, перед ними раскинулось бездорожное пространство, сплошь усыпанное каменными обломками. Над головой серое небо. От молочно-яркого света у Роберта заболели глаза. В нескольких сотнях шагов сбоку, где осыпь круто обрывалась в туманную базальтовую бездну, стояла низкая постройка из грубо обтесанных камней.

— Это последний дом, — сказал Леонхард, — он расположен на самом краю города. Не всяк может добраться до него таким удобным путем, как мы. Да и вообще побывать здесь дано лишь немногим.

Борясь со шквалистым ветром, они пробились к

входу. Камни с грохотом катились в бездну. Тяжелую грубую дверь чуточку приоткрыли изнутри. Друг за другом они вошли в длинное, похожее на кишку помещение, настолько задымленное, что поначалу вообще мало что разглядели. Дым шел от смолистых сосновых факелов, источавших тусклый, мутный свет.

— Большинство гостей, — произнес решительный женский голос, — уже в сборе.

Мало-помалу Архивариус разглядел дородную особу, которая обеими руками прижимала к груди две пузатые оплетенные бутыли. Она кивнула в угол, где стоял туалетный стол с умывальным тазиком, полотенцем и платяной щеткой. Роберт снова опустил воротник и с удовольствием всем этим воспользовался. От дыма его разбирал кашель.

— Вытяжка у нас тут плохая, — сказала мамзель. — В зале будет получше. Пожалуй, пора зажечь там праздничные свечи. — С этими словами она ногой распахнула боковую дверь.

Когда Роберт привел себя в порядок, Леонхард вручил ему лист пергамента, скрепленный официальной печатью.

«Префектура города имеет честь, — гласил текст, — пригласить своего Хрониста и его друзей

на последнюю вечерю любви».

Когда Роберт вошел в зал, опять-таки тонувший в тусклом, неверном свете, хотя и менее дымном, он увидел стол в виде подковы, празднично украшенный старинными канделябрами, кубками и бумажными гирляндами. Стены, лишенные каких бы то ни было украшений, сияли свежей побелкой. Гости поднялись со своих мест, и хор мужских и женских голосов встретил его латинской формулой:

— Moribundi te salutant![4]

— Moriturus vos salutat![5] — тем же тоном отвечал Хронист.

— Salva animas nostras, — нараспев откликнулось глухой литанией, — et dona nobis pacem[6].

Архивариус занял за столом центральное место, Леонхард же, будто паж, стал у него за спиной. Перед каждым из гостей горела свеча. Дородная мамзель начала разливать по бокалам вино из своих оплетенных бутылей. Неловкая тишина потихоньку развеялась.

---

[4] Notes: 4
Умирающие приветствуют тебя! (*лат.*)

[5] Notes: 5
Идущий на смерть приветствует вас! (*лат.*)

[6] Notes: 6
Спаси души наши и даруй нам мир (*лат.*).

Среди гостей, которым после смотра было разрешено сделать тут краткую остановку, Роберт обнаружил прежде всего Кателя, и своего отца, и Лахмара, молодого путешественника в Энну, и родителей Анны, но самой Анны не увидел. Он посчитал это добрым знаком: наверно, ей, как и Леонхарду, продлили пребывание в городе. Затем он испытующе обвел взглядом остальных приглашенных Префектурой. И прямо-таки испугался, сообразив, что неплохо знал каждого при жизни. С некоторыми встречался буквально перед отъездом в город за рекой. Должно быть, роковая судьба настигла их, когда он уже находился здесь, а значит, пробыл он здесь много дольше, чем полагал до сих пор. Хотя большинство почило гораздо раньше. И поскольку в городе он их не встречал, то думал, что они давно ушли в те эмпиреи, куда направляются только теперь. И его охватила щемящая радость, что можно сказать всем последнее прости.

Вот его друг-поэт, который умер от горя, истерзанный злобным духом эпохи. Чело его по-прежнему сияло, рот отмечен страданием. Роберт часто гостил у него, и в доме, и в стихах его семи сборников, которые нашлись и в Архиве. Первый тост будет за него, и Роберт воскликнул:

— Пусть вовек земля пребудет / Садом поэзии нашего духа! — С этими словами поэт некогда сам обращался к покойным друзьям по застолью.

В ответ друг-стихотворец широким, слегка неловким жестом поднял бокал и произнес:

— Отныне и вовек! — Но прежде чем поднести бокал к губам, добавил: — Тем не менее жаль, что все миновало. Земля, прекрасная звезда наших трудов, существует только, пока пребываешь на ней. — Сделав изрядный глоток, он еще некоторое время задумчиво держал бокал в руке, потом сказал: — Знаешь, Роберт, напоследок я жил в катакомбах. И погубило меня безумие тех немцев, что враги сами себе.

— Ты, — сказал Роберт, — хранил верность Пановой музыке.

— Я больше не хочу, — обронил поэт в пустоту, повторив последние слова, слетевшие с его уст в секунду смерти.

Одного за другим Хронист приветствовал участников застолья — дрезденского актера, чей булькающий смех всегда звучал словно крик лошака, пражского архитектора, Лео, критика-искусствоведа с китайской бородкой на дергающемся, гримасничающем лице. Рядом с Кателем он увидел Эрдмуту, возлюбленную своих

юных лет, а вон там махала рукой Ютта из Рейнланда, погибшая в пожаре. Надо же, от неуемного волнения она едва не опрокинула бокал. Йоахим Фельде, остроумец, давний приятель с радио, оживленно жестикулируя, беседовал с мсье Бертле. Явился на прощальную трапезу и неунывающий, ироничный, изворотливый Бебюкéн, он так ловко врал, чтобы пробиться в жизни, но в конце концов пришлось ему сунуть премудрую голову в самодельную петлю. А следом за ним пришел художник-оформитель, которого они когда-то звали Нескончаемая Радость, пока вздох земли не задушил его.

Чуть наискосок напротив Архивариуса сидел господин лет пятидесяти пяти, спокойно наблюдавший за собранием. Умная крестьянская голова, лицо в глубоких складках от размышлений и страданий. На носу пенсне в черной оправе. Вялая морщинистая шея выглядывала из слишком просторного теперь ворота рубашки.

— И вас тоже, — сказал Роберт, — мне дано увидеть еще раз?

— Неопределенность бесконечна, — любезно сказал профессор, возглавлявший кафедру католической философии, — а дерзость всегда начинает сначала.

— Ваша давняя тема! — воскликнул Роберт.

Когда профессор Мунстер горячо попросил Архивариуса молиться и за него, дабы приобщился он к милости Божией, Роберт ответил, что он все больше отходит от христианской догмы белой расы.

— Раньше, — сказал профессор, — вы называли молитву западной формой медитации. Медитируйте. Это единственное, что еще способно помочь.

Роберт вспомнил о мучительном недуге, постигшем почтенного друга. В ходе болезни его набожность только усилилась. А как же обстоит теперь, когда он на самом деле заглянул в город за рекой? Архивариус намекнул на разочарование, которое, должно быть, произросло из веры философа, ведь после смерти все, как оказалось, устроено иначе, нежели он представлял себе при жизни.

— Признаться, — терпеливо и скромно отвечал профессор, — это труднейшее экзистенциальное испытание.

— Я во всем вижу здесь, — заметил Архивариус, — лишь свершение беспощадного закона.

Леонхард как бы невзначай толкнул стул, и Роберт быстро оглянулся на него.

— Или? — вопросительно закончил он.

— Или место, — лукаво сказал профессор, — где мы наконец-то отучаемся негодовать на самих себя.

Хронист озадаченно молчал, обнимая ладонью бокал.

— Стало быть, — сдержанно уточнил он, — милость самораспада?

— Последнее препятствие перед божественным единением, — таков был уверенный ответ.

— И каково же было последнее слово, — спросил Роберт, — произнесенное вами в сознании жизни?

— Последний возглас был: Metanoeite! — отвечал философ. — Опомнитесь! Преобразитесь! — И, глядя на Хрониста, безмятежно поднес бокал к губам.

Дверь отворилась, в зал вошел новый гость. Худой, с седыми волосами, тщательно причесанными на пробор, с мягкими, осторожными движениями, которые придавали всему его существу какую-то хрупкую неустойчивость. Служитель, незаметно придерживая за локоть, подвел его к столу.

— Привет, привет! — бодро проговорил вновь прибывший.

— Добро пожаловать! — воскликнул Роберт, пытаясь скрыть изумление, что видит в этом кругу и его, и пожимая руку, которую тот протягивал в пустоту. Доктор Хан, любекский коммерсант, был слеп.

— Хм, ну да, конечно, сразу и встреча, и прощание. Ведь этак-то проще. Здесь чуточку многовато от Спарты, вы не находите? — сухо хохотнул он.

Он занял место напротив Роберта, и тот с удовлетворением констатировал, что доктор Хан не утратил еще остроумной манеры вести разговор, которая при жизни часто восхищала его и завораживала.

— Всего лишь секундная вспышка в мозгу, — обронил слепой. — Хм, ну да. Позорного банкротства я аккурат успел избежать, как внутреннего, так и внешнего. На корпус впереди пришел здесь к финишу. Хм. Внезапные решения редко бывают наилучшими, однако fait accompli[7] по меньшей мере создает ситуацию, не подлежащую отмене. Ну да. Прежнее есть всегда лишь подготовка к позднейшему. От себя не уйдешь.

Он осторожно водил рукой над столом, пока не нащупал винный бокал, из которого принялся

---

[7] Notes: 7
Свершившийся факт (*фр.*).

пить мелкими глоточками. Роберт угадывал личный смысл в абстрактной формулировке доктора Хана, который в молодости при попытке застрелиться потерял зрение, а тридцать лет спустя, чтобы уйти от политических палачей, вторично обратил оружие против себя. Теперь он говорил о том, что в этом городе, чьи традиции издавна его интересовали, ему более всего импонирует конструктивность.

— Поразительно, — сказал он, — как иерархия развилась в органическую бюрократию. Хм, ну да. Все символы здесь опять простая реальность, насколько я мог видеть.

— Вы снова можете видеть? — спросил Хронист.

— Я просил рассказывать мне, — отвечал коммерсант, — хотя с прибытием в город вновь обрел зрение. Физические изъяны, полученные при жизни, в мнимом мире исчезают. Тоже своего рода просветление. Ну да. Хм. Я им не пользуюсь. Если всегда узнавал о людях и обо всем окружающем только из рассказов третьих лиц — о чуткости других органов чувств мы сейчас говорить не будем, — то, представьте себе, в какое смятение я бы пришел, увидев, что многолетнее мысленное представление, например, о красивой

молодой женщине или о вас, уважаемый друг, вдруг сменилось совершенно конкретным портретом. Я не любитель подобных корректив.

— Вы, — сказал Архивариус, — за консервативное… вплоть до пароксизма.

— Ну да! — отвечал доктор Хан. — Большое вам спасибо за все и прощайте! Хм. Передайте, пожалуйста, привет вашей жене!

Неуклюжим рывком он повернулся к соседу по столу и включился в общий разговор. Привет Робертовой жене, разумеется, был передан только из учтивости. Слепой никак не мог, смущенно сказал себе Роберт, иметь в виду Анну, он имел в виду Элизабет. А существует ли еще Элизабет? Чья-то рука обвилась вокруг его шеи, легкая девичья фигурка села ему на колени.

— Что поделывает моя сестра Элизабет? — спросила она.

— Эрдмута! — воскликнул он, глядя на узкое личико с длинными ресницами и печальным ртом, который умел так упрямо прятаться от него. — Я не знаю, как она сейчас поживает. Она часто изводила себя мыслями о тебе.

— Все из-за меня мучились, — сказала Эрдмута, — потому что любили меня. В том числе мужчины. И ты тоже, я знаю. Никто не хотел по-

нять, что мне необходимо убегать от самой себя, снова и снова, во второе царство грез, в гашиш, в лепечущий хмель образов. Чем не угодило вам мое искусственное счастье, коли естественного не было?

— Эрдмута, — сказал он, — ты больше думала о себе, нежели о других, слишком стремилась утолить свои желания, свое отчаяние. Инстинкт сохранить себя обернулся тягой к уничтожению.

Она крепко сжала губы, взгляд беспокойно блуждал вокруг, две сердитые складки протянулись от переносицы ко рту.

— Я знаю, каково это, — сказала она, — когда человека в жизни преследуют демоны. Такое и здесь не забывается.

— Забывается, — сказал он.

Она покачала головой.

— Я так думала, когда очутилась здесь и размалывала в пыль кирпичи. Я не добрый дух для грез живых.

— Ты давным-давно стала примиренным духом моей жизни. Вот чему ты должна верить.

— И все же ты меня тогда не узнал.

Он удивленно воззрился на нее.

— Когда я, — продолжала она, — ранним утром набирала воду у фонтана.

— Ты была среди тех девушек?

Она кивнула.

— Разве же я мог догадаться, что ты была там, — сказал он. — Ты умерла, а я тогда знать не знал, что это за город, куда я приехал.

— Нам обоим все равно наверстывать нечего.

Он видел ее лицо, такое же юное, как раньше, девичье лицо, отягощенное виной и такое невинное.

— Ты тоже остался во мне молодым, — сказала Эрдмута. Он ощутил возле уха ее вздох, когда она встала и торопливо вернулась на свое место за столом.

Леонхард обратил внимание Архивариуса на то, что свечи гостей потихоньку сгорают, оплывают. И Роберт зашагал вокруг стола — пора отпраздновать с каждым из давних друзей последнюю встречу. Созвучность радости и боли вызвала потрясение, с которым он едва справлялся. Стократ дробился свет воспоминаний, и слова, последнее достояние бытия, были всегонавсего неловким и беспомощным выражением верности и благодарности сердца. Вот его вновь приветствует Лахмар, шепчет, что Энна теперь гибнет, как некогда Атлантида; вот седовласый старик, старший почтовый советник из города

на Хафеле, с мудрым спокойствием цитирует на латыни несколько фраз из «Тускуланских бесед», а вот его бесстрашный друг Йори уверяет, что люди меркурианской эпохи никогда не сумеют постичь смерть как магию жизни, в чем сам он убедился, когда, хоть и несколько преждевременно, прибыл в город, однако теперь, как он и предрекал по велению ду́хов, началась мировая эра Урана.

— Мне известно, граф Йори, — сказал Роберт, — что ваш выдающийся труд надежно хранится в нашем Архиве.

— Добрый вечер, Роберт, — прилетел из сумрака знакомый голос.

Ошеломленный, он увидел перед собой молодого врача, которого полагал целым-невредимым в морском путешествии. А тот, оказывается, сошел на берег здесь, за рекой. Роберт многозначительно приподнял и пригубил свой бокал. Глубоко посаженные, чуть узковатые глаза врача сверкали на смуглом лице, которое из-за щетинистой бороды казалось еще темнее. Он тоже пригубил бокал, сердечно кивнул Роберту и сказал:

— Теперь, проникнув в тайну Гиппократа, я бы смог лучше лечить людей.

— А в чем заключается эта тайна? — спросил

Хронист.

— Смерть есть закон жизни, — ответил врач.

Раньше, когда Роберт иной раз вел с доктором Питтом, который был на десять лет моложе, долгие ночные беседы, тот часто размышлял о целях жизни.

— Ты очень испугался, — спросил его Роберт, — когда тебя нежданно-негаданно настигла кончина?

— Нежданно-негаданно? — переспросил доктор Питт, скептически взглянув на него. — Я более не ропщу на свою участь и хотел бы, чтоб и Доретта не роптала.

В этот миг обоим виделась хрупкая женщина с осиротевшими малышами, которая никогда не узнает о последних минутах мужа, не узнает, как корабль тонул в океане, как бремя воды становилось все тяжелее, и ведь он по-прежнему чувствовал этот невыносимый груз.

— Изо дня в день печешься о пациенте, — сказал врач, — оперируешь, лечишь и радостно гордишься, коли удается хитростью вырвать у смерти преждевременную добычу, а потом людишки затевают войну с тысячами и сотнями тысяч трупов за один раз! О Господи! Что проку в спасении одиночки, когда масса вновь и вновь

слепо отдает себя произволу насильственных катастроф! — Веко у него дергалось.

— Расскажи о себе, — попросил Роберт.

— Кому-нибудь из пациентов, — взволнованно заговорил врач, будто, поведав об этом до ухода в Ничто, испытает облегчение, — я, пожалуй, могу теми или иными средствами унять боль, но не могу обмануть его насчет болезни. Я хотел оградить свою персону, хотел разумом регулировать ход жизни, вместо того чтобы следовать инстинкту. Ведь чем больше человек старается спастись, тем сильнее он притягивает рок.

— Выходит, как пациент жизни ты лечил себя неправильно, — сказал Роберт.

— Да! — запальчиво вскричал доктор Питт. — Я думал, мне выгоднее действовать самому, а не быть игрушкой событий. Ведь уже говорил тебе: смерть есть закон жизни. Этот закон не перехитришь. Победить невозможно, любые попытки обойти его тщетны. Я уразумел это слишком поздно, или можно сказать: он меня вразумил. Теперь я понимаю. Свершившееся свершилось, потому что иначе быть не могло. С метафизической точки зрения моя судьба в полном порядке. Понимаешь? Все правильно. — Веко его опять дернулось.

Роберт прекрасно понимал, опыт Архивариуса даром не прошел. Но поймут ли когда-нибудь живые — и это, и многое другое?

С отцом Роберт обменялся крепким рукопожатием. Однако советник юстиции и слушать не желал признаний сына, что он, мол, долго его недооценивал и за многое просит прощения, в чем его горячо поддержал друг-поэт, тоже давно знакомый с советником юстиции.

— Здесь и без того чересчур торжественно, — сказал старик, — ты принимаешь наш прощальный час слишком близко к сердцу. Если позволишь, я напоследок еще раз возьму руководство праздником на себя…

Роберт охотно согласился. А приятель бесстрашного Йори, совершенно лысый штудиенрат, приветствовавший Архивариуса с громогласной сердечностью, поддержал: пора, мол, наконец-то растормошить чопорную компанию.

Советник юстиции постучал по бокалу и произнес речь. Но спич был короткий, шутливый, в защиту дружеской попойки. С упоминаниями о карнавале и освящении храма, о сатурналиях студенческих времен, пирушках, выпивках и гулянках.

— Bibite![8] — скомандовал он.

И все выпили.

— За нечто особенное! — воскликнул он. — За здравие! Не отставайте! Будьте! Ex est![9]

Они пили, заливали вино в глотку, как некогда пиво. У мамзель, которая едва поспевала наливать, выхватывали бутылки из рук. Называли друг друга братишками и однокашниками, были juvenes[10] и сотоварищами.

— Bibamus![11] — восклицали они. — Еще! Кутим вовсю!

Провозгласили тост во славу Суверена, Префекта и Великого Дона, тост во славу женщин, доброго старого времени, за свободу и последнюю искру жизни. Некоторые, норовя перещеголять друг друга, поминутно вскакивали, требовали подлить вина и со стуком ставили бокалы на стол, изощрялись в тостах и чоканье. Помогали себе духовными подпорками крылатых слов,

---

[8] Notes: 8
Пейте! (*лат.*)

[9] Notes: 9
Закончено! (*лат.*)

[10] Notes: 10
Молодыми (*лат.*).

[11] Notes: 11
Выпьем! (*лат.*)

поговорок и подходящих случаю пословиц, аж воздух распирало от их многословья. Когда они начинали шуметь, слышался лишь тонкий писк, а когда им казалось, будто они распевают во все горло, слышалось что-то вроде кваканья. Они подхватили друг друга под руки, принялись раскачиваться, делая вид, будто развлекаются вовсю, будто им ужасно весело, будто они живые. Однако мало-помалу становились чопорнее, официальнее, корчили нелепые гримасы, глядели смущенно и стыдились своих дурацких выходок. Словно что-то почуяв, поднимали головы, когда по стенам ударяли штормовые шквалы.

Архивариус уже вскоре отошел от развязной шумихи, устроился в сторонке вместе с молодым врачом.

Большинство гостей поднялись со своих мест. Холод просачивался в помещение, где стало заметно сумрачнее. Доктор Питт тоже зябко потирал руки. Как только одна из свечей гасла, кто-нибудь из гостей неприметно покидал зал. Первым ушел профессор Мунстер, Лео с китайской бородкой прихватил с собой слепца. Немного погодя тихонько исчезли родители Анны. И Ютты уже не видно. Советник юстиции чуть помедлил у открытой двери, так что из коридора

в зал поползли угрюмые клубы дыма и немногочисленные оставшиеся огарки затрепетали еще пугливее. Среди последних задержавшихся, кроме Кателя, были дрезденский актер да пражский архитектор. Оба смотрели на гаснущие свечи.

— Вы готовы последний раз выйти на сцену? — спросил у актера архитектор.

— Всегда, — отвечал тот.

— Выучили уже свою роль? — спросил старший.

— Пока нет, — сказал актер. И его смех, всегда напоминавший истошный крик лошака, на сей раз остался беззвучен.

Горела лишь одна-единственная свеча. Причудливые тени бокалов и графинов колыхались на стене. Катель сидел с Робертом за опустевшим столом, с которого мамзель между тем собирала посуду.

— Что ж, — сказал Архивариус, — теперь я могу еще раз поблагодарить тебя за все, чем обязан твоей дружбе. Боюсь, не всегда тебе было легко сопровождать меня по городу, где я иначе непременно бы заплутал.

— Не я, так другой, — возразил Катель. — Просто передавай дальше все, что знаешь, тогда каждому, кто попадает сюда, не придется начи-

нать сначала. Когда ты вернешься, я попробую дать тебе знак.

Леонхард наполнил чашку, принес ее Архивариусу.

— Мне нравится, — сказал художник, — что теперь ты ходишь повсюду с монашеской чашкой для подаяний и питаешься рисом. Стало быть, — он вернулся к своей любимой мысли, — если ты когда-нибудь, сидя над своей хроникой, испуганно обернешься, полагая, что кто-то заглядывает тебе через плечо, то можешь не сомневаться, это я, хоть и не заметишь, что я брожу рядом, только услышишь легкий шум или ощутишь ветерок, для которого не найдешь объяснения. Ладно… — оборвал он себя, — что-то я заболтался. Все это возможно, покуда я здесь, в городе. В новом краю, куда теперь лежит путь, нет ни моей тени, ни какой-либо связи. Пора.

Он встал, мотнул головой, отбросив назад длинные волосы, и свечной фитилек потух.

Когда мамзель принесла сосновый факел и воткнула его в железное кольцо на стене, Роберт тщетно озирался вокруг в поисках друга. Глубокое уныние охватило его. От едкого дыма глаза начали слезиться.

Долго его не отпускало ощущение невозврат-

ности, неповторимости этих минут. Лишь то обстоятельство, что среди уходивших, а теперь по-настоящему ушедших, не было Анны, казалось ему залогом грядущего. Стало быть, вот каков приговор — она пока что останется здесь!

Леонхард шепотом осведомился у мамзель, нет ли здесь непромокаемого плаща, которым Архивариус мог бы воспользоваться на своем пути. Плаща у нее не оказалось, но она посоветовала позаимствовать у стражей Решетчатых ворот овчинный тулуп.

— Может, кто из них уступит свой, коли угостить его двойной порцией вина. — Она слила все остатки вина в один кувшин.

Немного погодя Леонхард вернулся с тулупом, перекинутым через плечо. И попросил Роберта загодя надеть его. Архивариус протестующе посмотрел на него. Он бы предпочел поспешить в Архив, где надеялся увидеть Анну, направленную туда по приказу Великого Дона. Однако затем все же примирился с мыслью, что, коль скоро так желает Префектура, должен после прощальной вечери с друзьями ознакомиться с самыми дальними окраинами на северо-западе города, как выразился Леонхард, дойти до предела возможного.

XIX

Каменистый ландшафт лежал погруженный в унылые сумерки. Рваные серые хлопья порхали в воздухе. Ни день, ни ночь. Леонхард, которому было не дано сопровождать Архивариуса в этом походе, прошел с ним лишь несколько шагов по бугристым камням плато, краем которого, круто обрывающимся вниз, Роберту предстояло идти. По другую сторону бездны, неизмеримо глубокой, дна не разглядеть, виднелись слева неблизкие очертания зубчатого кряжа, словно бы идущего параллельно с собственно горным массивом. Леонхард еще крикнул вслед Роберту, что там змеится призрачная тропа демонов, по которой вереницей бредут странники из города. Буря поглотила его слова, и Роберт лишь коротко махнул ему рукой. Поднял воротник тулупа и продолжил путь, а Леонхард вернулся в последний дом, где в углу зала устроил себе место для ночлега.

На ходу Роберт большей частью смотрел вниз, под ноги. Ни малейшего следа на выглаженных ветром неровных каменных плитах. Порой они сдвигались, образуя неуклюжие великанские

ступени, и он старался их обойти или поневоле карабкался напрямик. Чтобы не потерять направление, он держался вблизи от рваного края пропасти. Туман, липкой плесенью расползавшийся по горбатым камням, не давал заглянуть в пропасть. Одиночество усиливало каждый шорох. Из глубины пропасти часто доносился клокот, как от стиснутого камнями потока. Что-то перекатывалось, громыхало. Справа вид на плато то и дело заслоняли близкие, круто вздымающиеся ввысь округлые утесы. Нигде более ни признака жизни, ни растений, ни мхов. Роберту казалось, он шагает в зачарованном карстовом ландшафте, среди потухших кратеров. Долго ли еще ему продолжать тяжкое странствие, куда ведет дорога? Чувство беспредельного одиночества кошмаром навалилось на него. Оно не было ему чуждо. Уединенность многих жизненных часов объяла его вновь. Вот так же было, когда голое Ничто ухмылялось ему навстречу, когда души́ касались тоскливые крыла демонов, когда, парализуя волю, пробуждался древний страх.

Он поднялся на каменный порог, всмотрелся в бесцветный мир. И вдруг увидал на горной тропе по ту сторону бездны ковыляющие фигуры, зыбкие, неуверенные. Они то подпрыгивали, как

канатоходцы, то останавливались, наклонялись вбок, будто теряя равновесие, скорчивались, поворачивались вокруг собственной оси, будто в приступе головокружения, не в силах сделать следующий шаг, и вдруг на коленях устремлялись вперед, как бы подхваченные могучей стихией. Многие неистово размахивали руками в воздухе или пытались что-то поймать, словно жонглеры, на лету ловящие мячи, другие, чтобы ничего не видеть, закрывали локтями лицо и, как лунатики, скользили прочь. Затем шествие вновь скрылось от Роберта в тумане.

Порой ему мерещились голоса, странные звуки, не то ликование, не то жалоба, не разберешь, нарастающие певучие аккорды… хотя, должно быть, его слух просто ловил резкие порывы ветра. Но откуда у ветра этот напевный посвист, этот бурливый гул, точно органные трубы, — не иначе как от тех бродячих духов? Роберт плотнее запахнул тулуп.

Местность повышалась. Поступь Архивариуса замедлилась, нахлынула усталость, поползла по членам и суставам, ноги цепенели, двигались как чужие. Непривычная безучастность ко всему случившемуся захлестнула его, нигде больше ни зацепки, чтобы соединиться с минувшим. Он был

пленником однообразного мертвого ландшафта, частицей мировой пустыни. Пошатнувшись, Роберт прислонился к изъеденной ветром каменной глыбе, ноги подкосились, он сел наземь. Свет висел серебряными хлопьями, стеклянистые полосы тянулись мимо. Он закрыл глаза.

Обморок сна длился всего-навсего секунды. Когда он, щурясь, огляделся вокруг, то увидел на той стороне пропасти обширную равнину. Горный кряж прогнулся седловиной и открыл взору широкую брешь до самого горизонта. В насыщенном свете перед ним раскинулись четко очерченные квадраты желтых пшеничных полей, казалось, спелые колосья зримо колышутся в медленных волнах ветра, картофельные и свекольные поля выделялись более темными участками, с ними граничили посадки кукурузы, и мнилось, будто слышен шорох их подсохших листьев. Тут и там ландшафт пересекали аллеи деревьев, взблескивали дорожные кресты и часовни. Повсюду разбросаны утопающие в зелени усадьбы, крестьянские дворы с хлевами и сараями, с пестрым садом и беседкой, увитой жимолостью. А вот и деревни, сгрудившиеся подле колоколен своих церквушек. И везде подвижные разноцветные пятнышки: не иначе как работники в жилетках,

исполняющие свою работу, и служанки в народных костюмах, и повозки с поклажей, едущие домой, и пасущийся скот в загонах, и сохнущее на ветру белье. Вдали виден силуэт большого города, высокие дома и башни возвышаются над множеством крыш, дымящиеся трубы огромных заводских сооружений окаймляют предместья. Спокойным прилежанием и плодотворящим благополучием веяло от этой картины.

Как вдруг воздух над городом и окрестностями затрепетал, взволновался. Люди на дорогах и в полях жестами указывали на небо. Плотная стая перелетных птиц, быстро приближаясь, клином летела в вышине. Ее уже и след простыл, когда все пространство ландшафта наполнилось какой-то белесой моросью. Крохотные капельки ядовито-зеленого цвета, как помет хищных птиц, без всякого почтения сыпались наземь. Там, где они касались земли — на полях, во дворах, в поселках, — возникали и мгновенно расползались вширь пятна гари. Повсюду взметались ввысь бело-желтые снопы пламени, и, пока не повалил дым, там виднелись скот и люди, беспомощно застывшие на земле. С быстротой молнии город вспыхнул и разрушился. Ни башни, ни высокого дома, ни дымовой трубы заводов — никаких

горделивых контуров на горизонте. Какая-то непонятная мешанина явилась там, где вот только что был город. Картину уже затягивало белой завесой, небо багровело, как на закате.

Хронист протер глаза, потом очки. Когда же он снова поднял взгляд, мгла успела развеяться. Он встал. Насколько хватает глаз, одна только голая, изорванная степь, где лишь местами поднимались корявые деревья. Людей на земле он больше не видел. Наверно, цветущий край был просто обманным миражем. Грезой, от которой он очнулся в изумлении. Собираясь продолжить путь, он вдруг словно бы услыхал вдали далекий рокот. Посмотрел вверх. Недвижные сумерки кругом. Ну разве что, как ему почудилось, серый цвет слегка подернулся пурпуром.

Чувства как бы погасли, переменились. Он давно уже видел, что кряж с тропой на другой стороне пропасти вновь находится примерно на той же высоте, что и он. Провал, казалось, постепенно сужался, и вскоре вереница духов была совсем близко, как бы через улицу. И клокочущий шум из пропасти — точно от воды, бегущей по камням, — стал отчетливее. Неизъяснимая тревога гнала Роберта вперед, будто, как и остальных, его притягивал чудовищный магнит, которому

невозможно сопротивляться. Он словно спешил наперегонки с этой кучкой разрозненных фигур. Но они были проворней, и одна за другой скользили мимо. Только теперь он заметил, что они лишились одежды, нагие брели по тропе над бездной, изнуренные, безликие. Брели друг за другом, след в след, не чувствуя близости и присутствия идущего впереди. Поднимающаяся справа каменная стена вскоре заставила Роберта идти все ближе к краю пропасти, а на той стороне каменная тропа расширилась, стала безопасной проторенной дорогой. Спешащие призраки, однако ж, облегчения не испытывали, ведь даже едва заметная трещина, небольшой, с кулак, булыжник становились для них почти неодолимым препятствием. Порог не выше обычной лестничной ступеньки, возникший от сдвига каменных плит, означал прямо-таки прыжок в бездонную глубину. Они тотчас застывали на месте и долго не отваживались сделать маленький шажок, представлявшийся им непомерно огромным.

По обеим сторонам путников в страну мертвых теснились сказочные существа и сказочные животные, напоминавшие сфинксов и грифонов, гарпий и крылатых скатов, с янтарными, прозрачными телами, в которых лишь темне-

ли кости скелета, зубастые челюсти, роговые копыта да когти. Никому они не давали пройти мимо, напрыгивали, обхватывали руки-ноги или садились на голову и плечи. Под натиском демонов многие съеживались до гномов и вихрем уносились-улетали в вечный сумрак, покуда предоставленные самим себе не падали наземь. Иные же неуклонно шагали вперед, и сказочные существа дружелюбно ластились к ним, а не то и несли некоторое расстояние на спине, как домашние животные.

Неистовая орава бездушных подступала все ближе к Роберту, чья тропа возле каменной стены вконец сузилась. Разделяющая бездна обернулась мелкой канавкой в осыпи, по которой тек мутный, скудный ручей. До той точки, где путь Хрониста соединялся с тропою демонов, уже не более сотни шагов. Он резко остановился. Дойти до предела возможного, сказал Леонхард. Этот предел здесь? Не переступил ли он его давным-давно… и вообще, достижим ли он?

Роберт хотел дойти до распутья, туда, где оба каменных плато сливались воедино и где, похоже, был исток мутного ручья. Осторожно, ощупью он продвигался дальше, то и дело цепляясь за камни, торчащие из скальной стены. Поставить

ногу почти что некуда. Возле очередного острого выступа он хотел было перепрыгнуть на широкую площадку другой стороны. Но подумал, что возвращаться надо будет тем же путем, каким пришел, и отказался от этой мысли. Крепко прижался к стене и левой ногой все-таки нащупал по ту сторону выступа новую опору. Дальше скала отступила назад, и через несколько шагов он добрался до конца узкой осыпи.

Изрезанный трещинами ландшафт впереди был усеян буграми и каменными глыбами, в которых, словно огромные пасти, зияли черные дыры. Воздух застыл в недвижности, ни ветерка. В нескольких локтях от него, приплясывая, тянулась вереница духов, а после нескольких поворотов быстро исчезла в скальных пещерах.

У одной из каменных ниш сидела в оцепенении какая-то фигура. Сидела развалясь, как торговка возле дороги, лицо сокрыто покрывалом. Юбка, точно свинцовый плед, натянута на расставленные колени. Порой один из призраков отделялся от своих, приплясывая, приближался к ней, и, казалось, стоит ей пошевелиться — и он немедля вернется на горестную тропу.

Над коленями она держала в руках круглый булыжник, покачивала его из стороны в сторону.

В нерешительности, не зная, куда идти, Хронист медленно подошел, однако заговорить поначалу не смел. Хотя и заметил, что сквозь покрывало она пристально его рассматривает.

— Матушка, — наконец сказал он, — дальше моя дорога идет здесь?

Не выходя из своего оцепенения, она лишь чуть мотнула головой, что могло означать и «да», и «нет». Потом порылась в кармане юбки, что-то достала, положила на туго натянутый подол. Это была краюшка хлеба да комочек соли, исконный символ пропитания, какой вручают на свадьбе жениху и невесте, чтобы пищи в новом хозяйстве всегда хватало. Хлеб потемнел и зачерствел в камень, соль сверкала, как заледеневший горный снег.

— Большое спасибо, — сказал Роберт, — но я не жених, Матушка Забота.

Это слово само слетело у него с губ, ведь она вроде как заботилась обо всем.

— Матушка Забота, — повторила придорожная торговка, — стало быть, вы уже знаете меня?

И прежде чем она отвела от лица покрывало, Роберт пал на колени и сдавленным голосом пробормотал:

— Анна!

— Вы так добры, — сказала она, — назвали меня Матушкой Заботой.

— Что с тобой? — в смятении воскликнул он. — Как ты попала сюда? Почему ты не в городе? Ты знала, что я приду к тебе? Ждала меня? — Он опять вскочил на ноги. Ему хотелось узнать все сразу, мысли и чувства путались. — Тебя послал сюда Великий Дон? Моя речь перед ним уберегла тебя от тропы демонов? Ты избежала пути в великое Ничто? Ах, ты здесь, снова здесь!

Ни на один его вопрос она не дала ответа. Лицо ее словно вырезано из дерева, не поймешь, чем определена завершенность его черт — тонкой ли текстурой или бесконечными морщинками. Оно казалось то безмерно дряхлым, то безмерно юным, то чужим, то знакомым — все зависело от позиции наблюдателя. Она легко отломила кусочек каменной краюхи, отколупнула несколько крупинок соли, высыпала на хлеб и сунула ему в рот.

— Дабы вы понимали язык мыслей, — сказала она и спрятала краюшку и соль в карман.

Не сразу он сумел проглотить этот хлеб, который лишь мало-помалу размяк во рту и на вкус был горек.

— Теперь вы знаете, — сказала она, — я более

не принцесса, ожидающая спасения, и более не сплю волшебным сном. Нет нужды уводить меня ни в давнее, ни в новое.

Она говорила нараспев, Роберт и в городе иной раз замечал эту манеру, а ярче всего ему запомнилось, как возле родительского дома она в пророческой отрешенности говорила о бедствиях земли. Тогда этот распевный тон ошеломил его, теперь же производил естественное, благотворное впечатление.

Он увидел, что сидит она на треножнике, как сивилла, а подле ее ног берет начало река, отделяющая город от живых. Сидела она у самого входа в царство мертвых, как норны и парки сидят у входа в жизнь. Бдела над духами, над призраками, что беспамятно скользили мимо и навечно исчезали в пещерах, непостижных более для их сознания. Мимо нее проходили все, кто век за веком возвращался в первозданное лоно, где жизнь утрачивала форму, освобождаясь для вселенских сил возрождения. Она стала одной из хранительниц порога, на эон избавленная от земного коловращения. Ее распахнутые глаза видели пространство по сию сторону реки и отражались в городских тенях, ее помыслы уходили в глубь времен и питали вечность.

— Ты не узнаёшь меня? — спросил он.

— Знать вас лично мне не дано, — сказала она, — я знаю, что вы посланы как Хронист.

— Когда-то мы любили друг друга, Анна.

— В другой реальности, — сказала она.

— Благодаря тебе я оказался здесь, — вознегодовал Роберт, — благодаря тебе стал тем, что я есть.

— Я рассылаю свои мысли как вестников, — сказала она, — и вы услышите их, как слышали, когда говорили с Великим Доном.

— Ты знаешь об этом? — спросил он.

— Когда вы с ним беседовали, — сказала она, — я уже сидела здесь, на этом месте.

Роберт воззрился на нее.

— Матушка Забота, — сказал он и умолк.

— Мы, — нараспев произнесла она, устремив взгляд в пустоту, — три сестры-сивиллы. Одна сидит вон там, у дороги, другая вон там, в гроте, а я вот здесь. Некогда нас называли Надежда, Любовь, Вера, теперь же — Матушка Печаль, Матушка Забота, Матушка Терпение. Мы не зачинаем, не рождаем, мы просто есть.

— Надежда, — медленно повторил Роберт, стараясь, как мальчишка, затвердить наставления сивиллы, — стала Печалью, Любовь — Заботой, Вера — Терпением. Печалиться, заботиться, тер-

петь — таков смысл твоих речей?

— Многие, — сказала сивилла Анна, — до самого конца скрючиваются в три погибели, словно забытый Богом знак вопроса.

Она говорила о тропе демонов, где умершие из города очищаются, становясь мертвыми великого Ничто. Это тяжкая тропа для всех, кто не умел распроститься с собственной важностью, но более легкая для тех, кто еще при жизни проявил себя как часть природы, часть дао. Для каждого, кто некогда подвергал себя испытаниям и неустанно воспитывал тело и дух, подобно аскету и монаху, йогу, монахине и мученику, добровольные лишения оборачивались благом на этом последнем этапе пути.

Когда Роберт нерешительно хотел продолжить путь к пещерам, она остановила его, ибо его час пока не пробил. Он стоял в ее зачарованном кругу.

Роберт: Зачем так мучиться, зачем столько всего выучивать?

Анна: Чтобы иметь достаточный запас для забвения.

Роберт: Снова и снова, всегда?

Анна: Снова и снова, всегда.

Роберт: Что же мне делать?

Анна: С улыбкой идти стезею жизни.

Роберт: А каково твое дело?

Анна: Преображать реальность.

Роберт: В сновидение?

Анна: В закон бытия.

Роберт: Скажи мне вот еще что: зачем люди живут?

Анна: Чтобы научиться умирать.

Он отступил на шаг-другой.

Хронист вновь ощутил весь ужас этого свидания, когда сивилла Анна взяла в свои оцепенелые руки круглый булыжник.

— Я качаю его, как нашего ребенка, — сказала она.

Мысль, что мертвые служат живым, пронзила его сердце.

— Матушка Забота, — сказал он.

Снова один из призраков в бредущей толпе метнулся было к ней, но испуганно прянул назад, почуяв близость Роберта. Черты лица стерты, приметы пола тоже исчезли. Призрак беспокойно кружил рядом, отскакивал, будто наталкивался в воздухе на какие-то препоны, но в конце концов сумел на миг прикоснуться кончиками пальцев к камню в ладонях сивиллы. Она едва внятно ответила, и Хронист не удивился, услышав индийскую

фразу: «Eko dharmah param šreyah / Ksamaikā šāntiruttamā» — «Лишь истина есть высочайшее благо, лишь терпение — высочайшее счастье». Призрак опять спокойно примкнул к шествию в пещерное царство. Роберту показалось, будто в том месте, которого коснулся усопший дух, появился знак, маленькое пятнышко, последняя руна судьбы.

Он смотрел в сумрак, который не густел и не редел. Точно гранитные ульи, стояли перед ним скальные купола первозданного ландшафта, каменные бугры с черными провалами пещер, терявшиеся в бесконечности. Потом он перевел взгляд на Анну, сидевшую как изваяние, шагнул к ней, наклонился. В порыве чувств закрыл глаза и поцеловал ее холодный лоб. Она осталась оцепенелой и безучастной.

Позднее, когда медленно возвращался мрачной дорогой по краю бездны, он не знал, отыскала ли страсть его губ напоследок саму Анну или он поцеловал булыжник, протянутый сивиллой.

Леонхард встретил Хрониста как ни в чем не бывало. Дал ему отдохнуть, а затем проводил в город тою же дорогой, какой накануне вывел оттуда. До Архива они добрались только к полудню.

Хотя дух беспокойства покинул помещения Старых Ворот и там вновь воцарилась давняя безмятежная тишина, Роберт места себе не находил. Рабочий стол казался ему безликим, регистраторы и папки на полках выглядели пустыми и чуть ли не враждебными. Куда ни глянь, отовсюду веяло той чуждостью, какую он ощутил при первом посещении Архива.

И в обществе Перкинга его опять одолевала скованность, при всей благожелательности почтенного ассистента он чуял превосходство, каким вправду умерший обладал в силу своей природы. Жизнь и смерть разделяет непреоборимый рубеж, хотя он, доктор Роберт Линдхоф, и пребывает сейчас в царстве умерших. Весьма часто он ощущал эту грань, обособлявшую его от других. Он оставался живым, оставался во плоти, тогда как другие едва сохранили свой облик, были словно тени самих себя, словно мысленный образ существования. Он шел по стезе, откуда каждый снова и снова растерянно смотрит в грядущее; умершие достигли конечной, органической цели жизни и безучастно смотрели вспять. Змейка зависти закралась в его мысли.

По просьбе Архивариуса Леонхард между тем приготовил в кабинете большой деревянный

чан с горячей водой. Роберт разделся и забрался в чан. После ночного странствия ему хотелось очиститься, и он с удовольствием снова и снова обливал усталое тело исходящей па́ром водой. Купание взбодрило его, смыло часы бессонницы, только вот сердце билось с трудом. До часа, назначенного для беседы с Верховным Комиссаром, еще оставалось несколько времени.

Убирая купальные причиндалы, Леонхард раз-другой попытался завести разговор. Мол, так приятно опять чувствовать Робертово доверие, и вчера на дороге ему было так тепло, и Роберт совершенно не обращал внимания на все его глупости. Просто замечательно, что он вернулся из сивиллиных краев.

Архивариус толком не понимал, куда клонит юноша.

— Ты ведь тоже мог бы, — сказал он, — тенью промелькнуть мимо, как остальные, в том числе те, с кем я еще беседовал на последней вечере, и ни один даже не узнал бы другого.

Он провел ладонью по волосам юноши, и взгляд его был холоден как лед.

После обеденного перекуса Архивариус снова наведался к Перкингу, сел на скамеечку и некоторое время молча наблюдал за работой старшего

ассистента, который просматривал поступившие бумаги. Впервые Роберт почувствовал, что ему надоел город и его Архив. Он казался себе стражем, которому, по сути, больше нечего сторожить. Да и другие, мнилось ему, охраняют лишь собственное присутствие. Принимает ли он просителей или нет, произносит ли речь на каком-нибудь собрании или нет, записывает свои наблюдения или отдает их на волю безмолвного вихря размышлений, бездумно расточает свои знания или скрывает их — на человечество и его историю, на благо и беды живых и мертвых это не влияет.

— Иногда, — сказал он, — хочется закрыть глаза — и пропади все пропадом, пусть катится в хаос.

— Я, — Перкинг испытующе поглядел на Хрониста, — прожил больше чем один срок и больше чем одно поколение, но не устал служить духу.

Роберт невольно пожал плечами.

— В начале был Дух, — процитировал ассистент Архива, — и Дух был у Бога, и Бог был Дух.

— Мы иначе переводим начало Евангелия от Иоанна, — сказал Роберт.

— ν ἀρχὴ ἠν ὁ λογος, — повторил старый Перкинг греческий текст, — και λογος ἠν προς ϑεον, και ϑεος ἠν ὁ λογος.

— В начале было Слово, — подчеркнул Хро-

нист.

— Слово, Логос, — с ударением сказал Перкинг, — не хаос, то есть дух, а не бездуховность.

— А Фауст, — возразил Роберт, — даже переводит это место вот так: «В начале было дело…»

— Это знак, — серьезно произнес ассистент, — фаустианского богохульства Запада, в особенности немцев. Давайте впредь держаться духа.

— Почтеннейший, — заметил Архивариус, — он ведь тоже не упраздняет плен.

— Вы всю ночь глаз не сомкнули, — сказал старик, — немудрено, что мир вышел из колеи.

— Камень сивиллы лежит у меня на сердце, — сказал Хронист, — камень Заботы.

— При нашей первой встрече, — мудрый ассистент разгладил ладонью лежащие перед ним страницы, — я показывал вам записки некоего конторщика о бессмертии человеческой глупости… не знаю, помните ли вы?

— Да как же я мог бы забыть хоть слог из того, что когда-либо здесь услышал! — воскликнул Роберт. — Вы пояснили тогда, что величайший антипод правды на земле не ложь, а глупость.

— Пучеглазая глупость, — согласно кивнул Перкинг, — против которой тщетно боролся даже

Чжун Куй[12], способный разогнать любую нечистую силу на свете. Но другое отродье, очень на нее похожее, со слезящимися глазами и тусклым рабьим взглядом, истребить бы можно, я имею в виду вялость, вялость духа и вялость сердца.

Праведное негодование, с каким говорил Перкинг, передалось и Роберту.

— Вялость духа, — добавил Перкинг, — пожалуй, один из главных источников зла. Из нее проистекают не только суеверие, спесь и чванство, но, как я снова и снова вижу в записках и судьбах, еще и грубость умонастроения, жестокосердие и зверство силы — словом, все недостойное в человеческой жизни.

— Одним разумом, — заметил Роберт, — мыслям не поможешь. Тут главное — напряженность усилий.

— Напряженность, — повторил старик, — от которой сердце трепещет счастьем знания, доверчивого, смеющегося знания о всецелости бытия.

— Я усвоил, — сказал Роберт, — что мерило всех вещей — смерть.

— Когда это вновь усвоят все люди, — отвечал старик, — обстоятельства жизни изменятся сами

---

[12] Notes: 12

Чжун Куй — герой китайской народной книги XVII в. «Чжун Куй — истребитель демонов».

собой.

— Не это ли, — спросил Роберт, — имел в виду Мастер Маг, когда говорил об обновляющем возрождении из духа Китая, Тибета и Индии?

— Мастер Маг, — сказал Перкинг, — в котором многие видят бодхисатву, знает, что поступки человека, а стало быть, и человеческие обстоятельства определяются помыслами, а не насильственными деяниями.

То, что Перкинг назвал Мастера Мага бодхисатвой, редким будущим воплощением грядущего Будды, тронуло его точно так же, как и то, что́ он сказал о силе мысли. Все это живо напомнило ему одно из изречений сивиллы Анны: «Мысли суть вестники высших сил».

Почтенный ассистент передал Хронисту часть бумаг, предназначенных для секретного фонда Архива под уже знакомой ему рубрикой «Протоколы ужасной секунды». Раньше он как-то раз просил об этом, но получил отказ. Теперь же забрал их с собой в кабинет и погрузился в изучение записей, визионерские слова которых запечатлели секунды умирания, мгновения переправы через реку.

При всем многообразии описаний, неизменно окрашенных миром представлений автора,

кругом его чтения и способностью выразить мысли и чувства, их объединяло непреложное прови́дение, отличавшее их от продуктов простого вымысла. Все они были отмечены истинным знанием. Везде речь шла об ощущении какого-то беспредельного переезда, перехода и соскальзывания (нередко его называли парением и унесением). И почти всегда они двигались навстречу яркому металлическому свету. Многие говорили о неземном свете, о лучистом сиянии, да и вообще за нехваткой других слов происходившее часто описывали религиозным вокабуляром Нового Завета и иными церковными штампами. Так, иные из умирающих, приближаясь к городу за рекой, усматривали там блистающие зубцы вечного города и поначалу воспринимали обитателей как фигуры из света, как астральные тела, считали их ангелами высшего планетарного неба, чья прозрачность мало-помалу передавалась им самим. Иные же говорили о горе самоцветов, о городе духов, о блаженных и гуриях под безоблачным солнцем вечного света. Архивариусу вспомнились последние слова Гёте, он отнюдь не требовал «больше света», а сообщал, что света вокруг него стало больше. Не раз в мыслях, отрешающихся от земного, возникал и образ головокружительного

полета сквозь Вселенную, слияния с бесконечностью звезд, с круженьем первозданных солнц, словно человеческий дух вновь вливался в великое материнское лоно мира.

Судя по всем протоколам, окончательный переход состоял в утрате собственной воли. Одновременно как будто бы исчезала и боль, от которой еще судорожно дергалось тварное тело. Из некоторых описаний явно следовало, что в этом состоянии формировались телепатические силы духа, тогда как прежняя возможность объясняться словами сходила на нет. Метаморфозы, каким подвергался дух умирающего, были столь многообразны, что наводили на мысль о параллельности событий, об одновременном бытии в разных слоях пространства. «И то, что я никогда не ощущал как реальность, — писал один из протоколистов, — а именно свобода жизни, в последнюю секунду впервые завладело мною во всей своей стихийной безбрежности».

Ни единого разу в записках не упоминалось о телесных страданиях, ведущих к смерти, о вздохах ужаса, ее сопровождающих, зато куда чаще упоминалось о муках души. Однако и в этих случаях всяк был доволен, что избавился от прошлого, что новое состояние даровало ему

свободу. Спокойное приятие собственной судьбы чувствовалось постоянно, и все образы дышали беззаботной радостью. Архивариусу вспомнились иные посмертные маски — они тоже нередко казались освобожденными, помолодевшими, просветленными, как говорят в народе.

Протоколы ужасной секунды обрывались, как только замирало последнее земное движение глубинного сознания. Для прошедшего по мосту и достигшего прозаичного города за рекой собственные его мысли и чувства уже не имели значения. С прибытием сюда исподволь начиналась ретроспектива оставленной формы существования, прощупывание Бывшего, что Архивариус, конечно, наблюдал в своих странствиях по городу, но протоколы перехода ничего об этом не сообщали.

Роберт бережно отложил листки. Просмотрел он лишь малую толику, но был безмерно благодарен Перкингу, что смог хотя бы заглянуть в эти события, которые подобны откровениям и остаются сокрыты от взора смертных до переживания собственной их смерти.

Когда солнце опустилось к горизонту, он отправился в Префектуру, захватив с собой пустую тетрадь городской хроники. На улицах, под голу-

бым сводом небес, прохожих оказалось больше обычного. Вновь прибывшие. Они сновали среди мертвых домов и дворов, ныряли в подвалы, сидели на обломках стен. Хрониста они, тихонько ворча, сторонились, будто чуяли магию жизни как неприятный запах. Когда он проходил мимо них, разговоры смолкали, вот так же дети, завидев взрослого, прерывают свою тайную игру. «Старый хронист! — словно бы слышал он за спиной их шушуканье. — Чтец мыслей из Архива!» Звучало это как осуждение, а жесты, какими они показывали на тетрадь, которую он бережно прижимал к груди, действовали на всю духовную работу как издевка. Однако он не обижался, ведь знал об их беде, о несбывшемся мечтании и пустоте их существования. Вдали задребезжал будильник — кончился очередной урок.

Он вошел во дворец Префектуры, чьи мраморные помещения казались прямо-таки хорошо знакомыми, и без малейшего нетерпения стал ждать в приемной Верховного Комиссара. Когда же его через узкую боковую дверцу провели в длинное служебное помещение, он снова увидел голову и плечи чиновника точно в раме живописного средневекового полотна, меж тем как косые лучи закатного солнца заглядывали внутрь из

глубин горного ландшафта, будто посланные из тонущего в дымке замка Префекта. Эти картины так тесно смыкались с пережитым во время первой беседы, что ему казалось, будто с того утреннего часа и до нынешнего вечера минуло не более одного-единственного дня.

— Господин Префект, — ровным тоном звучно произнес Верховный Комиссар, — через меня выражает вам, господин Архивариус, благодарность за тщание, с коим вы исправляете порученную вам должность. Не без восхищения мы следили, с каким чутким пониманием вы с первой же минуты постарались войти в здешние обстоятельства, нисколько не злоупотребляя тайной города мертвых, в которую вы, разумеется, были посвящены.

В ответ на похвалу, в которой вообще-то усмотрел всего лишь учтивую любезность, Роберт заметил, что ему понадобилось больше времени, нежели он рассчитывал, чтобы сориентироваться, где он в самом деле находится.

— Скромность — дело хорошее, и вам делает честь, — продолжал Верховный Комиссар, — что поначалу вы не хотели себе в этом признаться. Однако без ложного умничанья с уважением относились к особенностям города и его обычаев. Если мне позволено обратиться к стилистике

Архива, вы подошли к миру бездны скорее в духе Парцифаля, а не Дона Кихота, скорее наивно, а не иронически.

Архивариус призадумался, однако чувствовал лишь смехотворность роли, которую, по сути, здесь играл.

— Из простодушного сна меня в конце концов вырвало любовное переживание, — ответил он. — Мне оно, разумеется, казалось уникальным, но ведь так мнится каждому. На самом деле это была обыкновенная сентиментальная тривиальность.

— Вы осознавали недолговечность, — вставил чиновник Префектуры, — неизменно присущую любовным отношениям меж мужчиной и женщиной. — Тут он отметил, что тривиальную нотку этим переживаниям придают лишь сопутствующие обстоятельства. — Своей личной судьбой вы поручились за символичность нашего мира, и это, как мы полагаем, достойно величайшего уважения. Мы вообще обратили внимание, что в своих наблюдениях вы угадывали двойственность почвы, на которой развиваются процессы бытия. Я имею в виду соотнесенность, метафизическую параллельность, существующую меж двумя уровнями по эту и по ту сторону реки.

— Иначе, — сказал Роберт, — было бы невозможно выявить в случайном закономерное и извлечь из реальности истинный смысл. Но все-таки я потерпел неудачу. Оказался в средоточии тайны, где власть духов и духа огромна, и стою перед вами с пустыми руками. Вы переслали мне жалобу, и поначалу изложенные в ней подозрения удивили меня. Но теперь я понимаю, что глубинный смысл упрека оправдан. Мне предоставили неслыханный шанс пребывать живым в царстве мертвых, а я им не воспользовался.

С этими словами он протянул Верховному Комиссару тетрадь, зная, что, кроме записи: «С сегодняшнего дня доктор Роберт Линдхоф вступает в новую должность», там ничего больше нет, только пустые страницы. Чиновник Префектуры, даже не взглянув на тетрадь, заявил, что Архивариус превратно истолковал намек, какой имел в виду Верховный Секретариат, переписав давнишнюю жалобу. Ведь сам упрек для властей совершенно беспредметен, хотя и послужил Хронисту поводом произнести речь перед Великим Доном. Архивариусу хотели всего-навсего указать на автора письма, сообщить, что некто здесь полагает, будто Архивариус обращает на него недостаточно внимания и не понимает.

Роберт, который уже успел перебрать целый ряд возможных жалобщиков, догадался теперь, что речь идет о его помощнике.

— Леонхард! — воскликнул он и сию же минуту понял, отчего юноша временами вел себя так робко и нервозно. Как понял и куда тот клонил в давешнем разговоре. Хотел признаться. Но Роберту не требовалось признаний, он ничуть не сомневался, что при всей нескладности и глупости поступка намерение было чистым. Наверно, в Анне он учуял тогда соперницу несбывшимся чувствам привязанности, какие питал к Роберту в юности. Вдобавок он, пожалуй, опасался, что Роберт, переживший его ровесник, по неведению может впустую растратить свое пребывание в Архиве.

— Он, — сказал Архивариус, — хотел напомнить о себе. А я не догадался.

— Напрасно вы столько размышляли об этом письме, — сказал чиновник. — Достаточно было позвонить по телефону, и все бы разъяснилось.

Роберт рассмеялся, будто собеседник удачно пошутил.

— Будь это так просто, — сказал он.

— Не стоит всегда из всего делать проблему, — сказал Верховный Комиссар, взял в руки тетрадь

и принялся тщательно перелистывать, страницу за страницей.

Сгорая со стыда, Роберт наблюдал, как чиновник Префектуры порой замирал и задумчиво кивал головой. Казалось, чистая бумага перед глазами Комиссара покрывалась четкими письменами, причем весь процесс походил на чтение между строк.

— Пожалуй, — немного погодя монотонным голосом произнес Комиссар, не сводя глаз с тетради, — вы запечатлели солидное число эпизодов и отдельных картин; очень важно видеть, что́ в нашем царстве привлекает внимание живого, что́ он считает достойным сохранения и в какой мере способен принять дух порядка и закона, ту волю, что изымает из явлений случайное, дабы стало зримо самое главное. Например, — продолжал он, — вы очень симпатично изображаете характер некоторых учебных уроков: поедание каши вначале, формальную игру чиновников, хороводы женщин вокруг воображаемого белья, а также участие населения в шествии пилигримов-детей, застольную церемонию в гостинице, пантомиму святых в религиозном сооружении… при этом вы умалчиваете, какой цели служат эти действия умерших, а ведь, во-первых, благодаря

механическим упражнениям они сохраняют память об определенных жестах давней жизни, которые веками и тысячелетиями оставались неизменны, во-вторых, путем выхолащивания избавляются от важности, какую придавали им при жизни.

Архивариус не сводил глаз с телепата.

— Об этом же, — продолжал тот, — говорят и ваша трактовка менового рынка, и ваш рассказ о системе городских фабрик. Мне нравится, что вы отнюдь не скрываете, насколько сильно в первую минуту противитесь пониманию, что все, с огромным тщанием и точностью производимое рукой человека, стремится к одной-единственной цели, сиречь к тому, чтобы с неменьшим тщанием и точностью подвергнуться уничтожению. В нашей системе производства и демонтажа мы, пожалуй, нашли самую прямую дорогу и можем считать, что — независимо от автоматического регулирования проблемы безработицы — создали образцовый шаблон, отвечающий и общему закону природы, а именно: от субстанции материи нельзя ничего отнять и ничего нельзя к ней прибавить. Словом, мне нравится, что вы не скрываете смятения, охватившего затем ваш дух, и что затем вы попали или, вернее, не могли не

попасть в загадочный зеркальный лабиринт. Конечно, можно бы много чего прокомментировать, как здесь, так и касательно каменного мирового ока на фасаде собора, которое произвело на вас огромное впечатление, тогда как умершие обычно проходят мимо, не обращая на него внимания. Иные моменты нам бы хотелось прочитать в более подробном изложении, например, отчего для состояния умерших музыка — атавизм, притом вредный, хотя музыкальные звуки суть космическая стихия, или взять то место, где приводятся отклики чиновничества на ваш доклад, вполне приложимые ко всей вашей хронике, лежащей сейчас перед нами.

Архивариус хотел было встать и возразить, но ему сделали знак подождать, пока Верховный Комиссар просмотрит тетрадь до конца. Тот с похвалою подчеркнул, что Хронист постепенно понял, что Архив есть не что иное, как учреждение, авторитетно и одновременно символически выражающее всю значимость города мертвых. Он, так сказать, направляет изменения и преображения, служит, по меткой оценке Хрониста, «кладезем духа и западней».

— Любопытно, — сказал Комиссар в этой связи, — что вы не высказываете своего отношения к

тому, отчего среди ассистентов и посыльных нет женщин. В результате вы упустили, что речь идет о сократовской обители, об ордене мужского духа, о логократии. С другой стороны, в ваших записках — притом что прямо вы об этом не говорите — неоднократно проскальзывает мысль, что весь ход жизни представляет собой тайное служение прекрасной даме. Но не будем вдаваться в подробности. И я отнюдь не имею намерения ставить вам в упрек, что с развитием ваших должностных качеств вы постепенно перешли к действиям, и во время достойного благодарности приема населения, и в катакомбах, на собрании замаскированных (так вы их видите и называете), и во время визита в храмы-казармы, где вы действовали, как бы просветляя судьбы. Любой великий умерший из непосредственного окружения Префектуры, разумеется, действовал бы иначе, но уже тогда в ваши поступки подсознательно проникла малая толика силы закона, позднее в полной мере и наглядно представшая перед вами в деяниях Великого Дона. Однако — и это полностью снимает с вас подозрения в недозволенном самоуправстве, которые, пожалуй, могли у нас возникнуть, — ваши поступки доказывают, что в каждом сказанном или написанном слове вы

неизменно полагали себя орудием высших сил, а не вершителем собственной воли и собственных желаний. Когда вас охватывали подобные порывы, скажем, вот здесь, — Комиссар указал на пассаж в последней трети тетради, — когда вы разучивали свою защитительную речь, вмешался добрый Перкинг и, очищая старый стол, внес небольшие коррективы. Или, например, когда вы, занимаясь в Архиве теоретическими штудиями, грозили оборвать связи с общей судьбой, мы использовали вашего друга Кателя: оказалось достаточно легкого его намека, чтобы истребить опасность обособленного приватного существования. В неменьшей мере это относится к вполне естественным несовершенствам ваших встреч с любимой женщиной, покуда жажда продлить мгновение не сменилась сознанием судьбоносной неумолимости вечного — в масштабах, выходящих за пределы смертного удовольствия. С благодарностью отмечаю, что вы подчинили свое личное счастье всеобщему бытию. Разумеется, это было предначертано, но требовало вашего самоотречения, дабы естественным образом соответствовать заранее назначенной диспозиции.

Верховный Комиссар перелистал страницы хроники в обратном порядке и вновь обратился

к Роберту:

— Вы вполне уяснили себе значение последнего смотра, однако, похоже, еще не разобрались в правилах и условиях, которые определяют как длительность пребывания умерших у нас, так и выбор чиновников на более долгий срок.

— Тот, кто бы это постиг, — сказал Архивариус, — был бы змеиной своей мудростью подобен Богу. Ибо я угадываю здесь тот же ключ, с помощью которого можно расшифровать земную участь, повелевающую одному умереть рано, другому — поздно.

— Происходящее в нашем городе и прижизненное время, — отозвался Комиссар, — обнаруживают множество соответствий, а потому наблюдаемые вами процессы подчас являются глазу в жутковатом отражении, точно так же, разумеется, существуют и параллели продолжительности и ранговых различий меж земным и послеземным этапом. Но они глубоко сокрыты.

И он заговорил о том, что продолжительность пребывания и выбор зависят не от таких качеств, как добродетель, характер, знания, достижения и прочее, заметное людям друг в друге при жизни. Люди в большинстве склонны абсолютизировать свою земную значимость, хотя она весьма

недолговечна, и отрекаться от идеального. Однако же некое благородство смерти присуще каждому человеческому существу от рождения, как тайный знак, где изначально запечатлен его грядущий разряд среди умерших. Впрочем, не стоит недооценивать важность образа жизни для состояния, непосредственно предшествующего окончательному угасанию образного сознания, хотя и переоценивать ее тоже никак нельзя. Ведь главная предпосылка для состояния и участи каждого отдельного горожанина зиждется на круговращении всего человечества, в непостижимой для индивида мере зависит от прежнего существования, от преэкзистенции.

— Не мешало бы вам, — сказал чиновник Префектуры, — если, конечно, вы с этим пока незнакомы, хорошенько вникнуть в весьма значительные фонды Архива, я имею в виду хасидскую литературу, например работы бельцкого цадика Рафаила и лодзинского цадика Ицхака Лейба, а также китайские повести, суфийские легенды и свидетельства учителей дзен-буддизма. Тогда бы вы поняли, что принцип божественной милости, утверждаемый в ваших западных широтах, чтобы объяснить несуразности земного и послеземного существования, есть просто улов-

ка, непригодная для системы Вселенной и для вселенского миропорядка. Однако я вас задерживаю, господин Архивариус. Насколько я вижу, вы уже затрагивали эти мысли в последней беседе с Мастером Магом, когда говорили, как мертвое, ставшее безымянным вновь становится силой, питающей живое. Я счастлив, что в конечном итоге вы добрались до изречений сивиллы Анны. Тем самым вы весьма ярко описываете возвращение логократии, о которой я уже упоминал, в мировую эпоху матриархата, гинекократии или, если отбросить мудреные словеса, возвращение духа к материнскому наследию.

— Как могло случиться, — сказал Роберт, — что Анна сделалась апостолицей вечности? На земле она принадлежала другому мужчине, и я любил ее, как Дон Жуан возлюбленную, и в промежуточном царстве она не отличалась поведением от сотен тысяч других женщин.

— Пожалуй, все-таки отличалась, — сказал Верховный Комиссар. — Ведь она невольно совершила бракосочетание смерти с жизнью.

Однако ж он признал, что для короткой ее жизни человеческий суд, какой покуда вершит Роберт, недостаточно обоснован. Там-де едва проявлен рост к зрелости судьбы. Только когда

он напомнил Роберту о знаках, какими всякий человек, как он уже упомянул, отмечен в силу прежних, хоть им и не сознаваемых, существований, Архивариус отыскал намек на возможное объяснение. Заместитель Префекта произнес в этой связи фразу, простое утверждение, но Хрониста оно повергло в задумчивое молчание. А произнес он вот что: «Избранники смерти не суть избранники жизни».

Прежде чем закрыть тетрадь, Верховный Комиссар написал там несколько слов. У Роберта — перед его взором вновь прошли все картины пребывания здесь, точно выгравированные в душе раскаленными иглами, — вырвался вздох.

— Но из всего этого, — сказал он, поднимаясь с кресла, — на бумаге нет ни слова.

Чиновник Префектуры удивленно посмотрел на него.

— Вы недооцениваете свою работу, — сказал он доброжелательно, хотя и с оттенком приглушенной досады, — ни единый слог ваших мыслей не потерялся. Для нас здесь записано все… для других читателей нужно только обвести чернилами.

Он тоже встал. В ту же секунду из громкоговорителя послышалось арпеджио, повторившееся несколько раз, — знакомый Архивариусу знак,

что с ним будет говорить голос Префекта. Роберт чуть ли не ожидал этого, но, как и в первый раз, его пробрал озноб, когда могучий низкий голос металлом резанул ухо. Комиссар вернул Архивариусу тетрадь. Тот нерешительно взял ее в руки, не отрывая глаз от пола.

— Благодарим Мастера Роберта, — медленно прогудел голос из динамика, — ибо он помогает подвести существование к концу.

— Печалиться, заботиться, терпеть, ждать, — тихонько сказал Хронист, вспоминая изречения сивиллы.

— Как вы полагаете, — спросил голос, — стои́те ли вы в конце своего пути или в его начале?

Комиссар протянул Архивариусу микрофон.

— В конце, — отвечал Роберт.

— Значит, вы думаете, — допытывался голос, — что постигли непостижное?

— Нет, — решительно сказал Роберт. Он вновь чувствовал себя как на экзамене, но ощущение, что необходимо его выдержать, пропало. Глядя поверх невысокого балконного парапета, он видел, как за тем местом, где вроде бы находится твердыня Префекта с тридцатью тремя Мировыми стражами, клонится к далекому горизонту огромный пурпурный шар солнца.

— Значит, — продолжал голос, — вы в начале?

Роберт молчал. Руки его крепко сжимали тетрадь. Колени слегка дрожали.

— Это не моя задача! — крикнул он в пустоту.

— В чем же задача? — неумолимо продолжал голос.

Роберт не ответил. Ведь что ни скажи — «жить» или «умереть», — незримый голос, как ему казалось, опять продолжит свое: «Самый простой ответ на этот вопрос таков...» — а затем откроет что-нибудь, чего ему уже вовсе не хочется слышать. Может быть, вот что: «Исполнять закон». Но в чем тут смысл! «Что есть закон?» — спросят дальше. «Более чем смертельное в жизни, — ответит он, — закон есть вечное бытие».

И дальше все продолжится в этом патетическом стиле: следовать стезе, всегда меж полюсами, меж воскресением и гибелью, быть мостом над рекой, вытекающей из груди сивиллы, мостом над вечным умиранием. Ему чудилось, будто он слышит все эти громкие слова, и его охватило отвращение. Он был по горло сыт мудростью и насыщенным глубокомыслием. Сделать жизнь залогом смерти, принести жертву ради идеи, материнское наследие, возвращение духа — все эти высокопарные словеса не ведут ни на шаг вперед!

Свобода, прогресс, справедливость, человеческое достоинство, гуманность и любовь к ближнему — все эти звучные синонимы божественного в смертной груди, истрепанные эпохами и едва ли пригодные даже для речей на съездах! Быть благородным, готовым помочь и добрым… прекрасные поучения, не утоляющие голод жизни! Наверно, это и имел в виду эфирный голос, говоря о задаче, а Роберту опротивели золотые слова.

— Вы правильно делаете, что молчите, — прозвучало меж тем из динамика. — Ведь вам ведома последняя тайна: смерть нуждается в жизни. Мастер Роберт, как я вижу, своими делами вы исполнили условия.

— Нет! — второй раз выкрикнул Роберт. — Мне не приличествует ни титул, ни благодарность. Я по горло сыт знанием, каким так хвастливо заявляет о себе царство умерших и их стражей. Этот город, куда меня привело проклятие, это преддверие смерти, о котором я должен рассказывать!

Он произнес эти слова с таким возбуждением, что Комиссар озабоченно отступил с микрофоном на несколько шагов назад.

— Все только видимость, — выкрикнул Роберт, даже не пытаясь себя обуздать, — стерильный пруд с теми же утопическими поговорками, что

и в будничной жизни! Старое фарисейское пустословье, которым упиваются Верховный Комиссар и все крысоловы напыщенной Префектуры. Наконец-то я раскусил эту комедию! Меня вам не поймать. У нас, у живых, вы все берете в долг и ловко облекаете это в слова вроде «тайны, что смерть нуждается в жизни»! Игры слов, игры теней, фокусы! Я достаточно долго обманывался вашей гротескной фантасмагорией.

Он прямо задохнулся. Перевел дух. Стены словно кружились вокруг него.

— Я имел честь, — хриплым голосом продолжал он, — слышать вашего господина Префекта, но никогда его не видел, а вашего Великого Дона несколько раз видел, но никогда не слышал его голоса. Может, оба — одно и то же лицо, а может, нет. Это не имеет значения, однако весьма характерно для двойственной случайности всей ситуации. Здесь кишмя кишат Первые, Вторые, Третьи комиссары, секретари всех рангов, ассистенты и чиновники всех степеней, здесь имеешь дело с мастерами, фабричными папами, специалистами и полубогами, семью бессмертными и тридцатью тремя мировыми стражами и знать не знаешь, кем они когда-то были и кто они сейчас, вдобавок есть анонимный

начальник анонимной бюрократии. На трезвый взгляд, все это не более чем институт массового обеспечения. Время от времени призывают кого-нибудь, вот как сейчас меня, чтобы он делал надлежащую рекламу. Вы окружаете себя мистической аппаратурой, диковинными обычаями и хитроумными обиняками, окутывая все как по маслу идущие события величественным нимбом государственной тайны и тем запугивая людей на земле. Пусть, мол, боятся или тоскуют по вам. Вероятно, все боги и божественные силы черпают отсюда мощь своего существования. Во всяком случае, тут вы преуспели, ведь высшей карой у нас искони считается смертная казнь, а не жизненное воспитание и высшей отвагой слывет жертвенная смерть, а не мужество жить! Вам, конечно же, неинтересны мои рассуждения, вам даже думать об этом наверняка неинтересно, потому что иначе вы сами выроете себе яму. Но я не хочу, чтобы вы питали иллюзии на мой счет.

Еще во время этой бурной речи голос раз-другой грозил отказать, и теперь Роберт дышал тяжело, прерывисто, ему не хватало воздуха. Тело трясло как в лихорадке. Руки Верховного Комиссара, который до сих пор протягивал ему микрофон, словно дароносицу, тоже дрожали. На его узком

костлявом лице, напоминавшем неподвижную маску, проступили под глазами два круглых темных пятна. Роберт судорожно наклонился вперед и, словно защищаясь, на вытянутых руках выставил вперед тетрадь.

А из динамика вдруг донесся басовитый смех, сперва этакое воркование, которое, поднимаясь из глубины глотки, набирало раскатистости, пока не загремело в полную, необузданную силу. Обернулось громовым хохотом, который отдавался в помещении многоголосым эхом, захватывал все и вся. Металлические предметы на письменном столе завибрировали, окна задребезжали, каменный пол заколебался от этой бури.

Лицо Хрониста побагровело от стыда и гнева. Весь дрожа, он бросился к динамику, который выставлял его на посмешище, и в бессильной ярости швырнул в него тетрадь своей хроники. Потом вне себя принялся молотить по нему кулаками, пока деревянный ящик не раскололся, а шелковая обтяжка не повисла клочьями. Столкнул динамик со стола на пол, растоптал ногами, задыхаясь от бешенства, вырвал шнур из розетки. Смех резко оборвался. Роберт утер потный лоб и победоносно посмотрел на Верховного Комиссара. Тот спокойно за ним наблюдал.

Но едва Роберт нагнулся за тетрадью, как басовый хохот зазвучал вновь, он шел из ящиков письменного стола, из зеркала, лампы, телефона, из стеллажа с папками и мусорной корзины, из всех щелей изливался метафизический смех. Правда, на сей раз в нем не было ничего насмешливого и унизительного, скорее, пожалуй, что-то от довольного смеха его отца, только более свободное, ненапряженное в аккордах. Смех сделался беззаботным, радостным, он уже не срамил, но звенел избавлением. Комиссара, на которого Роберт недоверчиво покосился, тоже словно бы заразило искрометное веселье, поскольку по его оцепенелому лицу скользнула восторженная улыбка, темные пятна на щеках исчезли, закоснелая официальность отпала от него, и, словно в трансе, он принялся выделывать танцевальные движения. Ноги в стучащих сандалиях притопывали, подначивающее эхо смеха неодолимо тянуло их на балкон. Роберт, тоже не в силах противостоять дурманящему ритму, радостно взмахнул руками и мелкими шажками последовал за высоким чиновником на балкон.

Нежным пиццикато смех летел в воздухе и, вскипая легкой пеной, растекался по ландшафту. Сумрачные холмы и земля перед балконом при-

шли в мягкое пружинистое движение, клубясь, оно ручьем выплескивалось из теней и шуршало в степной траве, далекая цепь гор выгибалась у горизонта, тяготение упразднилось, и первые звезды, хороводом опоясавшие вечернее небо, колыхались перед глазами Роберта вверх-вниз, точно серебряные лампионы. Хотя бурные волны смеха постепенно утихли, отголоски дионисийского веселья звучали еще долго.

Комиссар, которого, как и Роберта, тянуло к все новым и новым танцевальным коленцам на балконе, целиком ушел в игру и обнял Хрониста за плечи.

— Веселость, — сказал он голосом более звучным, нежели до сих пор, — наполняет весь мир. Никакого динамика не нужно, чтобы ощутить ее вечное присутствие. — Словно конькобежец, он скользнул в сторону и, вновь приближаясь, добавил: — Ваша милость билась с пустотой.

— Фокусы до последнего! — воскликнул Роберт. Но тотчас же невольно рассмеялся над ребячливой серьезностью, в которую его повергло решение загадки мира. — Я вел себя как дурак. — С легким поклоном он шаркнул ногой. Трудно сказать, кому был адресован сей шутливый поклон — Комиссару или незримому Префекту.

Роберт оперся о парапет, устремил взгляд в шелестящую темноту, что потихоньку разливалась вокруг. Где-то там находится горный замок. Звезды сияли уже ярче, а на горизонте, возможно, вовсе не звезды, а огни в окнах замка — кто знает?

Комиссар вернулся в кабинет.

Хронист же продолжал всматриваться в дали мира. И мало-помалу перед его сосредоточенным взором проступила из мрака таинственная резиденция, что покоится на предвечных горах будто на пылающем краю летучего облака. Подобно тому как долго закрытый цветок медленно разворачивает лепестки, чтобы явить взору золотой пестик и сосуды с пыльцой, стены божественной твердыни распахнулись, открыв находящееся внутри.

Посредине меж усыпанных звездами стен Роберт увидел группу мужчин в роскошных одеяниях богатых коммерсантов. Обувь они сняли, стояли босые на отливающем металлом полу, который вибрировал под их ногами, и двигались по кругу в торжественном, размеренном танце, след в след. Когда они поднимали ногу, было видно, что пол состоит из сверкающих мечей, на обнаженных их лезвиях они и вели свой хо-

ровод. То один, то другой наклонялся, пробовал остроту клинка листком бумаги, который вмиг разрезался пополам. Но ковер несчетных мечей, протянутых из глубины, казалось, не причинял им вреда, как и языки огня, что змеились теперь навстречу. Они лишь задумчиво склоняли голову и улыбались, устремив взор внутрь себя. Шли по залу, где не было опоры, но воздух нес их надежнее любой тверди. Они простирали руки в ночь, бросали друг другу созвездия и солнца, словно в великой игре в мяч, фейерверк падучих звезд сыпался у них из рук, и нити жизни протягивались от одного планетарного мира к другому.

То были тридцать три Мировых стража, Блюстители золотых весов, о которых Хронисту однажды было сказано, что из горного замка Префекта они обозревают движенье человечества. Теперь они воротились от праздничного танца и звездной игры, куда увлекла их божественная веселость, дабы почерпнули они из Вселенной новые силы, — воротились в высокое сводчатое помещение, где в бесконечности покачивались широкие чаши мировых весов.

Мировые стражи выстраивались полукругом, чтобы, как им полагалось с незапамятных времен, внимательно следить за медленным

подъемом и опусканием золотых чаш, и порой иные словно бы подступали к Хронисту так близко, что он различал в их послушнических лицах черты сиятельных аристократов духа. Нимало не удивляясь, он видел там мудрецов и поэтов древнего Китая, Лао-цзы и Кун Фу-цзы, Чжуан-цзы и Ли Тай-бо; обнаружил среди них Гераклита, Гомера и Сократа, а еще Фирдоуси и Зороастра; были там Данте и Августин, Шекспир, Гёте и Толстой; вон тот, с брыжами, возможно, Монтень, а этот — Сервантес; здесь искрой мелькнул образ Франциска, там — Вергилия; вокруг медитирующего далай-ламы толпились индийские святые и патриархи, быть может и Бодхидхарма, принесший в Китай Великую Колесницу, Махаяну, и первые ее провозвестники Ашвагхоша и Нагарджуна; пророки Ветхого Завета вели беседу с Исаией Второзакония. Вскоре у Роберта возникло впечатление, будто лица преображались и одни бессмертные черты сменялись другими. Напоминали то Сведенборга, Паскаля, Кьеркегора, Вольтера и Свифта, то Мэн-цзы и Махди, раннего восточного провозвестника социалистического человеколюбия, то Чжу Си, позднего мастера мудрецов бытия, то Вальтера фон дер Фогельвейде и Петрарку, Джордано Бруно, Эразма, Жубера и Пе-

сталоцци — всех великих ответчиков на вопросы духа, хранящего жизнь.

Они были одним, и оборачивались другим, и не давали игре творения прекратиться. А когда в купольном зале Префекта обменивались мыслями-взорами, их жесты не выказывали фальшивой торжественности. Порой их рука словно бы хотела защитным движением остановить чашу весов, что все ниже опускалась под темным грузом. С виду похожий на газообразную субстанцию, на ней лежал некий сгусток, набиравший черноты, а тем самым и веса, меж тем как светлая структура в другой чаше все больше теряла светимость и делалась почти невесомой. Мрачный комок соответствовал бездуховности, действующей среди людей на земле, в светлом же конусе сосредоточивался запас духа. Бездуховность заключала в себе хаотическое отродье ненависти, неразумия и противоестества, дух питался от чистого источника мысли, правды и доброты.

Хотя на этом этапе человечества, который Хронист переживал пред мировыми весами, тьма одерживала верх над светом, на ликах тридцати трех Блюстителей весов не было ни замешательства, ни отчаяния. Они не вмешивались, но не

просто созерцали происходящее, они помогали самим своим существованием. С неколебимым терпением их взоры вперялись в тонкий, волокнистый свет над слабой, возносящейся все выше чашей. Роберту казалось, он внимает их мыслям. Они знали, что дух и бездуховность равно существуют и что лишь от людей зависит, которой из этих сил предаться. Непроглядная, дремучая тьма свидетельствовала, сколько ненависти и бездуховности лютовало и еще лютует во многих человеках, в сообществах и в народах. Но страсти, пробудившие в людской беспомощности, в неспособности справиться с собственной бедой столь безмерные инстинкты жестокости, можно было направить и на разум духа, на осуществление чистой жизни. Решение каждый принимал сам.

Хронист наблюдал, как конус света постепенно делался ярче и сияние набирало вес. Это означало, что утешение и добро среди людей вновь усиливались, что один помогал другому, а не угнетал его. Лучистый венец света ширился, возглашая о человеческом утешении, о поцелуе матери, о примирительной руке. По мере того как свет разгорался, тяжкая сила тьмы убывала, и вот уж чаши стремились к равновесию. Однако же тут тьма получила новую пищу, сиречь новое

кровопролитие, преступление и глумление. Но и свет тоже не остался без подпитки: закосневшие сердца перешли на сторону правды, воля стала на службу гуманности, радость обрела на земле свои права. А чаши золотых весов, измеряющих земные желания и хотения, помышления и дела, попеременно то опускались, то поднимались.

Нередко казалось, будто бездуховность окончательно перевесит чашу духа, пусть даже опускание продлится дни, годы или целые эпохи. Однако в перспективе грядущего столетия Хронист получил важную подсказку: в мировых планах всегда есть шанс, всегда есть возможность довериться духовной силе жизни. Пребывание в царстве мертвых открыло ему, что отдельному человеку не воздается напрямую ни за доброе или дурное, ни за осознанное или безрассудное, содеянное на протяжении его земного срока, — согласно закону, все это отражается в количестве новых рождений и характере их длительности. И еще одно открылось ему в визионерском зрелище золотых весов: в круговороте вечного бытия далеко не безразлично, был ли человек орудием духа или орудием бездуховности. Каждым мгновением жизни всяк платил свою дань космосу.

Слева направо по всей картине прошла неспеш-

ная тень. Казалось, чуждое космическое тело скользнуло по весам и их Блюстителям. Префект, подумал Роберт, вновь задернул занавес.

Когда он вернулся в кабинет Верховного Комиссара, ноги ему отказали. Пошатываясь, он добрался до устланного подушками мраморного кресла. Чиновник включил лампы.

— Отдохните, — любезно сказал он, но, как всегда, с официальным оттенком.

— Есть шанс, — сказал Роберт как бы про себя, продолжая свою последнюю мысль, — но нет гарантии.

— Вы имеете в виду гарантию жизни? — спросил от письменного стола Комиссар и, когда Хронист задумчиво кивнул, добавил, что это лишь слегка затрагивает его сферу, но Роберт как человек покуда слишком пристрастен. — В остальном, — вскользь заметил он, — вам, господин доктор Линдхоф, не возбраняется самому решить, выполнять ли и впредь свою работу в Архиве или вернуться в прежнюю свою страну. И тут, и там, — спокойно добавил он, — вы остаетесь у нас на службе.

— Я человек, — сказал Роберт, — а не дух.

Верховный Комиссар выждал некоторое время, но, не услышав от гостя ни вопросов, ни опровер-

жения, нажал на кнопку звонка.

— Проездные документы для господина доктора Линдхофа, — сказал он вошедшему Секретарю.

Роберт церемонно поклонился.

— Я, — сказал он на прощание, — благодарен за все понимание и внимательность.

Розовощекий Секретарь с хитрыми глазками за сильными линзами очков подхватил его под руку.

— Ну что ж, господин Архивариус, — весело сказал он, когда они расположились в его кабинете, — пора передохнуть и устроить себе каникулы?

Он угостил Роберта сигаретой, по которой тот давно тосковал, и она вновь ободрила Хрониста.

— Я уезжаю навсегда, — сказал он, — мне что-то стало очень не по себе.

— Вы к нам вернетесь, — сказал Секретарь, подготавливая бумаги, — вы уже изрядно тут привыкли.

— Конечно, когда-нибудь я вернусь, — сказал Роберт, потерянно озираясь по сторонам, — но только когда действительно умру.

— В жизни, — сказал Секретарь, припечатывая штемпель на бумагу, — вы опять-таки лишь мертвый в отпуске.

— Вы полагаете, — Роберт глубоко затянулся дымом, — ничего не изменится, если я сразу останусь тут, без лишних хлопот. Резоны у вас веские.

— Согласен, обстановка у нас, — сказал розовощекий Секретарь, — несколько нездоровая, так сказать застарелое золотое сечение с патиной. Поверьте, все здесь выглядело бы иначе, если бы с жизнью людей на Западе дело обстояло лучше. Быть может, вы укажете на это в своем сочинении?

— В каком сочинении? — спросил Роберт.

— Ну как же, — отвечал Секретарь, — в книге, над которой вы здесь упорно работали, в исследовании здешних характеров, в романе о вашем путешествии.

— Вы ошибаетесь. — Роберт затушил сигарету. — У меня нет ни малейших задатков, чтобы писать развлекательные произведения. Ни фабулу придумать не сумею, ни действие, у меня даже хеппи-энда нет. Я расплачиваюсь половиной своей жизни.

— Это и есть главное условие, — любезно заметил Секретарь, складывая документы. — В остальном книга написана более-менее без вашего участия, и Верховный Комиссар наказал мне

проследить, чтобы вы непременно взяли с собой синюю тетрадь. Ваш поезд отходит в полночь. — Он вручил Роберту документы.

— Смешно! — вскричал Роберт, которого вновь обуяло отчаяние. — Я сошел с ума? Опять нашептывания? Сам черт не разберет здешнего веселья! Меня что же, в конце концов убили хохотом?

— Теперь вам, пожалуй, пора в дорогу, господин доктор, — сказал Секретарь.

— Кто мне поверит, — взбудораженно шептал Роберт, — кто поверит тому, что́ я здесь пережил? Во плоти побывать в городе за рекой — что за сказка для мира, вышколенного материализмом. Гулливер в Бробдингнеге и у гуигнгнмов поистине простодушный выдумщик, куда ему до доктора Линдхофа, совершившего путешествие в страну мертвых. Никому в голову не придет, что это чистая правда, объявят оккультизмом. Верующая церковная паства и фанатики из военной касты наверняка предадут меня анафеме за подрыв морали и веры. А умершие и старейшины мертвых отомстят мне за то, что я видел их до срока.

— Паланкин ждет, — напомнил Секретарь, — ваш багаж из Архива доставят прямо на вокзал.

— Я сам в себе разочарован, — по-прежнему шепотом произнес Роберт, — Данте хотя бы прошел

сквозь Ад, Чистилище и Рай некогда живших людей. И сумел описать все в терцинах. Я же угодил в сомнительное промежуточное царство, и хроника моя кончается на сивилле.

По лицу его пробежала дрожь.

— А ведь я-то вправду был у умерших, изо дня в день. — Он всхлипнул. Черты напряглись, и голос опять приобрел твердое звучание, когда он произнес: — Я не хотел этого кошмара, но теперь свидетельствую о нем каждым словом.

Только встав на ноги, он заметил, как велика слабость. Линзы очков запотели, когда он садился в паланкин.

— Доброго пути! — сказал Секретарь.

Шестеро носильщиков в паланкине доставили Хрониста по ночному городу на вокзал и молча удалились. Со старым чемоданчиком в руке Роберт медленно расхаживал по площади перед вокзалом, откуда нерешительно выходили запоздалые пассажиры одного из последних эшелонов. Глубокий купол небес озаряло холодное сияние луны, от которого мерцанье звезд чуть тускнело. Искусственный свет немногих уличных фонарей беспомощно тонул в пористом блеске воздуха.

Роберт боролся с усталостью, что волнами накатывала на него, меж тем как он механически

считал шаги, силком заставляя себя идти. Нет, он не сошел с ума, а умершие тем паче.

Физическое изнеможение от бессонной ночи и переживаний последних часов вылилось в ощущение внутренней опустошенности. Тупое оцепенение парализовало движения.

— Роберт! — окликнул чей-то голос, в котором сквозили радость и удивление. — Это вправду ты?

Он остановился, оглянулся. В хрупкой фигуре, которая странной походкой, ставя ноги как-то наискосок, шла от вокзала ему навстречу, он узнал свою мать.

— Очень мило с твоей стороны, сынок, — сказала она, — что ты меня ждал. Поистине Божия благостыня.

Она отвела седую прядь со лба, мерцающего словно прозрачный фарфор.

— Надо же, встретить тебя, мама, — сказал он, — встретить тебя уже здесь! Я направлялся к тебе.

— Здесь такой чудесный свет, — сказала она с напряженной улыбкой, — я видела его всю дорогу. Да в общем-то я всегда была готова.

Он погладил ее руки.

— Я и отца здесь увижу? — спросила она.

— Странствие, — осторожно сказал Роберт, — уже увело его дальше. Нас троих всегда разделяла некоторая дистанция. Понимаешь?

— Я подчиняюсь, — сказала она, — я научилась подчиняться всему, что решено в сонме судей Божиих.

Суровое очарование проступило на белоснежном лице, точно греза великой женской красоты. И тотчас оно вновь стало до боли пустым. Из битком набитой дамской сумочки, что висела у нее на локте, выглядывал потрепанный сборник псалмов.

Когда Роберт сказал ей, что он возвращается в мир, она сообщила, что Эрих и Беттина успели вырасти и что после его ухода Элизабет не всегда жилось легко.

— Однако, — сказал он, — неужели я так долго пробыл в отлучке?

Мать неуверенно посмотрела на него.

— Нам так казалось, — сказала она, — но решай сам. В мире меж тем случилось много ужасного. Ах, почему люди так жестоки друг к другу? В конце концов я больше не могла там оставаться — как тысячи, сотни тысяч. Теперь мое сердце упокоилось навеки. — Она глубоко вздохнула. — Любимый мой мальчик.

Когда Роберт предложил дать ей рекомендательное письмо в город, она растроганно поблагодарила, но наотрез отказалась:

— Нет-нет, мне рекомендации не нужны, я иду к Господу. — Заметив, что он нахмурился, она добавила:

— Конечно, тебе видней, но не надо!

Он кивнул.

— Раз уж ты возвращаешься, — сказала она, — поливай цветы у меня на балконе, не то ведь засохнут.

Роберт обещал.

— А ты, — крикнул он вслед матери, — не забудь потом поцеловать камень сивиллы, если хватит сил.

— Да-да, — долетело в ответ. Как бы издалека и немножко нетерпеливо.

Чуть сутулая фигурка торопливо семенила по блестящим в лунном свете трамвайным рельсам в сторону города. Он смотрел ей вслед, даже когда силуэт ее давно смешался с тенями ночи. И вот тогда, зная, что она его не услышит, он поклонился и произнес:

— Спасибо, что ты меня родила.

Затем он через вокзальный туннель вышел на безлюдный перрон. Думал, что его встретят там

завистливые взгляды и любопытные расспросы, однако немногочисленный путейский персонал, без сомнения, получил от Префектуры надлежащие указания. Никто его не побеспокоил, даже документы, тщательно подготовленные Секретарем, проверять не стали. Роберт шагал вдоль поезда, составленного из пассажирских, товарных и купейных вагонов, попадались даже саморазгружающиеся полувагоны. В конце концов он поднялся в вагон скорого поезда и ничуть не удивился отсутствию других пассажиров. Литер у него выправлен до следующей станции, ну а там будет видно.

XX

Около полуночи длинный состав почти бесшумно тронулся с места. На большом мосту через реку, где поезд шел медленно, колеса гулко стучали. Роберт смотрел в окно на илистую воду, которая вяло, точно свинец, текла под луною в своем глубоком русле и возле осыпи переливалась как опал. Пар локомотива, шипя, наполз на стекло, и это зрелище быстро пропало из виду.

Он лежал на узком деревянном сиденье, вытянувшись во весь рост, потом обхватил голову руками, повернулся на бок, подтянул согнутые колени к подбородку, замер в позе эмбриона, да так и уснул. А когда проснулся, уже рассвело. Он привстал, с удивлением глядя на ландшафт, который не спеша тянулся за окнами по обе стороны. За укрытыми зеленым ковром равнинами высились у горизонта белые облачные громады, точно исполинские улитки в нежно окрашенных ракушках.

Открыв чемодан, он нашел там снедь, должно быть припасенную Леонхардом. Под вещами лежала и синяя тетрадь из Архива, которую еще

вчера перелистывал высокий читатель в Префектуре. То было единственное доказательство, что его пребывание в царстве мертвых не выдумка, не сон. Открыв последние страницы, он теперь словно бы сам видел, что они исписаны его почерком. Но нет, в конце тетради была запись Верховного Комиссара. Вполголоса он прочитал:

I saw the Sibyl of Cumae
– Said one – with my own eye.
She hung in a cage, and read her rune
To all the passers-by.
Said the boys: "What wouldst thou, Sibyl?"
She answered: "I would die"[13].

Ниже по-гречески стояло: Σιβνλλα, τι τελεις; Άποδανειν τελω. «Что до конца ты доводишь, сивилла? Я до конца довожу умиранье».

Роберт еще раз скользнул взглядом по стихам, магическое звучание которых воспроизвести не мог, хотя смысл все же уяснил: «Я видел кумскую сивиллу, — некто сказал, — своими глазами. Она висела в клетке (наверно, в виду имелась скальная пещера) и читала свою руну (пленница

[13] Notes: 13

Не вполне точная цитата из «Сатирикона» Петрония, которую Т. С. Элиот сделал эпиграфом к своей поэме «Бесплодная земля».

скалы предсказывала) всем прохожим. Мальчишки кричали: “Чего ты хочешь, сивилла?” Она отвечала: “Хочу умереть”».

Роберт опустил тетрадь.

Крупные капли застучали по стеклам. Чуть замирали на стекле и стеклянными шариками наискосок сбегали вниз, одни быстрее, другие медленнее. Он не сводил глаз с серого чуда дождя. Теперь возле дороги покачивались вверх-вниз телеграфные провода. Местность становилась все менее унылой. Клочки полей, хвойный лес, кряжи холмов. Ливень утих, и меж грядами туч проглянули сквозь дымку солнечные лучи. Ковры юного клевера на откосах, одинокие березки в зеленых кудрях, вьющихся на ветру, стаи птиц в воздухе, грачи на земле, тощий скот в загонах, бараки из гофрированного железа, дачные участки. У Роберта голова пошла кругом, он невольно зажмурил глаза. Поезд замедлил ход и сделал первую остановку.

В чистом поле по одну сторону рельсов были сколочены из досок широкие времянки-перроны, где средь ящиков, мешков и корзин кишело несметное количество народу. Задний план, огражденный колючей проволокой, походил на армейский лагерь. Возле длинных деревянных

бараков распевали дети, но песня тонула в общем гомоне. Тут и там виднелись облитые цветом фруктовые деревья, а под ними — бродяги-музыканты с желтыми повязками слепых на плече. Многие молодые мужчины ковыляли с тростями, а то и на костылях, поскольку остались без ноги, у иных сбоку висел пустой рукав. Сестрам милосердия и железнодорожному персоналу никто не докучал, и они без труда поддерживали порядок в этой равнодушно ожидающей толпе. Не уедешь сегодня, так, может, уедешь завтра.

Это был не вокзал и не город. Скорее сборный пункт, пересыльный лагерь. Такова была первая станция, где для Роберта совершился переход в реальность.

Оцепление сняли, и часть толпы ринулась в поезд. Робертово купе тоже быстро заполнилось, многим пришлось стоять в коридоре. Из своего угла Роберт наблюдал, как новые пассажиры, выглядевшие сущими оборванцами, устало размещали свои пожитки, недоверчиво косились друг на друга, перебрасываясь короткими вопросами и ответами на разных диалектах.

Он был на родине, но уже не понимал языка, на котором там говорили. Мысли у людей в клочья изорваны страхом, хотя каждый так и норовил

схитрить. Они создавали вокруг себя какую-то затхлую, бранчливую атмосферу и по всякому поводу раздраженно кричали друг на друга, скрывая нечистую совесть.

Он еще не свыкся с масштабами, какими измерялась жизнь. Время ползло, и вот наконец поезд вновь тронулся.

Напротив Роберта сидела молодая влюбленная пара в истрепанных нарядах, явно некогда выходных, они крепко держались за руки и, как наэлектризованные, то и дело смотрели друг другу в глаза. От девушки разило духáми. Остальные безучастно смотрели перед собой, один, достав из сумки книгу, читал. Мало-помалу завязался разговор, из которого несложно было определить характер попутчиков. Господин с книгой, например, представился адвокатом, намеревался открыть контору на новом месте. Другой, в темно-серой куртке с пуговицами из оленьего рога, в прошлом определенно был офицером. Довольно молодая женщина в трауре рядом с Робертом оказалась вдовой ремесленника, пожилой мужчина без пиджака, машинально теребивший свой галстук, — музейным работником, уволенным по сокращению. Рано поседевшая дама, чей взгляд беспокойно метался от одного к другому,

разыскивала свою семью, мужа, братьев-сестер, дядю Натана и кузин, их всех насильно вывезли, уволокли, и они пропали без вести.

Она спрашивает каждого, сказала она, каждого встречного, и, наверно, будет спрашивать всю жизнь.

А поезд продолжал путь.

Когда вдова спросила, правда ли, что на следующей станции придется пересаживаться, Роберт сказал, что, по его впечатлению, все едут не в ту сторону. Взгляды попутчиков с любопытством сосредоточились на его персоне. Господин в куртке, буравя его взглядом, заметил, что он, верно, только что вышел на свободу и возвращается домой. В ответ Роберт сказал:

— Я еду из краев без радости.

— В таком разе вы вряд ли отсюда уезжали, — отозвался кто-то.

— Из зоны ужаса, — сказал он.

— Тут разницы нету, — отвечали ему.

— Из города без надежды, — сказал Роберт.

— Ну точно, земляк, нам ли не знать.

Его возражения они пропускали мимо ушей, предпочитали рассказывать друг другу о своих судьбах, о судьбах родных и друзей, причем слова неизменно выбирали так, что они предназнача-

лись и для Роберта. Взволнованно расписывали, как сумели избежать смерти и какие ужасы им довелось испытать. Рассказывали о беженской жизни, о голоде и холоде, сетовали на распущенность нравов и упадок, вздыхали о потерянном имуществе, о лихих временах, спорили о причинах, и, рассказывая всякие страсти, один норовил перещеголять другого. Влюбленная парочка с испугу теснее жалась друг к другу.

— Не мешало бы, — сказал Роберт, когда все вопросительно уставились на него, — организовать учебные тренировки вроде тех, что устраивала Префектура страны, откуда я еду. Они укрепляют память и помогают утопить собственную важность в общей судьбе.

На него смотрели сочувственно.

Музейщик, искавший новую работу, поинтересовался, о какой префектуре идет речь.

— Она властвует в городе за рекой, — сказал Роберт, — что лежит за мостом.

— Все мосты разрушены, — заявил бывший офицер, однако ж взял на заметку идею учебных тренировок, ведь тому, кто остался без мундира, тут было о чем помечтать.

Все говорили, не слыша друг друга.

Девушка обняла своего возлюбленного.

— Придет заря, — сказала она, но не слишком уверенно. Он с жаром кивнул.

— Я, — вновь начал Роберт, — был там, где кончаются иллюзии. В городе теней, в городе без музыки, без детей, без счастья.

Девушка расплакалась. Юноша снял с багажной сетки патефон, поставил на колени и стал нарочито заводить танцевальные пластинки.

Какая-то старушенция заглянула из коридора в купе и сердито бросила:

— Этим тоже сыт не будешь.

— Кто не зарегистрируется на бирже труда, — сказал адвокат, пока юноша ставил новую пластинку, — тому карточек не видать.

Вдова ремесленника заговорила о своем муже:

— Повесили они его, повесили всего за три дня до конца. — Она дрожала.

Игла царапнула по пластинке.

Попутчики измучили Роберта. Что двигало этими людьми? Куда они ехали? Ведь он чувствовал их огромную дрожащую растерянность. Беспомощные существа, они не видели выхода из клетки своей жизни. Шатались, барахтались, метались туда-сюда. Науськивали, прислуживались, толкались. Попрошайничали и мерзли. Скорбели, тосковали, голодали и не могли на-

сытиться. Искали и не находили. Как же они болтали, причитали и лицемерили. А колеса знай стучали в такт. Они ехали? Или кружили на одном месте?

Он посмотрел в окно. Сколько неба над землей. Ах, как замечательно, что облака смягчают беспощадный свет, так долго его терзавший.

— Просто люди пока что не знают, — вполголоса сказал он себе. Должно быть, он еще много чего наговорил, потому что адвокат (не отцовский компаньон Фельбер, но вполне ему под стать) сказал остальным:

— Этот господин бредит.

— Я этих лодырей как облупленных знаю, — заявил бывший офицер, — дайте срок, мы еще до них доберемся. — Он принялся насвистывать парадный марш.

Роберт смешался.

Колеса взвизгнули. Резким рывком — как некогда трамвай у Фонтанной площади — поезд остановился. Пассажирам приказали освободить вагоны и, если они собираются ехать дальше, немного пройти пешком.

— Уж мы-то сыщем себе новую родину, — сказал парень своей любимой, которая следом за Робертом последней покинула купе.

Спотыкаясь об искореженные рельсы, он вместе с тысячами людей, нагруженных пожитками, шагал мимо сгоревших вагонов и раздолбанных локомотивов по широко растоптанной песчаной дороге через поле, на границе которого виднелись голые руины какого-то предместья. Солнце тускло поблескивало за сквозистыми облаками. По обе стороны дороги были протянуты узловатые канаты, и усталые люди на ходу опирались на них. Дети плакали, все больше пассажиров садились наземь и уже не вставали. Остальные, тяжело дыша, брели дальше.

На свежевозведенной железнодорожной насыпи стоял наготове товарняк, который повезет людей. Роберт взобрался в один из телятников, пол там был застлан тонким слоем соломы. В том же вагоне очутился господин в серой куртке, других попутчиков он потерял из виду. Теперь его окружали новые спутники, и иные сели в вагон только здесь. Минул не один час, наконец состав пришел в движение. Через приоткрытую раздвижную дверь в вагон проникали свет и воздух.

— Вот этот господин, — сказал бывший офицер, указывая на Роберта, — утверждает, будто едет из города за рекой.

Все засмеялись, а потом к Роберту обратилась

молодая дама: мол, ей как журналистке и репортеру одной из провинциальных газет эта история весьма интересна. Роберт отвечал уклончиво.

— У вас действительно было ощущение, — спросила репортерша, — что вы общаетесь с мертвыми?

— С умершими, — уточнил он. — Я и сейчас не избавился от этого ощущения.

— Типичный психоз пленного, — пояснила журналистка остальным.

— Мне, — сказал он, — трудно снова привыкнуть к жизни. Ведь очень многое изменилось.

Она кивнула, заговорила об ужасных следах войны и долгого лихолетья. Наверняка он провел в лагере как минимум лет десять.

— Неужто? — недоверчиво спросил он. — Мне все это казалось одним вечным днем. Но, возможно, вы правы. По правде говоря, я потерял всякое ощущение времени.

Журналистка поинтересовалась, есть ли у него фотографии из путешествия туда. Он ответил отрицательно.

— Жаль, — сказала она, — по крайней мере, это было бы какое-никакое доказательство.

— Про город за рекой все в точности записано в тетради, которая у меня с собой.

Ей очень хотелось тотчас же заглянуть в тетрадь, но Роберт сказал, что текст еще надо обвести чернилами. Ведь это как-никак подтверждение предвосхищенной реальности.

Вот лгун, подумала она. Ничего конкретного предъявить не может, так что надежды на серию статей «Новая Винета» или «Послание из Фалунских рудников» развеялись как дым.

— Может, все-таки получится маленькое интервью, — сказала она. — Мне хочется хоть что-то для вас сделать. Кстати, репортажи я подписываю именем Беттина.

Когда она назвала это имя, напомнившее ему о дочери, он испугался. Ведь дочь тем временем наверняка тоже повзрослела. Хотя ни малейшего сходства он не заметил. Журналистка подтвердила, что одинаковые имена встречаются часто, да и молодые девушки похожи одна на другую, к тому же ее отец давно умер.

Спокойный взгляд Роберта смущал ее. На одном из поворотов, когда поезд замедлил ход, она поспешно выскочила из вагона.

Он прекрасно знал, она не его дочь. Но вполне бы могла быть ею, а явилась заместительно, чтобы он понял: блудный отец должен вернуться к семье.

Поезд тащился через Робертову страну.

— Невыносимая обстановка! — громогласно восклицал бывший офицер, не упуская случая выразить недовольство, которым был пропитан насквозь, словно губка.

Ловкие руки соорудили в другой половине вагона две лавочки. Продолбили в боковой стене четырехугольное отверстие — вот вам и окно. Нынче, мол, всюду нужно по мере сил сразу устраиваться как дома. Там расположилась группа колонистов, которые решили попытать счастья в иных краях, как поселенцы и ремесленники. С ними Роберт поладил.

Поезд останавливался, катил дальше.

— Мы строим новую реальность, — заявил делегат, направлявшийся на какой-то съезд.

Художник-плакатист набрасывал эскизы оптимистичных транспарантов. Рыжий прокурист, прежде работавший на камвольной фабрике, теперь торговал тряпьем. Дескать, приходится, нищета ведь кругом.

В соседнем вагоне обосновалась бродячая театральная труппа. При виде красивых костюмов народ подталкивал друг друга локтями и твердил:

— Ишь, жизнь перед нами разыгрывают.

Ландшафт тянулся мимо туманной кулисой.

Под вечер поезд остановился. Пассажирам сообщили, что ночью движение прекращается. Все высыпали из вагонов, кучками расположились на узкой полоске возле рельсов. Пока дети собирали хворост и дровишки для костров, женщины принесли воды из колодца сожженной крестьянской усадьбы. Тем временем другие из импровизированной семьи попутчиков отправились в продовольственный вагон за пайка́ми. Среди них был и Роберт. Вдали у горизонта собирались тяжелые тучи. Переход от сумерек к темноте, как заметил Роберт, происходил намного медленнее, чем под оцепенелым небом города. Его глаза наглядеться не могли на красочность земли.

Большинство ночевало в вагонах, беспокойно ворочаясь на тонкой соломенной подстилке. Едва забрезжило утро, все поднялись. Прокурист обнаружил, что у него украли сапоги, прямо с ног стянули. Получив порцию супа, он деловито выменял ее на пару деревянных сабо. А когда поезд тронулся, хватились господина в серой куртке. Народ шушукался: мол, ночевал он под открытым небом и был убит.

Во второй половине дня колонисты сошли с

поезда, решили примкнуть к обозу фургонов, что тянулся вдоль опушки соснового редколесья. Роберт хотел было сойти с ними, но его посчитали лишним. И он остался. На прощанье ему оставили гамак, и бывший Архивариус пристроил это ложе в своем уголке вагона.

На следующий день поезд остановили посреди перегона, пассажирам помоложе — и мужчинам, и женщинам — раздали кирки и лопаты и бесцеремонно приказали целую неделю участвовать в расчистке близлежащего городка. Протесты не помогли, лишь некоторым ловкачам удалось, подсунув пачечку табаку, избежать повинности. А все остальные уже шагали на работы.

Вскоре народу в эшелоне прибавилось. Ночевал Роберт в гамаке. Ему понравилось.

Все меньше и все реже соблазняла его мысль сойти вместе с другими на одной из остановок. Поначалу-то, конечно, он намеревался доехать прямиком до старого своего местожительства. Но уже встреча с журналисткой, которую тоже звали Беттиной, привела его в замешательство. Если хорошенько вдуматься, он покинул город за рекой не затем, чтобы вернуться к издавна привычной жизни. Слишком долго он пробыл в глубинах безвременья и не сможет найти удовле-

творение во временно́м, сиюминутном. Это ведь был не сон, который легко отбросить, не приключение, из которого возвращаешься в привычное бюргерское окружение.

Он что же, придет к Элизабет и скажет: «Вот я вернулся»? Как ей постичь непостижимое? Будут слезы или немые укоры, ревность или покорное страдание. Беттина, наверно, служит в какой-нибудь конторе, Эрих — в сельском хозяйстве. «Я не приехал, Элизабет, я вовсе не здесь, сивилла дала мне только отсрочку, дополнительное время, не знаю, ради какой задачи, но я более не ваш, мне в старом доме не место».

Лучше, как раньше, остаться пропавшим без вести. Справедливее. Промежуточное царство не отпускало его. Правильнее устроиться этом поезде, ехать, быть в пути. Невозможно продолжить жизнь с того мгновенья, где покинул ее, и делать вид, будто тем временем ничего не произошло. Не пристала ему оседлость, ни на старом месте, ни на новом. Как хорошо, что случаются задержки, раздумья, не только по ночам, когда движение все еще стоит, но и на день-другой, когда вагон отводят на боковой путь, можно побродить часок, наедине с природным сезоном, как хорошо — знать, что путешествие продолжается.

Роберт ехал по своей стране. Перегон за перегоном, ландшафт за ландшафтом. Равнина, болото и поросшая вереском пустошь, долины среди холмов и речные поймы, лесистые взгорья, озера. Далекие контуры гор. Он ехал. Снова и снова огромные кладбища с покосившимися крестами, вырубленные леса, поля развалин, где гуляет ветер. Взорванные фабрики, убогие бараки, переполненные жилища. Люди, сидящие на корточках, тупо глазеющие, что-то собирающие на нерасчищенных улицах. Поросшие травой руины, ничейная земля. Серые толпы изгнанников, полчища попрошаек, гонимых от усадьбы к усадьбе. Бродяги, мародеры, разбойники с большой дороги.

Иной раз казалось, будто страна вокруг поражена болезнью, будто вокруг запущенные палаты бесконечного лазарета, в хаосе которых никто уже не разумел собственных увечий. Высокие, в рост человека, ивовые пни, словно брошенные костыли, заглохшая трава на шершавых стволах, серые бороды мха, призрачно реющие на голых сучьях. Солнечные лучи, сверкающими копьями пронзающие дебри.

Деревни тянулись мимо, приветливые места, похожие на оазисы среди опустошения. Сог-

бенные старики за посевом в полях. Подростки провожали взглядом поезд, изредка кто-нибудь приветно махал рукой. Процессии верующих, молящиеся о безвестно пропавших душах, голодные походы, требующие хлеба. Большие города, пятна разрушения, поезд объезжал стороной. Остановки делались большей частью в чистом поле вблизи мелких поселков или на подступах к старым городам.

В кронах деревьев уже оседала летняя пыль. Вода в прудах зацвела, ночами задувал теплый ветер. Подрастало жито, созревали колосья. Что ни утро, Роберта будил на рассвете гомон птиц. Он слушал и не мог наслушаться щебета и щелканья птичьих горлышек, шумного, многозвучного пульса природы, стрекота, жужжанья, колдовских голосов деревьев, ветра, воды, перестука дождя, затихающей капели с листвы. Порой то один, то другой вагон отцепляли на несколько дней, а потом прицепляли к новому составу.

Вышло так, что товарный вагон, в котором ехал Роберт, давно считался вроде как его собственностью, и другие пассажиры туда ломились редко. Мало-помалу он стал этаким приютом отдыха, со столом и умывальником да несколькими циновками на полу вместо соломы. Посуда и съестные

припасы хранились в практичном деревянном ящике. Была там и чугунная печка, служившая для приготовления еды, трубу протянули по потолку и вывели наружу через вентиляционное отверстие. Углем Роберта снабжал паровоз. Он даже одеяло раздобыл. В углу весело покачивался гамак. Ну что еще человеку надо? Красота — путешествовать по жизни без имущества.

Вскоре весь поездной персонал знал его, таинственного гостя, о котором говорили, что родом он из далекой страны на краю света, из Индии, а может, из Китая. Начальство молчаливо позволяло ему жить в товарном вагоне. Редко когда возникали нелады, задавались вопросы, требовались документы и печати. В верхах как будто бы даже радовались, что нашелся человек, не притязающий ни на законную прописку, ни на удостоверение о гражданстве, ни на право проживания, ни на обычное гражданское жилье. По всей видимости, это сущий сумасброд, дервиш, современный пилигрим, блаженный странник. Очень скоро в народе пошла молва о его диковинных чудачествах, в конце концов окружившая его ореолом легенды. Роберт, Скиталец, так говорили люди, рассказывая о нем разные истории, например, что есть у него волшебная книга, на-

писанная невидимыми для других секретными чернилами, и что он умеет терпеливо выслушать каждого, но не как священник в исповедальне, а воистину приветливо и отзывчиво. Говорили и о том, что ему ведомо средство против страха смерти.

Постепенно вошло в обычай, что, как только поезд вечером останавливался или его вагон на день-другой отставляли на запасный путь, к Роберту выстраивалась целая очередь посетителей со всей округи. В иных краях, к примеру в Швабии, его приезда чуть ли не дожидались. Люди шли из деревень со своими проблемами, заботами, мечтаниями. Хотели узнать, как в других местах дело обстоит с людскими судьбами, со справедливостью и несправедливостью, с бедой и радостью, с неясностью и будущим. Да и просто любопытных тоже хватало. Роберт Скиталец отвечал осторожно. Умел быстро перейти от частного к общему, от сиюминутного к постоянному. Говорил немного. Ронял какую-нибудь мысль, разбуженную Перкингом или Мастером Магом, тщеславные пропускали ее мимо ушей, слушающие принимали как пищу. Поскольку все приглашения он отклонял, посетители старались чем-нибудь его отблагодарить. Приносили

съестное, обеспечивали бельем, табаком, а не то и каким-нибудь редкостным теперь напитком.

Словом, где бы ни случалось Роберту со своим жилым вагоном сделать даже небольшую остановку, вокруг него непременно собирался кружок людей. Большей частью он, болтая ногами, сидел в открытых дверях на полу теплушки, а слушатели устраивались на полоске травы, что тянулась вдоль путей. Если поблизости было озеро, он прогуливался с ними по берегу вдоль камышовых зарослей или приглашал всех на лесную поляну.

Под крышей вагона — позднее его редко когда цепляли к обычным пассажирским поездам, в основном к товарнякам — в дождь и в пору холодов тоже собиралась компания попутчиков, каждый раз новая. Тут Роберт обычно читал вслух сцены и отрывки из своей тетради, без комментариев, просто позволяя смыслу картин и видений воздействовать на собравшихся. Нередко они затем молча расходились, нередко сообща обсуждали значение услышанного. И вот что было особенно волнующим: чем больше люди узнавали о царстве умерших и мертвых, тем больше они проникались новым доверием к своей жизни.

Осенью первого года, когда неспешный путь привел его на морское побережье, глубокая сине-

ва тамошнего света часто напоминала Роберту о небесах мира мертвых. Зимой он подолгу был один. Под летящими темными тучами, грозно нависавшими над самой головой, ему часто казалось, будто он на пути к сивилле. И он продолжал давний диалог с нею.

— Ты по-прежнему бдишь там, за туманами, Матушка Забота? — кричал он в снега, укрывшие землю. Просил: — Пошли мне твои помыслы.

Из падающих хлопьев словно бы доносился невнятный ответ.

— Не будь в мире смерти, — звучало нараспев Анниным речитативом, — жизнь на планете прекратилась бы.

Мороз звенел.

— Я на пути, — негромко говорил он себе.

Ворóны грузно взлетали в воздух.

Весной, когда Роберт Скиталец добрался до красных земель Вестфалии, с каждой остановкой вокруг него собиралось все больше народу. Приходили и люди постарше, готовые послушать о «преддвериях смерти», как подчас называли его чтения, но главным образом в вечерние часы к нему стекалась молодежь. Молодые учителя, профсоюзные организаторы, мелкие служащие, студенты, крестьяне, техники, химики, маши-

ностроители и ремесленники-ученики обоего пола. Неизгладимое впечатление снова и снова производила на слушателей картина парящих в беспредельном пространстве весов, чаши которых, полные света и тьмы, двигались согласно поступкам и помыслам людей.

Часто его спрашивали, каков же смысл жизни после всего им пережитого. Он мог бы ответить: то смысл преображений, преображений в ежечасном, в ежедневном, в годичных кольцах, в ритме семилетий, эпох и эонов. Но, памятуя о могучем молчальнике, о Великом Доне, он не давал ответа, предоставляя каждому внести своей судьбою вклад в целое, под которым разумел космический порядок Земли. Преображение было законом. Преображение, переход одного состояния в другое: твердого в жидкое и жидкого в твердое; радости в боль и боли в радость; камня в прах и праха в камень; материи в дух и духа в материю. Смерть преображалась в жизнь, а жизнь в смерть.

За те годы, что Архивариус и Хронист города за рекой скитался по земле, многие люди на Западе стали смотреть на мир иначе и усвоили иные жизненные ценности, однако метаморфоза была связана со свидетельствами Роберта

лишь настолько, насколько притчи его мира за порубежной рекой соответствовали картинам его времени.

Когда он рассказывал и повторял, что́ видел у умерших и слышал от высоких стражей мертвых, то не была ни его воля, ни его заслуга. И даже переезды из одной земли в другую, из города в город не были его решением, он лишь повиновался велению сивиллы: с улыбкой идти стезею жизни. Как знать, не предпочел ли бы он иной раз уделу отрешенности один поцелуй живой Анны.

Молва вновь и вновь твердила, будто Роберт, Скиталец, если казалось ему, что никто не слышит его и земных очевидцев тоже нет, громко пел. Глубокой ночью или когда колеса поезда катили по рельсам, он-де, раскинув руки, стоял в открытых дверях вагона и пел. Слова и мелодия вроде как рождались прямо в эту минуту, сердце вскипало, перехлестывало через край. Быть может, из него изливалась песнь готовой к смерти жизненной силы, непрерывности бытия, на мгновенье, на один вздох освобожденной от покрова Майи.

В горной долине, где рельсы кончились, он сделал привал, а прежде чем поезд опять отправился вниз по склону, его видели на маленьком клад-

бище одной из окрестных деревень. На обросших травой и луговыми цветами надгробиях стояли имена некогда погибших альпинистов. Родился — умер. Вот там-то, в стороне от более-менее ухоженных участков, он и нашел могилу Анны. Сел наземь, провел ладонью по пышному клеверу. А после, вбирая взглядом ясность далеких горных вершин, снова и снова пересыпал сквозь пальцы рыхлый, чуть комковатый песок.

— Она была нездешняя, — услыхал Скиталец голос старушки, которая долго за ним наблюдала. Когда он поднял взгляд, она перекрестилась.

— Да ее здесь и нет, — мягко сказал он. Но старуха в платке была уже далеко и не слышала.

Он медленно шагал под гору по луговой тропке, что змеилась в деревню, на станцию. На склонах плясали туманы. Забрасывали свои невесомые сети, будто желая поймать его. В невысоких, по колено, зарослях что-то шуршало. Он замер на ходу и в шелестящих порывах ветра услыхал глухой речитатив далекого голоса. Облака пеной вскипали над пиками противоположного горного кряжа.

— Кто слышит напев туманной женщины, — сказала старушка, поджидавшая его на распутье возле деревни, — того она заберет.

— Я знаю, — сказал он и с улыбкой несколько раз взмахнул в воздухе перчатками. Мысли сивиллы, к которым он приобщился в своем жизненном странствии, наполняли не только его существо, он чувствовал, что тайна ее ве́дома уже не ему одному. Большими шагами он устремился дальше вниз по дороге, а когда добрался до станции, заполыхали первые молнии. Из дверей вагона он видел вечные знаки стихий.

Когда поезд тронулся, он еще раз высунулся наружу и крикнул на прощание:

— Реальность — вот величайшее чудо!

С гор, где еще громыхали раскаты ненастья, поезд выехал в неглубокую котловину. Тут и там грузили древесину, штучный товар, скот. Потом тут и там частями выгружали, штабеля товаров высились в больших бетонных пакгаузах, краны поднимали груз, пар с шипением вырывался из машин. На станциях манили пестрые плакаты. Люди бранились, люди шутили. Теперь перевозки не прекращались и ночью.

Приветно звучали названия давних знакомых городов, буйно зеленели сады. Дома́ потихоньку выбирались на волю из заросших бурьяном пустошей. Беженцы и изгнанники опять обзавелись скромной работой. Но трезвые, деловитые

дни не могли истребить волшебство ночей. Духи мертвых возвращались во сне, предостерегали и выспрашивали, охраняли и Робертов сон, когда он лежал в своем странствующем вагоне, сунув под подушку пожелтевшую тетрадь с хроникой. Фата-морганой вновь предстал перед ним образ золотых весов, какими он видел их с балкона Префектуры в последний вечер в городе, и теперь чаша света, казалось, сияла ярче. Он был безмятежен и не встал, когда утром объявили остановку в его родном городе. Будто ехал по кругу, и похоже, теперь круг замкнулся.

Маневровый толкач-паровоз доставил его вагон под стеклянный дебаркадер, к ожидающему поезду. На перроне кучками стояли возле купе люди с цветами и венками. Пока Робертов вагон цепляли к составу, к полуоткрытой двери, обменявшись рукопожатием, подошли несколько человек в темной одежде. Роберт слегка приподнял голову и узнал своих детей, Эриха и Беттину. За спиной у них стояла Элизабет, а господин подле нее, если он не ошибся, был не кто иной, как профессор Мертенс, хирург, муж Анны. Лица остальных расплывались. Но он все-таки разглядел, что Беттина держала на руках ребенка и Эрих тоже был с ребенком, вел его за руку. Дети весело

теребили цветы. Когда Эрих, словно желая как следует показать своего малыша, тоже поднял его на руки, тот заверещал от радости. Взрослые потерянно смотрели в вагон. Роберт хотел приподняться повыше, но ощутил цепенящую боль слева в груди, острую тянущую боль, которая временами мучила его в те годы, когда он переживал хронику города мертвых, только на этот раз она была куда более сильной и властной.

— Где я? — невнятно пробормотал он.

Схватился за сердце, голова резко запрокинулась. Элизабет, казалось, хотела что-то сказать, но лишь прижала к губам платок. Потом в широкую дверную щель просунулись венки и букеты, а прямо перед тем, как эшелон тронулся, она сама закрылась. Когда состав уже оставил позади стеклянный дебаркадер, Роберт еще видел сквозь стены, как глядящая ему вослед группа на перроне все уменьшалась, уменьшалась…

Протокол его ужасного мгновения был написан.

Когда эшелон приблизился к большому мосту через реку, он подошел к окну. Пока вагон медленно катил над рекой, он бросил в глубину пачку листов, вырванных из тетради, так что напоследок держал в руках лишь синий переплет.

Бумаги запорхали в воздухе, поплыли по илистой воде и мало-помалу распались.

Скиталец меж тем вышел на конечной станции. И, один из многих, в сумеречном свете раннего утра направился к городу, который казался ему до странности знакомым, хотя он не мог припомнить, чтобы когда-либо там бывал.